

Национальная академия наук Беларуси

Государственное научное учреждение
«Институт философии НАН Беларуси»

ФИЛОСОФИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ

Сборник трудов по материалам Международной научной
конференции «Философское знание и вызовы
цивилизационного развития», Республика Беларусь,
г. Минск, 21–22 апреля 2016 года

Минск
«Право и экономика»
2017

УДК 101 + 101.1 : 316

ББК 87.3

Ф56

Редакционная коллегия:

**А. А. Лазаревич, В. А. Максимович, Д. И. Широканов, В. К. Игнатов,
С. А. Мякчило, О. А. Павловская, Е. О. Подолинская, С. И. Санько**

Рецензенты:

**доктор философских наук, профессор А. И. Осипов,
доктор философских наук, профессор П. В. Кикель**

Ф56

Философия в цивилизационном контексте: сб. трудов по мат. Междунар. науч. конф. «Философское знание и вызовы цивилизационного развития», Респ. Беларусь, г. Минск, 21–22 апреля 2016 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2017. – 412 с. ISBN 978-985-552-686-6.

Сборник включает материалы и тезисы докладов, сделанных в рамках Международной научной конференции «Философское знание и вызовы цивилизационного развития», состоявшейся 21–22 апреля 2016 г. в г. Минске и приуроченной к 85-летию Института философии НАН Беларуси.

Предназначен для ученых-философов, историков, социологов, культурологов, специалистов в области глобалистики и трансдисциплинарных исследовательских программ, профессорско-преподавательского состава кафедр гуманитарных наук, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами, противоречиями и перспективами развития социума, ролью современного философского знания в решении глобальных проблем современности.

УДК 101 + 101.1 : 316

ББК 87.3

ISBN 978-985-552-686-6

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2017

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I Статус философского знания в современной интеллектуальной культуре	11
<i>1.1 Философское знание в динамике научной картины мира</i>	<i>11</i>
<i>Д. И. Широканов. Методологические основы исследования системно-сетевой динамики современного общества.....</i>	<i>11</i>
<i>А. К. Чаплыгин, Е. Е. Сук. Научное и технико-технологическое творчество и будущее человека.....</i>	<i>16</i>
<i>Р. Г. Пашко, Л. Е. Кульбицкая. Проблема статуса философии в контексте развития современной культуры</i>	<i>20</i>
<i>Г. К. Курмангазиева. Философия в историческом преобразовании общества</i>	<i>22</i>
<i>Л. А. Зеленев, А. А. Владимиров. Критерии приоритетности философского знания.....</i>	<i>24</i>
<i>А. А. Спектор. Трансдисциплинарный потенциал современной философии.....</i>	<i>26</i>
<i>А. А. Крушанов. О "трансдисциплинарности" в двух ведущих преломлениях.....</i>	<i>29</i>
<i>Т. М. Смоликова. Трансдисциплинарность в практике самообразования.....</i>	<i>32</i>
<i>Р. С. Сартаева. О "точках роста" в системе современного философского знания.....</i>	<i>34</i>
<i>А. Н. Спасков. Субстанциальная природа космологического времени.....</i>	<i>37</i>
<i>А. В. Цыра. Системно-смысловая "нагруженность" концепта "инновация".....</i>	<i>41</i>
<i>Н. Г. Кембровская, И. А. Капуцкая. Эволюция взглядов на физическую картину мира.....</i>	<i>44</i>
<i>И. П. Мамыкин. Научная пародия: становление традиции</i>	<i>47</i>
<i>Е. Н. Лисаюк, А. Н. Шуман. О круглом столе "Логико-философские проблемы познания" в Институте философии НАН Беларуси.....</i>	<i>50</i>
<i>1.2 История философии – источник понимания процессов развития интеллектуальной культуры.....</i>	<i>54</i>
<i>Т. В. Медведок. Образ философа античности.....</i>	<i>54</i>
<i>А. Ю. Дудчик. Об интерпретации некоторых социально-политических понятий Аристотеля в современных дискуссиях</i>	<i>57</i>
<i>М. В. Бейшиш. Аналитическая методология в понимании И. В. Гёте...60</i>	<i>60</i>

<i>В. А. Белокрылова. Наследие марксизма в современном гуманитарном дискурсе: многомерность трансформации и пределы герменевтической плюральности</i>	63
<i>И. А. Шебанова, Игумен Ермоген (Панасюк). Диалектический метод А. Ф. Лосева</i>	67
<i>В. М. Мательман. Современное значение философского освоения русским космизмом глобального социокультурного пространства</i>	70
<i>Л. Г. Антипенко. Этическая концепция научно-технического прогресса в прометеизме П. С. Боранецкого</i>	72
<i>А. Д. Емельяненко. Специфика взаимоотношения теологии и философии П. Тиллиха</i>	77
<i>Г. Н. Карона. Возвращая сознание в природу: теория нейродарвинизма Дж. Эдельмана</i>	80
<i>А. А. Сулейков, К. И. Кофанов. Философия Беларуси в контексте становления интеллектуальной культуры Центрально-Восточноевропейского региона и динамики философской мысли в цивилизациях Запада и Востока</i>	83
<i>Р. Н. Дождикова. Феномен Полоцка в развитии белорусской философской мысли</i>	85
<i>О. К. Шевченко. Восточные дискурсы в философии: от Российского философского конгресса (Уфа–2015) к Евразийскому философскому конгрессу (Минск–2019)</i>	87
<i>1.3 Рефлексия путей эволюции образовательно-воспитательной среды</i>	90
<i>Б. В. Пальчевский. Философско-методологические основания развития культуры управления созданием научно-методического обеспечения для системы образования</i>	90
<i>В. А. Зенченко, Н. В. Павлова. Социально-гуманитарное образование как фактор активизации социального потенциала студенческой молодежи в трансформирующемся белорусском обществе</i>	93
<i>Н. А. Масюкова. Философско-теоретические основы развития культуры управления научными исследованиями в системе образования: контуры проблемы</i>	96
<i>Л. А. Парфёнова. Философия как методология государственного регулирования системы образования: цивилизационный и культурологический подход</i>	99
<i>Г. А. Абраматова. Единое миропонимание как образовательная парадигма</i>	101
<i>О. А. Левко. Фактор социального времени в цивилизационном развитии современного общества и образования</i>	104
<i>Ю. Н. Томашевская-Гарачук. Трансформация университетского образования: от "знания" к "компетенциям"</i>	107

<i>С. В. Кирнич.</i> Инновационная восприимчивость образования как фактор конкурентоспособности социально-экономического развития	110
<i>С. В. Костожевич.</i> Современные глобальные инновации в сфере высшего образования в контексте борьбы за лидерство	113
<i>О. А. Мельник.</i> Поликультурное образовательное пространство: традиции и инновации	114
<i>М. С. Ковалевич, В. А. Ковалевич.</i> Становление субъектности студентов университета: философские предпосылки исследования. 118	
<i>Е. В. Медянова.</i> Влияние когнитивных факторов на развитие ценностной сферы личности (на контингенте студентов-медиков) ..	121
<i>Н. В. Кривцова.</i> Проблема самореализации личности исследователя в условиях аспирантуры	124
<i>Н. П. Туровец.</i> Аксиологический потенциал будущего учителя: вызов цивилизационного развития в сфере образования и итог философского знания.....	127
<i>С. П. Синельников.</i> Свято-Отеческое учение в курсе обществознания	130
<i>М. Е. Минова.</i> Развитие ценностных ориентиров пионерского движения в Республике Беларусь.....	133
<i>В. И. Вязгина.</i> Волонтерская деятельность – фактор нравственного развития подростка	136
<i>1.4 Философия в системе среднего и высшего образования: проблемы и задачи</i>	138
<i>Е. М. Ивandroва.</i> Философия по расписанию	138
<i>Л. М. Спецман.</i> О роли общественных наук в формировании личности студента	140
<i>О. А. Вашко.</i> Немецкие классики в защиту статуса философии в университетском образовании	143
<i>В. А. Костенич.</i> Социокультурная инфляция гуманитарного дискурса и смена парадигм философского образования	147
<i>С. В. Гуринович.</i> От проблемности философского знания – к проблемному обучению философии	150
<i>Н. В. Бородинa.</i> Философия как "принятие решений" в игровых образовательных методиках.....	153
<i>Н. Ф. Свобода, О. В. Фадеева.</i> Философия в образовательной практике технического вуза	155
<i>Е. А. Дудко.</i> Философско-методологическая подготовка иностранных студентов в постдипломный период обучения	158
<i>М. Б. Завадский.</i> Философия в школьном образовании.....	160
<i>Т. Л. Велюгина.</i> Нравственные и познавательные возможности курса "философия для детей"	164

<i>М. Р. Москаленко. Некоторые философско-методологические вопросы объяснения учащимся проблематики устойчивого развития социальных систем</i>	167
аздел 2 Социальная философия и философская антропология вызовах современности	170
<i>2.1 Философские и социально-технологические аспекты развития информационно-коммуникационного пространства</i>	170
<i>А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов. Социальные трансформации техногенного общества: история и современность</i>	170
<i>С. А. Мякчино. Социотехнологическая практика как предмет философской рефлексии: приоритеты и задачи исследования</i>	172
<i>С. С. Мишук. Система инфокоммуникационных технологий как элемент ноосферы</i>	177
<i>В. А. Волков. Социализирующий Компонент Медиапространства</i>	179
<i>О. В. Кирницкий. Особенности виртуальности в конструировании социального</i>	182
<i>С. О. Гапанович. Информационные ловушки в мире постиндустриальных иллюзий</i>	184
<i>В. Н. Яхно. Информационные технологии как возможность формирования новых способов коммуникации современного человека</i>	188
<i>М. А. Дедюлина. Технологические посредники в работах П. Вербика</i>	191
<i>Mădălina Manolescu-Criciu. Toleranța ca principiu al activității mediaticе</i>	192
<i>Л. М. Беленкова. Цифровой потенциал имиджа власти в условиях кризиса: системно-синергетический подход</i>	195
<i>А. Л. Пушкин. Роль и функции средств массовой информации в динамике избирательных кампаний</i>	197
<i>И. А. Андрос. Электронный туризм как элемент информационно-коммуникационных технологий</i>	199
<i>В. М. Крюков. Структуры знания и социальная практика</i>	202
<i>Н. Н. Губанов, Н. И. Губанов. Массовый менталитет и вызовы истории</i>	204
<i>2.2 Философия политико-правового и экономического развития глобального мира</i>	208
<i>А. И. Сьтиник. Политическая философия в структуре философского знания</i>	208
<i>Д. В. Белявцева. Региональное политическое развитие: междисциплинарные подходы к изучению</i>	209

<i>Veaceslav Ungureanu. The philosophy of the geopolitics of small states' security</i>	212
<i>В. А. Еостафьев. Политическая активность молодежи в пространстве системных институциональных трансформаций</i>	216
<i>С. З. Семерник. Эскалация рисков как социокультурный атрибут экономоцентричного общества</i>	219
<i>В. С. Голубев. Концепция "автаркии больших пространств" и перспективы построения стабильной экономики</i>	223
<i>С. И. Симановский. Философские принципы прав человека</i>	226
<i>С. А. Бурьянов. О необходимости формирования глобального права в качестве первичной основы глобального управления</i>	227
<i>А. С. Комаровская. Взаимодополнение как характерная черта взаимодействия права и морали через призму комплекса прав человека</i>	230
<i>М. В. Горбатюк. Диалектика двусторонних и многосторонних отношений в системе деятельности ОБСЕ</i>	233
<i>Cornelia Russu. Precizări noționale și teorii reprezentative privind specializarea industrială</i>	237
<i>Larisa Pantea. Perfecționarea statisticii de analiză a emigrației forței de muncă din Republica Moldova</i>	239
<i>И. А. Червинская. Методологические основы оптимизации экспортной динамики в условиях транзитивной экономики</i>	242
<i>2.3 Экология человека и проблемы окружающей среды в междисциплинарной парадигме познания</i>	244
<i>И. М. Твердыгин. Социально-философские подходы к анализу проблем безопасности современного мегаполиса</i>	244
<i>Н. И. Гончарова. Архитектура социального пространства</i>	246
<i>Marius Bulearcă, Cornelia Neagu. Estimari speculative privind gestiunea resurselor naturale. Conceptul "Spaceship Earth"</i>	250
<i>Cristian Sima. Influența globalizării economice asupra exploatarii resurselor naturale</i>	252
<i>Л. С. Мбеве. Жизненный мир современного человека и его потенциалы для устойчивого цивилизационного развития</i>	255
<i>О. М. Мижевич. Философско-биологические проблемы существования современного человека</i>	258
<i>Т. И. Сулова, Л. В. Фирсова. Философское осмысление антропологических рисков в трансдисциплинарном пространстве</i> ..	261
<i>И. Н. Сидоренко. Осмысление проблемы безопасности в контексте антропологического кризиса</i>	263
<i>О. В. Бессчетнова, А. А. Бессчетнова. Трансформации человека в концепции трансгуманизма: вызовы цивилизационного развития</i> ..	266

<i>А. И. Садовская. Статус субъективности в психоанализе: от Фрейда к Лакану</i>	269
<i>Е. И. Сороко. Интеграционные процессы управления рисками охраны труда в здравоохранении</i>	273

2.4 Человеческий потенциал и социокультурный капитал как объекты философского осмысления..... 275

<i>М. Ю. Максименюк, В. А. Никитенко. Роль философии в формировании человеческого капитала в условиях информационного общества в проблемном поле глобального знания</i>	275
<i>А. В. Кудинова. К проблеме роли социокультурного капитала в трансформации современных социумов</i>	277
<i>В. С. Осколов. Человеческий капитал и современное мировоззрение</i>	279
<i>Е. С. Лученкова. Человек как новый субъект коммуникации через призму повседневности</i>	281
<i>А. И. Стребков. Социально-философский анализ конфликта как основания построения субъективности</i>	283
<i>А. М. Положенцев. Семиотические аспекты конфликта и личность</i>	285
<i>А. П. Соловей. Философские взгляды на познавательные способности женщин</i>	287

Раздел 3 Проблемы идентичности и культуры в глобальном мире..... 291

3.1 Цивилизационное измерение социальных процессов..... 291

<i>Marius Povilas Šaulauskas. XXI Facing Century and Beyond: the Paradox of Liquid Postmodernity</i>	291
<i>Ф. С. Приходько. Формационный и цивилизационный подходы: от противостояния к взаимодополнению</i>	294
<i>Р. А. Нуруллин. Кризис культуры в условиях интеграции цивилизации</i>	297
<i>И. Я. Колядко. Философская рефлексия оснований культуры и феномен кризиса</i>	299
<i>И. Д. Денисенко. Идея прогресса как ценностный приоритет современной цивилизационной динамики</i>	303
<i>И. М. Ратникова. Концепция "борьбы за признание" А. Хоннета как современная модель социально-культурной динамики</i>	306
<i>В. Л. Петрушак. Запад и Восток как геочивилизации</i>	309
<i>Д. М. Зайцев. К проблеме диалога европейской и мусульманской культур</i>	312

<i>Г. К. Гизатова. Этничность и национальные отношения в глобальном мире.....</i>	<i>314</i>
<i>Е. В. Радевич. Глобализация культуры – гомогенизация или становление разнообразия</i>	<i>317</i>
<i>А. С. Писарчик. Глобализационные вызовы и возможности их прогноза.....</i>	<i>319</i>
<i>О. А. Шершнева. Глобальный конфликт: миф или реальность?.....</i>	<i>322</i>
<i>А. И. Курицын. Феномен глобализации в представлении евразийцев.....</i>	<i>324</i>
<i>Д. А. Антипов. Содержание концепции "глобальная справедливость" в дискурсе альтерглобализма</i>	<i>328</i>
<i>3.2 Феномен идентичности в контексте межкультурного диалога</i>	<i>330</i>
<i>В. А. Максимович. Традиции и современная коммуникативная стратегия в формировании ценностно-мировоззренческих доминант личности</i>	<i>330</i>
<i>С. В. Бутенко. Философия идентичности: социально-культурный и исторический аспекты</i>	<i>334</i>
<i>Н. П. Мошина. Онтология и гносеология аксиосферы России и Запада: религиозно-культурологический анализ.....</i>	<i>337</i>
<i>Л. А. Диханова-Внуковская. Философские аспекты возникновения политики культурной аккомодации – основы межкультурного диалога Европы и Китая в XVI–XVII вв.....</i>	<i>340</i>
<i>П. Ф. Дик. Философия служения в стремлении христиан к единству.....</i>	<i>343</i>
<i>Е. А. Маслакова. Методологические основания анализа взаимодействия буддийской и западноевропейской культур</i>	<i>346</i>
<i>D. Saari, D. Akhan, M. Mukhamedzhan. Intercultural and interfaith relations in globalized world: philosophical aspects</i>	<i>349</i>
<i>Н. Ф. Гребень. Осмысление результатов междисциплинарных исследований национальной идентичности белорусов</i>	<i>354</i>
<i>Monica Babuc. Integrating contemporary cultural patterns in the context of state cultural policy implementation in Moldova</i>	<i>357</i>
<i>3.3 Духовная культура социума: состояние, перспективы, риски.....</i>	<i>360</i>
<i>Л. И. Лукьянова. Духовный кризис как явление современной техногенной цивилизации</i>	<i>360</i>
<i>С. Г. Масько. Проблемы традиционных моральных ценностей в условиях становления глобальной информационной цивилизации.....</i>	<i>363</i>
<i>Н. И. Мушинский. Этико-философская теория справедливости и вызовы цивилизационного развития.....</i>	<i>365</i>
<i>С. А. Манилкина. Философское самоопределение человека как ответ на вызов одиночества в многомерности бытия.....</i>	<i>367</i>

<i>С. В. Максименко. Факторы трансформации внутреннего мира человека в потребительском социуме</i>	371
<i>О. Л. Сташкевич. Многогранность славы и ее влияние на формирование чувства исторической памяти</i>	374
<i>М. А. Куршилович. Диалог как новая парадигма развития современного информационно-коммуникационного общества</i>	377
<i>В. Н. Овчаренко, Н. Я. Мокрецова. Значение культурных коммуникаций для ресоциализации личности в глобализирующемся мире</i>	379
<i>Л. М. Газнюк. Этнос нормы в социальном и экзистенциальном бытии человека</i>	383
<i>М. Н. Солодухо, Н. М. Солодухо. Методологические и гносеологические аспекты ситуационного подхода</i>	386
<i>И. Ю. Ларионов. Метод кейс-стади в этике: особенности и перспективы применения</i>	388
<i>В. Стратулат. Насилие в семье и его отражение в практике Европейского суда по правам человека</i>	391
<i>М. В. Казмирук. Феномен экстаза: философско-теологические аспекты</i>	393
<i>3.4 Философские измерения художественной практики в национальном и глобальном контексте</i>	396
<i>Н. Л. Баханович. Літаратура пра духоўны патэнцыял царкоўнага і мірскага жыцця</i>	396
<i>В. Л. Александров. Эпистемологические основания толерантности: подход Д. Андреева</i>	399
<i>Д. А. Байгина. Музыка в контексте социально-гуманитарного знания</i>	402
<i>Т. И. Чупахина. Музыкальное наследие А. К. Глазунова как "философия ценностей"</i>	406
<i>Е. А. Цымбалюк. Образы жизненного мира в современных музыкально-образовательных концепциях: в поисках нового</i>	409

Раздел 1 СТАТУС ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

1.1 Философское знание в динамике научной картины мира

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМНО-СЕТЕВОЙ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Д. И. Широканов

Динамика глобального мира в начале XXI столетия обнаруживает острые противоречия, которые для своего понимания и разрешения требуют принципиально новых подходов, которые были бы основаны на концептуализации целостности, связности, синергизма социоприродной системы, всех ее подсистем. Чаще всего состояние глобального социума характеризуют через понятие о затянувшейся *транзитивности*, для которой характерно противоречивое сочетание элементов уходящего и вновь складывающегося социокультурного уклада, взаимодействие которых порождает сложную, быстро меняющуюся, нелинейную картину жизнедеятельности общества, несущую как еще не изученные возможности, так и до конца не оцененные риски.

Универсальное качество транзитивности, разумеется, находит свое преломление и в сфере духовного производства, в частности, в научном познании, научно-технической деятельности. Здесь специфика современного этапа выдвигает на передний план логико-методологические проблемы интеграции наук в контексте их гуманитаризации. Актуальность этих вопросов связана, во-первых, с внутренними структурными изменениями в корпусе научных знаний и научной картине мира, во-вторых, с необходимостью преодоления редуccionистских подходов в логико-методологическом осмыслении сложившихся принципов, форм и средств исследовательской деятельности, а в-третьих – что, пожалуй, самое главное – с возросшими социальными ожиданиями к науке в решении комплексных, глобальных проблем современного мира.

Примечательно, что социально-гуманитарное познание вошло в эту эпоху в состоянии высокой методологической неопределенности, неся багаж разноречивых социо-, эконо-, техно-, био-, психологоцентристских подходов. Их плюрализм порой выполняет продуктивную роль, позволяя сформировать более стереоскопичную, многоуровневую картину социальной реальности. Но он же становится препятствием на пути социального прогнозирования, выявления опасностей, с которыми глобальному сообще-

ству предстоит столкнуться в ближайшем будущем. «Мы плывем в морях, еще не нанесенных на карту. Мы гораздо больше знаем об ошибках прошлого, чем об опасностях ближайшего будущего, – пишет И. Валлерстайн. – Потребуется неизмеримые коллективные усилия, чтобы выработать ясную стратегию преобразований... Нет оснований ни для оптимизма, ни для пессимизма. Все остается в пределах возможного, но все остается неопределенным. Мы должны переосмыслить наши старые стратегии, мы должны переосмыслить наш старый анализ» [1, с. 323].

В мире, характеризующемся глобальной нестабильностью, первостепенную значимость приобретает способность человека прогнозировать развитие сложных систем со многими неизвестными. Становление междисциплинарной программы комплексного исследования современного общества в целом, а также отношений в системе «социум – техносфера», «социум – биосфера» нуждается не только в актуальной исследовательской методологии, но и в новом *стиле научного (научно-гуманитарного) мышления*, который ориентировал бы ученого, аналитика на освоение множественности и противоречивость социокультурного опыта, его рефлексии с использованием категориальных структур высокого уровня, отражение природы многоуровневой, динамично развивающейся реальности, структурно-функциональную специфику которой многие современные теоретики определяют как *сетевую* или *системно-сетевую*.

Говоря о стиле мышления, мы подразумеваем определенную категориально выраженную структуру познавательной деятельности, которая отражает лидирующие, наиболее перспективные (инновационные, в известном смысле) познавательные практики, способы обобщения и социализации знания, формы коммуникации в научно-экспертном сообществе и между этим сообществом и социальной средой. Можно сказать, что стиль мышления не просто дает обобщенное отражение способа теоретико-методологического освоения природного, человеко- или социометрического объекта в определенной дисциплине, но и сам является инструментом или инструментальной средой познания. Он выполняет свою эвристическую функцию в той мере, в какой способы познавательной деятельности и рефлексивного мышления в различных дисциплинах подчиняется одним и тем же законам, и генерируемые им эпистемические структуры выступают как изоморфные образования. Согласимся с мнением Л.А. Микешинной, которая, рассматривая проблему возникновения и функционирования стиля научного мышления, пишет, что «он проявляется и фиксируется в языке науки, главным образом в ее категориальном аппарате» [2, с. 104]. Стиль мышления воплощается в категориально-понятийном аппарате философии и науки, предстает и как эксплицитное знание, представленное в форме теоретических принципов и схем, и как знание неявное, реализованное в схематизмах мышления ученого. Прямо или косвенно такие схематизмы,

сформированные в наиболее инновационных отраслях науки, формируют структурные параллели и в других отраслях.

Последнее столетие наглядно продемонстрировало, с одной стороны, весомую роль стилей мышления в формировании стратегии научной деятельности, приоритетов и ценностей научного поиска, а с другой, закономерность их смены. Типичный для науки XIX – начала XX века линейно-детерминистский стиль мышления был существенно видоизменен под воздействием формирующейся термодинамики, квантовой механики и других новейших дисциплин, что выразилось в обращении к нежестким формам детерминации. В середине XX в. синергетика как теория самоорганизующихся систем привнесла в научный оборот спектр новых понятий (необратимость, альтернативность, непредсказуемость). Синтез синергетической парадигмы осмысления сложных социальных и социоприродных процессов с фундаментальным, разветвленным концептуальным аппаратом, нарабатанным наукой и философией на рельсах детерминистского понимания мира, позволил говорить о становлении кибернетического стиля мышления, который оптимально соответствует задачам исследования и моделирования систем, опосредованных информационно-знанием обменом.

По мере прогресса информационно-коммуникационных технологий, которые начинают играть все большую роль в процессах научно-исследовательской деятельности, образования, общественного управления, гражданского взаимодействия и множестве других сфер, ведущую роль начинают играть системы, построенные по сетевому принципу, либо сочетающие элементы сетевой («горизонтальной», изотропной) и иерархической («вертикальной», анизотропной) организации. Модели теоретического освоения сетевых и сетеиерархических систем формируются в самых различных областях знания: в социальных, гуманитарных, инженерных дисциплинах, обеспечивают идейный обмен между ними. В силу этого правомерно обозначить наиболее современный стиль научного мышления как *кибернетико-сетевой*. Для него характерны тесные междисциплинарные связи, внимание к аутопойетическим структурам, вероятностная трактовка детерминационных отношений, а также многоплановая, в ракурсе различных дисциплин и форм деятельности, методологическая и ценностная рефлексия самих информационных технологий, которые не только изменяют способ производства материальных благ, но и производят сдвиги в культуре, общественном сознании, психологии индивида.

Важно отметить, что в современной науке фактором интеграции и формирования универсальной картины мира служат не только междисциплинарные отношения, но и *методологический синтез* знаний, сопряженный с выявлением общей характеристики научного познания в ту или иную историческую эпоху, с развитием и унификацией понятийного аппарата науки и разрешением возникающих на этом пути противоречий. Речь идет о формировании методологии, способной успешно справиться с проблемами инте-

грации знаний с учетом как возможности их редукции к фундаментальным основам знания об окружающем мире и о человеке, его сознании и познавательном потенциале, так и перспективы сочетания, взаимной переводимости, конвергенции качественно своеобразных понятийных структур.

Ключевую роль в осуществлении такого синтеза играет философия, которая рефлексивирует системно-структурные отношения понятий, формы и принципы научного познания (принцип причинности, детерминизма, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений и др.). Через систему философских понятий более глубоко раскрывается диалектика общего и специфического во взаимосвязи наук, связанных с исследованием взаимоотношений субъекта и среды, динамики биосферы, социально-производственной системы, научного творчества.

В современном обществе прогресс техницистски ориентированного научного познания сопровождается растущим пониманием его нравственной ограниченности, потенциальной опасности. В этой ситуации научно-техническая деятельность, с одной стороны, нередко идентифицируется в фарватере утилитарных проектов и программ, нацеленных на получение политических, деловых, военных выгод, а с другой, вынуждено отвечать на требование восстановить разорванную связь человека с природой, принимать во внимание пределы экономико-технологического роста и его риски, учитывать и ассимилировать вневременные ценностные установки. Распространенному сегодня техницистскому мышлению жизненно необходим «гуманитарный компонент» – средство интеграции мировоззренческого горизонта ученого в социальное, национальное, общечеловеческое идейное пространство, среду диалога, поиска компромиссных решений, способствующих устойчивому развитию. А это и означает для ученого, инженера, политика видеть себя не в оппозиции к миру как совокупности наблюдаемых, управляемых, потребляемых тем или иным образом объектов, но напротив – видеть себя в пространстве прямых и обратных связей, взаимосвязанных явлений и процессов, то есть идентифицировать себя в сети.

Сетевая компонента картины мира связана с осмыслением такой модели социальных и социоприродных отношений, в которой нет места жесткой иерархии субъектов, действующих сил, институтов. На ее место приходят относительно устойчивые и ситуационные ансамбли факторов, взаимодействие которых определяет результирующий вектор развития в политике, экономике, материальном производстве, культуре. Сетевые взаимодействия стали сегодня неотъемлемой частью повседневной жизни на разных уровнях общественного устройства – от семьи и школы до глобальной торгово-экономической системы, политики и государственного управления. В этом контексте, например, американский писатель и футуролог Дж. Нейсбит противопоставляет уходящие – иерархические и восходящие – сетевые формы организации в политике, экономике, массовых коммуникациях, констатируя переход социальной «инициативы» к локальным, распределенным

в пространстве социальной жизни акторам. «Мы не хотим сильного лидера в вопросах государственного масштаба, потому что мы в основном управляем сами собой... Этому новому развивающемуся миру потребуются новые структуры. Мы начинаем уходить от иерархий, которые отлично работали в индустриальную эру, эру централизации» [З, с. 353–354]. Такая тенденция – следствие постиндустриальных трансформаций, утверждения принципиально нового способа общественного воспроизводства материальных и духовных ценностей, становления информационной цивилизации в глобальном масштабе.

Необходимо учитывать, что сети не только строятся и развиваются: они дисфункционируют, разрушаются, вызывают глобальные сбои и угрозы, такие как современный терроризм или глобальный финансово-экономический кризис, проявления которого также демонстрируют четко выраженную сетевую природу. В интересах адекватного концептуального отображения взаимосвязи глобальных, региональных и локальных процессов требуется такое понимание системно-сетевое строения современного социума, его сущностных характеристик, критериев связности и целостности, которое одновременно раскрывало бы как механизмы вовлечения отдельных субъектов в сетевую активность, освоения сетью их индивидуальных мотивов поведения и деятельности, так и черты асистемного целеполагания и поведения субъектов, порождающих дисбаланс и хаос.

В этих условиях предельно актуализируется диалектическая проекция кибернетико-сетевого мышления в науке и философии. Атрибутом современного общественного уклада являются возникающие с завидным постоянством кризисные ситуации в экономике, политике, культуре, массовых коммуникациях. Мы живем в условиях столкновения политических программ, экономических интересов, мировоззрений и культурно-ценностных установок различных этнических, конфессиональных, социальных групп. Сложившиеся в индустриальную эпоху стереотипы сознания и поведения (не исключая и пессимистический оптимизм научного сообщества) теряют стройность в потоке разноречивых мнений, представлений, оценок. Под ударом оказываются, в первую очередь, формы и институты духовного производства – наука, искусство, в целом организация деятельности по созданию, распределению, сохранению и потреблению идей, представлений, идеалов, научных знаний. Как индивидуальное, так и общественное сознание оказывается в этой ситуации перед лицом объективных противоречий самой действительности. Не случайно, характеризуя современные процессы социальных трансформаций, говорят о кризисе идентичности: личностной, культурной, национальной.

Конструктивный характер имеет сегодня мышление, которое, сталкиваясь с противоречиями действительности, находит в них не преграду, а импульс к саморазвитию, – мышление, в котором гармонизированы аналитические и синтезирующие функции. В качестве существенной предпосыл-

ки такого мышления выступает постоянный внутренний и межсубъектный диалог, ведущий к пониманию динамичной природы исследуемых объектов и явлений, их действительной мнимой неоднозначности и противоречивости. Становление и развитие социально-гуманитарных научных школ на современном этапе несомненно должно сопровождаться переосмыслением роли логики и методологии науки в понимании исторического процесса, обосновании нравственного совершенствования человечества, прогресса форм социальной организации и коммуникации. Знание всеобщего в системе его отношений с конкретными сторонами, сферами, элементами целого углубляется через особенное, через понимание фрагментов опыта в контексте целого, постижение тенденций изменений, выявление перспектив трансформации и развития множества взаимосвязанных систем.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб, 2001.
2. Микешина, Л.А. Детерминация естественнонаучного познания / Л. А. Микешина. – Л., 1977.
3. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. – М., 2003.

НАУЧНОЕ И ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕКА

А. К. Чаплыгин, Е. Е. Сук

Заголовок статьи может показаться несколько претенциозным, но он, тем не менее, имеет под собой реальные основания. Данная тема становится одной из актуальнейших в свете того значения, которое приобретает в последние годы научный и технико-технологический прогресс с точки зрения его влияния (позитивного и негативного) на нашу среду обитания и природу самого человека. Создается впечатление, будто мы живем на изломе бытия, когда продукты человеческого творчества становятся неконтролируемыми и неуправляемыми и готовы поглотить своего создателя. Все это заставляет еще и еще раз возвращаться к вопросам о пределах творческих возможностей человека и отделения подлинного, социально и индивидуально значимого, результативного творчества от негативных, «трикстерных» его последствий.

В свете дальнейшей эволюции мировой цивилизации и судеб восточнославянских государств нельзя не согласиться с тем, что неконтролируемое научное и научно-техническое творчество сегодня является одним из источников угрозы существованию человечества. За последние четверть века в указанной сфере произошли радикальные изменения. Приобрели четкость контуры новой техногенной цивилизации и вместе с

тем изменились приоритеты и содержательные характеристики того процесса, который ранее носил название научно-технического прогресса (НТП), а сегодня на наших глазах превратился в научно-техно-технологический прогресс (НТТП). Все более сомнительным выглядит в указанной аббревиатуре и термин «прогресс»: слишком уж неоднозначными и противоречивыми оказываются происходящие изменения [8].

Длительное время в НТП лидерство сохраняли наука и техника, которые добились на этом пути поразительных результатов, составивших в конечном счете фундамент техногенной цивилизации. Технология представлялась составной частью инженерии, ее детищем. Но постепенно она расширяла поле своего влияния на операционные, деятельностные, социокультурные составляющие инженерной сферы, выйдя далеко за рамки решения непосредственно поставленных задач и становясь важнейшей составляющей новой технико-технологической реальности. Технология, таким образом, оказалась связующим звеном между наукой, инженерией, проектированием и производством, с одной стороны, и социально-культурными процессами, с другой [6] [8].

С развитием технологии происходят кардинальные изменения в механизмах и условиях прогресса техники и технического знания. Уже не установление связей между природными процессами и техникой (изобретательство) и не расчеты и разработка технических изделий (инженерия) являются определяющими в техническом прогрессе, а разнообразные комбинации сложившихся идеальных технических объектов, имеющих видов исследовательской, инженерной и проектной деятельности, технологических и изобретательских процессов, операций и принципов. Традиционные изобретательство и конструирование начинают обслуживать этот процесс, определяемый не столько познанием законов природы, возможностями использования научных знаний в технике, но и логикой внутреннего развития самих технологий.

Технология, особенно в развитых в экономическом отношении странах, уже сегодня выглядит той суперсистемой (техносферой), которая определяет формирование и развитие всех технических систем, изделий, а также технического знания [6] [8]. Развиваясь уже в пределах технологии, а не наоборот, инженерия все больше становится стихийной, неуправляемой, в отдельных случаях деструктивной. Теперь характер инженерных задач определяется не наличием человеческих потребностей, которые нужно удовлетворить путем научно-технического творчества, а возможностями техносферы и технологии, которые через социальные механизмы сами формируют определенные потребности, а через их удовлетворение – и «техногенные» качества человека. Так технология не только подчиняет себе технику и инженерию, но и самого человека и общество, которые заинтересованы в разработке научных основ (теории) техносферы, методов моделирования, анализа, синтеза и классификации элементов техносферы в разработке и внедрении интеллектуализирован-

ных технических систем, в том числе роботизированных, ресурсо- и энергосберегающих технологий.

В результате типичным для технологизированного общества становится техногенный человек с разорванным, упрощенным сознанием. Человек все больше становится зависимым от технико-технологических систем жизнеобеспечения (начиная с оборудования жилья, быта, медицинского обслуживания, и заканчивая образованием, организацией, содержанием и использованием свободного времени, сферой развлечений, туризмом). Человек всецело подчиняется технико-технологическим ритмам, потребностям, формируемым предлагаемыми инновациями. Таким образом, технико-технологическим процессом охватывается не только первая, но и вторая природа, культура общества. Человек и природа не успевают адаптироваться к стремительным изменениям, порожденным технико-технологической сферой. Кризис инженерии сопровождается кризисом рациональности как таковой и соответствующей картины мира. Оказалось, что разум – это сила, которая может служить человеку, а может и быть источником деструктивного воздействия на него, на общество, на культуру, на духовность. Таким образом, все более необходимым становится привнесение в процессы познания и преобразования мира ценностной составляющей, учета социальных, этических, культурных факторов и условий.

Проблематизации функционирования техносферы способствует и возникновение неклассических технических наук, специфика которых проявляется в особой значимости комплексных исследований, в необходимости разработки специальных и теоретических методов исследования для решения специфических задач. Технические неклассические науки складываются из разнородных предметных и теоретических частей, системных и блок-схемных моделей объектов, здесь используются специфические средства и языки описания этих объектов. К нетрадиционным наукам относятся также знания о различного рода системах «человек-машина», сложных технологических системах. Поэтому здесь важным является изучение закономерностей создания различных технических систем и их свойств, а также свойств систем и сооружений различной степени сложности.

Указанные изменения не могут не сказываться на жизнедеятельности как отдельного человека, так и социума в целом. Так, сегодня трудно обойти вниманием влияние новых информационных технологий на человека, на структуры его идентичности, формы коммуникации, типы личности, формирующиеся в результате общения с новой техникой. Дело в том, что современную технику (особенно информационную) уже недостаточно рассматривать лишь в качестве инструмента, являющегося продолжением природных «органов труда». Сегодня эти инструменты «направлены не только вовне, на объекты человеческой деятельности, но внутрь самого субъекта, изменяя структуру его деятельности или порож-

дая новые ее формы» [2]. А самое главное, что новая техника, расширяя возможности человека вместе с тем подчиняет человека себе, вызывая целый спектр взаимоотношений – от неприязни к технике до ее обожествления.

В состоянии ли нынче философия подсказать политическим и социальным субъектам реальные пути выхода из такой кризисной ситуации или она способна лишь к «гаданию на гуще» и защите чести собственного мундира? А подобных прогнозов и прожектов сегодня предостаточно. Одни уповают на то, что следует более решительно использовать НТПП для достижения позитивных, по их мнению, целей: достижения состояния трансгуманизма, реального бессмертия человека (авторы проекта НБИКС-2045) [1]. Другие бьют тревогу, но при том надеются, что достоянным будет идти проторенным путем, сочетая высокие технологии с глубокой гуманностью [7]. Третьи пытаются приостановить негативные последствия НТПП путем ограничения его самого [3] [4] [5].

Все это говорит о том, что необходимо новое понимание техники, которое преодолело бы натуралистический подход и выходило бы на определение ее как проявление сложных интеллектуальных и социокультурных процессов, как особой среды для человека, которая бы не навязывала ему архетипы поведения, ритмы функционирования, стиль мышления, эстетические предпочтения и прочее. Поэтому и выходы из тупика технического развития следует искать на путях гуманизации, учета экологических, антропологических, социально-ценностных факторов в создании и использовании техники. Таким образом, новая цивилизация, если ее удастся создать, будет опираться на новую, гуманитарно-ориентированную технику и технико-технологическое развитие, более безопасное для человека, общества и природы.

Литература и источники

1. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – М., 2013.
2. Емелин, В. А. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 84–90.
3. Кутырев, В. А. Как и куда сдвигается гуманитарная парадигма? // Философия и культура. – 2009. – № 10.
4. Кутырев, В. А. Философия трансгуманизма / В. А. Кутырев. – Н. Новгород, 2010.
5. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М., 2003.
6. Мовчан, С. П. Основи філософії техніки / С. П. Мовчан, О. К. Чашлигін. – Х., 2013.
7. Нейсбит, Д. Высокая технология, глубокая гуманность. Технологии и наши поиски смысла / Д. Нейсбит. – М., 2005.

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Р. Г. Пацко, Л. Е. Кульбичкая

Среди основных тенденций эпохи глобализации несомненно присутствует изменение места и роли философии как формы мышления, совокупности приемов интеллектуального осмысления культурного наследия («живой души культуры»), как формы поиска инновационных решений, существенно снижающих риски общественного развития [3, с. 31] [4, с. 3–46].

В XXI веке в культуре происходят изменения тектонического масштаба. Сегодня мы сталкиваемся с феноменом, когда, с одной стороны, локальные культуры начинают терять свою локальность. Образуется общая система культуры за счет возникновения единого коммуникационного пространства. Коммуникация подчиняет себе культуру. С другой стороны, нарастает семиотическое напряжение и коллизии между культурами, порой принимающие драматический характер. Однако, как считал Ю. М. Лотман, богатство внутренних конфликтов обеспечивает культуре как коллективному разуму исключительную гибкость и динамичность» [2, с. 580].

Академик В. С. Стёпин отмечает, что мировая философия оказалась не готовой к сегодняшним быстрым переменам: в ней еще не наработаны новые идеи, которые могли бы сориентировать людей, указать пути выхода из кризисных состояний общества. Это придется делать на ходу, считает В. С. Стёпин. Отсюда следует, что нужна активизация философской мысли во всех ее проявлениях и во всех сферах культуры, активная работа философов по выработке системы новых ценностей культуры [4, с. 12].

Западноевропейские философы также задаются сегодня вопросом о статусе и роли философии в современной культуре. Современный французский мыслитель А. Бадью в своих работах (например, в «Манифесте философии» и др.) констатирует наличие «внутрифилософской болезни»: «Философия сегодня парализована по отношению к своей собственной истории». Философ уточняет: «Она пытается привиться к вполне установленным видам деятельности: к искусству, поэзии, науке, политической деятельности, психоанализу... Или же философия – уже не более чем своя собственная история и становится музеем самой себя» [1, с. 143–144]. Такое положение дел, по мнению автора, является постсовременным итогом катастроф нашего века.

Критические стрелы А. Бадью направляются в сторону современных «софистов» и «наисовременнейшей философии», являющейся «могущественной софистикой». Софист, обобщает А. Бадью, говорит, что истин нет, что есть только высказывательные техники и места высказываний [1, с. 162–163]. Таким образом, новейшие софисты, осуществляя антиплатоновский реванш, провозглашают идею «Конца философии», которая есть идея конца категории Истины. Как предполагает А. Бадью, преодолеть современную софистику и догматизм в философии можно и необходимо через развертывание категории Истины, которая способна охватить все другие истины: научные, политические, художественные и др. И здесь мыслитель подчеркивает особую полезность и необходимость фигуры софиста как Другого для сохранения *полемос*, диалектического конфликта. Софист, так же как и софистический дискурс, всегда присутствует в диалогах Платона, напоминает французский мыслитель.

Нельзя не согласиться и с мнением болгарского философа П. Ганчева, который утверждает: «Если философия хочет постичь свою новую форму, адекватную идеям и принципам современной науки и реалиям глобализирующейся цивилизации, она должна наполнить современным содержанием свои классические принципы и инкорпорировать их в одну новую систему... Речь идет о качественно новом синтезе, в котором все накопленное в философии знание интегрировалось бы в целостную систему, постигая, таким образом, новое качество философии как ядра, духа, квинтэссенции культуры современной цивилизации» [5, с. 165].

Отечественные философы, осмысливая переломы в социальной жизни, изменения в образе жизни, человеческих связей и коммуникации, способах отношения к природе, подчеркивают, что в XXI веке философия становится не просто абстрактным теоретическим занятием, а совершенно практическим делом. Она нужна для того, чтобы отыскать новые основы человеческой деятельности и так преодолеть кризисы, которые периодически возникают в развитии культуры, науки, общества. Как справедливо считает В. С. Стёпин, «только рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех "систем отсчета" (базовых ценностей), и открытости различных культурных миров для диалога» [4, с. 7]. Идеи академика В. С. Стёпина наиболее актуальны в контексте вновь формирующегося взаимодействия философии и науки, в том числе в Республике Беларусь. Об этом свидетельствуют исследования, посвященные проблемам человекомерности, взаимоотношения человека и природы (коэволюция), синергетики и др.

Литература и источники

1. Бадью, А. Манифест философии / А. Бадью; составление и перевод с франц. В. Е. Ланцкого. – СПб., 2003.
2. Лютман, Ю. М. Семиосфера: Сборник / Ю. М. Лютман. – СПб., 2000.

3. Марков, Б. В. Знаки бытия / Б. В. Марков. – СПб., 2001.
4. Философия в современной культуре: новые перспективы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 3–46.
5. Ганчев, П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии / П. Ганчев // Вопросы философии. – М., 2007. – № 8. – С. 160–165.

ФИЛОСОФИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВА

Г. К. Курмангалиева

Когда мы задумываемся над тем, какую роль играет философия в современных демократических преобразованиях на постсоветском пространстве, то прежде всего задаем себе вопрос, а способна ли вообще философия воздействовать на общественно-исторический процесс? Казалось бы, он является риторическим, поскольку в недавнюю тоталитарную эпоху едва ли не все политические декларации и продиктованные ими действия провозглашали свою обусловленность философским подходом и научными принципами. Такая позиция была обусловлена победой философского мировоззрения марксизма и убежденностью в том, что в основе общественной идеологии должна лежать определенная историческая форма философии. Однако современная социально-политическая ситуация показывает, что общество в историческом процессе не столь зависимо от философии, предпочитая ей другие формы общественного сознания.

Возникновение философии как формы общественного сознания по традиции связывают с Древней Грецией, как и возникновение демократии, признанной современностью в качестве наиболее прогрессивной формы политической организации общества – с древними Афинами. Тем самым два важнейших исторических события: одно мировоззренческо-идеологического, а другое – социально-политического характера, – оказались взаимосвязанными и накрепко скрепленными в последующей истории человеческой мысли. Демократические условия были признаны в качестве необходимых для развития диалоговой интеллектуальной культуры общества, вне которой развитие философии как формы рефлексивного сознания с ее внутренней потребностью вести непрекращающийся диалог по вечным и открытым для обсуждения проблемам человечества, было немислимым [1].

Не менее важное значение в укреплении данной позиции сыграла философия и основанная на ней идеология французского Просвещения. По убеждению просветителей человек, являющийся сувереном и носителем всеобщего разума, способен вносить в исторический процесс упорядоченность, гармонизировать общественные отношения, основываясь на приоритете права, основанного на конвенциональном договоре всех чле-

нов общества. В противовес предшествующему этапу исторического развития, где господствовали религия и церковь, исходившие в своих идеологических приоритетах из приоритета Божественного Слова, французские просветители своей борьбой за секуляризацию общества утвердили не религию, а философию в качестве ведущего мировоззрения общества. Этим было положено начало концептуальной той позиции, которая благодаря завоеваниям немецкой классической философии и ее дальнейшей интерпретации классиками марксизма стала определяющей в историческом преобразовании общества. Вместе с тем философия, встав на позицию вечности, незыблемости и закономерности, фактически «узурпировала» функции религии и ее прерогативу изрекать от имени вечности и истины в последней инстанции.

В эпоху глобальных изменений в методологию социальных наук все глубже проникает стратегема понимания общественно-исторического процесса как постоянно изменяющегося, открытого вызовам нового, руководствующейся нелинейностью и пониманием хаоса как новой возможности выстраивать будущее. Кардинальные изменения, происшедшие в методологических установках философии, в ее способности адекватно реагировать на происходящие изменения, когда сова Минервы, вылетающая в полночь, не успевает «быть вовремя», обусловили отход от точки зрения вечности и поставили философскую интерпретацию происходящих событий в зависимость от конкретно-исторической ситуации и ее изменений. Поэтому опыт философии применительно, например, к демократическим преобразованиям общества зависит от опыта демократии в тех странах, где на практике реализуются ее принципы и механизмы [2].

Для демократизирующегося Казахстана актуален национальный контекст влияния философии на современный общественно-исторический процесс. Независимость, обретенная страной двадцать пять лет назад, сделала актуальными методологические проблемы исторической науки, связанные с новым осмыслением истории казахского народа. На их решение нацелена специальная исследовательская программа под названием «Народ в потоке истории». В ней поставлена, прежде всего, задача осмысления национальной истории с высоты современной науки и создание ее целостной картины [3].

Не менее важными являются и вопросы истории казахской философии, которая лишь с обретением независимости обрела свой дисциплинарный статус, поскольку до этого рассматривалась лишь в качестве «общественной мысли». В числе вопросов, которые еще предстоит решить казахстанским ученым, проблема начала казахской философии и ее периодизации, исторической связи с тюркской философией, поиски идентичности, формирование демократических ценностей и изучение «степной демократии».

Относительно последней следует сказать, что в казахстанских ис-

следованиях традиционного общества показывается, что оно функционировало на мировоззренческом фундаменте тенгрианства, руководствуясь нормами степной демократии, сформировавшейся в условиях кочевнического образа жизни. Эффективным средством политической власти, позволявшим мобильно и устойчиво управлять традиционным обществом, была исторически сформировавшаяся внутривидовая толерантность, способствовавшая достижению компромисса. Компромиссная ментальность стала определяющей базовой характеристикой казахского общества. Она сохранила свою ценностную значимость в современных условиях и способствовавшая сохранению полиэтнического, поликультурного и поликонфессионального разнообразия в Казахстане.

Литература и источники

1. Кессиди, Ф. Х. Древнегреческая демократия и возникновение диалектики / Ф. Х. Кессиди // Античная культура и современная наука. – М., 1985. – С. 17–21.
2. Рорти, Р. Философия и демократия / Р. Рорти // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/6/rri1-pr.html>. – Дата доступа: 24.03.2016.
3. Задачи, которые надо решать // Mangi el. – 09.2013. – С. 5.

КРИТЕРИИ ПРИОРИТЕТНОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Л. А. Зеленев, А. А. Владимиров

В современном обществе в противостоянии с внеучным (антинаучным, квазинаучным, псевдонаучным, донаучным) знанием медленно, постепенно происходит осознание значимости научного знания. Эта уже ставшая очевидной в XIX–XX вв. истина подвергается неадекватной критике со стороны внеучных сил. В конечном счете, это приводит к разгулу бескультурных и антикультурных, антинаучных и антигуманных идей, взглядов, призывов, концепций. Нам неоднократно приходилось писать о засилье непрофессионального бескультурья в современной России, да и только ли России в вопросах массовых и важных для судеб страны: культура, модернизация, глобализация, образование, дизайн, импортозамещение, современность [1] [2].

Уже с самого начала анализа роли знаниевого (информационного, когнитивного, интеллектуального) потенциала для оптимального функционирования общества было понято значение именно философского знания как универсально методологического и мировоззренческого, что нашло отражение, в частности, в статье авторов «Функции философии в современном обществе» [3]. Прежде всего, необходимо было с философских позиций определить и обосновать знание как субъективную форму бытия объекта (гносеологический анализ). Далее, необходимо было диа-

лектически проанализировать отличие знания от оценки (аксиологический анализ) как второго способа отражения объектов. Затем необходимо было исследовать модусы, виды знания: истинное, вероятностное, проблематичное, аксиоматическое, постулативное, виртуальное, ошибочное, ложное. Наконец, необходимо было обосновать специфику философского знания от всех иных видов знания: обыденного, мифологического, религиозного, художественного, научного с позиций типов мировоззрения (типологический анализ).

В частности, если научное знание призвано быть истинным, системно организованным и открытым для верификации, что явно характеризует научные теории и научные законы, потому что наука в целом является номологическим типом мировоззрения (ее цель – генерация законов), то философское знание является в многообразии своих типов и видов (истинных и ложных, вероятностных и аксиоматических, проблематичных и ошибочных). Убедиться в этом можно, если познакомится с концепциями выдающихся философов (Платона, Ф. Бэкона, Р. Декарта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра...). Это лишний раз подтверждает, что философия не является отдельной наукой, как физика или химия, социология или психология, а является *концептуальным* мировоззрением, открытым для генерации знаний любого вида. Если для научного, номологического мировоззрения все иные знания, кроме истинного, являются формами, этапами, моментами движения к истинному, теоретическому знанию, то философское знание может существовать в качестве *итоговой концепции* философа независимо от его гносеологического качества.

Это, в известной степени, роднит философию и философское знание с другими, кроме научного, типами мировоззрения: народным, мифологическим, религиозным, художественным. На этом основании всю совокупность ненаучных знаний вполне можно противопоставлять научному знанию. Понятие «вненаучное знание» может рассматриваться как аксиологически нейтральное, поскольку в совокупности вненаучного знания существуют как позитивно-значимые, но *не-научные* знания (народные приметы, мифологические символы, художественные образы...), так и негативно-значимые, но *анти-научные* знания (лженаучные, квазинаучные, псевдонаучные) в виде заведомо ложных вымыслов и домыслов. Это и объясняет, в частности, создание академиком В. Гинзбургом в системе Российской академии наук «Комитета по борьбе с *лженаукой*».

Философское знание в его концептуальной абстрактно-логической форме не является *лже-научным* или *анти-научным*, как это пытаются представить некоторые позитивисты от О. Конта до наших дней. Философское знание в силу своей гносеологической многомерности является по содержанию концептуальным, а по форме универсально-всеобщим, имеющим отношение к любому объекту в отличие от теоретического и

дифференцированного научного знания, выражаемого различными специальными науками.

Этот универсально-всеобщий характер философского знания и объясняет возможность универсального *методологического* значения философии, поскольку процесс «оборачивания в метод» характеризует не только историческое бытие теории, но и историческую судьбу концепций, что мы видим на примере становления таких методов как аксиоматический, экспериментальный, моделирования, гипотетико-дедуктивный, системный, виртуальный и т. д. Философское знание продолжает выполнять свою методологическую функцию, демонстрируя свою специфическую незаменимость [4].

Литература и источники

1. Зеленов, Л. А. Философия культуры / Л. А. Зеленов, А. С. Балакшин, А. А. Владимиров. – Н. Новгород, 2013.
2. Владимиров, А. А. Современная модернизация в России с позиций социальной философии и конфликтологии / А. А. Владимиров, Л. А. Зеленов, Е. И. Степанов. – М., 2013.
3. Зеленов, Л. А. Функции философии в современном обществе / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной природы: материалы международной научной конференции к 80-летию института философии НАН Беларуси, Минск 14–15 апреля, 2011. – Минск, 2011. – С. 42–44.
4. Зеленов, Л. А. Методологический потенциал философии / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров. – Н. Новгород, 2016.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

А. А. Спектор

Наше время характеризуется изменением и смещением социокультурных ниш различных областей человеческой деятельности, в том числе науки и техники, фундаментальной и прикладной науки. Кроме того, происходит развитие междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов в различных областях знания и их приложениях. Очевидно, что в развитии познания, – точнее, в освоении какого-либо фрагмента реальности, – существует несколько уровней. Можно рассматривать их в рамках расширения метода, начиная от узкодисциплинарного подхода, через междисциплинарный к трансдисциплинарному. Различие между междисциплинарными и трансдисциплинарными уровнями, по мнению ряда исследователей, заключается в том, что междисциплинарность означает кооперацию методов для решения определенной проблемы, а трансдисциплинарность выводит познание из рамок отдельных дисциплин, рассмат-

ривает какое-либо явление в его целостности [1].

Междисциплинарный подход означает использование методов, разработанных в одной науке, в решении проблем другой, – причем таких методов, которые ранее не применялись к данной проблеме. Например, ранее определение видов сводилось к сравнению морфологических данных, ареала, репродуктивного поведения и некоторых других сторон. Сегодня к этим подходам присоединился генетический анализ, который позволяет более тонко определять принадлежность того или иного животного или растения к конкретному виду. Молекулярно-генетический метод разработан благодаря применению методов физики и химии к расшифровке структуры и функции ДНК. Это – пример междисциплинарности.

Трансдисциплинарность же видит в уже полученном знании возможность для решения проблем, которые не предполагалось решать изначально. Это, прежде всего, переводит нас из когнитивной парадигмы в конструктивную в том контексте, что полученное знание (достижение истины) оказывается инструментом для принятия решения не только по заранее заданному вопросу, но и по совершенно новому. Примером может послужить рефлексивная симметрия, о которой говорит М. А. Розов. Он называет рефлексивно-симметричными два акта деятельности, отличающиеся осознанием результата и преобразующиеся друг в друга при помощи изменения рефлексивной позиции [3].

Так, один и тот же метод – генетический анализ – может дать нам возможность узнать о конкретных нуклеотидных последовательностях в ДНК жителей определенного региона. Это позволяет получить знания как о родстве их с другими народами, так и об исторических миграциях, происходивших в далеком и не очень далеком прошлом, об их способах питания, и значит, о материальной культуре, а также о наследственных болезнях. Эти знания находятся в рамках биологии, географии, истории, этнографии. Таким образом, можно сказать, что все науки в данном случае говорят на одном языке. Разумеется, можно поспорить с этим примером и назвать его проявлением междисциплинарности, так как, например, генетический метод использован здесь для ответа на вопросы из области истории. На эти возражения можно ответить следующее: и междисциплинарный, и трансдисциплинарный подходы могут применяться одновременно к одному и тому же акту деятельности. Если мы хотим разрешить конкретный вопрос из области этнографии и истории с помощью молекулярно-генетического метода, работает междисциплинарный подход, и мы получаем на выходе новую дисциплину – этногеномику. Однако мы можем подойти к проблеме с другой стороны – решая, например, чисто генетическую задачу, помнить о рефлексивной симметрии. И тогда можно увидеть ее сразу со многих сторон, в комплексе.

Этот комплексный подход позволяет ставить задачи, которые действительно выводят конкретную науку за пределы своих обычных про-

блем и даже за пределы привычной парадигмы. Однако в этом случае, занимаясь конкретными естественнонаучными вопросами, мы осознанно применяем рефлексию. Но что есть рефлексия над наукой, как не философия? Опять же здесь может возникнуть возражение, что философия есть рефлексия над основаниями науки, а не над ее частными вопросами. Однако разберем, с точки зрения методологии, что есть методологическая, а также и философская рефлексия? Это рефлексия над целями, ценностями, средствами. Но для науки, образования, техники, производства, рассматриваемых как саморазвивающаяся система, характерны различные типы целеполагания, а также различная степень рефлексии над средствами, целями и ценностями [2].

Приступая к генетическому (или любому другому) исследованию, следует помнить и о том, что его результаты могут ответить на самые неожиданные вопросы в других областях, породить ранее неучтенные проблемы и поставить новые цели. Причем области и дисциплины могут оказаться самыми неожиданными, и перевести нас из области естественнонаучной сферы в сферу техники, в гуманитарную сферу и наоборот. И тогда типы целеполагания и степень рефлексии должны сближаться. Это и есть трансдисциплинарность в действии. Будучи вполне практически, такие подходы оказываются типичной рефлексией на определенном этапе и приводят нас к самим основам наук, к крайним вопросам бытия, которые и являются предметом философии.

Таким образом, философия имеет немалый трансдисциплинарный потенциал. Однако трансдисциплинарность имеет некоторые подводные камни. Необходимо помнить, что различные методы разнообразных наук совершенно естественны и зависят от конкретных наработанных знаний и технологий, а также от актуальной в настоящее время парадигмы. И легко ошибиться, пытаясь проникнуть в чужую область, которая может показаться легкой для освоения, однако на самом деле это не так. Особенно кажется доступной гуманитарная сфера, хотя эта доступность кажущаяся. Философия, теснейшим образом связанная и гуманитарными науками, и с психологией, может сыграть роль транслятора между естественными и гуманитарными науками.

Литература и источники

1. Лысак, И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека / И. В. Лысак // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6. – С. 134–137.
2. Старжинский, В. П. Конструктивная методология как рефлексивная система / В. П. Старжинский, А. А. Спектор // Проблема конструктивности научного и философского знания. – 2006. – № 7. – С. 83–100.

О «ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ» В ДВУХ ВЕДУЩИХ ПРЕЛОМЛЕНИЯХ

А. А. Крушанов

В последние годы философы науки все чаще встречаются с упоминанием слова «трансдисциплинарный». Проблема однако в том, что пока оно фигурирует именно как слово, еще не получившее статуса научного термина, обладающего единым и ясным смыслом.

Между тем, анализ появившихся публикаций по проблеме трансдисциплинарности свидетельствует, что таким образом прежде всего выделяются лишь два основных и значимых случая выхода исследовательской работы за сложившиеся классические дисциплинарные рамки.

В первом весьма часто упоминаемом ныне случае речь идет о том, что сегодня ученые очень часто вовлекаются в новый для себя диалог с внеакадемическими практиками культуры (мир повседневности, религия, политика). Это характерно, например, для деятельности комитетов по биоэтике, в работе которых принимают участие не только ученые, но и священники, представители общественности.

В данном случае научному знанию приходится сдвигаться в пограничную сферу контакта с жизненным миром человека. Соответственно, в таких условиях особое значение придается методологическим установкам, ориентирующим на плюрализм позиций, на диалог, открытость и т. п. Кроме того, особо важное значение в этом случае приобретают соответствующие *case studies*. В силу выхода данного научного поиска за сложившиеся классические дисциплинарные пределы и установки и появилась тенденция его выделения, как «трансдисциплинарного».

Сегодня подобное понимание развивается в России весьма активно и успешно. Однако есть и другое прочтение «трансдисциплинарности», которое, в свою очередь, выглядит и очень интересным, и многообещающим.

Суть и необычность второго замечательного явления, которое сегодня рассматривается в качестве самостоятельного проявления «трансдисциплинарности», станут вполне прозрачными, если начать говорить о нем, начиная с предистории. В этой связи для начала стоит напомнить важнейшие особенности, которые были присущи научному поиску еще первой половины XX в.:

1. Все известные, изучаемые наукой объекты к этому времени оказались разведены по основным, жестко отграниченным сферам реальности (ее «структурным уровням»).

2. С утверждением в науке эволюционной идеи стало принято считать, что основные сферы реальности возникли последовательно как порождения очень масштабного, «космического», эволюционного процесса, стихийно создавшего характерную «лестницу бытия» (в виде восходящей последовательности структурных уровней реальности). Более того, по сложившемуся в этом контексте убеждению, позднее возникшие сферы бытия по сравнению с предшествующими обладают большей сложностью, а потому и дополнительными свойствами.

С древности и вплоть до конца XVIII в. это убеждение основывалось на непосредственной оценке свойств хорошо знакомых окружающих объектов. Обыденный опыт вполне убеждал, что, например, камень существенно примитивнее любого живого организма, а последний в свою очередь не соизмерим с человеком и обществом. Однако после замечательных успехов эмбриологии в XIX веке под этот опыт был подведен хорошо обоснованный парадигмальный аргумент. Как было убедительно показано, эмбрионы развиваются именно так, «эпигенетически» (т. е. с появлением на каждой стадии новообразований), а не «реформистски» (в варианте простого роста всех уже имеющихся заготовок и форм).

3. Объекты выделенных сфер бытия в силу их различия стало естественно изучать автономно, в рамках отдельных, основных фундаментальных наук. В результате сформировалась даже особая этика академичной исследовательской работы. Скажем, стало просто «неприлично» и непрофессионально выходить за пределы своего узкого участка специализации, т. к. это было бы некомпетентным, дилетантским вмешательством в дела куда как более сведущих соседей.

Правда, между разноприродными объектами находилось все же и нечто сходное. Но здесь все решилось просто – изучение этой незначительной обнаруживаемой общности просто отнесли к компетенции философии.

Приведенные познавательные установки довольно длительное время определяли полезное разделение труда в науке и, в общем, продемонстрировали свою продуктивность. Но эта привычная ситуация вдруг пришла в явное несоответствие с развивающимся научным познанием XX в. Неожиданно стали зарождаться и прогрессировать исследования совершенно нового типа, открывающие и методично изучающие единые и в то же время очевидно существенные свойства и закономерности, равным образом проявляющиеся в объектах разной субстратной природы.

Переломным моментом можно считать 1948 г., когда в свет вышла «Кибернетика» Н. Винера. Книга привлекла широкое внимание к основным характеристикам феномена управления и информационной связи, показав одновременно широкую значимость этих новых представлений для понимания функционирования по крайней мере биологических, социальных и технических систем.

Уже рождение данной необычной науки отчетливо продемонстри-

ровало, что наряду с «*субстратными*» закономерностями (вроде законов Ньютона), которые открывались и изучались в рамках сложившихся классических наук и характеризовали объекты некоторой определенной субстратной природы (физической, химической, биологической и др.), существует совсем иной класс важных, «*универсальных*», закономерностей. Последние почему-то равным образом проявляются в объектах самой различной субстратной природы. Их выявление и методичное изучение стало явным свидетельством того, что родился совершенно новый тип исследовательской работы, ориентированный на проработку как раз этих характеристик реальности.

Поскольку эту новую работу надо было зафиксировать каким-то вполне удобным образом, ее и стали выделять с помощью еще не очень известного и неоднозначного, но вполне удобного определителя «*трансдисциплинарный*», означаящего в этом случае направленность на универсальные свойства реальности.

Кибернетика в трансдисциплинарном отношении не осталась в одиночестве. Ее эстафета оказалась подхвачена так называемым «*системным движением*», взволнованным потенциальной возможностью создания «*общей теории систем*» (ОТС). По замыслу лидеров движения, ОТС была призвана открывать и изучать универсальные закономерности строения, функционирования и развития систем – объектов, между компонентами которых существуют разветвленные взаимосвязи.

Трансдисциплинарную работу системщиков в свою очередь активно продолжили и расширили синергетики, обратившие внимание на универсальность закономерностей самоорганизации, самопроизвольного возникновения порядка из хаоса.

В то же время параллельно с изысканиями синергетиков (правда, пока не столь заметно и шумно) велась работа по изучению и других универсальных характеристик и закономерностей. Скажем, интересные результаты получены в ходе попыток построения широкой эволюционной концепции, называемой «*универсальным эволюционизмом*». Заметен методичный интерес к изучению универсальности колебательных процессов, симметрии, феномена экстремизации характеристик процессов. Обсуждаются и другие выявленные универсальные свойства. Однако получается, что мы до сих пор не понимаем в устройстве реальности чего-то очень принципиального и масштабного, связанного с какой-то лишь приоткрываемой ныне однородностью Мироздания!

Готового ответа на этот счет пока так и не появилось. Потому так и остаются открытыми важные принципиальные вопросы вроде следующих: так что же за однородность Мироздания приоткрывают нам трансдисциплинарные исследования? Как велика мощность этой однородности? Как сделать трансдисциплинарную работу систематической?

Получается очень интересная и многообещающая исследовательская программа. Однако она заживет полной жизнью и начнет привле-

кать сторонников лишь при нормальном самоопределении и нормальной фиксации. Пока же, имея в виду возникшую раздвоенность в понимании «трансдисциплинарности», можно было бы поступить следующим образом.

Стоит учесть, что один из активных сторонников первой точки зрения В. И. Моисеев называет соответствующие подобной интерпретации исследования не только «трансдисциплинарными», но и «транснаучными». Иначе говоря, нынешняя дилемма трансдисциплинарности могла бы успешно разрешиться, если бы сообщество философов науки смогло бы договориться о том, чтобы именовать исследования первого рода «транснаучными», а второй тип исследований выделять как «трансдисциплинарные».

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ПРАКТИКЕ САМООБРАЗОВАНИЯ

Т. М. Смоликова

Стремительное развитие информационных технологий, усиление интеграций профессий и появление новых видов труда, интеллектуализация его содержания, рост наукоемкости в профессиональной деятельности, – все это обусловило потребность в специалистах, способных воспринимать инновации, быстро перестраиваться к новым требованиям, обладать гибким, конвергентным мышлением. Сегодня ни одна из стран без подготовки таких специалистов не может обеспечить уровень прогресса, необходимый устойчивого и безопасного развития государства. Как утверждает российский культуролог М. А. Ариарский, «образование составляет основу качества жизни, являясь фактором экономической мощи и национальной безопасности; личным «капиталом» человека, определяющим его статус и адекватную самореализацию в современном мире» [1, с. 275].

Современный образовательный процесс призван обеспечить наиболее полное развитие способностей, интеллектуально и творческого потенциала личности, возможность ее свободного и конструктивного участия в развитии общества. Подготовка таких специалистов может быть достигнута в рамках образования по перспективным трансдисциплинарным направлениям. Трансдисциплинарность предполагает «функциональный синтез методологий», создание на их основе совершенно новых исследовательских концепций. О важности данного качества организации знаний говорит, в частности, тот факт, что в 2013 году в США под эгидой Американской академии науки и культуры был опубликован доклад «Advancing Research in Science and Engineering» [2], в котором определена основная цель – осуществить в американской науке «переход от междисциплинарности к трансдисциплинарности».

Научные и общественные механизмы развития и воспроизводства трансдисциплинарного познания поддерживаются не только «наукой учебника», «журнальной» или «популярной» наукой, но и при содействии материальной и финансовой помощи государства, частного капитала [3]. В силу этого трансдисциплинарность предстает «как способ синтеза ресурсов дисциплинарной и внедисциплинарной сфер, итогом которого оказывается познавательная модель, не сводимая ни к одной из составляющих ее частей... Результаты ее теоретической экспликации раскрываются в трех взаимосвязанных перспективах: переоценке представлений о гносеологической ценности знания, новых представлениях о субъекте познания и предпосылках формирования теорий» [4, с. 488]. Трансдисциплинарность предполагает сохранение дисциплинарных границ с одновременной семантической интерпретацией фактов и переоценкой представлений о методах и формах взаимодействующих дисциплин.

Особую значимость в этих условиях приобретает практика самообразования, идея которой уходит своими корнями в традиции гуманизма, где человек – это центр всех образовательных начинаний. Это вид деятельности или социальной группы, «характеризующийся ее свободным выбором и направлений на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышении культурного, образовательного, профессионального и научного уровней, получение удовольствия и наслаждения. Самообразование – это по-настоящему свободный и в тоже время наиболее сложный вид образовательной деятельности, поскольку связан с процедурами саморефлексии, самооценки, самоидентификации и выработкой умений и навыков самостоятельно обретаать актуальные знания и трансформировать их в практическую деятельность» [5, с. 143].

Для самообразования характерна связь дисциплинарных знаний, которые подвергаются трансформации под влиянием практических, технических, информационных, культурных и иных нововведений. В современных условиях оно оказывается тесно связано с процессами глобализации и информатизации. Разработка курсов по самообразованию, основанных на принципе трансдисциплинарности, повышает восприимчивость, чувствительность к новым научным тенденциям и открытиям, способно радикально менять наполняемость разделов курса. В этом ключе трансдисциплинарность предполагает исследовательскую стратегию, «которая пересекает дисциплинарные границы и развивает холистическое видение» [6, с. 194], интегрирует различные формы и методы исследования, как единство знания за пределами конкретных дисциплин. Курсы в данной системе ориентированы на целостность знания, отличаются высокой степенью упорядочения, включают в себя активные формы обучения. При разработке трансдисциплинарного курса важно выбрать стержневую тему (идею), вокруг которой будет проходить процесс самообразования, творчески подойти к конструированию новых интеграционных маршрутов знаний.

Литература и источники

1. Ариарский, М. А. Педагогическая культурология: в 2 т. / М. А. Ариарский. – СПб., 2012. – Т. 1.
2. Arise 2 (Advancing Research in Science and Engineering) // American academy of Arts and Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amacad.org/multimedia/pdfs/publications/researchpapersmonographs/arise2.pdf>. – Дата доступа: 25.03.2016.
3. Этое и парадигма трансдисциплинарности // Трансдисциплинарные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://transstudy.ru/filosofiya-transdisciplinarnost.html>. – Дата доступа: 02.03.2016.
4. Lawrence, R. J. Housing and health: From interdisciplinary principles to transdisciplinary research and practice / R. J. Lawrence // Futures. – 2004. – № 4. – P. 488–489.
5. Климова, Т. Е. Самообразование в системе повышения квалификации / Т. Е. Климова, С. П. Юревич // Научно-теоретический журнал. – 2013. – № 1 (14) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/samoobrazovanie-v-sisteme-povysheniya-kvalifikatsii>. – Дата доступа: 28.03.2016.
6. Князева, Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е.Н. Князева // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/transdisciplinarnye-strategii-issledovaniy>. – Дата доступа: 28.03.2016.

О «ТОЧКАХ РОСТА» В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Р. С. Суртаева

Сегодня, пожалуй, как никогда ранее, во всех сферах деятельности человека требуется глубокий и широкий – философский – подход к осмыслению современных социокультурных трансформаций, то есть актуальна философская рефлексия. Ведь специфика философии в том, что она является формой знания предельного охвата, дающей глобальное мироощущение, которое, в свою очередь, позволяет увидеть перспективы развития мира.

«Точками роста» в системе современного философского знания являются, в первую очередь, новый подход к проблемам целостности, соотношения «части и целого», а также к феноменам информации и духовности. Перечисленные «точки роста» являются таковыми и в пространстве складывающейся новой социокультурной реальности, для описания которой требуется новое содержательное наполнение мировоззренческих универсалий о человеке, о мире, о глобальной эволюции человека, мира, социума.

Специфика принципа целостности, основанного на нем нового по-

нимания духовности и нового поведенческого императива заключается в новом понимании (тавтологии здесь не избежать) соотношения части и целого, опирающемся на так называемый холономно-голографический подход [1]. Основная идея этого подхода заключается в следующем базовом тезисе: в каждой самой малой части любой системы содержится информация обо всей системе. Причем такое понимание соотношения части и целого не противоречит понятию эмерджентности, согласно которому у системного целого могут быть свойства, не присущие его подсистемам и блокам. В преодолении своего рода антиномичности вышеуказанной ситуации, на наш взгляд, важную роль играет введение в рамках холономно-голографического подхода понятий субстрата и информации, причем информация проявляется как сущность, а субстрат выступает как явление. Понятие информации в данном контексте несет в себе более глубокое (в отличие от обыденного понимания), «онтологическое» содержание: имеется в виду та общая база, что лежит в основе всех явлений окружающего мира.

Проще говоря, в новом понимании принципа целостности акцент делается не на феномене внутренней детерминированности, самодостаточности объекта, а на едином происхождении каждого отдельного объекта или явления с окружающим миром, с Вселенной. То есть акцентируются, в первую очередь, всеобщие связи. Тем самым холономно-голографический подход позволяет трансцендировать кажущееся непреодолимым различие между «частью» и «целым» [1].

Вообще, проблема «целостности», «целого», «части» и «целого» является одной из ключевых в философии, несет в себе глубокий онтологический смысл. Поэтому можно сказать, что холономно-голографический подход способствует формированию новых мировоззренческих и концептуально-методологических подходов и в философии. Он позволяет объединить, «примирить» метафизику и диалектику, материализм и идеализм в рамках новой синтезирующей философии, которую еще называют интегральной или универсальной [2].

Развитие в направлении информационного общества вызвало поток глубочайших трансформаций мира культуры, который представляет собой сегодня динамично развивающееся информационно-коммуникативное пространство. Кроме того, в результате трансформации современной культуры на фоне глобализации формируется новый духовный контекст общества, «новая духовная ситуация». То есть, определяющее влияние на состоянии современной культурно-цивилизационной системы оказывают два феномена – информация и духовность. Современные научные исследования выявляют фундаментальный характер и глубокую связь феноменов информации и духовности, способствуют формированию нового их понимания.

Информация (наряду со знанием) становится мощнейшим ресурсом в развитии общества. Как уже отмечалось ранее, современные подходы

позволяют взглянуть на феномен информации как фундаментальный в системе мироздания. Так, спор между двумя величайшими астрофизиками современности С. Хокингом и Л. Саскиндом о том, исчезает ли информация в так называемых «кротовых норах» (черных дырах), завершился в пользу Л. Саскинда после официального признания С. Хокингом своего поражения [3]. Выводы Л. Саскинда выходят далеко за рамки астрофизики и имеют фундаментальный характер. Согласно последним исследованиям астрофизиков, все пространство Вселенной заполнено информацией, а выводы Л. Саскинда – одного из создателей теории «струн» – говорят о том, что информация во Вселенной никуда не исчезает. Согласно теории «струн», космическое пространство представляет собой вибрирующие частицы [4]. При этом само оно трехмерно, а все, что происходит в нем, отражается в голограммах, которые двумерны и сохраняются, как говорит Л. Саскинд, на «пленке» на окраинах Вселенной. Все эти наши «отраженные» мысли, чувства, поступки, согласно предположениям Л. Саскинда и его группы, способны влиять на наше настоящее, будущее и даже прошлое. Это предположение дополняется исследованиями знаменитого американского математика Б. Мандельброта, британского астрофизика М. Майлза и другими кажущимися сегодня экстравагантными концепциями [5].

Из этих выводов неизбежно следует заключение о том, что нравственность, духовность являются не «личным» делом каждого, а «общим» делом. При этом духовность, на наш взгляд, следует понимать прежде всего как осознание своего единства с окружающим миром и изменение мироотношения человека в соответствии с поведенческим императивом, определяющим жизнь в гармонии, сотрудничестве и заботе об окружающем мире. Такая духовность становится практической необходимостью.

Новое понимание духовности влияет на статус этики, выводя ее за рамки просто нормативно-практической части философии, придавая ей более весомый статус во взаимосвязи с учением о бытии, и поднимает современную философию до высот известного сократовского тезиса о тождестве нравственности и мышления. Новое понимание духовности подтверждает необходимость этической экспертизы в науке, подводит науку к тому, что этические нормы являются безусловными требованиями рациональности.

Литература и источники

1. Гроф, С. За пределами мозга / С. Гроф. – М., 1993.
2. Югай, Г. А. Голография Вселенной и новая универсальная философия. Возрождение метафизики и революция в философии / Г. А. Югай. – М., 2007.
3. Susskind, S. The Black Hole War: My Battle with Stephen Hawking to Make the World Safe for Quantum Mechanics / S. Susskind. – New York, 2009.

4. Левин, А. Струнный концерт для Вселенной / А. Левин // Популярная механика. 2006. – № 3 (41). – С. 78–82.
5. Mandelbrot, B. B. The Fractal Geometry of Nature / B. B. Mandelbrot. – San-Francisco, 1982.

СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА КОСМОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

А. Н. Спасков

Проблема структуры и природы времени давно уже стало ключевой темой междисциплинарных исследований. В каждой конкретной естественнонаучной и гуманитарной области знания время обладает особыми свойствами, и понятие времени имеет специфическую форму представления. Это выражается в поиске адекватных референтных моделей, основанных на конкретных носителях свойств времени, характерных для данного круга явлений.

Большинство из этих моделей основаны, однако, на универсальной механистической модели относительного времени, принятой в физике со времен И. Ньютона. Время в этих моделях сводится к параметру, измеряемому часами, а причиной различия моделей являются особенности хода часов, характерные для каждой данной области. Общим в этой механистической по сути парадигме является функциональный способ представления физических величин и математический способ описания движений в виде дифференциальных уравнений. Метафизическим основанием этой парадигмы, которое остается незабываемым столпом физики, является неявное предположение о существовании монотонной и однородной длительности, которую Ньютон связывал с Абсолютным временем, и о причинно-следственной структуре динамического хода событий.

Но такой подход уже себя исчерпал и в применении к сложным развивающимся системам не годится. Поиску новых подходов и «переоткрытию» времени посвятил значительную часть своих исследований один из основателей нового трансдисциплинарного направления в науке И. Пригожин. Это направление – синергетика – исследует принципы развития и самоорганизации сложных систем, описание которых отходит от жесткой детерминистической и линейной схемы и вводит в научный оборот становление с его необратимостью, нелинейностью и непредсказуемостью.

Однако И. Пригожину так и не удалось выяснить природу времени, о чем он мечтал, несмотря на колоссальный прогресс в понимании времени сложных систем. Не решена эта проблема и его последователями, что говорит о недостаточности принципов синергетики и необходимости новых, более глубоких подходов к этому вопросу.

В разрабатываемой нами субстанционально-информационной кон-

цепиции времени предлагается новый подход к решению проблемы природы времени и становления, который основан на введении в физику новых фундаментальных сущностей – субстанции, информации и хронального континуума [1]. Мы рассматриваем субъект-объектные и субъект-субъектные отношения как информационные процессы, порождаемые субстанциальной активностью квантовых субъектов. Эту активность, которая проявляется в восприятии, переработке и производстве значимой информации, можно интерпретировать как способность к элементарной интеллектуальной деятельности [2]. Генерируемые субстанцией процессы, что эквивалентно постоянно действующей внутри каждого субъекта субстанциальной причины регулярных и спонтанных проявлений, носят универсальный характер во Вселенной и лежат в основании всех физических процессов.

Субстанциально-информационная онтология и методология решения научных проблем в рамках этой парадигмы, войдет, по нашему замыслу, в основание общей стратегии трансдисциплинарных исследований при решении проблем происхождения и эволюции физической Вселенной, феноменов жизни и сознания.

Вопрос о природе космологического времени – это предельный вопрос современной фундаментальной науки, решение которого, по мнению многих авторитетных ученых, станет началом и ключом к построению окончательной физической теории, или теории всего. Для решения этого вопроса мы должны построить модель возникновения времени, как особого качества, а вернее фундаментального атрибута материального мира. Но само возникновение материального мира или Вселенной и есть возникновение времени. Это значит, что Вселенная могла появиться только вместе со временем, а без материальной Вселенной, движения и становления понятие времени не имеет смысла.

Наша гипотеза заключается в том, что физическое время возникает вместе с физической Вселенной. Эта гипотеза соответствует как креационистским представлениям о творении мира, так и физической теории инфляции и Большого взрыва. Но понятие физического времени, которое сводится к представлению о равномерно изменяющемся или текущем физическом параметре, совсем не отрицает возможности реализации других моделей времени. Ведь однопараметрическая модель физического времени не дает объяснения таким фундаментальным его свойствам, как порядок, течение, одномерность, однонаправленность, необратимость. Она сводит время к числовому параметру, измеряемому лабораторными макроскопическими часами.

Вместе с тем, даже в этой модели времени как свойства часов предполагается неявное присутствие наблюдателя с его психологическим ощущением течения времени, поскольку часы никакого течения не измеряют, а фиксируют лишь момент настоящего времени. Этот текущий момент и является единственным наблюдаемым моментом времени. Его

можно назвать актуальным временем, что означает акт взаимодействия субъекта и наблюдаемого объекта.

Отсюда следует, что логическим основанием, началом и причиной времени может быть только первичный акт возникновения субъекта и объекта. То есть актуальное взаимодействие субъекта и объекта, понимаемое как универсальное свойство физического мира, должно присутствовать в самом начале Вселенной. Таким образом, начало космологического времени – это, согласно нашей схеме, акт происхождения Вселенной в единстве взаимодействия субъекта и объекта.

Сам по себе акт происхождения Вселенной можно объяснить либо как свободный акт творения объективной Вселенной абсолютным Субъектом, либо как случайность, которая, на самом деле, ничего не объясняет, а лишь заменяет трансцендентную и свободно действующую (а значит, и не предсказуемую) причину случаем. Но при такой постановке вопроса понятие случайно действующей причины как раз и будет эквивалентно понятию спонтанно действующей причины, что соответствует, в свою очередь, понятию субстанции как ни от чего не зависящей абсолютной причины всякого движения и изменения. Поэтому случайная причина совсем не отрицает необходимой причины происхождения и эволюции Вселенной, а обе они дополняют друг друга и проявляются как действие субстанции.

Таким образом, мы исходим из того, что субстанция проявляется либо как спонтанная, либо как необходимая причина всего. Это две взаимодополняющие причины существования и становления, устойчивости и изменчивости.

Разовьем теперь нашу схему генезиса физических понятий, согласно которой первичными метафизическими понятиями, или фундаментом, на котором строится все физическое здание, будут понятия субстанции, хронального континуума и информации [1]. По сути, наш генетический метод построения физической теории будет эквивалентен информационной парадигме, впервые сформулированной в знаменитой фразе Дж. Уилера «все из бита». Но особенностью нашего подхода, в отличие от Дж. Уилера и других авторов, является то, что мы, помимо понимания первичной роли информации, вводим понятие причины появления и изменения информации, а также понятие ее фундаментального носителя. Основной тезис нашей программы заключается в том, что время любого объекта, в том числе и всей Вселенной, начинается с некоторого потенциального порядка состояний, в котором закодирована последовательность фаз развития системы. Другими словами, эволюция системы – это последовательное развертывание информационной программы ее развития, которая была свернута в виде суперпозиции в начальном хрональном расщеплении.

Но такая информационная модель времени реализуется лишь в простейших системах, способных только к простому воспроизводству в

строгом соответствии с начальной программой развития. Роль субстанции в данном случае заключается в задании начальных условий и первичном программировании будущего жестко детерминированного развития системы. В процессе такого развертывания в активном действии субстанции уже нет необходимости, и такая система будет самодостаточной в том смысле, что для обоснования ее жизнеспособности достаточно первичного импульса, заложенного в исходной программе. В этом случае информационный потенциал, заложенный в начальной программе, и будет субстанцией или субстанциальным принципом, поддерживающим существование системы.

Но в сложных системах, способных не только к воспроизводству, но и к изменению модели поведения в зависимости от меняющихся внешних условий и, более того, к активному действию во внешней среде и модификации самих этих внешних условий, проявляется уже спонтанное действие субстанции, способность к творческому преобразованию модели поведения и перепрограммированию первичной программы развития. Таким образом, субстанциально-информационная модель времени способна описать как простейшие движения жестко детерминированных систем, так и эволюцию сложных саморазвивающихся систем, характер поведения которых может спонтанно и непредсказуемым образом изменяться в результате субстанциального действия.

Поскольку данная концепция времени имеет, согласно нашей гипотезе, универсальный характер, ее можно применить для описания всех без исключения объектов и субъектов во Вселенной. Более того, само устоявшееся разделение времени на объективное и субъективное теряет смысл, так как в этом подходе и в объяснении всех процессов с точки зрения действия субстанции стирается грань между активным субъектом и пассивным объектом, а любая вещь во Вселенной будет одновременно и субъектом и объектом в зависимости от способа ее представления.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16Р-043 от 29.04.2016 и №Г16МС-020 от 20.05.2016.

Литература и источники

1. Спасков, А. П. Метафизические основания новой модели времени // Сборник научных статей «Научные труды Республиканского института высшей школы» (Философско-гуманитарные науки. Исторические и психолого-педагогические науки). – Минск, 2015. – С. 285–293.
2. Спасков, А. П. Философия и физика на пути к окончательной теории / А. П. Спасков, О. А. Козина // Метафизика. – 2016. – № 2 (20). – С. 124–137.

СИСТЕМНО-СМЫСЛОВАЯ «НАГРУЖЕННОСТЬ» КОНЦЕПТА «ИННОВАЦИЯ»

А. В. Цыра

Современный этап союза философии, естественных и технических наук характеризуется высокой степенью инновационности, охватывающей и пронизывающей духовную и практическую сферы деятельности человечества. Инновации в структуре научной деятельности – это альфа и омега ее эффективного развития, это смыслообразующая основа становления и преобразования всех сторон новой информационной цивилизации.

Развитие и внедрение инноваций во все сферы общественного производства потребовало от философии объяснения сущности концепта «инновация» как системного социокультурного феномена.

Репрезентация инновации как концепта, обладающего смысловой «нагруженностью», требует объяснения: что же понимается под концептом? В философии его содержание обосновывается исходя из общих задач этой науки. Так, по мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, основная задача философии состоит в формировании концептов; по мнению В. С. Стёпина – создавать принципиально новые категориальные системы; у Ж. Ришара – выделение разнообразных аспектов познания, концепт предстает у него как базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл со словом, которое мы употребляем; у С. С. Наретиной – это средство представления полного изменения конфигурации мира; Ф. В. Лазарев утверждает, что концепт – это понятие, служащее смысловой упаковкой вещей и напоминающее мир платоновских сущностей; у Л. Н. Богатой – фундаментальная единица многомерного мышления.

Но как бы не эксплицировалось содержание концепта, необходимо отметить одну из его особенностей – фрагментарность. Фрагментарная целостность концепта отражает многомерность мышления, которое предстает как такое мышление, когда многомерно мыслящий субъект одновременно актуализирует и сопрягает различные локальные смысловые пространства.

Одним из подходов, репрезентирующих архитеконику и сущность инновации, выступает сложившийся в XX веке системно-структурный подход. С его позиций любой объект, явление можно исследовать как систему, обладающую структурной организацией. В таком подходе под системой понимается «любой объект, в котором имеет место какое-то отношение, обладающее некоторым заранее определенным свойством» [1, с. 120], концепт исследуется в качестве смыслового оформления ее системных параметров и прежде всего, атрибутивных. В этом аспекте концепт предстает как определенное свойство, заранее предполагаемый смысл (что очень важно для характеристики «инновации»), заранее из-

вестные субъекту цели, какая-то исходная информация, существующая для системного представления исследуемого объекта, на которую познающий субъект опирается. В таком случае, структура должна представлять собой такое системообразующее отношение, которое должно соответствовать принятому концепту. Что же касается субстрата – то это сама «инновация», выступающая фактором (элементом) опережающего мышления и произрастающая из имеющихся в содержании системы новаций.

Исследование инновации как концепта характеризует ее как акт «нововведения, внедрения, высокую эффективность, результат интеллектуального решения... конечный результат интеллектуальной деятельности человека, его фантазии творческого процесса, открытий, изобретений и рационализации в виде новых или отличных от предшествующих объектов» [2, с. 89].

«Инновация» как система, содержащая внутренний интеллектуальный ресурс, обладает рядом атрибутивных параметров.

Во-первых, имманентностью, поскольку она связана с прогрессивным развитием исследуемого объекта, радикальным изменением его качества, переводом его в бифуркационное состояние. В эволюции новаций и модернизации содержания объекта на определенном этапе развития возникает «бифуркационная дихотомия», определяемая переходами в направлениях к инвариантным аттракторам, когерентно коррелирующихся с информационными потоками, обуславливающими эффективность инновационного развития объекта. Инновация здесь предстает как исходное звено в развитии объекта, но уже новой системы.

Во-вторых, детерминированностью. Здесь инновации предстают как социокультурный феномен, который пронизывает все сферы человеческой деятельности – экономическую, техническую, технологическую, организационно-управленческую, информационную, социальную. Следовательно, они детерминированы целями, задачами, растущим спросом и структурируются, исходя из конкретных человеческих потребностей и практических целей.

В-третьих, устойчивостью и стабильностью. Воспроизводя себя во всех сферах человеческой деятельности, инновация выражает тем самым прогрессивное развитие конкретного направления человеческой деятельности.

В-четвертых, атрибутивным параметром инноваций выступает вариативность. Это означает, что инновации характеризуются изменением своего содержания, но в тех пределах, которые обуславливают их новизну, эффективность, потребность социума. С этих позиций инновации чаще регламентируются требованиями найти способ, как их «сконструировать», «осмысленно воспроизвести», «построить в заданных условиях», «реализовать и получить экономический эффект».

В-пятых, уникальностью. Понятие «уникальность» употребляется обычно для обозначения редких, единственных в своем роде свойств, ка-

честв предметов. Оно подразумевает неповторимость, исключительность, чрезвычайность, небывалость в рамках данного класса вещей, объектов. Помимо этих характеристик уникальное обладает индивидуальностью, в отдельных случаях невоспроизводимостью, относительным характером и, обязательно, социальной новизной, что является детерминирующей составляющей смыслового поля уникального. Следовательно, сама суть развития подразумевает порождение уникального, неповторимого, не укладывающегося в актуальную реализованную обратимость, повторяемость, цикличность.

Эти характеристики уникального присущи и инновациям, поскольку последние всегда уникальны в момент их внедрения в науку, производство, социальные сферы жизни социума.

Инновация как система отличается собственной организацией в виде взаимодействия социальных механизмов, которые обеспечивают отношения координации и субординации образующих ее компонентов. Она проживает свой полный жизненный цикл: возникновение (зарождение) – освоение (внедрение) – распространение (диффузия). Звенья этого цикла связаны специфическими алгоритмами, и только в таком случае инновация выполняет всю совокупность функций, имеющих социальную ценность. Инновация как система характеризуется наличием интегральных системных качеств, рождаемых деятельностно-коммуникационным пространством и не сводимых к сумме качеств отдельных ее частей и компонентов. Среди них можно назвать такие, как инновационная возможность, инновационная способность, инновационный потенциал и т. д. И наконец, инновация как система обладает качественной определенностью, выраженной в целостности, обозначаемой как инновационная организация деятельности. Именно качественная определенность инновации способна изменить (как по содержанию, так и по форме) состояние инновацируемой системы, и последняя приобретает возможность оформления инновационности в качестве собственного системного признака.

На современном этапе концепт инновации имеет конкретную смысловую и системную «нагруженность». Инновация по своему содержанию и природе как многомерный феномен включает много смыслов. На общенаучном уровне она сохраняет свои детерминирующие признаки – нововведение, внедрение, высокую эффективность, результат интеллектуального решения. В то же время инновации – это процесс коренной ломки старого содержания знания, технологий, артефактов с последующим овеществлением нового. Это процесс строгого использования нового знания в производстве. Следовательно, инновационное развитие основывается на внедрении новой техники и передовых технологии в систему производства ценностей социума.

Инновация выступает и как социокультурный феномен. Это определяется ее предельностью распространения на все сферы жизнедеятель-

ности социума. Инновации принадлежат как сфере науки, техники, философии (например, методологические новации), так и сферам менеджмента, маркетинга, финансовым инвестициям, искусству, литературе, лингвистике и т. д.

Обоснование культурологической природы инновации позволяет утверждать, что она является элементом развития культуры, которая рассматривается как саморазвивающаяся система. Отсюда вытекает неперенное требование к инновационному подходу: следование принципу полноты циклов развития. Это означает, что в собственном, строгом смысле инновация наиболее разработана и применима в системе, где объектом развития является производство и экономическое развитие.

Литература и источники

1. Уёмов, А. И. Философия науки: системный подход / А. И. Уёмов, Л. Н. Терентьева, А. В. Чайковский, Ф. А. Тихомирова. – Одесса, 2010.
2. Старжинский, В. П. Методология науки и инновационной деятельности / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – Минск, 2010.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ФИЗИЧЕСКУЮ КАРТИНУ МИРА

Н. Г. Кембровская, И. А. Кипуцкая

«Ничего нельзя достигнуть, просто двигаться от успеха к успеху, и, только обескураживая трудностями, люди могут надеяться достигнуть некоторого прогресса»

И. Дирак

Начиная с XIX в. и до настоящего времени, установка на преобразование природы является доминирующей в развитии цивилизации.

Успехи техногенной цивилизации, прогресс науки и технологических инноваций породили представление, что именно такой путь является магистральным.

Известные кризисные явления, возникновение современных глобальных проблем заставили критически отнестись к прежним идеалам прогресса и по-новому взглянуть на многие ценности техногенного общества, в особенности на роль и статус науки в качестве важнейшего компонента культуры.

Поиск путей решения современных глобальных проблем связан не с отказом от науки и ее технологических внедрений, а с необходимостью гуманизации научно-технического развития.

Наука, от эпохи ее возникновения до настоящего времени, прошла ряд эволюционных стадий. Но только в техногенной цивилизации «по

мере того, как развивалась философско-методологическая рефлексия над научной деятельностью, появилась возможность зафиксировать в качестве особого компонента науки некоторую интегративную систему представления о мире, которая вырабатывается в результате синтеза знаний, получаемых в различных областях научного исследования, и которая получила название научной картины мира» [1, с. 16].

С возрастанием влияния науки на социальную жизнь, научная картина мира начинает выступать как компонент научного мировоззрения, направляющий деятельность исследователя.

Выдающиеся ученые, осмысливая на каждом этапе исторического развития науки взаимосвязь научной картины мира и научного мировоззрения, подчеркивали их взаимное влияние, которое является питательной средой для развивающейся науки.

Принципы механистического мировоззрения обеспечивали развитие соответствующей картины мира. Выдающиеся исследователи этого времени (Н. Коперник, И. Кеплер, Г. Галилей, Х. Гюйгенс, И. Ньютон) сделали свои открытия благодаря тому, что «опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира» [2, с. 46]. Механистическая картина мира в ее ньютоновской версии была существенно дополнена работами Л. Эйлера, Ж. Л. Лагранжа, У. Р. Гамильтона.

Трансляция механистической картины мира как доминирующего мировоззрения осуществлялась на новые области исследования, и не только в физике. Успешные попытки описания в рамках механистического подхода молекулярно-кинетических и термодинамических процессов, явлений электричества и магнетизма, несомненно, представляют собой триумф ньютоновских идей. Влияние механистической картины мира было столь значимо, что породило идею общей механики природы и человеческих отношений, включая политику.

Кардинальные изменения в науке начала XIX в. привели к формированию дисциплинарно-организованного знания. Вовлечение в сферу исследований принципиально новых объектов предопределило быстрый рост конкретно научного знания, которое не ограничивалось механикой и не могло адекватно интерпретироваться с позиций механистической картины мира, что постепенно и привело к утрате ею общенаучного статуса.

К середине XIX в. механистическая картина мира, господствовавшая в физике более двух с половиной веков, начала испытывать все возрастающую конкуренцию со стороны электродинамических представлений. «И тут наступил великий перелом, который во все времена будут связывать с именами Фарадея, Максвелла и Герца» [3, с. 245]. Ключевую роль в этом процессе сыграли исследования Максвелла, которые базировались на новых представлениях об электрических и магнитных полях и близкодействии. «После Максвелла физическая реальность мыслится выраженной необъяснимыми с механической точки зрения, континуаль-

ными полями, подчиняющимися дифференциальным уравнениями в частных производных. Это изменение представления о реальности является наиболее глубоким и плодотворным, которое знала физика после Ньютона» [3, с. 246].

В начале XX в. электродинамическая картина мира, в свою очередь, уступает место квантово-релятивистской. В работах классиков современного естествознания (М. Планка, Н. Бора, А. Эйнштейна, М. Борна, В. Гейзенберга, П. Дирака), стоявших у истоков квантово-релятивистской физики, отчетливо выражена точка зрения, что великие революции в физике связаны с перестройкой картины мира. При этом изменения, которые произошли в научном понимании благодаря синтезу теории относительности и квантовой механики, не означали отказа от адекватной картины мира, а только демонстрировали «крушение одной картины мира и возникновение другой, представляющей более глубокое понимание природы "реальности"» [4, с. 56].

Становление и развитие квантовой механики потребовало не только радикальных изменений в физической картине мира (представление о корпускулярно-волновом дуализме, принципиально вероятностное поведение микрочастиц), но и в ее философских основаниях.

Это был своеобразный урок теории познания. В методологическом смысле разработанный Н. Бором принцип дополнительности позволял вести речь не об одной, а о двух взаимно дополнительных картинах, описывающих реальность. «Обе картины, естественно, исключают друг друга, так как определенный предмет не может в одно и то же время быть и частицей (т. е. субстанцией, ограниченной в малом объеме) и волной (т. е. полем, распространяющимся в большом объеме). Но обе картины дополняют друг друга. Если использовать обе картины, переходя от одной к другой и обратно, то в конце концов получится правильное представление о примечательном виде реальности, который открывается в наших экспериментах с атомами» [5, с. 22].

Другая программа методологической рефлексии, выдвинутая А. Эйнштейном, исходила из представлений единства физической картины мира, в которой должны быть сохранены и синтезированы в единое целое идеи пространственно-временного и причинного описания природы. «Общая теория относительности, которая расширила наш кругозор и придала нашей картине мира такое единство, которого ранее нельзя было и вообразить, несомненно, является одним из величайших триумфов рационального человеческого познания» [6, с. 499]. Ее применение к проблемам космологии привело к обнаружению особенностей строения и эволюции Вселенной.

Для современного этапа развития науки, которая вступила в новую стадию своего развития, характерно резкое ускорение процессов дисциплинарного синтеза знания. Физика играет по-прежнему главную роль в формировании целостной и непротиворечивой научной картины мира.

Идеи целостности и самоорганизации становятся предметом специально-го анализа в рамках не только физики, но и в различных научных дисциплинах – в химии, биологии, социальных науках, что создает дополнительные импульсы к их интеграции. «Современные тенденции синтеза научных знаний выражаются в стремлении построить общенаучную картину мира на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» [7, с. 392]. «Та стадия физики, которая достигнута на сегодняшний день, не является окончательной. Она представляет собой именно одну из стадий в эволюции нашей картины природы и нам следует ожидать, что этот процесс эволюции будет продолжаться в будущем» [8, с. 86].

Литература и источники

1. Стёпин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Стёпин, Л. Ф. Кузнецова. – М., 1994.
2. Планк, М. Отношение новейшей физики к механистическому мировоззрению / М. Планк // Планк, М. Единство физической картины мира: сб. статей / Отв. ред. Б. Г. Кузнецов. – М., 1966. – С. 51–71.
3. Эйнштейн, А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Максвелл Дж. К. Статьи и речи / отв. ред. Л.С. Фрейман. – М., 1968. – С. 243–247.
4. Борн, М. О значении физических теорий / М. Борн // Борн М. Физика в жизни моего поколения: сб. статей / под ред. С.Г. Суворова. – М., 1963. – С. 31–57.
5. Гейзенберг, В. Физика и философия / В. Гейзенберг / Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: пер. с нем. – М., 1989. – С. 3–132.
6. Бор, Н. Математика и естествознание / Н. Бор // Бор Н. Избранные научные труды / под ред. И.Е. Тамма, В.А. Фока, Б.Г. Кузнецова. – М., 1971. – Т.2. – С. 497–502.
7. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 1999.
8. Дирак, П. Эволюция взглядов физиков на картину природы / П. Дирак // Вопросы философии. – 1963. – № 12. – С. 83–94.

НАУЧНАЯ ПАРОДИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Н. П. Мамыкин

В своей классической работе «Смех» А. Бергсон охарактеризовал вопрос о сущности смеха и смешного (т. е. проблему комического) как «маленькую задачку», упорно не поддающуюся решению. Соглашаясь с такой ироничной, но не лишённой оснований, формулировкой, следует согласиться и с необходимостью сужения предметной области «маленькой задачки» и перехода к изучению разновидностей комического на материале определенных сфер общественной жизни с привлечением более

разнообразного методологического инструментария. В особенности актуальны проблемы научного юмора. Но необходимы еще более узкоспециализированные исследования. В данном сообщении обращается внимание на сущность пародии как одного из жанров научного юмора и на основные особенности ее культивирования.

Человеку свойственно шутить. Рассмотрение явлений с точки зрения соотношения серьезного и смешного позволяет людям обнаруживать в вещах другую, неочевидную их сторону и тем самым находить компенсацию (зачастую условную) жизненных трудностей, производить оперативное уточнение наличных ресурсов и потребностей.

Отпочковавшись от здравого смысла, но постоянно опираясь на него, юмор в дальнейшем проявляет определенную самостоятельность в критике его ограничений, т. е. участвует в самокритике здравого смысла. Это характерное проявление индивидуальности проходит адаптацию в различных социальных общностях, в том числе в профессиональных. Профессиональный юмор, подчиняющийся необходимости взаимопонимания членов сообщества, нередко закрепляется в виде специальных кодов, понятных «посвященным». Научный юмор в значительной части подпадает под понятие профессионального юмора, являясь одним из наиболее представительных и бурно прогрессирующих его видов. Необходимый для повседневной деятельности здравый смысл не игнорируется и в науке, но принимает форму научной рациональности.

Сложность и многообразие встающих перед учеными проблем, необходимость рассмотрения их в определенном ракурсе с обозначением собственной позиции побуждают к поиску соответствующих форм. Наиболее популярны, причем не только в научной среде, высказывания классиков науки с «блестками» юмора. Они интересны и с точки зрения оценки ситуации в определенной науке, и как выразительные штрихи в картине эпохи в целом. Так, академик И. Д. Ландау, обсуждая КПД атомной бомбы, заметил, что в данном случае лучше употребить термин «коэффициент вредного действия». Американский физик-экспериментатор Р. Вуд стал автором удивительного фразеологизма «овца в волчьей шкуре», переворачивающего фольклорный образ «волка в овечьей шкуре», который он применил к себе самому и к другим ученым, получившим чины и одевшим военную форму во время первой мировой войны.

В целом же «юмористическая продукция», создаваемая самими учеными, а также писателями и публицистами, поддерживающими их взгляд на вещи, весьма разнообразна, причем следует предусматривать возможность появления новых ответвлений. Критическая рефлексия над научной деятельностью опирается на опыт не только научного, но и вне-научного познания. Это осуществляется, например, в форме адаптации фольклора к условиям научной жизни, переписов сюжетов художественных произведений на научный педагогический лад. Но даже если сознательно переосмысливается опыт научной деятельности по ее собствен-

ным канонам, так или иначе используется арсенал художественной деятельности, преуспевшей в работе над текстами. Это особенно важно в случае пародии.

Осмеяние негативных сторон науки (реальных или вымышленных) издавна осуществляется в рамках художественной литературы путем цитирования и комментирования наукообразных текстов. Так обстоит дело в известных произведениях Дж. Свифта, М. Твена, К. Пруткова, А. П. Чехова, К. Чапека, апеллирующих к широкой публике. Нередко и в научных и философских трудах изложение критикуемых точек зрения принимает форму пародии.

В настоящее время пародии на научные работы представлены в качестве самостоятельных текстов, при этом имитируя форму статей, отчетов, рефератов и т. п. Объектом осмеяния может быть конкретная научная работа, научное направление, модная идея и т. д. Комический эффект достигается за счет формальной трактовки научных положений, неуместного применения их в быту, но также и посредством применения известных художественных приемов (гипербола, аллюзия и др.).

В отличие от художественной деятельности, где пародия (литературная или музыкальная) занимает свою определенную нишу и даже нередко ценится выше оригинала, место пародии в научной деятельности весьма неопределенно. Научная пародия не считается научной работой. Правда, этот жанр уже появляется на страницах иностранных научных журналов, но пока не удостоивается упоминания в энциклопедических изданиях. И все же влияние научной пародии на общественное мнение несомненно (напомним общезвестные шуточные советы аспирантам по подготовке диссертаций).

В самом общем, сугубо предварительном плане можно отметить, что дискредитация ложных ценностей удастся легче, чем утверждение подлинных. Последнее часто осуществляется способом «от противного».

Такие соображения нуждаются в уточнении. Ряд современных авторов стремится придать развитию пародии новый импульс, создавая пародии на новые науки или даже на науку в целом. Таковы, например, зарубежные публикации, составляющие «Библиотеку практического юмора» («Закон Паркинсона», «Закон Мерфи», «Принцип Питера», «Принцип Дилберта»). Надо отдать должное авторам этих работ, стремящихся обобщить наиболее сложные проблемы человеческого бытия и выразить их краткой запоминающейся фразой. «Закон Паркинсона» гласит: «Число государственных служащих неумолимо растет независимо от объема работы и даже если таковой нет вовсе». Ряд ученых и практиков признали справедливость такой хлесткой формулировки и ее уместность в критике бюрократизма. Согласно «Закону Мерфи», «если может произойти что-то плохое, оно непременно произойдет». Эти положения «мерфологии», безусловно, соответствуют требованиям производственной практики, где давно применяется коэффициент запаса. Но в данном случае этот коэф-

фициент слишком завышен. Комический эффект по сути создается за счет субъективистской трактовки теории вероятности, что не ново. Отдельные постулаты интересно было бы проверить («бутерброд всегда падает маслом вниз»), другие положения основаны на явной иллюзии («чужая очередь всегда движется быстрее»).

Заслуживают внимания попытки преодолеть идеализированные представления о жизни и о научной деятельности. Вместо них предлагаются законы дезорганизации, противодействия человеческой воле, которые разбираются на примерах конкретных ситуаций. Представленные в виде фундаментальных, эти законы относятся к прикладной сфере, что достаточно оригинально.

Новоизобретенные законы сопоставимы (по крайней мере, внешне) с популярными законами Б. Коммонера в экологии или с законом В. Парето в социологии, также достаточно категоричными, но не вполне поддающимися верификации, поскольку в них не содержится строго измеряемых величин. Законы Б. Коммонера и В. Парето скорее относятся к сфере должного, а не сущего, что существенно отлично от прежних формулировок законов природы и общества в объективистском духе. Но законы Мерфи как раз провозглашают непреодолимый разрыв между должным и сущим: «Все в жизни получается не так».

Формулировка законов Мерфи и Паркинсона побуждает и к другим коннотациям. Напрашивается сопоставление с философией А. Шопенгауэра, а через нее и с древней философией (буддизм, стоицизм). Такое сочетание пессимизма с активизмом тоже оригинально. Анализ последних публикаций «Библиотеки практического юмора» показывает, что автор начинает повторяться. Все это говорит о трудностях освоения научной пародии, необходимости свежих идей.

Изучение научного юмора достаточно интересно само по себе; к тому же оно выводит на важные мировоззренческие проблемы, позволяя представить их более осязаемо. Культивирование научного юмора – не самоцель, оно должно рассматриваться в рамках развития научной культуры в целом. Научная пародия предоставляет вполне конкретные возможности в этом отношении.

О КРУГЛОМ СТОЛЕ «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ» В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ

Е. Н. Лисанюк, А. Н. Шуман

Круглый стол «Логико-философские проблемы познания» состоялся 22 апреля 2016 года в рамках Международной конференции «Философское знание и вызовы цивилизационного развития», посвященной 85-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси.

В заседании круглого стола приняли участие ученые из Беларуси, Польши и России, в том числе В. Ф. Берков, Я. Воленский, В. И. Кудашов, Е. Н. Лисанюк, А. И. Лойко, В. К. Лукашевич, В. И. Павлюкевич, В. Ю. Перов, А. Н. Спасков, А. Н. Шуман, Я. С. Яскевич и др. Было заслушано шесть сообщений, каждому из которых было посвящено содержательное обсуждение; состоялась общая дискуссия по проблематике круглого стола. Модераторами круглого стола выступили доц. А. Н. Спасков (Беларусь) и доц. А. Н. Шуман (Польша). Сообщения А. Н. Шумана и Е. Н. Лисанюк были подготовлены в рамках совместного международного научно-исследовательского проекта БРФФИ–РГНФ «Формальные модели и когнитивные механизмы аргументации в праве» (РГНФ № 15–23–01002).

Со вступительным словом на круглом столе выступил А. Н. Спасков, в сообщении профессора В. К. Лукашевича (Минск, Беларусь) «Ментальные вызовы современности и наука» речь шла об общих характеристиках ментальной составляющей современного общества, оценивались рациональные и иррациональные моменты, говорилось об утраченном значении философии в жизни общества. Подчеркивалась социальная значимость философского знания для поддержания рационального дискурса в обществе. Выделялись современные аналоги идолов Ф. Бэкона в связи с визуализацией современной коммуникации и с переходом от письменной к визуальной трансляции информации.

Сообщение профессора В. Ф. Беркова (Минск, Беларусь) «Интерпретация работы К. Маркса "Тезисы о Фейербахе" в советской философской литературе» было посвящено проблеме марксистского теоретического наследия в контексте преподавания курсов по философии для профильной и непрофильной аудитории. В связи с масштабным сокращением часов, выделяемых на преподавание философских дисциплин в учебных планах различных образовательных программ, остро стоит вопрос реорганизации содержания этих дисциплин и в структурном, и в содержательном аспектах. Несмотря на то, что марксизм является одним из ключевых течений в философии конца XIX–XX веков, содержание и структура современных курсов по философии этого факта никоим образом не отражают: марксистский подход ко многим философским проблемам либо не преподается вовсе, либо – там, где он все-таки присутствует, – не упоминается в явной форме. Неясно, в чем причина такой ситуации: связано ли это с идеологической нагруженностью марксистской философии в прошлом, или продиктовано ошибочными или устаревшими трактовками марксизма советскими теоретиками? В любом случае такая ситуация является ненадлежащей и требует исправления. Дискуссия по сообщению В. Ф. Беркова развернулась в русле обсуждения специфики учебно-методической работы. Коллеги делились опытом преподавания общих курсов философии в условиях сокращения учебных планов.

В сообщении доцента Е. Н. Лисанюк (Санкт-Петербург, Россия) «Аргументация и судебное решение, или как женщины в Российской Федерации обрели право на суд присяжных» шла речь о трех стадиях аргументирования в ходе принятия судебного решения на примере резонансной жалобы, рассмотренной Конституционным Судом Российской Федерации 25 февраля 2016 года. Суть жалобы состояла в том, что обвиняемой в убийстве гражданке было отказано в рассмотрении ее дела судом присяжных по двум причинам. Во-первых, в суде присяжных могут быть рассмотрены дела, составы преступлений которых предусматривают назначение наказания в виде пожизненного заключения, согласно действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Убийство относится к таким составам преступления, однако, согласно УПК РФ, женщинам не может быть назначено такое наказание. Во-вторых, рассмотрение дела судом присяжных относится к юрисдикции судов определенного уровня, которым подсудны дела о тяжких преступлениях, состав которых предусматривает назначение наказания в виде пожизненного заключения, но в данном случае подобное наказание не может быть назначено. С другой стороны, в Конституции Российской Федерации закреплено равноправие граждан, а также право на справедливый суд, включая суд присяжных, – этими аргументами и была мотивирована жалоба в Конституционный суд Российской Федерации, который поддержал заявительницу и рекомендовал законодателю внести соответствующие изменения в УПК РФ, чтобы обеспечить равноправие граждан перед судом.

Особенность аргументации в этом случае заключается в том, что, хотя решение судов отказать обвиняемой в том, чтобы ее дело было рассмотрено судом присяжных, было законным и правомерным, в пользу этого решения, равно как и против него имелось одинаковое количество аргументов, основанных на действующих нормах закона. Поэтому решение Конституционного суда Российской Федерации стало тем аргументом, который и сделал второе из них более обоснованным, чем ранее принятое первое. Моделирование аргументации в суде способно уточнить, каким образом происходит порождение содержания судебного решения. На первой стадии аргументирования осуществляется формирование нормативных множеств – посылок умозаключений, состоящих из фактических характеристик дела и релевантных им норм закона. Выведенные из них следствия на следующей стадии убеждения в ходе процесса подвергаются критике сторонами судебного конфликта. На третьей стадии практической аргументации на основе того из следствий, которое наилучшим образом защищено от критики, формулируется совокупность действий, составляющая содержание судебного решения. В этой связи одной из наиболее перспективных идей по созданию компьютерных программ типа «электронного адвоката» видится поисковая система, формирующая нормативные множества применительно к различным аспектам

социальной жизни людей.

В дискуссии по данному сообщению выступили В. И. Павлюкевич и В. К. Лукашевич. Лейтмотив дискуссии была связан с вопросом о том, каким образом в судебном решении реализуются принципы справедливости, а также с тем, каким образом логические инструменты моделирования судебных решений помогают преодолеть проблемы пробелов в праве. В. К. Лукашевич заинтересовался, что означают ложные факты в судебном процессе, и что понимается под эпистемическими пробелами – это одно и то же или разные вещи.

В. Ю. Перов (Санкт-Петербург, Россия) выступил с сообщением «Специфика нравственного конфликта», основная идея которого состояла в том, что нравственный конфликт представляет собой столкновение добра с добром, а не добра со злом, как это принято считать. Имеется много случаев, когда выбор человека, каким образом следует поступить в конкретной ситуации, квалифицируется как моральный выбор. Часть из этих случаев давно стала классическими примерами моральных дилемм, несмотря на то, что некоторые из них, хотя и подпадают под определение морального выбора, тем не менее, не являются нравственными конфликтами. Например, не является моральным «выбор Софи» – когда нацист в концлагере предлагает матери выбрать, какого из двух своих детей отправить на смерть, а какого – оставить в живых. В подобных случаях выбор между действиями необходимо сделать, однако он не выступает проявлением нравственного конфликта, потому что здесь нет никакого морально обоснованного решения. В отличие от случаев конфликта между действиями, между которыми требуется выбрать, поскольку их невозможно одному человеку совершить сразу и в поддержку каждого из которых имеются весомые нравственные аргументы. Наличие моральных аргументов в пользу того или иного решения свидетельствует о том, что в данном случае имеется не только моральный выбор, но и нравственный конфликт.

В сообщении А. Н. Шумана (Жешув, Польша) «О логических аспектах построения электронной экспертной системы судебной аргументации» была продолжена тема создания компьютерных приложений типа «электронный адвокат». В отличие от юридических баз данных, весьма распространенных на современном, в которых, как правило, содержатся кодифицированные и систематизированные законодательные акты, имеет смысл задуматься о создании специализированных баз данных юридической практики, доступных гражданам. В подобных базах рассмотренные дела и принятые решения можно структурировать не только по разделам права, как это принято в существующих юридических базах, но также и по особенностям принятых решений (в пользу истца или в пользу ответчика, оправдательное или обвинительное), по судебным инстанциям и конкретным судам (судьям), принявшим то или иное решение и т.п. Это, с одной стороны, позволило бы пользователю получать информацию о

судопроизводстве в целом, и об особенностях решений, принимаемых конкретными судами и судьями, что сделало бы судебную систему более понятной и прозрачной для граждан. С другой стороны, создание подобных баз данных открывает возможности для того, чтобы сделать само судопроизводство более доступным посредством такой открытости, служащей важным фактором противодействия незаконным, неправомерным решениям и судебным ошибкам.

В сообщении А. Н. Спаскова «Логические предпосылки новой онтологии времени» была представлена оригинальная бикомпонентная концепция онтологии времени, или субстанционально-информационная концепция, характеризующая его фазовое понимание, в противовес тому, как в линейных и циклических концепциях времени оно трактуется как необратимое и транзитивное. Транзитивность времени – весьма спорная его характеристика, в особенности когда речь идет об информационных процессах или микромире. По этой причине представляется перспективным объединить в одной концепции линейное, нелинейное и циклическое представления времени и трактовать это следующим образом. Внешнее время взаимодействия системы с внешней средой понимается как линейное время, выражающее каузальные связи событий. Эволюционные процессы в сложных системах или макромире характеризует нелинейное время, выступающее их внутренним временем, для такого понимания времени существенным свойством является его динамический характер. Время в информационных процессах также является внутренним по отношению к ним, однако в отличие от эволюционирующих систем, здесь оно носит статический и фазовый (или циклический) замкнутый характер. Обобщенная модель транзитивно-фазового времени, основанного на его субстанционально-информационной концепции позволяет фрагментировать типы изучаемых систем, равно как и типы их взаимодействия с внешними средами (вещественное, энергетическое, информационное). Эвристическая ценность предлагаемой концепции времени подтверждается тем обстоятельством, что она пригодна для объяснения последних открытий в области физики и, по-видимому, обладает высоким предсказательным потенциалом.

1.2 История философии – источник понимания процессов развития интеллектуальной культуры

ОБРАЗ ФИЛОСОФА АНТИЧНОСТИ

Т. В. Медведок

Современное состояние духовной жизни общества характеризуется

его радикальным обновлением, переоценкой всего того, что мы получили в наследие от предыдущих поколений. Во многом, именно в такие переломные эпохи усиливается потребность в философском осознании как мира в целом, так и общественной жизни человека, смысла его бытия. В результате происходит заметное увеличение интереса к философии, обращение к поискам новых ценностей и идеалов, способных вывести социум из очередного кризиса, но наряду с этим нарастает и необходимость обернуться назад, заглянуть в мировоззренческие глубины.

Современность в той мере, в которой она стремится осознать духовные и исторические начала мировоззрения, определить принципы функционирования нынешней цивилизации, неминуемо обращается к далеким временам античности. Именно на этом историческом отрезке несложно обнаружить эталон разумности и эстетического совершенства, который человечество стремится и по сегодняшний день не только сохранить, но и превзойти. Достоинства далекой античной цивилизации находят свое воплощение в образе человека познающего, в эллине, обратившем свой взор к философскому мировоззрению. Античность выступает для философии исходным пунктом, точкой отсчета, а античный мудрец – неперменной фигурой в диалоге культур. Последнее дает основание М. Хайдеггеру утверждать, что настоящий философ должен знать два языка – немецкий и древнегреческий.

Наша духовная культура во многом греческого происхождения. Незнание учений и сочинений великих мастеров древности, таких как Платон или Аристотель, даже полное неведение их имен не избавляет нас от очевидного влияния их авторитета. Все наше мышление, категории, в которых оно движется, словесные формы, которыми оно пользуется, – все это в определенной степени есть результат и достижение великих мыслителей прошлого.

Античный философ в рамках историко-философского пространства представляется довольно нетипичной фигурой. Во многом это связано и определено культурными особенностями отмеченного периода. Философия античного мира оказывается теснейшим образом сопряжена с рамками и спецификой культуры, в которой она заключена. Формирование данного типа культуры происходило в совершенно иных условиях, нежели те, к которым мы считаем «естественными». В частности, отсутствовали те образовательные и исследовательские институты, в рамках которых, в соответствии с их специфическими целями и задачами, формируется интеллектуальная культура современного человека. Вместе с тем, философия, сам факт ее существования имеет прямое отношение к интеллектуальной культуре античного человека. Диалоги Платона реализуют определенную педагогическую технику, нацеленную на развитие особых навыков умозрения. «Вместе с тем общеизвестное противопоставление "мудрости" и "любви к мудрости", срединное положение философа, равно отдаленного и от всеведущего мудреца и от идиота-

простеца, недвусмысленно свидетельствует, что связанная с философией культура умозрения возникает в контексте соперничества и конкуренции с иными интеллектуальными стратегиями» [1, с. 8].

Античная философия соединяет в себе огромное множество философских учений и школ. Она активно продуцирует основной категориальный аппарат философского дискурса, ориентирует человека на занятие философией, на нахождение в ней.

Человек на протяжении тысяч лет не единожды пытался и пытается интеллектуально обнаружить собственную сущность как некое единство, завершенность, но, понимая специфику мировоззрения, мы вынуждены в какой-то момент допускать несостоятельность подобного рода поиска. И философия – это все та же бесконечная актуальная расщепленность человеческого сознания; это клубок противоречий сущего и должного; это, говоря словами Новалиса, «тяга повсюду быть дома» и вместе с этим обреченность на горькое осознание собственного одиночества.

Античный философ сумел убедительно отобразить эту тягу быть повсюду как дома и сделал это посредством умозрительных размышлений. Древний грек, задавая и задаваясь вопросами о сущности мира, о человеке, о том, как должно жить, как раз и пытался приобрести то знание, которое позволит и позволяло ему чувствовать себя уютно в этом мире. Античный мудрец был ничем не стеснен в области умопостигаемого. И эта свобода, свобода мысли, его не опьяняла, он вполне деловито и рассудительно ею пользовался, тщательно возводя здание своих представлений об окружающей его действительности. К тому же на примере выдающихся классиков античной мысли несложно заметить, что это знание об окружающем мире и человеке в нем не сводится просто к информации о действительности – оно и само есть некоторый образ жизни, соответствующий наивысшей деятельности, какая только доступна человеку; оно неразрывно связано с совершенством и духовным достоинством. Для многих античных мудрецов «философия могла быть чистой теорией, но она была чистой теорией, направляющей практическую жизнь» [2, с. 67]. «Мудрость рассматривается во всей античности как способ бытия, как состояние человека, существующего совершенно иначе, нежели остальные люди, и являющего собой своего рода сверхчеловека. Если философия есть активность, смысл которой – упражнение в мудрости, то упражнение это по необходимости заключается не только в том, чтобы говорить и рассуждать определенным образом, но и в том, чтобы определенным образом быть, действовать, смотреть на мир» [3, с. 83].

Как известно, Ф. Ницше жестоко порицает в «Рождении трагедии» известного афинского мудреца Сократа за то, что тот своей диалектикой разложил, дискредитировал трагическую поэзию. Немецкий философ был уверен, что Сократ более чем кто-либо повинен в гибели античного трагического мифа, что он смертельно рационализировал греческую культуру. Поразительно, но Сократ не только и не столько говорил – он,

в первую очередь, жил, и именно жизнь стала его главным словом. Ницше, учивший о превосходстве жизни над словом, не захотел или не сумел выявить в Сократе самого себя.

Философия, по разумению многих мудрецов античности, не сводится к исключительно теоретической деятельности, но включает в себя также практическую деятельность – правильный образ действия, благие поступки. Античный философ гармонично соединяет в себе высокий уровень философской теоретичности с интенцией на ее практическую реализацию в обыденной жизни. То, о чем говорит философ, как правило, согласуется с его деятельностью. Быть может, в этом и состоит одно из высших достижений античной философии, посредством чего она вызывает доверие и завоевывает безусловное расположение.

Литература и источники

1. Баранов, С. А. Античный образ человека: исторический смысл и судьба в диалоге культур: автореф. дис... канд. филос. наук: 24.00.01. / С. А. Баранов. – Великий Новгород, 2009.
2. Кессиди, Ф. Х. К истокам греческой мысли / Ф. Х. Кессиди. – СПб., 2001.
3. Адо, П. Что такое античная философия? / П. Адо. - М., 1999.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ АРИСТОТЕЛЯ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ

А. Ю. Дудчик

На примере одного тезиса из сферы социально-политического наследия Аристотеля мы хотели бы обратиться к достаточно распространенной в истории философии проблеме. А именно: несмотря на то, что идеи авторов прошлого до сих пор являются для последующих исследователей если не источником вдохновения, то, по крайней мере, предметом пристального интереса, в том числе и с точки зрения современных проблем, не всегда они кажутся верными или приемлемыми.

Творчество Аристотеля, во многом благодаря своему многообразию и ширине тематического охвата, дает нам несколько примеров подобных ситуаций. В частности, можно вспомнить о теории самозарождающейся жизни, которая долгое время была весьма популярной, однако не находит подтверждения с позиций современного научного знания. Другой пример – представления Аристотеля о сущности рабства. Как известно, Аристотель не только рассматривал состояние рабства как нечто вполне присущее человеческим сообществам, но и приводил определенные аргументы для обоснования рабства. В известном фрагменте из «Политики» Аристотель пишет: «Все те, кто в такой сильной степени отли-

чается от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного (это бывает со всеми, чья деятельность заключается в применении физических сил, и это наилучшее, что они могут дать), те люди по своей природе – рабы; для них, как и для вышеуказанных существ, лучший удел – быть в подчинении у такой власти. Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает» [1, 383].

Вполне очевидно, что для большинства современных комментаторов данное суждение Аристотеля будет неприемлемым по моральным причинам. Тем не менее, возникает вопрос: каким может быть отношение к данному тезису Аристотеля сегодня? Многие исследователи предлагают трактовать его как отражение историко-культурного контекста, связанную с местом и временем жизни Аристотеля, ограничения которого сложно преодолеть даже самым выдающимся умам. С другой стороны, мы можем обратить внимание не только на ответы по поводу рабства, которые предлагает древнегреческий философ, но и на вопрос, которым он задается. Аристотель не формулирует этот вопрос в явной форме, но мы можем попробовать реконструировать его следующим образом: «Что делает раба рабом?». Формальных отношений господства и подчинения (когда, например, грек оказывается пленным представителями иной этнической группами – «варварами» в терминах того времени – и обращенным в рабское состояние), по мнению Аристотеля, оказывается недостаточно, и он пробует найти более глубокое обоснование, обращаясь к теме природной предрасположенности и обладанием способностью к рассуждению. Кроме того, следует отметить, что вопрос о сущности рабства связан с вопросом о свободе, которая понимается Аристотелем достаточно конкретно – как состояние свободного гражданина, противоположное подчиненному положению (в пределе – рабской зависимости).

Переходя к современной культуре, можно отметить, что тема рабства остается (возможно, не вполне ожидаемо) широко обсуждаемой. Даже если не брать в расчет встречающиеся и в современном мире случаи рабства или близких к нему практик, можно встретить достаточно много примеров обращения к теме рабства в более широком смысле в рамках обсуждения иных современных проблем. Приведем лишь несколько примеров. Во-первых, это работа современного кембриджского специалиста по древнеримской истории Дж. Тонера «Как управлять рабами». Книга написана на основе античных источников (в том числе, и работ Аристотеля), однако большое количество достаточно прозрачных аналогий с современными практиками управления сделало ее весьма популярной. Во-вторых, также весьма известная работа придерживающегося левых взглядов антрополога Д. Гребера «Долг: первые 5000 лет истории», в которой представлен достаточно подробный анализ феномена

рабства в контексте развития представлений о долговых обязательствах. Эти, равно как и многие другие, примеры обращения к теме рабства, на наш взгляд, свидетельствуют об актуальности темы для понимания особенностей культурного и социального развития человеческих сообществ.

Возвращаясь к теоретико-концептуальным позициям, касающимся феномена рабства, мы хотели бы обратить внимание на три из них, где делаются попытки дать собственный ответ на аристотелевский вопрос о том, что делает раба рабом.

Во-первых, это гегелевская антропологическая концепция, сформулированная в «Феноменологии духа» и получившая широкую известность благодаря интерпретации А. Кожева. В наиболее общем виде она заключается в акценте на диалектическое взаимодействие между фигурами господина и раба: первый оказывается способным подвергнуть собственную жизнь риску в борьбе, а второй – признать на основании этого его превосходство. В дальнейшем историческом развитии, которое рассматривается с акцентом на эти отношения, сложные взаимоотношения и взаимозависимость господина и раба сохраняют свое значение.

Во-вторых, это аксиологическая концепция Ф. Ницше о «морали господ» и «морали рабов» (также развитая рядом интерпретаторов, например, Ж. Делёзом). В данной концепции состояния господства и рабства опять же не понимаются в качестве наличных социальных положений, но анализируются исходя из моральных или, более конкретно, ценностных представлений. «Мораль господ» связывается Ницше со способностью создавать собственные ценности, «мораль рабов» – с отсутствием подобной способности, одной из компенсаторных форм чего Ницше считал отрицание и искажение «господских» ценностей. Ж. Делёз придает этим понятиям философии Ницше несколько менее эпатажное звучание, предпочитая использовать термины «активные и реактивные силы».

В-третьих, тема рабства играет весьма существенную роль в таком направлении современной политической мысли, как республиканизм, тесно связанный с исследовательским проектом «истории понятий». Один из наиболее известных представителей данного направления К. Скиннер обращается к теме рабства в рамках анализа концепции свободы, которая получила название «республиканской» и исторически восходит к античным (прежде всего, римским) источникам. В соответствии с этой концепцией раба делает рабом не наличие внешних ограничений (как в концепции «негативной» свободы), не невозможность реализации собственных подлинных склонностей и предпочтений (как в концепции «позитивной» свободы), а неучастие в управлении собственной судьбой и общественными делами в целом.

Таким образом, на примере рассуждений Аристотеля о рабстве была представлена более общая проблема наличия в классических

философских текстах положений, не всегда приемлемых (в силу несоответствия распространенным научным или моральным представлениям) для современных интерпретаторов. Одним из наиболее распространенных способов разрешения данной проблемы является контекстуализация данных положений и рассмотрение их как исторически ограниченных. Еще один вариант – акцент не столько на исторически контекстуальных ответах, сколько на вопросах (не всегда сформулированных в явной форме), которые могут сохранять свою актуальность, порождая новые варианты ответов. Как было показано, одним из подобных вопросов может считаться вопрос Аристотеля о сущности рабства, оказывающийся значимым для понимания современных дискуссий о свободе.

Литература и источники

1. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – Т. 4. – М., 1983. – С. 375–644.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ПОНИМАНИИ И. В. ГЁТЕ

М. В. Бейлин

В традиционном естествознании физический процесс рассматривался как нечто происходящее само по себе, а не как явление, познаваемое посредством тех или иных особенных средств наблюдения или измерения. Влияние на него любых практических познавательных операций, по предположению, допускало возможность полного исключения или компенсации. Такого рода базисная абстракция может быть названа, в духе В. А. Фока, абсолютизацией физического процесса.

Во второй половине XVIII века, когда аналитическая методология заняла в науке непоколебимые, как тогда казалось, позиции, она была подвергнута критике знаменитым Иоганном Вольфгангом Гёте, которому принадлежат не только «Страдания юного Вертера» и «Фауст». Им также были выполнены оригинальные, хотя и далеко небесспорные, труды в естествознании, в частности, в области учения о цвете (всестороннее и глубокое исследование научных изысканий И. В. Гёте выполнил В. И. Вернадский [2, с. 224–265]).

«Столетие, исключительно отдающееся анализу и как бы пугающееся синтеза, не стоит на правильном пути; ибо только оба вместе, как вдыхание и выдыхание, составляют жизнь науки», – утверждал Гёте (6, р. 405). Таким образом, он категорически выступал против абсолютизации анализа – и в теории, и в эксперименте.

И. В. Гёте с большим энтузиазмом отнесся к опубликованному в 1822 году антропологом И. Х. Хайнратом отзыву о его способе мышле-

ния, который Хайнрат (1773–1843) в книге «Учебник антропологии» назвал предметным. Он выразил согласие с тем, что его «мышление не отделяется от предмета, что элементы предметов, созерцания входят в него и интимнейшим образом проникаются им; что само мое мышление является созерцанием, созерцание мышлением» [4, с. 263]. Но предметное мышление – отнюдь не простое зеркальное отражение чувственно воспринимаемой реальности. Оно предполагает ряд шагов, когда психическая активность, творческое воображение исключают неважное и случайное, обнаруживают скрытое или недостающее, возможно, открывают новое, ранее неизвестное. В результате этого процесса в сознании формируется «чистый феномен», «прафеномен». Он – уже не просто копия предмета, а его идея, или идеальный образ.

В процессе предметного мышления не представляется возможным избежать ни обращения к отдельным экспериментальным данным, ни к абстракции. Однако на пути синтеза идеального образа они играют подчиненную роль и подлежат сознательному контролю разума, принявшего идею целостности природы как свое основоположение [5, с. 372, 381–382].

В таком статусе анализ в его разнообразных формах уже не пугает И. В. Гёте. Мы находим у него ряд замечаний о неразрывности анализа и синтеза, родственных по смыслу уже приведенному выше. Более того, мыслитель указывал, что «тупо разделяющий педантизм и сливающий мистицизм – оба приносят одинаковый вред». Однако негативное отношение к абсолютизации анализа существенно сказалось на отношении И. В. Гёте ко всякому его применению и помешало немецкому мыслителю, как со временем заметил В. И. Вернадский, использовать «могучий рычаг количественного, числового знания» [2, с. 261].

И. В. Гёте, согласно оценке академика Вернадского, «синтетик, а не аналитик... Очень характерно для Гёте, что его целое не было механически прочным, независимым, как мог бы проявляться современникам мир всемирного тяготения. Это было вечно изменчивое, вечно подвижное, в частности неустойчивое равновесие, не механизм, а организованность» [2, с. 262]. Поэтому сложилась парадоксальная ситуация: Гёте, выпавший из мейнстрима современного ему естествознания, по своему мировоззрению и методологии оказался близок науке второй половины XX – начала XXI века, уделяющей главное внимание не механизмам, а открытым сложным неравновесным системам, способным к самоорганизации целостностям. И. В. Гёте мыслил синтетически. Он считал, что нельзя разделить природные явления на независимые друг от друга части без вреда для получаемого вывода, и был убежден, что природу необходимо воспринимать как целое. «Синтетическое изучение объектов природы – ее естественных тел и её самой, как "целого" – неизбежно вскрывает черты строения, опускаемые при аналитическом подходе к ним, и даёт новое. Этот синтетический подход характерен для нашего времени в научных и

философских исканиях. Он ярко проявляется в том, что в наше время грани между науками стираются, мы научно работаем по проблемам, не считаясь с научными рамками» [1].

Хотя Г. В. Ф. Гегель по мировоззрению и способу мышления радикально отличался от И. В. Гёте, он высоко оценил философское наследие поэта. Несомненно, писал он, истина может быть познана посредством опыта. В опыте имеет большое значение, какой ум приступает к изучению действительности. Гёте, всматриваясь в природу или историю, делает великие наблюдения, усматривает разумное и даёт ему выражение [3, с. 127]. Правда, сразу же Гегель добавляет, что наиболее совершенным способом познания является познание в форме чистого мышления. По нашему мнению, в постижении целостности мира или конкретных реальных предметное мышление оказывается существенным дополнением понятийного. Благодаря своей синтетичности и образности оно может быть полезным не только в познавательной, но и в технологической активности, в процессе разработки и созидания задуманных продуктов. «Чистый феномен», или идеальный образ продукта, как и способ его получения, вполне может использоваться в дизайнерской активности в рамках соответствующей проектно-конструкторской работы, хотя, конечно, и не исчерпывая ее.

Таким образом, аналитическая методология классической науки базируется на редуктивном анализе и антиэммерджентном синтезе. Базовыми алгоритмами познавательной активности здесь может быть как гипотетико-дедуктивный метод, нашедший завершение и блестящее применение в трудах Ньютона, так и аксиоматико-дедуктивный метод Декарта. Они различаются не в отношении понимания значимости аналитического характера исследования, а в конкретных способах осуществления анализа и синтеза. Нормами классической методологии выступают полное и точное описание объекта, которое имплицитно лапласовский детерминизм, а также объективизм, или абсолютизация физического процесса. Но уже в пору наивысших достижений аналитической методологии он был подвергнут критике со стороны И. В. Гёте. В попытках понять Вселенную не как механизм, а как живое целое, этот поэт-мыслитель развил оригинальное – не понятийное, а предметное, не аналитическое, а синтетическое – мышление. Он отстал от естествознания и его аналитической методологии, однако по духу оказался близким науке второй половины XX – начала XXI века, направленной на познание открытых сложных нестабильных систем, способных к самоорганизации, то есть целостностей. Подобный опыт предметного мышления выглядит перспективным в смысле использования в дизайнерской активности в рамках проводимой проектно-конструкторской деятельности.

Литература и источники

1. Вернадский, В. И. Мысли и замечания о Гёте как о натуралисте / В. И. Вернадский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vernadsky.name/my-sli-i-zamechaniya-o-gyote-kak-o-naturaliste>. – Дата доступа: 24.03.2016.
2. Вернадский, В. И. Труды по всеобщей истории науки / В. И. Вернадский. – М., 1988.
3. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1974.
4. Гёте, И. В. Избранные сочинения по естествознанию / И. В. Гёте; пер., авт. примеч. И. И. Капаев, ред. Е. Н. Павловский. – М., 1957.
5. Гёте, И. В. Общие вопросы естествознания / И. В. Гёте. – М., 1957.
6. Mahdjoubi, D. Epistemology of Design / D. Maddjoubi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ischool.utexas.edu/~darius/Epistemology%20of%20Design-5-IDPT.pdf>. – Дата доступа: 22.03.2016.

НАСЛЕДИЕ МАРКСИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: МНОГОМЕРНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ПЛЮРАЛЬНОСТИ

В. А. Белокрылова

Теоретическое наследие К. Маркса принадлежит к тем многомерным и поистине глубоким духовным продуктам в которых практически каждый заинтересованный интерпретатор-теоретик и последователь-практик находит и выделяет созвучное его собственному запросу либо проекту. Диалектическая организация теории дает пищу для разнообразных герменевтических поворотов и интерпретаций. При анализе одного и того же явления акцент может быть сделан как на системные следствия развития производительных сил, так и на активную роль общественного сознания во всем богатстве его культурологических и идеологических измерений; на формы сверхдетерминации общественного организма институциональными факторами либо на критическое препарирование классово ангажированных технологий конструирования массового сознания; на проявление естественно-исторической необходимости в эволюции социума либо на активную созидающую роль прогрессивного субъекта. Герменевтическая плюральность марксистского наследия усилена еще и тем, что многие весьма существенные концептуальные проблемы обозначены у самого К. Маркса лишь общими штрихами, что оставляет широкий простор для толкований.

Спектр концептуальных следствий, дедуцируемых из марксизма, так же противоречив и разнообразен, как и сама диалектически сопряженная категориальная сеть марксистской теории. Дополнительные

трудности рецепции К. Маркса связана с гегельянскими корнями его системы и метода. Диалектическое наследие гегельянства – взаимопредполагающая и одновременно взаимоисключающая связь категорий, их опосредование и снятие через друг друга и друг в друге – неиссякаемый источник многообразия интерпретаций марксизма. Вышеназванная диалектическая пластичность вкупе с критической установкой, практически ставшей синонимом наследия марксизма («критическая теория»), являются главными причинами его непреходящей актуальности на протяжении длительного исторического периода, богатого трансформациями и катаклизмам. Именно поэтому дискуссии об «истинном» аутентичном Марксе и марксизме будут, по видимому, сопровождать эту ставшую достоянием мировой интеллектуальной культуры традицию до тех пор, пока в ней будут искать и находить основания для онтологических и философских оценок действительности, технологий ее проектирования и изменения, мировоззренческих ориентиров действия в ней.

Системе и методу марксистской философии посвящен обширный корпус исследований. Обращаясь к реконструкции методологического потенциала марксизма (как классического так и современного), целесообразно на наш взгляд не ограничиваться рамками наиболее распространенного подхода, сводящегося к констатации того, что, в каком значении и почему было сказано либо не сказано у К. Маркса. Ограниченность подобного анализа – в слабой корреляции с теми реально обращенными к Марксу и марксизму запросами, которые возникают в современном социальном познании, культурологии, философии.

Реконструкция современного методологического статуса марксизма в первую очередь предполагает рассмотрение созданных на его основе концептуальных средств постижения окружающей действительности. В этой связи более функциональным следует признать проблемный подход. Он позволяет акцентировать внимание на том, в каких проблемно-тематических ракурсах исследователи обращаются к марксизму; какие интерпретативные схемы и социально-политические технологии воспроизводят методологическую преемственность с марксистским дискурсом. Таким образом методологический потенциал марксизма сегодня раскрывается в первую очередь через анализ его применения к объяснению, планированию и управлению современной общественной практикой. Подобный подход позволяет хотя бы в общих чертах обозначить «полюса эвристичности» марксизма как теории и методологии, который в современных условиях демонстрирует свою эффективность в конкурентной борьбе с прочими интеллектуальными течениями.

Однако говоря о позиционировании марксизма в системе современного обществоведения, неверно было бы ограничиться конкуренцией. Важное значение следует отвести конвергентным тенденциям, продуктами которых становятся самые причудливые комбинации, воистину «кентаврические» коллажи – неотъемлемые симптомы постмодернистского

климата в социогуманитарной сфере рубежа XX–XXI вв.

Эти конвергентные тенденции можно расценивать, как минимум, с двух сторон. С одной стороны, функционирование в пространстве интеллектуального истеблишмента теории, имеющую столь солидный возраст, неизбежно сопряжено с ревизией ее основоположений. Тут, как и в истории науки, классика сменяется неклассикой и постнеклассикой. Диалектика такова: чтобы существовать, не теряя актуальности (т. е. сохраняться в качестве живой, объясняющей действительность концепции), необходимо меняться. Развитие теории – это насущная необходимость, однако здесь со всей остротой встает вопрос об идентичности: о том, *что именно* развивается, оставаясь тождественным себе во всех трансформациях. Без уяснения этого не будут очевидными основания для отнесения к марксизму какой бы то ни было современной концепции, апеллирующей к идеям К. Маркса. Т. е., говоря о методологическом значении марксизма в современных условиях, мы должны определить с набором мировоззренческих признаков и методологических критериев, позволяющих отнести то или иное учение к марксистской традиции. В противном случае велик риск подмены марксизма его симулякрами.

Как бы то ни было, глубина и многомерность созданной К. Марсом и Ф. Энгельсом «энциклопедии общественных наук» делает задачу выделения развивающегося ядра (по Гегелю – «начала, имплицитно содержащего свой итог») сложнореализуемой. Согласно гегелевской диалектической схеме именно в ходе становления, превращаясь во всех своих частных формах и ипостасях, абсолютная идея реализует себя. Это процесс самодвижения, в ходе которого она телеологически разворачивает свое имманентное содержание.

Соответственно этой модели марксизм как живая, становящаяся теория также подвержен внутренним противоречиям, самоотрицанию, его снятию с выходом на новый уровень объяснения и прогнозирования действительности. Поэтому обращаясь к какой бы то ни было концепции, позиционирующей себя в качестве продолжателя марксистской традиции, т. е. к одной из частных определенностей теории, очевидно нельзя рассчитывать обнаружить в ней весь комплекс характерных атрибутов целого. И это отнюдь не является поводом для ее исключения из ореола марксистской традиции. Вместе с тем насущной является проблема сохранения идентичности марксизма, демаркации его внешних и внутренних границ в условиях нарастающей синкретичности концептуального аппарата гуманитаристики.

Поэтому более приемлемым и «экономным» вариантом решения этой задачи следует признать путь в духе фальсификационизма К. Поппера. Это определение перечня таких потенциальных «фальсификаторов», которые не могут быть вписаны в марксистскую парадигму без разрушения ее духа и буквы, утери общего смысла. Соответственно на наличие этих фальсификаторов могут быть проверены концепции, за-

явившие свои права на генетическое родство с марксизмом.

Следуя данной, мы отнюдь не претендуем на исчерпывающий перечень критериев фальсифицируемости; остановимся лишь на наиболее на наш взгляд характерных и типичных.

Марксизм – один из мощнейших механизмов самокритики западной цивилизации. Это не оспаривают даже его самые непримиримые противники. Поэтому отсутствие критицизма в отношении наличного либо желаемого социального проекта можно признать главным инструментом «фальсификации» теоретического конструкта на предмет его принадлежности к марксизму. Условно обозначим этот «фальсификатор» как сублимиацию критики апологетики.

Ни одно из достигнутых общественных состояний, по К. Марксу, каким бы гармоничным оно не представлялось, не является неизменным и не сохраняется вечно. Даже коммунизм – «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» есть конец предыстории и начало истории, т. е. динамики определенных фаз. Поэтому следующий, фатально несовместимый с марксовой картиной мира, «фальсификатор» – это стремление покинуть пределы истории за счет достижения раз и навсегда равновесной точки оптимума (или максимального приближения к ней). Этот тип несовместимых с марксизмом установок мы условно обозначим как «конец истории». Смежной по смыслу выступает фальсифицирующая установка, суть которой – в намеренном игнорировании и сглаживании, «вынесении за скобки» противоречий в общественных системах (по К. Марксу – источника и движущей силы всякого развития).

Если «конец истории» и «отрицание отрицания» как концептуальные установки идут в разрез, в первую очередь, с социальной онтологией, то следующий выделяемый нами фальсификатор относится к методологии. Это – внеисторический и «внеклассовый» подход («человек вообще», «государство вообще», «право вообще», «общественное благо вообще»). Если истина, по К. Марксу, всегда конкретна, то подобная абстрактная всеобщность уводит исследователя в направлении абсолютизации наличного.

Обширный ряд фальсификаторов марксизма связан с общественным сознанием и субъективностью. Диалектика прямой и обратной корреляции общественного бытия и общественного сознания является одним из самых дискуссионных аспектов в парадигме марксизма. Это относится и к феномену идеологии, являющемуся одновременно производной и производящей формой общественного сознания и, в то же время, институционально закрепленным элементом структуры взаимодействия. Не подвергая сомнению многочисленным плуральным трактовкам этих системообразующих аспектов марксистской системы, остановимся лишь на таких, при котором действительные процессы замещаются видимостью. Подобные теоретические конструкции (в терминологии Марка «превращенные формы») чаще всего генерируются вокруг концепта «ложного

сознания», которому вменяют всю полноту ответственности за кризисы и катаклизмы. При этом акцент постулированной у К. Маркса «идеи как материальной силы» смещается на идею как конечную причину.

Итак, анализ методологического потенциала философии марксизма предполагает установление баланса между герменевтической плюральностью интерпретаций и «осевой» самоидентификацией марксистской традиции. Этому способствует, с одной стороны, анализ концептуальных установок марксизма, потенциально допускающих разнонаправленные трактовки и дедуцируемые из них следствия, с другой, процедура фальсификации положений, кардинально несовместимых с марксистской парадигмой.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16КАО/А-006 от 1 марта 2016 г.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД А. Ф. ЛОСЕВА

И. А. Шебинова, Игумен Ермоген (Панасюк)

При осмыслении глобальных тенденций, затрагивающих все социальные сферы современного мира, приходится обращаться к методологическому анализу и затрагивать межкультурные и межконфессиональные отношения. Необходим поиск и осмысление актуальных механизмов развития и существования глобализирующегося общества.

При изменении геополитических ориентиров человечество в своей истории неоднократно сталкивалось с проблемами интеграции традиций, культурных и религиозных особенностей. Современные проблемы как никогда ранее нуждаются в верных решениях, чему безусловно способствует обращение к философскому интеллектуальному наследию.

В данной связи нам хотелось бы обратить внимание на творчество выдающегося мыслителя и ученого Алексея Федоровича Лосева, жившего и работавшего в сложный исторический период, что наложило отпечаток на стиль и форму его работ, которые, однако, не утратили и ныне своей ценности.

В трудах А. Ф. Лосева можно найти отражение таких важных и на сегодняшний день актуальных теоретических проблем философии, как вера и разум, наука и религия, этика и атеизм, не говоря уже об основных работах ученого по эстетическим и филологическим проблемам. При этом главным достижением философа стоит считать четко разработанную методологию, которая, согласно Лосеву, есть универсальное средство анализа любого опыта. А. Ф. Лосев в открытой форме указывает на основной метод своего исследования – диалектический.

Диалектике у А. Ф. Лосева посвящено немало проникновенных, а

порой и вдохновенных страниц. Так, например, в своей первой работе по философии языка «Философия имени» он пишет: «Диалектика есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом. Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности» [1, с. 616–617].

По поводу диалектики А. Ф. Лосева в научной литературе можно встретить много противоречивых высказываний. Поэтому имеет смысл обратиться к первоисточнику. Как же философ определяет свой взгляд на диалектику? «Во-первых, я категорически утверждаю, что истинная диалектика всегда есть непосредственное знание», – пишет А. Ф. Лосев, имея в виду, что диалектический метод наивно-непосредственен, т. е. соответствует обыкновенному здравому смыслу [1, с. 618]. «Во-вторых, диалектика есть подлинный и единственно возможный философский реализм» [1, с. 619]. Здесь имеется в виду классификация отношений между сущностью и явлением, которую А. Ф. Лосев неоднократно приводит во многих своих трудах. «В-третьих, необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что такое абстрактность диалектики» [1, с. 621.]. А. Ф. Лосев говорит, что диалектику часто обвиняют в абстрактности. Но диалектика – наука, а всякая наука абстрактна и не может заменить собой жизни. Однако диалектика помогает понять жизнь, причем понять так, чтобы жизнь предстала в разуме без абстрактно-метафизических искажений, ибо диалектика – это сам ритм жизни. «В-четвертых, диалектика стоит на точке зрения абсолютного эмпиризма» [1, с. 624]. Под абсолютным эмпиризмом диалектики Лосев понимает то обстоятельство, что диалектика как метод мысли применима к абсолютно любому опыту. Она есть подлинное осмысление конкретного опыта без привнесения в него априорных точек зрения. С другой стороны, диалектика не раболепствует перед фактами, впадая в натуралистические предрассудки. А. Ф. Лосев пишет: «Диалектика – абсолютная ясность, строгость и стройность мысли. Это – абсолютный эмпиризм, ставший абсолютной мыслью» [1, с. 625]. «В-пятых, диалектика (общая и основная) есть логическая конструкция категориальной структуры эйдоса как бытия, основанного на самом себе и от себя самого зависящего» [1, с. 73]. Здесь А. Ф. Лосев, как и в «Философии имени», отмечает обвинения в адрес диалектики в рационализме и абстрактности. Диалектика таким образом выявляет смысловые связи между эйдосами вещей, как они непосредственно даны в нашем разуме. Тогда как абстрактная метафизика гипостазировать формально-логические понятия в виде вещей. В качестве примера приводится «мировая воля» Шопенгауэра, которая, будучи отвлеченным началом, незаконно абсолютизируется немецким философом.

В дальнейших своих рассуждениях А. Ф. Лосев формулирует чрезвычайно важное положение, которое является основополагающим для его системы в целом: «Что вы хотите мыслить – не важно, но как мыслить – об этом диалектика дает точнейшие правила, и преступать их не

возможно без нарушения самого принципа мысли» [1, с. 74–75].

Фактически диалектика по непреложности своих законов приравняется к «царице наук» – математике. Это неожиданно и даже поразительно для тех, у кого диалектика ассоциируется со страстью к словоприемам или с мертвящей скукой обязательности курса диалектического материализма. Но важно другое. Если диалектика есть точнейший метод мысли, отражающий бытие, то очевидно предположить, что любая философская система, в которой нарушаются законы диалектики, содержит в себе абстрактные моменты, насилующие бытие. «Таким образом, диалектика не есть ни формальная логика, ни феноменология, ни метафизика, ни эмпирическая наука. Но она лежит в основе всякого и всяческого разумного отношения к жизни. Вся жизнь насквозь есть диалектика, и в то же время она – именно жизнь, а не диалектика, она – неисчерпаемая, темная глубина непроявленных оформлений, а не строжайше выведенная абстрактно-логическая формула» [1, с. 625–626].

«Наконец, в-шестых, основная и общая диалектика, обрисованная выше, должна дать внутренне-эйдетически связанную систему категорий, начиная с самовозникающего и первичнейшего элемента эйдоса и кончая эйдосом как именем» [1, с. 74–75]. А. Ф. Лосев утверждал, что диалектика – это и есть метод, а разработка ее возможна только в понятиях, развитие которых строится на основе противоречий. Применение диалектического метода в области эмпирических фактов дает философские категории как следствие такого применения.

Итак, следует констатировать, что по методу мышления А. Ф. Лосев – убежденный диалектик, можно даже сказать, один из первых диалектиков в русской философии, наряду с такими философами, как Вл. Соловьёв и С. Франк. Диалектический метод А. Ф. Лосев считает абсолютным вне зависимости от того, что осмысливается. В то же время, он постоянно подчеркивает, что как бы ни близка была диалектика к жизни (а она есть ритм жизни) – это не сама жизнь, а ее категориально-смысловая картина. Диалектика – это законы самого человеческого мышления, взятого в чистом виде, то есть, система самопорождающегося смысла.

Лосев утверждает, что если законы формальной логики и математики являются непреложными в своих областях, то тем более этим свойством должны обладать законы диалектики, частным случаем которой являются и математика, и формальная логика. Диалектика, в отличие от формальной логики, способна отражать живую действительность, так как она есть имманентный ритм самой действительности. А. Ф. Лосев неоднократно подчеркивает, что без понимания диалектического метода все его построения получают искаженное представление. Именно поэтому его творчество и его метод актуальны, заслуживают пристального внимания и подробного и разностороннего изучения.

СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСВОЕНИЯ РУССКИМ КОСМИЗМОМ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В. М. Манельман

Процессы тотальной глобализации в современном мире начали признаваться научным сообществом с середины XX века. К этому времени их развитие уже шло такими энергичными темпами, что теоретическое освоение подобных явлений, находясь в своей начальной стадии, не могло за ними угнаться. Сформировались условия, породившие процессы, которые, во-первых, касались всего человечества без исключения, во-вторых, характеризовались тем, что их невозможно было изучить локально или ограничиваясь лишь накопленными до этого времени знаниями, а в-третьих, вмешательство в эти процессы было возможно только с учетом их общепланетарного масштаба.

Одними из первых на данные обстоятельства обратили внимание мыслители, представлявшие зарождавшийся в конце XIX – начале XX века русский космизм. Его представители попытались создать версии целостного миросуществования будущего с учетом перспективных тенденций развития природно-социальной среды.

Практически во всех вариантах такого рода прогнозов социальная составляющая была сориентирована на абсолютные идеалы и универсально позитивные формы существования. Являясь сторонниками различных подходов (художественно-образного, естественно-научного, религиозно-мистического), представители русского космизма попытались прописать картину природного мира, развивающегося по классическим естественным законам, в сочетании с идеальным, абсолютно благим социальным организмом, приспособленным для существования не только на нашей планете, но и в космосе. В качестве высших предельных ценностей они особо выделяли две: человеческую жизнь и ненасилие. Однако человеческая жизнь рассматривалась космистами вне всяких культурных параметров и фактически была сведена к физиологической, биологической сохранности и поддержанию существования отдельной личности в благоприятных естественно-бытовых условиях. Ненасилие же представлялось через отсутствие, недопущение или изживание конкретных отношений деструктивного (чаще всего политического) характера, причем для достижения такого результата допускались жесткие меры, различные варианты несвобод (ограничений) и волевое давление. Особо космисты выделяли вопрос о социальной элите как носителе наиболее ценных зна-

ний (в основном из области естественных и точных наук), высшей культуры и безупречной нравственности, что и делало ее достойной гарантированной сохранности, особых прав, привилегий и почитания со стороны всех других членов общества.

Не только космисты, но и многие известные ученые XX века (А. Эйнштейн, Б. Рассел, А. Д. Сахаров, Д. С. Лихачев, А. Д. Александров) были увлечены абсолютными, универсально-позитивными ценностными ориентирами, вплоть до попыток создания вариантов описания благого будущего. Особый интерес на этом фоне может представлять позиция К. Э. Циолковского, который попробовал прописать систему принципов и правил функционирования общества всеобщего блага: разумный эгоизм, милосердие, ориентация на исключительно полезные, продуктивные, приносящие выгоду цели. Принципы, на которых сосредоточил свое внимание К. Э. Циолковский и многие из его современников, не являются оригинальными. Драматизм происходящих на грани XIX и XX веков социально-политических процессов возродил их привлекательность для многих авторитетных людей, ищущих выход из болезненных социальных коллизий на путях философского осмысления происходящего.

В основе глобальных проектов как во времена К. Э. Циолковского, так и в наши дни лежит вера в обязательную прогрессивность технического процесса, позитивность последствий научной деятельности, исключительно благое могущество человеческого разума, продуктивность абсолютно совершенных идеалов. Предлагаемые образы гармоничной организации будущего «укрепляются» тщательно подобранными характеристиками, противопоставленными сиюминутным негативным проявлениям, от которых чрезвычайно важно освободиться.

Описываемый естественнонаучным космизмом человек будущего – это здоровое природно-психическое существо, заботящееся об оптимальности естественной среды своего обитания, собственном материальном благополучии и комфорте повседневной жизни. Главный и наиболее ценный элемент его личностного существования – это интеллект, в отношении которого все остальные социальные признаки и качества оказываются вторичными. Порожденный процессом природного совершенствования космический персонаж может существовать в любой точке вселенной, управлять собственной эволюцией и быть самодостаточным (вплоть до автотрофности).

Если у всех людей одна судьба, одна история, одно будущее, то в современном общественном развитии должны превалировать принципы глобализма. Основное внимание надо сосредоточить на выработке и внедрении стратегии выживания и связанных с ней вопросов достижения согласованности и безопасности. Возможно, поэтому выход в космос и его «обживание» во многом связывается с решением (уходом от) проблем нашего обитания на Земле (энергетической, сырьевой, отходов,

вредных производств, демографической и др.).

Существование нашей цивилизации во многом зависит от сохранения и умножения культуры общества. Но в современном мире нарастает напряженность в крайней форме ее антикультурного проявления – агрессивности. Во-первых, это тяга к преобразованиям далеко не всегда обусловленным внутренними причинами. Во-вторых, стремление к формальным обновлениям (модификациям, вариантам, версиям и т. п.) функционирующих систем. В-третьих, признание устойчивого состояния нервного и психического напряжения как нормы жизни. В-четвертых, выработка, закрепление и распространение модернистских образцов в духовной сфере существования людей (музыка, живопись, литература, архитектура, дизайн и т. д.). В-пятых, резкий рост безнравственности, квалифицируемый (иногда и юридически) как новый этап развития морали. В-шестых, всплеск клерикализма.

В начале своей истории человечество смогло сформироваться, выстоять и развиться благодаря выработке мощнейших духовно-культурных регуляторов – морали и нравственности. Гуманитарная катастрофа современного мира связана, по нашему мнению, с жестким властным ограничением возможностей их функционирования и насильственной заменой на вещные индивидуалистические чувственные образцы. Но эмоционально глухой индивид не в состоянии проявить свои моральные личностные качества, нравственно отреагировать в ситуации выбора поступка, так как утрачивает собственную социальную уникальность.

ЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ПРОМЕТЕИЗМЕ П. С. БОРАНЕЦКОГО

Л. Г. Антипенко

С окончанием девятнадцатого столетия и наступлением нового, двадцатого, века – века двух, самых кровопролитных за всю человеческую историю, мировых войн – в интеллигентствующих слоях общества стали рассеиваться утопические иллюзии относительно того, что социально-исторический прогресс с его научно-техническим содержанием несет людям счастье. А ведь полагали в XIX веке, да еще и в начале века XX, что наступление вожделенной эпохи коммунизма неизбежно, стоит только вступить в социальную борьбу, чтобы *ускорить* ее приход («Маркс открыл истории законы, пролетариат поставил у руля», – распевал после революции 1917 года известный пролетарский поэт).

В 1931 году Н. В. Устрялов (1890–1937) издал небольшой трактат под заглавием «Проблема прогресса» [1]. В нем он приводит высказывание о прогрессе известного русского эмигранта В. Н. Ильина, которое

звучит так: «Над пошлой и философски безграмотной идеей прогресса посмеялась духовная элита; но эта идея «перешла к неграм», по выражению Кайзерлинга, овладела «черными» душами – и сделалась фактором ужасающего регресса» [1, с. 126]. Под «ужасающим регрессом» в данном высказывании имеется в виду, в первую очередь, регресс этический, падение нравственности. Теперь к этому мы еще должны добавить и сопутствующий прогрессу / регрессу глобальный экологический кризис, связанный в значительной степени с нравственным состоянием общества.

Таким образом, с понятием прогресса / регресса ассоциируется целый клубок социальных проблем, требующих, казалось бы, своего неотложного решения, но с течением времени все более обостряющихся. Можно только удивляться тому, что до сих пор почти никто не обратил внимания на предложенный способ выяснения отношения между двумя разными компонентами, технической и этической, содержащимися в социально-историческом прогрессе. Как показал наш выдающийся соотечественник Петр Степанович Боранешкий (1901 – не ранее 1965 г.), в понимании данного отношения находится ключ к решению проблем, порождаемых наблюдаемым нами прогрессом. Он обратил свой взор к тому древнему мировоззрению, которое связано с именем Прометея, возродил его на современном уровне и назвал *Прометеизмом*, или *Титанизмом*.

Чтобы представить в кратких тезисах смысл изысканий и существо открытий П. С. Боранешкого, нам придется воспользоваться одним понятием, которое ввел в исторический дискурс О. Шпенглер (1880–1936). Имеется в виду понятие *псевдоморфоза*. Заимствовано оно из области минералогии, но приобрело у Шпенглера несколько другой смысл, удивительно точно, однако же, раскрывающий суть ряда исторических явлений. «Историческими псевдоморфозами, – пишет Шпенглер, – я называю случаи, когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [2, с. 193]. Когда мы подходим к изучению российской культуры, или цивилизации, то открываем, что присущий ей псевдоморфоз заключается в том, что при ее создании она оказалась в рамках иудейской религиозной культуры, а потому в разрешении вопросов прогресса и регресса над ней долго тяготело мирозерцание этой внешней для нее культуры.

Так, например, со стороны *внешнего* в сознание русского народа внедрялось библейское представление об осевом времени, а с ним и то, что вытекало из него как показатель прогресса. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание хотя бы на доклад Э. Ф. Эрна «Идея катастрофического прогресса», прочитанный в Религиозно-философском обществе в марте 1907 года и посвященный памяти Вл. Соловьёва. Прогресс для Э. Ф. Эрна состоит в движении к тому *судному дню*, который

предсказан в Апокалипсисе апостола Иоанна. Автор утверждает, что ожидание наступления судного дня есть религиозное чувство жизни и делает следующий вывод: «Не может быть и речи о враждебном противополжении христианства и прогресса» [3]. Поскольку марксистская, материалистическая идея прогресса есть, в свою очередь, не что иное, как вывернутая наизнанку апокалипсическая идея, то в предугадываемой российской революции, которая наступила ровно через десять лет после мартовской даты 1907 года, Э. Ф. Эрн видит как раз реализацию одного из этапов катастрофического прогресса.

Мы теперь констатируем, что в России дважды проявил себя исторический псевдоморфоз. И в свое время предстояло решать задачу не выбора одного из них, а задачу их разоблачения и ликвидации. Эту задачу, по крайней мере, на теоретическом уровне, решил П. С. Боранецкий, создав прометеистическое мировоззрение. Заглянув вглубь отечественной истории, насколько это вообще возможно, он обратился к личности Прометея. Личность Прометея – личность историческая (см. Геродот IV, 45), но, будучи овеянной легендами, она была поставлена в один ряд с другими персонажами античной (эллинической) мифологии. Поэтому сведения о нем воспринимаются, к сожалению, только в мифологической обрисовке. Что нам известно о нем из школьной хрестоматии? Да то, что он похитил у небожителей-олимпийцев огонь и перенес его с неба на землю в дар людям. Но ничего не говорится о том, что прометеев огонь является не совсем тем огнем, который обычно получают при трении одного куска дерева о другой и поддерживают горение в процессе окисления горючего материала кислородом.

Огонь Прометея – другого рода, он сродни тому огню, который возгорается каждый год в Кувуклии Храма Воскресения Христова в ночь с субботы на воскресенье, когда православные христиане празднуют в Иерусалиме свою Пасху. Это – разновидность огненной стихии, жар и свет коей возникает в результате концентрации тепла, разлитого в атмосфере. В других обстоятельствах тепло такого рода обычно растрачивается на разрушительную работу, что мы видим на примере многочисленных ураганов и смерчей, возникающих над водной поверхностью океанов и вообще в воздушном пространстве. А вот символика *Прометеева огня* когда-то вошла в сознание людей как показатель поворота разрушительной работы тепловой энергии в сторону работы созидательной. В ней делается акцент на приоритете антиэнтропийного начала в борьбе Хаоса и Логоса, на отвращении от *тепловой смерти вселенной*. При оценке этой борьбы в глобальных масштабах выясняется, что противоположные тенденции мировых процессов (Хаоса и Логоса) соответствуют двум компонентам времени: энтропийной (разрушительной) и антиэнтропийной (созидательной).

В христианской религии, в том числе и в ее православно-христианском вероисповедании, борьба Логоса с Хаосом представлена

как борьба, направленная на победу жизни над смертью, но представлена она на примере только одного уникального события, связанного со смертью и воскресением Иисуса Христа. Во время пасхальной православно-христианской службы звучит пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробах жизнь даровал», но что означают слова «сущим во гробах жизнь даровал»? В них заключено *обещание* воскресить ушедших из жизни в будущем, в тот самый Судный день, который предсказан в Апокалипсисе. А в прометеизме П. С. Боранецкого вопрос о смерти и победе над смертью ставится иначе. Если христиане признают, что жизнь, смерть и воскресение Христа есть событие *историческое*, т. е. располагаемое в историческом времени, тогда и вообще жизнь, смерть, воскресение человека (победа над смертью) должны быть отнесены к власти Времени (Времени с большой буквы с учетом того, что принимается во внимание не механически-нивелированное время, а время историческое). Прометеизм ставит на место христианского Бога творческий потенциал (исторического) Времени. «Не Бог сотворил мир, – пишет П. С. Боранецкий, – а мир создает Бога. Мировое Становление и есть становление Абсолюта, есть Восстание, Воскресение бытия» [4, с. 55]. Такая постановка вопроса не означает, по Боранецкому, что Прометеизм есть течение антихристианское, но, конечно же, назвать его ортодоксально-христианским нельзя [5, с. 68]. Нельзя потому, что Бог в прометеизме приходит к нам не из потустороннего мира, а является во времени. Дословно: «В существенном смысле Становление Бога и есть его Пришествие; в мире Становящийся Бог и в мир Грядущий Бог суть синонимы» [6, с. 59].

Вместе с тем надо отметить, что если бы речь шла лишь просто об удалении потустороннего мира из нового мировоззрения, то не было бы смысла и приводить сравнение прометеизма с христианством. В новом мировоззрении христианская граница между потусторонним и посюсторонним обретает временной статус, рассматривается как грань между данным и заданным, между временем настоящим и временем будущим. Если судить о ней в терминах конечного и бесконечного, то религия переносит, по словам Боранецкого, бытие бесконечного в мнимый и иллюзорный сверхъестественный мир. («Религия, тем самым, – отмечает П. С. Боранецкий, – лишает его бытия, – даже относительного бытия в качестве мировой потенции, каковая в ней все же бессознательно присутствует» [7, с. 214]. А вот прометеизм истинно утверждает реальность бесконечного, «утверждает его в этом реальном мире как потенциальную данность и актуальную заданность мира, и как то, что творчески актуализируется в Мировом Становлении – Истории» [7, с. 218–219].

Прометеизм расширяет временные рамки христианства. Прометей совершил свой человеколюбивый подвиг еще за долгие годы до рождения Христа. Но его участь не менее трагична, чем страсти Христовы. По повелению Зевса, главы олимпийских богов, он был прикован железны-

ми цепями к скале и не мог пошевелиться, отогнать грифа, который ежедневно прилетал к нему и расклеивал его печень. В прометеизме раскрывается двойственный характер исторического времени. С одной стороны, время освобождается от полного подчинения каузальной (причинно-следственной) необходимости, с другой – открывается влияние на текущее «теперь» со стороны будущего. Будущее входит в состав мотивации человеческой деятельности. П. С. Боранецкий эту мысль выражает следующим образом: «Историческая временная необходимость есть необходимость судьбы. Смерть есть предельное выражение судьбы, интегральное осуществление времени. Следовательно, борьба и победа над исторической временной необходимостью есть борьба и победа над смертью» [8, с. 22].

Статья, откуда взята это высказывание Боранецкого, носит название «Смысл техники». Прогрессивное развитие техники ведет, по Боранецкому, к совершенствованию нравственных норм поведения людей, если техническое творчество человека согласуется с антиэнтропийным творчеством Природы. Наши отечественные мыслители – С. А. Подолинский, П. А. Флоренский, В. И. Вернадский – выработали точный количественный критерий, руководствуясь которым можно судить о том, как функционирует та или иная целостная система. Показателем ее здорового функционирования и развития служит накопление в ней свободной, или превратимой (по терминологии С. А. Подолинского), энергии [9]. Как показал В. И. Вернадский, земная биосфера удовлетворяет данному критерию [10, с. 487]. О социальной деятельности людей этого не скажешь.

Литература и источники

1. Устрялов, П. В. Проблема прогресса / П. В. Устрялов. – М., 1998. – 2-е изд.
2. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.2: Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. – М., 1998.
3. Эри, В. Идея катастрофического прогресса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vladimir-ern.narod.ru/Idea_catastroph.html. – Дата доступа: 23.03.2016.
4. Боранецкий, П. О новом общественном идеале / П. Боранецкий // Третья Россия. – 1935. – №6.
5. Боранецкий, П. С. О христианстве и антихристианстве / П. С. Боранецкий // Третья Россия. – 1935. – №6.
6. Боранецкий, П. С. О новом жизненном идеале / П. С. Боранецкий // Третья Россия. – 1932. – № 2.
7. Боранецкий, П. О самом важном. Конечное назначение человека / П. Боранецкий. – Париж, 1956.
8. Боранецкий, П. Смысл техники / П. Боранецкий // Третья Россия. – 1934. – №4–5.

9. Подолинский, С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии / С. А. Подолинский // Мыслители Отечества: Подолинский Сергей Андреевич. – М., 1991.
10. Вернадский, В. И. Живое вещество и биосфера / В. И. Вернадский. – М., 1994.

СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЕОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ П. ТИЛЛИХА

А. Д. Емельяненко

Понимание идейного наследия известного в XX веке теоретика протестантизма П. Тиллиха в число представителей «философии классического экзистенциализма», которое до сих пор царит в отечественной научной гуманитарной литературе, требует кардинального переосмысления. Теоретические основы протестантизма П. Тиллиха и соотношения научного знания, методологии, философии и теологии кардинально отличается представлением о таких феноменах, которые можно найти в работах С. Кьеркегора, Г. Марселя, Н. Бердяева и других экзистенциально мыслящих мыслителей. Из основ дальнейшего плодотворного развития отечественного религиоведения как научной дисциплины является и теоретическая практика отделения общего массива полученного ранее знания от ложных, неправильных, неверных понятий и представлений. В частности, и представлений о развитии современной зарубежной теологии и философии религии.

В Украине в соответствии с известной традицией его относят и к когорте философов-экзистенциалистов, и к теологам, сам П. Тиллих принципиально разграничивал философию и теологию. В отличие от представителей религиозного экзистенциализма, он интерпретировал теологию в качестве «особой сферы знания» и использует особый метод распознавания и осознания мира. Вопрос о том, как теология соотносится со специальными науками и переросло в его учении в вопрос о том, как теология соотносится с философией.

П. Тиллих, копируя своих предшественников, утверждал и то, что даже критическая философия в своей самокритичности всегда должна касаться онтологических предположений. «Философия, писал он в своих трудах, – задает вопрос о реальности как о целом – задается вопросом о структуре бытия. И ответ на этот вопрос она предоставляет в таких терминах как категории, структурные законы и универсальные понятия. Но она должна давать ответ в онтологических терминах» [5, с. 26]. Онтологию он считал не умозрительно-фантастической попыткой создать еще один мир, кроме того который реально существует.

По мнению П. Тиллиха и теология, и философия интересуются одинаковыми вопросами, поскольку то, что нас беспокоит всегда должно

принадлежать и реальности, и должно принадлежать бытию. Теология, писал он в своих трудах, имея дело с безграничной заботой предполагает существование определенной структуры бытия, категориальное его воспроизведения в соответствующих закономерностях и понятиях. Обойти вопрос о бытии теологии не легче, чем философии. И попытка библицистив обойтись без онтологических определений, по мнению П. Тиллиха, была всегда обречена на неудачу так же, как и соответствующие попытки некоторых философов. В самой Библии он видел те же категории и понятия, описывающие структуру бытийного опыта. На каждой странице всякого религиозного или теологического текста присутствуют такие понятия, как время, пространство, причина, субъект, природа, движение, свобода, необходимость жизни, ценность, знания, опыт, бытие и небытие и т.д. Теолог, как пытался доказать П. Тиллих, должен со всей серьезностью воспринимать и значение, и смысл тех слов, которые он употребляет. Они должны быть известны ему во всей безграничности и глубине их значений. А если так, то систематический теолог обязан быть философом, то есть, владеть не менее критическим восприятием реальности. Структура бытия, и такие категории и понятия, которыми она описывается, имплицитно или эксплицитно беспокоят как теолога, так и философа.

Характер онтологических принципов и основные разделы философии: эпистемология, натурфилософия, политика, аксиология, гносеология, этика, философия истории и другие гораздо больше способствуют раскрытию заботы скрытой в теологии. Поэтому каждый философ, по мнению П. Тиллиха является «тайным теологом». «Он теологом в той мере, в которой его экзистенциальная ситуация и его безграничная забота формируют его философское видение. Он теологом в той мере, в какой его интуиция универсального логоса структуры реальности как целого сформирована тем частным логосом, который открывается ему в его отдельном месте, проявляя ему смысл целого» [5, с. 30].

Давая ответ на вопрос о противостоянии философии и теологии, П. Тиллих утверждал, что любой конфликт на философском уровне это прежде всего, конфликт между двумя философами, между философом и теологом, один из которых реализовал себя теологом, а другой нет, но ни в коем случае – не конфликт между теологией и философией. «Присущий отношениям между философией и теологией дуализм разногласий и восхождений приводит к двойному вопросу: неизбежен ли между ними конфликт и возможен их синтез? На оба эти вопроса следует ответить отрицательно: и конфликт между ними не неизбежен, – утверждал американский мыслитель, – и их синтез невозможен» [5, с. 31].

Американский мыслитель создал своеобразный многотомный компендиум систематической теологии протестантизма XX века. Возникает вопрос: «А верно считать и интерпретировать П.Тиллиха и его идеи в качестве их принадлежности к философии и философии экзистенциализма?

В отличие от известных идей С. Кьеркегора, Г. Марселя, Н. Бердяева и других мыслителей, в отличие от их категорического отрицания всякой «системности» и объективности теологического мышления, П. Тиллих всегда неоднозначно утверждал, что верная методология является главным фактором не только в создании адекватной сложившейся ситуации теологической концепции, но и залогом формирования действенного религиозного мировоззрения и миропонимания человеческого существа.

Круг, в котором действует теолог, по мнению П. Тиллиха, намного более узкий, чем круг, в котором действует религиозный философ. К «мистической априорности» теолог всегда добавляет критерий христианской Вести. И если религиозный философ пытается оставаться в своих понятиях общих и абстрактных, то теолог сознательно и намеренно пытается быть в своем мышлении специфическим и конкретным. Философ, как утверждал П. Тиллих, пытается абстрагироваться от элементов, которые в мышления привносятся определенной культурной традицией, и стремится создать такие понятия, которые оставались бы действительными в отношении любой религии. Теолог, напротив, только претендует на универсальную действительность христианской вести в ее конкретном и специальном характере.

В свою очередь, «действующий «по науке» теолог, – как это отмечал американский мыслитель, – претендует на то, чтобы быть кем-то большим, чем просто религиозным философом. С помощью своего метода он хочет истолковывать христианскую весть в целом. Это заставляет его выбирать одно из двух. Он может, например, подчинить христианскую весть его собственному понятию религии. В этом случае христианство будет рассматриваться в качестве одного наряду с другими примерами религиозной жизни. Оно, конечно, будет считаться высшей формой религии, но все-таки не окончательной и не уникальной» [5, с.16–17].

П. Тиллих стремился поднять свое учение над религиозной философией и утвердить себя в ранге теолога, и эта попытка неоднозначно прослеживается во всех его томах «Систематической теологии» и других теологических исследованиях.

Литература и источники

1. Лезов С. В. Теология культуры Пауля Тиллиха / П. Тиллих // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. – М., 1995. – С. 461–471.
2. Лифинцева, Т. П. Пауль Тиллих / Т. П. Лифинцева // Философы двадцатого века. Книга вторая. М., 2004. – С. 300–324.
3. Таранов, С. В. Теологічний екзистенціалізм: монографія / Сергій Таранов. – К., 2014.
4. Тиллих, П. Систематическая теология. Т. 3 / Пауль Тиллих; пер.с англ. Я. Зоткин; отв.ред. А. Р. Газизова. – М.: СПб., 2000.

5. Тиллих, П. Систематическая теология. Т. I–II / Пауль Тиллих; пер.с англ. Т. Лифинцева (т. I), В. Р. Газизова, В. М. Ошеров, В. В. Рынкевич (т. II); отв.ред. А. Р. Газизова. – М.; СПб., 2000.

ВОЗВРАЩАЯ СОЗНАНИЕ В ПРИРОДУ: ТЕОРИЯ НЕЙРОДАРВИНИЗМА ДЖ. ЭДЕЛЬМАНА

Г. Н. Карона

В теории нейродарвинизма (*neural darwinism*), разработанной лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине (1972 г.) американским профессором Дж. Эдельманом (1929–2014 гг.), сознание рассматривается как своего рода процесс ассоциативного обновления памяти, осуществляющийся посредством повторного входа сигналов (возбуждений) [1] [2]. Повторный вход возбуждений, по Дж. Эдельману, непрерывно подтверждает или изменяет состояние мозга (групп нейронов) параллельными сенсорными входами и выходами, что и является основным фактором и ведущим механизмом формирования высших функций мозга и человеческого сознания [3].

Теория Дж. Эдельмана позволяет связать воедино отдельные процессы, происходящие на уровне нервных клеток (нейронов), анатомии организма, поведения и личности, рассматривать и анализировать этот процесс на системном уровне.

В построении своей теории Дж. Эдельман использовал принципы дарвиновской эволюции и механизмы естественного отбора, стремясь с помощью биологии создать сильную теорию высших функций мозга и сознания.

Естественный отбор, иммунитет, память и сознание, по Дж. Эдельману, являются аналогами. Процессы формирования сознания напоминают процессы развития иммунной системы. Открытие очевидного сходства между иммунной и нервной системами явилось мощным мотивом формирования теории нейродарвинизма [4] [5].

Продолжая традиции американской психологии (У. Джемс и др.), Дж. Эдельман подчеркивает, что сознание – это процесс («поток»), а не предмет («вещь»). Сознание всегда персонально, уникально и невоспроизводимо, оно отражает субъективный опыт индивида и проявляется в субъективных переживаниях. Сознание – сложный физиологический и психологический феномен, требующий для изучения системного, междисциплинарного подхода.

Существенными признаками сознания, по Дж. Эдельману, являются: 1) целостность; 2) системность; 3) активность; 4) вырожденность (способность структурно различных элементов выполнять одну и ту же функцию или давать один и тот же результат (принцип взаимозаменяемости); 5) континуальность; 6) субъективность, и др. Сознание имеет ди-

намическую локализацию и каждый раз по-новому организуется для решения той или иной жизненной задачи.

Согласно теории нейродарвинизма, для каждого воспринимаемого индивидом события, происходящего в окружающей среде, имеется внутренняя мозговая структура, способная данное событие отразить в сознании и предсказать его дальнейшее развитие. Формирование этих структур происходит как в ходе эволюции вида (филогенез), как и в ходе индивидуального развития (оттогенез). Другими словами, отдельному участку пространства, посылающему те или иные сигналы, в мозге соответствуют определенные структуры, которые настроены эволюцией на распознавание этих сигналов и предназначены для оценки их значимости для выживания организма. Поскольку количество этих сигналов может быть достаточно значительным, то мозг осуществляет отбор (селекцию) и параллельную обработку сигналов, идущих как из внешней, так и из внутренней среды. Таким образом, в основе работы мозга и сознания лежит селективный принцип обнаружения (отбора, селекции) сигналов и их последующий анализ.

Принцип селективности предусматривает, что в результате онтогенеза и первых этапов развития головной мозг формирует клеточные конфигурации, которые способны каждая по-своему реагировать на внешние или внутренние сигналы в силу своих генетически обусловленных структур или благодаря эпигенетическим изменениям, происшедшим независимо от характера сигналов. Эти сигналы служат для отбора (селекции) из числа предшествующих конфигураций клеток или клеточных групп с тем, чтобы создать соответствующую сигналу ответную реакцию организма [7, с. 72].

В теории нейродарвинизма также утверждается: а) сознание предполагает избирательные фазные взаимодействия (как с памятью, так и с «текущими» внешними входными сигналами); б) память полностью зависит от прошлого и настоящего опыта; в) механизмы памяти и сознания неразрывно связаны и в отрыве друг от друга не существуют [7] [8].

В результате повторного входа возбуждений карты мозга оказываются связанными посредством огромной параллельной аксональной сети, проходящей во всех направлениях. Это приводит к тому, что даже не имеющие отношения друг к другу сигналы, приходящие в одно и то же время, оказываются когерентно связанными друг с другом посредством усиления и ослабления синапсов через повторный вход возбуждения.

Однако повторного входа еще недостаточно для формирования высшего (речевого) сознания. В этом процессе необходимо участие оценочных систем, координирующих синхронную деятельность нейронов и их групп.

Оценочная (ценностная) система – это эволюционно выработанный набор схем или моделей принятия решений. Ведущую роль в принятии решений, как известно, играют эмоции и чувства. Каждый организм вос-

принимает мир через свою систему эволюционно вложенных в него функциональных систем со своими ценностями и восприятиями. Оценочные системы, созданные эволюцией и прошедшие «проверку» естественным отбором, «допускают» в сознание одни сигналы и «не допускают» другие. По оценкам нейрофизиологов, в мозге человека имеется около 6–7 оценочных систем. Все они являются нейромодуляторными структурами. Одна из таких систем – Locus Coeruleus – регулирует функцию внимания. Эта структура посылает «хлопок» (сигнал) тысяче волокон по всему мозгу, что обеспечивает общую модуляцию в синапсах.

Постепенно в этот когнитивный процесс включаются нейротрансмиттеры (дофамин и др.), связанные с работой памяти, то есть с сохранением элементов субъективного опыта.

Согласно Дж. Эдельману, минимальная система свойств, абсолют-но необходимых для состояния сознания, выглядит так:

- вырожденная селекция;
- взаимное рефлекторное распознавание нейронных групп;
- хранение элементов субъективного опыта (память);
- координированная обработка активации и сигналов S;
- ритмическая активность с фазовыми состояниями;
- соответствующие сети, удерживающие сигналы.

Для работы мозга и сознания необходима ритмическая активность, которая делает возможной повторную обработку и координацию с внешним сенсорным входом [7, с. 109].

Составной частью теории нейродарвинизма является гипотеза динамического ядра, согласно которой: группа нейронов может делать свой вклад в сознательный опыт только тогда, когда она является составной частью распределенного в пространстве и времени функционального кластера, который через взаимодействие повторного входа возбуждения в таламо-кортикальной системе достигает высокой интеграции.

Исследования Дж. Эдельмана показывают, что в основе развития живой природы, мозга и сознания лежат общие закономерности и их реализующие механизмы. Важнейшими из них являются эволюция, естественный отбор (селекция) и системная дифференциация [8] [9].

Теория нейродарвинизма, акцентирующая внимание на нейробиологических принципах и механизмах работы мозга и сознания, вызывает критические замечания сторонников социальной детерминации сознания. Однако социальная детерминация сознания не исключает необходимости изучения его нейробиологических основ [10].

Очевидно, проблема сознания – это сложная междисциплинарная проблема, решение которой не может ограничиваться ее рассмотрением только на уровне нейронов и их кластеров. Существуют целые слои (уровни, системы) процессов, порождающих высшее сознание.

Сегодня проблема сознания, которая долгое время оставалась прерогативой психологов и богословов, постепенно перемещается в сферу

естествознания, то есть происходит тот процесс, который нейрофизиологи и биологи определяют термином «возвращение сознания в природу».

Литература и источники

1. Edelman, G. *Topobiology: An Introduction to Molecular Embryology* / G. Edelman. – New York, 1993.
2. Edelman, G. *The Remembered Present: A Biological Theory of Consciousness* / G. Edelman. – New York, 1990.
3. Edelman, G. *Neural Darwinism: The Theory of Neuronal Group Selection* / G. Edelman. – New York, 1987.
4. Edelman, G. *A Universe Of Consciousness: How Matter Becomes Imagination* / G. Edelman, G. Tononi. – New York, 2001.
5. Edelman, G. *Bright Air, Brilliant Fire: On The Matter Of The Mind* / G. Edelman. – New York, 1993.
6. Edelman, G. *Second Nature: Brain Science and Human Knowledge* / G. Edelman. – Yale, 2007.
7. Эдельмен. Дж. Разумный мозг / Дж. Эдельмен, В. Маунткасл. – М., 1981.
8. Каропа, Г. П. Принципы системной дифференциации в экологическом образовании школьников / Г. Н. Каропа // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 28–34.
9. Каропа, Г. Н. Феномен научно-педагогической школы академика И. Ф. Харламова // Профессионально-личностное развитие преподавателя и студента: традиции, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tsutmb.ru/zoloto-na-rossijskoj-nedele-iskusstv>. – Дата доступа: 21.03.2016.
10. Боринская, С. Теория отбора групп нейронов Джеральда Эдельмана // Invariant: когнитивный подход в психологическом исследовании [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://invariantcog.narod.ru/review/borinskaya_edelman.html. – Дата доступа: 21.03.2016.

ФИЛОСОФИЯ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНО- ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА И ДИНАМИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В ЦИВИЛИЗАЦИЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА

А. А. Сулейков, К. И. Кофанов

Философия, будучи одной из форм познания мира человеком, является на национальном уровне формой фиксации основных принципов и положений менталитета и культуры той или иной нации. К примеру, древнегреческая и немецкая школы философии являются не только общемировым достоянием, но и неотъемлемой частью культуры эллинской

Греции и Германии, закрепляя в себе тот тип мировоззрения, который был распространен в духовной сфере нации.

Научное осмысление национальной философии и влияния мирового философского достояния на национальную философию в рамках академического дискурса является необходимым этапом развития философско-культурной сферы жизни общества. Отмечая 85-летний юбилей Института философии НАН Беларуси, являющегося одним из учреждений, оказавших существенное влияние на становление философской науки в Беларуси, следует обратиться к анализу того, что является основой философских исследований, проводимых институтом, и основой осмысления достижений мирового философского знаний – анализу формирования философии Беларуси как национального уровня философской мысли.

Следует отметить, что главной отличительной чертой белорусской философской мысли является ее характер, вытекающий из специфики условий ее возникновения. Специфика же условий формирования белорусской философии характеризуется следующими факторами, носящими исторический, геополитический и социокультурный характер. Территориальное положение Беларуси обусловило транс-цивилизационный характер белорусской культуры и философского знания. Вследствие этого была затруднена национально-культурная самоидентификация мыслителей, принадлежащих к белорусской философской традиции, т. к. многие из них в равной степени принадлежат к культурам и философской мысли других стран (С. Будный, К. Лыщинский, С. Полоцкий, Г. Конисский, М. Смотрицкий и др.). К тому же, отмечается невозможность однозначного соотнесения философских текстов с национальным языком (и, следовательно, с белорусской школой философии) вследствие того, что они долгое время писались преимущественно на латинском либо польском языках. Становление и последующее развитие белорусской философской мысли осуществлялось преимущественно в рамках доминирующих в культуре воззрений – религиозных, просветительских, национально-освободительных, идеологических, что нашло отражение в формулировке проблем, способах их обоснования и решения ведущими белорусскими мыслителями. На протяжении долгого времени практически отсутствовали самостоятельные, исключительно национальные темы для философского осмысления, поскольку актуализация таких понятий, как «белорусская нация», «белорусский язык», и самой белорусской национально-культурной идентичности начинается только во второй половине XIX в.

Таким образом, формирование и подъем белорусской философии происходило в среде, не способствующей появлению национальной школы философской мысли (подобно немецкой / афинской). Однако, учитывая глобальный характер современного мира и размывание самого понятия «национальная философия», данная «слабость» вполне может оказаться преимуществом, способствующим установлению тесных между-

народных и междивиллизационных связей, так как белорусская национальная философия, впитавшая в себя наследие большинства философских школ мира, может стать основой взаимопонимания между представителями различных социокультурных типов мышления. Также весьма важным в условиях глобализации современного мира, является философский анализ развития человечества и поиск места белорусской нации в новом, стремительно меняющемся мире. В данном контексте особенно остро стоит вопрос осознания необходимости осмысления культурно-философского и исторического наследия Беларуси и существования белорусской академической философии как основного института данного осмысления.

ФЕНОМЕН ПОЛОЦКА В РАЗВИТИИ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Р. Н. Дождикова

Полоцк является одним из древнейших городов Беларуси, основанный предположительно в 8 веке. Впервые упоминается в «Повести временных лет» в 862 году. Полоцк расположен на перекрестке дорог, ведущих в Россию, Латвию и Польшу. Его уникальное географическое и выгодное торговое расположение (западно-двинское ответвление пути «из варяг в греки») содействовало его быстрому экономическому, политическому и культурному развитию. С 999 года в городе существовала христианская епархия. Уже в X–XIII веках Полоцк был центром богатого Полоцкого княжества. С начала XIV века Полоцк находился в составе ВКЛ, а в 1498 г. город получил магдебургское право, в 1581 г. иезуиты основали здесь коллегию. Данные социокультурные и геополитические предпосылки способствовали возникновению здесь активного духовного и просветительского движения. Именно Полоцк дал миру таких выдающихся просветителей, как Ефросиния Полоцкая (ок. 1110–1173), Франциск Скорина (ок. 1490 – ок. 1551) и Симеон Полоцкий (1629–1680). Они представляют собой те «дрожжи» (У. Джеймс), на которых возросла и развивается до сих пор белорусская философская мысль.

Полоцкая княжна Ефросиния Полоцкая (светское имя Прадслава), игуменья монастыря Святого Спаса в Полоцке, была первой женщиной, канонизированной Русской православной церковью в 1547 году, причислена к Собору Белорусских Святых в 1984 году. «Собираюши благая мысли в серци своем, яко пчела сот», переписывала и переводила с греческого языка, составляла летописи, собрала монастырскую библиотеку, организовала небольшую школу, где обучала грамоте «младых девиц». Ефросиния построила на свои средства два храма: церковь Святого Спаса (ныне Спасо-Преображенская) и церковь Святой Богородицы, куда ее

стараниями была привезена знаменитая византийская икона «Мать Божья Одигитрия Эфесская», написанная евангелистом Лукой. Она основала женский и мужской монастыри, при которых работали так называемые «училища», библиотеки, скриптории, богадельни, иконописные и ювелирные мастерские.

Для Ефросинии Полоцкой достижение идеала неразрывно связано со Словом Божиим и знаниями, содержащимися в книгах Священного писания. Она говорила о значении «трех хлебов» (Слова Божьего, молитвы и книги): «Ими же утешается душа и сердце веселится». Бог – это «помощник, заступник и кормитель», «отец убогим, нагим одеяние, обиженным помощник, ненадеющимся надеяние» [1, с. 59]. Жизнь, согласно Ефросинии, – это деятельное моление-мысленное, образ жизни – смиренномудрие: «Старых учила терпению и воздержанию, юных – душевной чистоте и телесной умиротворенности, ... поступкам кротким, гласу смиренному, слову благочинному, ... при старших молчать, мудрых слушать, к старшим – покорность, к равным и меньшим – любовь без лицемерия, мало говорить, а много разуместь...» [1, с. 62].

Около 1490 г. в семье полоцкого купца Луки Скорины родился белорусский первопечатник, просветитель, врач и писатель Франциск Скорина, который получил начальное образование в Полоцке. В 1504 поступил в Краковский университет на факультет «вольных искусств» и в 1506 году получил степень бакалавра философии, в 1512 успешно сдал экстерном экзамены на степень доктора в «лекарских науках» в Падуанском университете. Издательскую деятельность начал в Праге при поддержке белорусских купцов-меценатов из Полоцка и Вильни. В 1517–1519 гг. в Пражской типографии напечатал 23 иллюстрированные (украшенные ксилографическими гравюрами, инициалами и заставками) книги Библии в переводе на старобелорусский язык. Скорина видел в печатной книге неисчерпаемые возможности духовного просвещения народа, воспитания высоких христианских моральных и гражданских качеств. Философско-просветительские взгляды Скорины сочетают христианско-этический ригоризм и ренессансный гуманизм, ориентированный на земную гармонию и красоту.

Белорусский поэт, драматург, педагог, просветитель, общественный и церковный деятель XVII века Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, известный нам под именем Симеон Полоцкий, начальное образование получил в Полоцке. В 1654–1664 гг. – учитель братской школы Полоцкого Богоявленского монастыря, в 1656 г. принял монашество под именем Симеон, пропагандировал идею единения христиан под духовной эгидой римского папы и под государственным патронатом московского царя и, прежде всего, идею единения с братской Россией. В «Рифмологионе» Симеон Полоцкий говорит: «Писах я начал по языку тому, иже свойственный был моему дому» [1, с. 310]. В программном стихотворении «Семь свободных наук» он называет диалектику «мате-

рию всех наук». Философию он подразделял на «разумительную» (логика), «естественную» (физика), «нравную» (этика). Значение философии, согласно Симеону Полоцкому, в том, что она исправляет души от зла, учит человека «благо жити». Человек – это мост между материей и духом, центр мироздания.

В представлении Симеона Полоцкого человек – существо «содружное», т.е. общественное, деятельное. Бог является активным и творящим духовным началом, которое из ничего творит все. В результате творения возникли две части мира: вещественная (земля, огонь, вода, воздух) и духовная. Из стихий образовался мир отдельных вещей, т.е. макрокосм. А на основе духовной части возникли ангелы (бестелесные существа) и душа человека. Сочетание материальной и духовной частей и формирует микрокосм, т.е. человека как такового. Центр разума – в человеческом сердце, его задача хранить добрые мысли, избегать ошибок. Истину Симеон Полоцкий он рассматривал с трех сторон: гносеологической, семантической, праксеологической. С гносеологической стороны истина понималась как мысленное отображение, адекватное отображаемому, с семантической – как наиболее точное воспроизведение самим предметом или явлением значения слова, с праксеологической – как совпадение дел человеческих с моральными законами. Будучи последователем теории «просвещенной монархии» идеализировал царя как защитника Родины, мудрого и справедливого правителя. Первоочередной задачей государства и «просвещенного правителя» является установление всеобщей гармонии путем развития просвещения, торговли и культуры.

Литература и источники

1. Старажытная беларуская літаратура. – Минск. 1990.

ВОСТОЧНЫЕ ДИСКУРСЫ В ФИЛОСОФИИ: ОТ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА (УФА–2015) К ЕВРАЗИЙСКОМУ ФИЛОСОФСКОМУ КОНГРЕССУ (МИНСК–2019)

О. К. Шевченко

Практика философских конгрессов, которые организывает Российское философское общество, представляется самым значимым явлением современной философской жизни России. Всего проведено семь масштабных конгрессов в различных регионах России: от Москвы до Владивостока, от Уфы до Ростова-на-Дону.

Последний по времени конгресс прошел в октябре 2015 г. в городе Уфе и собрал почти тысячу философов из почти всех крупных городов России. Чтобы лучше понять масштаб мероприятия, привожу официальную статистику, опубликованную в Вестнике Российского философского

общества № 4 за 2015 г.: «На специально созданном сайте конгресса зарегистрировалось для возможного принятия участия в работе конгресса 1515 человек. В том числе: академики РАН – 3, чл.-корр. РАН – 2, доктора наук – 490, кандидаты наук – 620, без ученой степени – 400 человек. Представлены 16 стран мира (Россия, Азербайджан, Беларусь, Германия, Израиль, Испания, Казахстан, Китай, Киргизия, Молдова, Сирийская Арабская Республика, Словакия, США, Турция, Узбекистан, Украина). Поступило в оргкомитет 1371 тезисов, из них: 1092 из Российской Федерации (без учета Республики Башкортостан), 193 из Республики Башкортостан, 86 из иностранных государств. География участников: представлен 71 субъект РФ (из 85) из всех 8 федеральных округов. В работе конгресса приняли непосредственное участие более 900 человек. В качестве очных участников было зарегистрировано 770 человек, из них из Республики Башкортостан – 210 человек и 32 иностранных гражданина из 13 государств (Китай, Монголия, Иран, Турция, Испания, Франция, Италия, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Украина). Москва – 105, С.-Петербург – 31, Казань – 23, ВИП-гости – более 50 чел. Представлены 95 городов РФ». Как видно, состав конгресса значительно вышел за пределы регионального философского мероприятия и принял облик международного форума.

Конгресс получил подзаголовок: «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений». Место проведения – Уфа, имеющая богатые мусульманские и в целом восточные культурные коннотации – также стимулировало к участию в философском форуме представителей восточных стран и восточных регионов России. Так из 13 стран-участниц 8 представляли восточные культуры и ментальности. Делегация из Казани и Башкортостана по количеству участников значительно превысила делегации из Москвы и Санкт-Петербурга. Таким образом, количественно восточная специфика не могла не доминировать в рамках этого титульного события философской жизни России и Евразии. Отчасти, это воплотилось в пленарном заседании, которое открывали Р. Г. Абдулатипов, Р. Хамитов и другие. Закрывал это заседание доклад, посвященный арабской философии.

Создавалось впечатление, что мегасобытие структурно и системно было направлено на развитие восточных дискурсов в отечественных философских исследованиях. Многие участники в частных беседах отмечали, что столь мощный ориенталистский вектор является отражением евразийского поворота российской политики и свершившегося цивилизационного выбора. Однако такой вывод был поспешен и, как показал вдумчивый анализ, неточен. На философском конгрессе было представлено 26 научных секций, 5 симпозиумов, 1 конференция, 29 круглых столов, 2 творческие встречи. К величайшему удивлению автора, собственно восточная тематика прозвучала лишь в одном мероприятии: секция «Философия Востока». По данной секции был в конечном счете опубликован

21 доклад (из более чем тысячи опубликованных текстов в целом по конгрессу). Это изумительно мизерное число, особенно учитывая качественный состав участников, тематику конгресса и пафос пленарного заседания. На остальных мероприятиях «Восток» всплывал спорадически и существенного влияния на философские дискурсы секций, круглых столов и симпозиумов не оказал. Невероятно, но факт: на проходящем параллельно в г. Уфе десятом юбилейном съезде востоковедов России из сотен названий докладов лишь несколько имели прямое отношение к философии, основная же масса была посвящена политологии, филологии, истории, археологии и пр.

Этот факт свидетельствует о том, что несмотря на интерес политической и экономической элиты Российской Федерации к Востоку, де факто отсутствует качественная и системно организованная школа массовой подготовки экспертов по проблемам востоковедения. Узкие специалисты, элитарные научные структуры действуют и весьма авторитетны в научных кругах. Однако нет механизмов воспроизводства рядовых сотрудников, акторов среднего менеджерского уровня (в количестве, ориентированном на тысячи единиц), включенных в восточные дискурсы и восточные культурно-ментальные практики. Во всем мире такую задачу решает философское сообщество путем формирования учебных дисциплин, кратких курсов повышения квалификации, студенческих семинаров, научных симпозиумов, посвященных восточным философиям. И только после базовой общей подготовки идет выковка классных профессионалов, «заточенных» на определенные регионы и культуры. Структура эталонного философского мегасобытия России показала, что современное философское сообщество России еще не готово в полной мере обеспечить общественный заказ на «проработку» восточных дискурсов. Есть понимание необходимости этого (тема конгресса), есть региональный интерес элит (количество участников из «восточных» областей Российской Федерации), есть попытки реализовать ориенталистический философский дискурс (пленарное заседание, заключительное слово и т.п.)... но основная масса философов оказалась явно не готова в полной мере поддержать тематическую направленность события, тем самым смазав и деформируя его дискуссионную систему.

В этой связи следует акцентировать внимание на будущем. А именно на том факте, что очередное значительное событие в философской жизни Евразии пройдет в Белоруссии, в г. Минске, где в 2019 году планируется провести масштабный *Первый Евразийский философский конгресс*. Хотелось бы верить, что аберрации в отношении ориенталистских штудий, допущенные на Российском философском конгрессе в 2015 году, будут учтены и сняты в рамках проведения этого конгресса.

1.3 Рефлексия путей эволюции образовательно-воспитательной среды

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЗДАНИЕМ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Б. В. Пальчевский

В основу процедуры управления созданием научно-методического обеспечения были положены философские закономерности, общенаучные подходы и адекватные им принципы. С точки зрения философского знания (как точки бифуркации), в любой сфере научного познания важно иметь определенные ценностно-смысловые ориентиры. Так, при определении ценностно-смысловых ориентиров развития культуры управления разработкой научно-методического обеспечения в системе непрерывного образования важно зафиксировать сущность и цели научно-методического обеспечения. В этой связи был проведен аналитический обзор наработанных в науке материалов, исследований и разработок. Не раскрывая подробно процедуру анализа, можно сразу представить блиц-результаты, которые фиксируют философско-теоретическую и управленческо-педагогическую неразработанность вектора культуры при создании научно-методического обеспечения в системе непрерывного образования.

В качестве ценностно-смысловых ориентиров могут быть представлены:

- философские смыслы развития образования как компонента современного социума;
- управленческие смыслы с позиций шкалы развития;
- методологические смыслы с учетом фундаментальных подходов и реализующих их принципов;
- социальные, психолого-педагогические и методические смыслы развития образования;
- научно-теоретические смыслы ресурсного обеспечения системы непрерывного образования.

Культура управления разработкой научно-методического обеспечения в системе непрерывного образования в современной социокультурной ситуации является актуальным фактором для развития реальной образовательной практики. В то же время образовательная практика должна базироваться на философско-теоретических, фундаментальных и методологически выверенных постулатах и закономерностях в рамках

как теоретического обоснования, так и разработки научно-методического обеспечения процесса обучения и воспитания подрастающего поколения.

Именно поэтому структура и содержание фундаментальных исследований в сфере образования ориентируют ученых на необходимость поиска ответов философско-теоретической направленности с глубокой и логической аргументацией представляемых для педагогической науки результатов. В данном контексте в качестве результатов выступают закономерности культуры управления разработкой научно-методического обеспечения, которые представлены в виде принципов. В свою очередь, принципы являются теоретическим инструментарием такой нормы деятельности, как подход, т.е. каждый общенаучный подход реализуется адекватной системой принципов. «Раскрытие» принципа позволяет, с одной стороны, увидеть онтологию подхода, с другой – его конкретные возможности в конкретном виде деятельности.

Ниже представлена краткая характеристика подходов и адекватных им принципов.

Системный подход предполагает:

- наличие определенной системы организации разработки научно-методического обеспечения (НМО) (конкурсы, отбор, договора или контракты, учеба, авторский надзор и др.);
- наличие системы методического обеспечения в виде учебно-методического комплекса (далее УМК) и его базовых компонентов;
- наличие системы контроля исполнения и экспертной оценки УМК (как готового продукта);
- наличие системы норм;
- наличие системы авторского надзора.

Системный подход обеспечивается реализацией следующих принципов: базовой целостности (через ядро УМК); технологичности (через наличие технологии обучения как исходного материала для УМК); командности (через создание единого авторского коллектива, способного пройти весь путь конструирования, проектирования и производства); обратной связи.

Деятельностный подход предполагает:

- наличие базовой технологии обучения (методики) для учащихся, в которой предполагается организация процесса специфической познавательной деятельности с обязательным использованием всех необходимых компонентов УМК;
- наличие идеи о том, что в основу разработки технологии обучения закладывается задачно-целовая форма учения/обучения, где предусмотрена самостоятельная познавательная деятельность учащихся по решению определенного класса задач;
- наличие определенного алгоритма: принятие задачи, ее понимание, поиск способов и средств решения с помощью адекватных компонентов УМК.

Деятельностный подход обеспечивается реализацией следующих принципов: проблемности; самоопределения (в выборе информации); свободы выбора (средства); развития способностей; взаимодополнения (все авторы дополняют друг друга при разработке УМК); макетирования; стендовых испытаний (в лабораторных условиях апробируют макетные образцы).

Синергетический подход предполагает наличие УМК как открытой системы, означающей, что кроме базовых и инвариантных компонентов комплекса для каждого предмета могут быть разработаны специфические компоненты с учетом особенностей и дидактических потребностей того или иного учебного предмета.

В контексте *культурологического подхода* появляется возможность выявления самых разнообразных параметров культуры управления разработкой научно-методического обеспечения образовательной практики на основе УМК. Заявленный подход предопределил философско-методологический вектор, который дает основания для фиксации такого параметра, как специфическая готовность к разработке УМК. В этом залоге готовность может определяться через различные типы культуры: а) психологический; б) организационно-управленческий; в) духовно-нравственный; г) информационный; д) научно-теоретический; е) художественно-эстетический; ж) педагогический; з) редакционно-издательский; и) технолого-полиграфический. На основе методологически выделенных и представленных выше типов культуры может быть осуществлен переход на виды готовности с учетом дифференциации конкретных представлений каждого типа культуры. В этом случае появляется возможность фиксации не только конкретного вида готовности к разработке УМК, но и описания специфики содержания адекватной профессиональной деятельности авторов по разработке УМК для каждого вида готовности.

Культурологический подход обеспечивается реализацией следующих принципов: культуросообразности; продуктивности; мультикультурности.

Так как в философском знании осуществляется дифференциация общего и частного, то экстраполяция отмеченных закономерностей на процедуру создания НМО дает основание зафиксировать, что в особом ряду стоит следующая группа принципов развития культуры управления разработкой научно-методического обеспечения в системе непрерывного образования: корпоративности (кооперации деятельности); полифункциональности; позиционности; конкурентоспособности; лозатности; технологичности; инновационности; доказательности; гарантированности; квалиметричности; реалистичности; готовности.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. А. Зенченко, Н. В. Павлова

Интеграционные процессы, происходящие во всех сферах человеческой деятельности, затрагивают и систему образования, которая в современных условиях направлена на формирование активного гражданина. В этих условиях, как отмечает американский футуролог Э. Тоффлер, особую власть приобретают знания в различных видах: информация, наука, этика, искусство, – формирующие нравственные качества молодого человека, его гражданскую позицию.

Будущее нашей страны во многом зависит от того, насколько молодежь готова к участию в общественно-политической жизни в условиях перехода к информационному обществу, как формируется личность молодого человека, его гражданская позиция, мировоззренческие и поведенческие ориентации.

Ведущую роль в становлении личности молодых людей, способных строить гражданское общество, реагировать на изменяющиеся условия социума, играет система образования. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, образованность – это «то, благодаря чему индивид обладает значимостью и действительностью», и далее насколько индивидуальность «образованна, настолько действительна и располагает силой» [1, с. 263].

В настоящее время большое значение приобретает организация процесса формирования социально-профессиональных ориентаций студенческой молодежи, будущих специалистов, руководителей различных уровней, лидеров во всех сферах общественной жизни. Поэтому проблемы выбора новым поколением своих социально-профессиональных ориентиров, гражданской культуры приобретает все более актуальный характер.

В современном обществе увеличивается ответственность каждого человека за принимаемые решения, а общества – за подготовку высококвалифицированных кадров. О роли высшего образования свидетельствует рост численности студенчества. В 2015 г. в 54 вузах Республики Беларусь (45 государственных и 9 негосударственных) обучалось более 400 тыс. молодых людей. По количеству студентов на 10 тыс. человек наша страна занимает 4-ое место (после Республики Корея, США, Финляндии). Сегодня университеты играют ключевую роль в переходе к информационному обществу, обществу знаний, к экономике знаний (в научный оборот этот термин ввел в 1968 г. П. Друкер). Количество желающих обучаться в вузах свидетельствует о высоком социальном статусе высшего образования, которое становится своего рода гарантией

успешного устройства в жизни. Высшее образование воспринимается значительной частью молодежи как ценность, как необходимое условие для социальной самореализации [2, с. 233].

Особое место среди факторов формирования социально-профессиональных ценностей в вузе занимает система социально-гуманитарных дисциплин, призванная давать не только социально-гуманитарные знания, но и способствовать формированию у студентов гражданской позиции, пониманию и объяснению происходящих в обществе явлений и процессов, осознанию своего места в общественной жизни.

Проблемы профессиональных перспектив студенчества, его социального благополучия и гражданского становления относятся к разряду приоритетных для государства. В современном информационном обществе приобретенная специальность уже не является гарантией успешной профессиональной деятельности в течение всей жизни.

В условиях динамично развивающегося мира возрастает потребность в мировоззренческих ориентирах. Общество, быстро фрагментирующееся на уровне ценностей и жизненных стилей, бросает вызов старым интегрирующим механизмам и побуждает искать новую основу для реконструкции [3, с. 259].

Рассматривая проблему превращения молодежи в активный субъект социальных действий, необходимо проанализировать объективные и субъективные факторы, влияющие на отношение студенчества к труду, его социально-профессиональные ориентации. К объективным факторам можно отнести: переход к рыночной экономике, социально-экономический кризис, безработицу, усиление конкуренции на рынке труда, изменение социального статуса и престижности профессии, разрушение прежней системы ценностей и несформированность новой. При анализе субъективных факторов следует проанализировать мотивы выбора студентами будущей профессии, оценку ими значимости высшего образования для предстоящей профессиональной деятельности и факторов жизненного успеха, мнение о вариантах трудоустройства после окончания вуза.

Данные ряда социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, Центром социальных и политических исследований БГУ, а также БГПУ, МГУ им А. Кулешова, ВПУ с целью выявления мотивации студенческой молодежи в сфере социально-профессиональных ориентаций, позволяют констатировать, что в студенческой сфере усиливается убеждение в необходимости профессионализма и компетентности, получения глубоких знаний, развития своих способностей для достижения жизненного успеха. Большинство студентов рассматривает трудовую деятельность как фактор развития личности, как источник материального благополучия. Но, к сожалению, у некоторой части молодежи преобладают материальные блага и утили-

тарные потребности в желаниях молодежи. Студенчество становится все более прагматичным, повышается значение индивидуализма.

Проблема активного участия молодежи в обновлении общества, в процессе реформирования всех сторон общественной жизни осложняется следующими причинами: невозможностью реализовать свой творческий потенциал из-за отсутствия необходимых социальных условий (усиление социального неравенства, сокращение потребности в рабочей силе, неуверенность в завтрашнем дне); пассивностью, отчужденностью, индифферентностью, потребительским отношением к жизни определенной части молодых людей, невостребованностью интеллектуального труда; низким уровнем социальной защищенности молодежи, которая выражается в трудностях материального, бытового порядка.

Результаты многих социологических исследований свидетельствуют о том, что высшее образование занимает одно из первых мест в иерархии жизненных ценностей молодых людей. Вместе с тем просматривается неудовлетворенность значительной части студенческой молодежи качеством преподавания, в том числе и социально-гуманитарных дисциплин. В настоящее время внедрение новых информационно-педагогических и дистанционных форм обучения в вузах страны пока еще не соответствует требованиям социального заказа на подготовку высокопрофессиональных специалистов.

В условиях развития новых технологий, увеличения числа лиц, занятых интеллектуальным трудом, возрастает ценность творческой личности с инновационным мышлением, с широким гуманитарным кругозором. К сожалению, в последних Государственных стандартах такие курсы как логика, эстетика, культурология, переведены в разряд курсов по выбору студентов. Растет спрос на специалистов, обладающих методологической информационной грамотностью. Именно в процессе формирования методологической культуры происходит раскрытие креативного потенциала личности в учебно-воспитательном процессе.

Становится очевидным, что дисциплины социально-гуманитарного цикла должны наполняться не только новыми парадигмами, отражающими мировой уровень развития науки, но и включать практический аспект, т. е. обоснование необходимости и целесообразности их знания в использовании в будущей профессиональной деятельности. А это дает возможность значительно активизировать познавательную деятельность студента, развивать у него творческое мышление, более эффективно готовить к жизни в условиях перехода к информационному обществу.

Таким образом, можно сделать вывод, что студенческая молодежь должна понимать, что факторы самореализации являются интеллектуальные усилия, личная социальная ответственность, готовность к риску. А задача государства состоит в том, чтобы создать условия для формирования социально-профессиональных ориентаций, гражданской зрелости новых поколений.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – Т. IV. – М., 1959.
2. Гегель, Л. А. Ценности современного студенчества и конкурентность на рынке труда / Л. А. Гегель, Ю. С. Фролова // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 5.
3. Тоффлер, Э. Футурошок / Э. Тоффлер. – СПб., 1997.

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

Н. А. Масюкова

Основанием данной статьи служит гипотеза о сущностной общности ведущих характеристик культуры научно-исследовательской деятельности (научной культуры) и культуры управления (управленческой культуры). Данное утверждение подразумевает, что наука включает в себе важную подсистему управленческой активности, а управление должно быть основано на научных данных.

Ведущей направленностью культуры управления выступает нацеленность на развитие управляемой деятельности посредством нормотворчества, то есть разработки ее новых норм. Аналогичная функция присуща и культуре научно-исследовательской деятельности (НИД): здесь речь идет о направленности на преобразование предмета исследования через разработку, апробацию и определение эффективности нормативной модели, включающей в свой состав те же нормы – методы, методики или технологии. Таким образом, обе культуры (научная и управленческая) подразумевают деятельность, которую сегодня принято называть инновационной. Предполагается, что результатом осуществления норм как научной, так и управленческой культуры должна выступать инновация.

Это позволяет говорить о таком феномене, как научно-управленческая культура, представляющая собой синтез науки и управления в культурологическом подходе. Выделение общих для научной и управленческой культуры составляющих, разновидностей и источников развития расширяет границы видения научно-управленческой культуры. В ее состав включаются: знания, специфические способы действия, ценности, нормы и критерии оценки. В роли знаний, обслуживающих и обеспечивающих научно-управленческую культуру, выступают знания о сущности и тенденциях развития научно-исследовательской и управленческой деятельности. Общими для культур науки и управления способами действия являются: *анализ ситуации* (для управления – только социокультурной, для науки – еще и познавательной), *проектирование и программирование*.

Учитывая специфику философско-культурологического взгляда на НИД и управление, рассмотрим другие компоненты научно-управленческой культуры. Здесь особое место занимают аксиологические ориентиры. Основываясь на признаке общности науки и управления, в их число следует включить ценности развития, творчества, гуманизма и ответственности. Напомним, что ценностные ориентиры определяют процесс целеполагания, то есть деятельность направляется на достижение той или иной цели в зависимости от того, какие именно ценности при этом закрепляются. Как первопричина перенормирования, ценностные основания отвечают на вопрос «Ради чего необходимы преобразования?».

С точки зрения философии и управленца, и исследователь осуществляют свою деятельность ради развития. Предметами развития могут выступать: сама наука, педагогические процессы, субъекты образования, само образование как общественная практика, общество и государство в целом. Постулирование ценности развития означает стремление к достижению новых качеств и разнообразия общественно-образовательных систем. Для управления развитие составляет не только ценность, но и цель культурной управленческой деятельности. В сфере науки оно выступает еще и в качестве одной из ведущих функций НИД.

С развитием теснейшим образом связана и ценность творчества. Только в результате творческого процесса можно добиться развивающего эффекта. Разделять и постулировать ценность творчества – значит заботиться о творческом характере деятельности всех субъектов образования: руководителей, педагогов, родителей и учащихся. Разделяющие ценность творчества управленцы и педагоги-исследователи никогда не прибегнут к процедурам технологизации образовательного процесса, поскольку они устанавливают для его участников крайне жесткие рамки, ограничивающие творческие проявления. Практическое закрепление ценности творчества требует самого высокого уровня научно-управленческой квалификации.

В ряду аксиологических основ научно-управленческой культуры особое место занимает ценность ответственности. Она призвана уравновесить стремление ученых и управленцев к творчеству и развитию. И то, и другое должно служить только во благо. Не должно быть инноваций, созданных ради них самих. Ценность ответственности направлена на исключение возможности рассмотрения науки как «способа удовлетворения своего любопытства за государственный счет». Ученый и управленец должны постоянно помнить об ответственности, которую они несут перед страной, обществом, нынешними и грядущими поколениями педагогов, родителей и учащихся. К сожалению, практика реализации реформ в образовательной сфере без процедур общественно-профессиональной экспертизы свидетельствует об отсутствии у наших реформаторов такого ценностного ориентира, как ответственность.

Заслуживает отдельного рассмотрения и такой ценностный ориентир любого инноватора образовательной сферы, как гуманизм, который можно интерпретировать как самоценность человека. Ученые-гуманитарии и управленцы образовательной сферы обязаны всеми доступными им средствами закреплять и воплощать в практике образования гуманистические ценностные ориентиры. Сегодня это особенно актуально и ответственно, поскольку глобальные кризисы техногенной цивилизации значительно пошатнули ценность гуманизма.

Философы отмечают губительное влияние на ценностную сторону бытия человека и общества экологического кризиса, кризиса культурной идентичности и факта создания ядерного оружия [1]. В такой ситуации представители гуманитарной сферы просто обязаны отстаивать ценность человеческой жизни и здоровья. Большинство ученых и управленцев это понимают, о чем свидетельствуют многочисленные разговоры о самоценности детства, о том, что ребенок должен стоять в центре образовательного процесса и т. п. Однако часто за такими декларациями стоят прямо противоположные действия и решения. А ведь постулирование и декларирование ценностей это далеко не одно и то же. В первом случае профессионал всю свою культуру и энергию направляет на реализацию заявленной ценности в реальной практике. Во втором – главная его забота состоит лишь в том, чтобы заявить о своей гуманистической ориентации, нимало не заботясь о ее реальном воплощении. Для представителя научно-управленческой культуры это непроситительно, а сам факт пустого декларирования самоценности человека лишает его статуса культурного управленца или исследователя.

Следует заметить, что ценностное отношение личности к чему бы то ни было проявляется в сфере нравственности. Именно поэтому в содержание научно-управленческой культуры мы считаем нужным включить нормы нравственного действия, которые могут выступать в качестве признаков реального профессионального кредо управленца или ученого. А. Зинченко сформулировал их для методологической позиции, подчеркнув при этом их всеобщий характер. «Методологическая позиция требует от стремящихся занять ее выполнения особых норм нравственного действия, которые соблазнительно счесть и общечеловеческими: публичность, открытость для критики и разборки, демонстративность (закрепление сказанного в схеме), коммуникация (учет форм понимания слушателей и оппонентов)» [2, с. 59]. Для культурного деятеля, занимающегося преобразованиями, будь то ученый или управленец сферы образования, следование таким нормам есть дело профессиональной чести.

Литература и источники

1. Бородавкин, С. В. Гуманизм в культуре и культура в гуманизме / С. В. Бородавкин // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 163–176
2. Зинченко, А. Ремесло методолога / А. Зинченко // Кентавр. – 1995. – № 1.

ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Л. А. Парфёнова

Важнейшим фактором цивилизационного развития выступает образование и его государственное регулирование. Будет ли оно национально-замкнутым или же впитавшим в себя все основные достижения мировой культуры, элитарным или социально-ориентированным, авторитарным или демократическим, формальным, лично-ориентированным или функциональным, финансируемым из госбюджета или коммерческим в виде оказываемых платных услуг населению и т. д., – зависит от политики образования, которую реализует то или иное государство, и ее правового обеспечения. В свою очередь, содержание и направленность этой политики во многом определяются ее философско-мировоззренческими основаниями и тем, что выступает в качестве этих оснований: теория познания, реализованная в стратегии и тактике управления, аксиология, онтология или эпистемология.

Должно ли образование ориентироваться на основы фундаментальных наук, или оно изначально должно быть практико-ориентированным, опирающимся на ценности и нормы современного общества, на вызовы своего времени? Вопрос отнюдь не риторический. Он требует определенной философской мудрости в решении проблемы сущности и существования, подобно выбору между «мертвой» и «живой» водой в сказочном повествовании. «Мертвой водой» в образовании служит абстрактно-схоластическое знание, ориентированное на заучивание «вечных» истин, которые не столько приближают учащегося к действительности, сколько отдалают от ее «живого» морального или эстетического содержания.

Политика образования реализуется посредством государственных и международных правовых актов. Однако их принятие еще не означает, что они станут фактом правового сознания большинства населения. Основы права и правового сознания заключены в самой культуре общества, в то время как закон может приниматься в зависимости от насущных потребностей и интересов государства. Политика и право в данном случае две стороны единого цивилизационного процесса. Какую роль в выработке правового акта играет нравственный универсум и достигнутая степень приближения к нему в том или ином обществе?

Отвечая на этот вопрос, Г. В. Ф. Гегель в своих философских изысканиях приходит к выводу, что государство как «нечто разумное в себе» и есть «этот нравственный универсум» [1, с. 55]. Стремясь более лаконично выразить суть этой идеи, Г. В. Ф. Гегель прибегает к ее сравнению с образом архитектурного сооружения: государство – это своего рода завершенное здание, «архитонику» которого составляет «богатая расчле-

ненность нравственного в себе», которая в то же время представляет собой «силу целого из гармонии его членов» [1, с. 49]. Ориентируясь на нравственные абсолюты, немецкий классик вслед за Платоном исходил не столько из реального положения дел, требований своей эпохи и вызовов времени, сколько из идеальных представлений о совершенстве. Само же историческое развитие он представлял как социальный прогресс, а образование – как способ овладения абсолютной идеей в виде накопленных человечеством знаний с помощью социализации или включения подрастающих поколений в культуру.

Однако развитие общества не сводится лишь к линейному процессу, но и включает в себя исторические циклы жизни цивилизаций, регионов, союзов государств и т. д., имеющих свои проблемы, решаемые только здесь и сейчас или в рамках складывающейся ситуации. Каждая из эпох и цивилизаций характеризуется своей системой ценностей и норм, задающей смысл деятельности людей, с которыми вынужден считаться государственный деятель при выработке политики. Поэтому проблемы формирования образовательной политики не решить без обращения к широкому мировоззренческим вопросам, к символике общественного сознания.

Образование в условиях цивилизационного развития просто вынуждено опираться на менталитет своего народа и национальные интересы государства, хотя далеко и не всегда это осознается. Образование не имеет ценности без культуры. Человечество на путях своего развития накопило множество научных фактов, но так и не овладело знанием о той внутренней пружине, которая направляет развитие всего мироздания. М. Шелер совершенно точно определил состояние сегодняшнего знания о человеке: «Никогда еще в человеческом познании человек не был более проблематичным для самого себя, чем в наши дни». Богатство фактов, считал он, – еще не богатство мыслей. Человек стремится разгадать загадку Вселенной, ибо хочет разгадать самого себя. И наоборот, через познание себя познает законы высшего порядка. Познанием же себя с древнейших времен человек занимается благодаря философии, которая, в свою очередь, становится основой воспитания и образования. Люди, задаваясь вопросом о том, откуда зло в мире, чувствуя, что сам человек является ареной борьбы сил добра и зла, неизбежно обращаются к проблемам воспитания. Общество, стремящееся к разумному устройству, всеобщему благу, заинтересовано в нравственном достоинстве тех, кто придет на смену старшему поколению.

Жизненными составляющими человека XX века являются образованность, гражданственность, цивилизованность. К сфере образованности мы относим науку, искусство, нравственность, религию и идейные течения, к гражданственности – право и государственность; цивилизованность характеризуется уровнем развития техники и хозяйства в целом. Все эти слои общественной жизни чрезвычайно тесно контактируют

между собой, и доминирующее значение какой либо стороны жизни выделить довольно сложно, это обуславливает идейные противоречия в мировоззрении современного человека, который ищет и старается определить доминанту прежде всего собственной жизни.

Данная проблематика является основой философии образования как особой сферы философского знания. Только она в состоянии выступить исходным пунктом для выработки государственной стратегии развития данной отрасли, и только она вместе с социальной философией является олицетворением выражения требований к ней всего общества, и стоящих перед ним актуальных проблем. Социальная философия и философия образования призваны выработать институционально организационные принципы государственного регулирования воспитательного процесса, являющиеся выражением, как теоретического, так и практического мышления. Но для этого требуется, прежде всего, определение мировоззренческих составляющих государственного регулирования и выработка теоретических принципов его осуществления.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель – М., 1990.

ЕДИНОЕ МИРОПОНИМАНИЕ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Г. А. Абрахматова

Любое общество имеет в своей основе то или иное мировоззрение (в явной или скрытой форме, в виде идеологии, системы установок, традиций, ритуалов и т.д.). От характера мировоззрения зависит, в конечном счете, стабильность социальной системы как целого. И, следовательно, в условиях радикальной плюрализации мировоззрений становится особенно острым вопрос о том, каким образом возможно объединение или, по крайней мере, гармонизация этих мировоззрений и тех социальных групп, которые их придерживаются. Это важно еще и потому, что ценностные и мировоззренческие универсалии способны продуктивно решать проблемы и противоречия, связанные с цивилизационными различиями, нередко возникающим противостоянием разнообразных форм культуры, необходимостью плодотворного межкультурного, межэтнического и межконфессионального диалога и взаимодействия.

Сегодня в обществе накопилось огромное количество знаний, которые сосредоточены во многих научных дисциплинах и различных формах духовной деятельности человека. Казалось бы, ответы на все вопросы должны быть уже где-то рядом, нужно лишь грамотно разложить эти знания как логически связанные между собой «пазлы» грандиозной кар-

тины под названием «Окружающий мир». Однако реальная картина мира постоянно меняется. В результате только что оформленные и осмысленные «пазлы» перестают стыковаться в постоянно расширяющейся Вселенной. Поэтому чтобы ответить на все вопросы, касающиеся самого мира, человека и его роли в этом мире, необходимо иметь единую картину мира. Именно в такую картину можно будет без особых концептуальных проблем и без потери их первоначального смысла уложить «пазлы» существующих научных знаний, знаний различных форм духовной деятельности.

Одной из таких картин может служить трансдисциплинарная картина мира [1]. В октябре 1998 г. в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО по итогам международной конференции по высшему образованию была принята «Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры». В ряде статей этой декларации использованы именно термины «трансдисциплинарность» и «трансдисциплинарный подход» [ст. 5 п (а) и в ст. 6 п (b)]. Необходимо заметить, что в философии образования эти термины и соответствующие подходы пока еще не получили однозначного к себе отношения. В то же время понятно, что в силу своего предназначения трансдисциплинарность можно отнести к области знаний, формирующих человеческое мировоззрение. При этом формы взаимодействия, переплетения и интеграции научных и образовательных дисциплин могут существенно варьировать, в том числе терминологически, но так или иначе они предполагают единую для себя основу – мировоззренческую, а, следовательно, – трансдисциплинарную (или метадисциплинарную).

Не имея общего представления о космогенезе и антропогенезе, которые составляют общую исходную основу понимания всего остального, человеческие индивиды оказываются связанными с ложными целями, с мотивами, которые ими самими до конца не осознаны, что влечет за собой глубокое разочарование и приводит к утере смысла жизни. Не решив или хотя бы не попытавшись решить вопроса о сути и смысле Мироздания, невозможно обрести твердое, прочное и достойное человека основание нашего бытия на Земле, в обществе, государстве, семье [2, с. 8–9].

Новое мировоззрение предполагает и требует от человеческой цивилизации жить и творить только во благо окружающего мира Вселенной. И только в этом и состоит благо в отношении самих людей и в их отношениях друг к другу. Необходимы меры, направленные на охрану природной среды как общего дома всех населяющих страну народов, заботу о физическом и духовном здоровье людей, воспитание молодого поколения с ориентацией на духовные ценности и созидательный труд. Такого рода ценностная ориентация – не просто образ мыслей; а выбор восприятия реальности. Ведь экологические проблемы – это не проблемы окружающей среды, а проблемы человека, который сам направленно создает среду, являющуюся для него губительной. «Условием нормального

человеческого общества является наиболее приближенное друг к другу единое понимание во всех основополагающих жизненно важных вопросах. Должна быть заинтересованность людей понять друг друга, чтобы формировать пространство чистоты, благости, любви, света» [2, с. 27].

Но какое же миропонимание следует считать правильным, аутентичным? По всей видимости, такое, в котором относительно полно и внятно раскрыты основные мировоззренческие универсалии и на этой основе представлены важнейшие подлинно человеческие ценности. А можно сказать и наоборот: такое миропонимание, в котором раскрыты важнейшие подлинно человеческие ценности и на этой основе представлены основные мировоззренческие универсалии.

Справедливо указывает в этом отношении профессор К. А. Абишев: «Учебники, и в особенности учебники по философии, не должны быть собранием и изложением раз и навсегда установленных истин, положений, которые не подлежат уже сомнению и критике... не может быть раз навсегда данного одного образа или способа жизни. Пути и даже новые, нехоженые тропинки, на которые призывает та или иная философия, суть необязательно то, что уже есть, а скорее всего то, что должно, это – скорее определенные возможности, нежели налично сущее» [3].

Единое миропонимание как образовательная парадигма в настоящее время существует пока еще как идеал. В реальности наличествуют противоречащие друг другу мировоззрения, противостоящие по многим параметрам и нередко вступающие в открытые конфликты. Следовательно, необходим определенный мировоззренческий баланс между сущим и должным, настоящим и будущим. Этот баланс нам видится в высших гуманистических ценностях.

Одним из уже реализованных наглядных примеров такого баланса (или попытки баланса) может служить «Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов» [4]. Уникальное издание знакомит своих читателей с религиозным мировоззрением разных народов и разных времен, включая новейшие духовные учения. Это своеобразная мозаика прозрений, догматов и установлений, а главное – ценностных мировоззренческих установок, рожденных разными религиями и представленных фрагментами священных писаний. «Всемирное писание» позволяет сравнить основные мировоззренческие понятия, морально-этические нормы, ритуальные правила и принципы религиозной жизни, присущие разным конфессиям, осмыслить общие и специфические черты в истории и проявлении религиозных идей.

В наше время межкультурный диалог уже продвинулся от первых шагов по признанию ценностей разнообразных мировоззрений, философий и религий ко все возрастающему признанию того, что религии мира имеют между собой не только много различий, но и много общего. Общая основа всех религий становится более ясной по мере того, как участ-

вующие в диалоге партнеры преодолевают внешние расхождения в своих учениях.

Сегодня призыв к «мировой теологии» («World Theology») поддерживают многие ученые, считающие, что религиозные учения отнюдь не узки и согласуются с философскими системами. Поскольку каждая отдельная религия вполне может содержать основные мировоззренческие темы, то, являясь основанием конкретной культуры, она обязательно оказывается достаточно широкой, чтобы содержать информацию обо всех аспектах человеческого опыта [4, с. 13]. Становится все более очевидным, что в структуре образования необходимо новое измерение: в процесс образования на всех его уровнях необходимо введение ценностных универсалий и универсалий мировоззренческих.

Литература и источники

1. Мокий, В. С. Основы трансдисциплинарности / В. С. Мокий. – М., 2009.
2. Капышев, А. Б. Мировоззренческие основания толерантного сознания / А. Б. Капышев // Формирование толерантного сознания в современном казахстанском обществе. – Алматы, 2009. – С. 7–55.
3. Абишев, К. Философия. Учебник для студентов высших учебных заведений и аспирантов / К. Абишев. – Алматы, 1999.
4. Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов / под общ. ред. проф. П. С. Гуревича. – М., 1995.

ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ

О. А. Левко

Цивилизационное развитие – это процесс образовательно-воспитательного, инновационного и иного социально-культурного преобразования действительности. Такое развитие отличается прежде всего своей цикличностью, и, как отмечал О. Шпенглер, подобно организму включает в себя рождение, становление, расцвет, дряхление и смерть или своеобразный закат. «Цивилизация, – отмечал Н. Я. Данилевский, – есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип, под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни. Она тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее сами составные элементы, т.е. народности, входящие в образование типа» [1, с. 101]. Цивилизационный процесс развития народов заключается именно в постепенном отрешении от случайности и ограниченности национального для вступления в отношения существенности и всеобщности – общечеловеческого. Источник прогресса заключен здесь не в линейном, размеренном изменении и не в революционных «взрывах» самих по себе, а во вза-

имодействни с культурами других народов, стран и цивилизаций, в результате чего возникает новое социально-культурное качество жизни, ее новый стиль, образ, вкус, манеры поведения. Обрести это новое качество жизни невозможно, лишь пассивно усваивая ту или иную информацию вне активной деятельности и ориентации на Другого или соответствующие коммуникационные, нормативно-правовые, духовно-нравственные и социальные отношения. Для этого требуется уже практико-ориентированное образование, не ограничивающееся лишь овладением основ наук в виде абстрактно-теоретических истин и научных дефиниций, а предполагающее соответствующее целеполагание и должествование в неразрывной связи с изменяющейся социально-культурной ситуацией.

Одним из важнейших показателей цивилизационного развития является фактор социального времени, истоки которого заключены в особенностях духовной природы народов, составляющей культурно-исторический тип, его ценностей и норм, стиля и образа жизни, менталитета народа. Согласно одному из законов цивилизационного развития, который был сформулирован Н. Я. Данилевским, «цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразные этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуются независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [1, с. 92].

Ни политика, ни право, ни государственное регулирование сами по себе не играют при этом определяющую роль, по сравнению с вызовами времени или радикально изменившейся социально-культурной ситуацией в мире, стране. Время в данном случае трактуется не как однородная длительность, все отрезки которой равноценны или как средство измерения того или иного природного процесса. Время как элемент физического описания, как одна из координат некоторой движущейся точки и время как определенного рода величина и мера человеческой жизни, социально-исторического бытия людей, как мера человеческой экзистенции – не одно и то же время. В одном случае это физическая реальность, а в другом – реальность социально-исторического бытия. «Если величина первого есть, прежде всего, величина измерения, то величина второго есть в своей основе величина изменения. В сущности, одна предстает перед нами как величина деления и счета, тогда как другая – величина определения и связи» [2, с. 7].

Сущность времени в его человеческом смысле не может быть сведена к каким-либо иным частным естественнонаучным определениям. Время как мера социально-исторического бытия, мера социально-исторической связи и последовательности может быть измерено в тех или иных единицах: год, месяц, час и т. д. Но оно всегда есть нечто иное и большее, чем этот счет. Оно есть мера человеческой жизни и челове-

ского ее определения. Время не есть только форма деления, но, прежде всего, форма связи и определения. Оно не есть только мера измерения того или иного события, но, прежде всего, мера его изменения и становления. А если говорить о времени людей – оно есть мера человеческого становления. Только на социальном уровне (а не на уровне природы) время обретает максимальную глубину и полноту своего содержания, поэтому только социальное время есть ключ к философской проблеме времени [3, с. 4–5]. «Физические теории бесполезны при интерпретации социальных процессов. Как только желают познать последние, определить адекватные их природе характеристики, возникает необходимость в концепте "социальное время"» [4, с. XV]. Социальное время при этом рассматривается в самом широком его понимании как время социальной эволюции, осуществления и развития социального мира, время Человека как носителя социального (включая свойственное ему время историческое, психологическое, биологическое), полагающего свою особую, социальную сущность [5, с. 7].

В различные исторические эпохи, олицетворяющие собой характер требований социального времени, перед образованием стоят различные цели и задачи. Эти цели и задачи напрямую связаны с основными ценностями исторически изменяющегося общества. В разное историческое время в качестве актуальных задач, решаемых институтом образования, выступают: овладение навыками письма и чтения, формирование образов мира или воззрений людей, обеспечение функциональной грамотности населения, осуществление в обществе культурной революции, подготовка молодежи к самостоятельной трудовой и другим видам деятельности и т. д. Сегодня своеобразной сверхзадачей, стоящей перед системой образования, является становление личности как субъекта социального времени.

Литература и источники

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.
2. Трубников, Н. Н. Время человеческого бытия / Н. Н. Трубников. – М., 1987.
3. Кузнецов, В. Ю. Социально-философская концепция мифологизации времени: автореф. дис... д. филос. н.: 09.00.11 / В. Ю. Кузнецов; Чувашский государственный университет имени И. П. Ульянова. – Чебоксары, 2007.
4. Канке, В. А. Формы времени / В. А. Канке. – М., 2002.
5. Сайко, Э. В. Субъект в пространственно-временном континууме социальной эволюции и структурирования пространства Социума / Э. В. Сайко // Пространства жизни субъекта. – М., 2004. С. 24–25.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ «ЗНАНИЯ» К «КОМПЕТЕНЦИЯМ»

Ю. Н. Томашевская-Гарачук

Университетское образование, как известно, переживает кризис. В связи с этим одной из актуальных проблем сегодня является проблема социального консенсуса в отношении форм, содержания, объемов и целей высшего образования. Дискуссии на эту тему продолжаются как на постсоветском пространстве, так и в странах западного мира. Что является идеалом и целью университетского образования – объект, субъект, процесс, отношение, состояние сознания? Что стоит выше в иерархии ценностей – специалист, покинувший стены ВУЗа со списком компетенций, или решение научных задач, развитие исследовательских стратегий? Университет – это место аккумуляции научного дискурса, где одни люди транслируют знание фактов другим для дальнейшего необязательного использования в их будущей профессии и личной жизни? К. Поппер когда-то охарактеризовал такого рода работу как формирование «теории бадейного сознания» [1, с. 320]. Насколько размыта роль университета в структуре социальных отношений? Является ли университет местом, где должны производиться смыслы и конструироваться ценностные каркасы?

И, в конце концов, неужели университет – это место, где нужно тратить аудиторные часы для того, чтобы рассказать молодым людям как геоцентрическая модель мира боролась с гелиоцентрической? Зачем посвящать их в детали дискуссий, аргументации сторон, апелляции к здравому смыслу или наглядности эмпирической проверки? Вполне достаточно сообщить об окончании прений и вердикте, претендующем на истинность. Обязательно ли студенту знать о том, что великие умы человечества совершали великие ошибки, которые слишком дорого стоили? Как вообще человеческий разум, способный к решению грандиозных задач, может сам себя привести к совершенно тупиковым познавательным ситуациям и увязнуть в них на пару сотен лет? Вопрос, который нам представляется принципиальным, это вопрос о том: «Стоит ли мышление того, чтобы ради него строить университет?»

Мы стоим перед необходимостью переосмысления университетского образования. Что есть университет сегодня? На постсоветском пространстве университет давно утратил статус «основной кузницы кадров» советской номенклатуры, а годы независимости были потрачены на решение других задач. Со стороны, наверное, университет выглядит приблизительно так же, как и тридцать лет назад. Студенты и преподаватели спешат на первую пару, преподаватели говорят, а студенты слушают и иногда пишут, администрация работает в тех же кабинетах, но вот количество дорогих машин, автостоянка, ресторан, кафе и церковь на терри-

тории университета не могут не вызвать вопросов.

Как понимают цель своей деятельности преподаватели, особенно те, кто получали свое образование в советский период? Ведь, большинство из них четко определяли границу научности любой формы знания. Научное знание – это такое знание, которое выражено в знаковой форме, системно, рефлексивно, претендует на объективность, универсальность, доступно проверке на истинность / ложность, верифицируемо, фальсифицируемо и т. д. Для преподавателей этого периода не вызывало сомнения, что они именно те, кто призван передать знание высшего качества.

Сегодня же в образовательный дискурс вошли чуждые для академического уха понятия – «рынок», «конкуренция», а вместе с ними и «компетенция». Вокруг понятия «компетенция» в системе высшего образования Украины продолжаются дискуссии. Да, рынок требует работы с «исчислимыми» и в этом смысле «компетенция», как определенная степень теоретической и практической подготовки, открыта для количественной оценки и учета окончательного продукта.

Не опаздываем ли мы, строя новую парадигму государственного высшего образования, ориентируясь на понятия, содержания которых меняются буквально на глазах? На запрос нашего времени возникает колоссальное многообразие новых форм образования. Всевозможные виды дистанционного образования – «Академия Хана», «Лекториум», «Универсариум», «University of the People», «открытые университеты», спонсируемые различными фондами, пространства PUB, всевозможные курсы и семинары. Степень популярности новых видов образовательных услуг, конкурирующих на рынке, говорит сама за себя. Мобильные коллективы молодых энтузиастов быстро ориентируются и готовы предложить рынку услуг любой образовательный проект, как только почувствуют, что на него созрел спрос.

Понятно, что громоздкая система государственного образования с трудом может соревноваться с разнообразными видами образовательных услуг, но наличие такого количества образовательных проектов прежде всего говорит о том, что в обществе сформировались колоссальная аудитория и спрос. К сожалению, университетское образование пока не способно быть сильным «игроком» на этом поле. Нам необходимо проанализировать эту ситуацию и решить, какое место в потоке новых форм образования может занять университет? Что есть эксклюзивного в уже имеющейся системе образования и что может сделать университетское сообщество такого, что было бы невозможно или слишком затруднено для всех видов образования за пределами государственных университетов?

На протяжении XX века не раз звучали эсхатологические прогнозы о том, что наступает время, когда «университет рискует исчезнуть» [2, с. 13], но началось новое столетие, эпоха модерна и постмодерна остались в истории, а мы снова вернулись к обсуждению этой задачи. Кризис,

который переживает университетское образование, – это шанс переосмыслить «экстерьер и интерьер» современного университета. Учитывая реалии настоящего, мы вынуждены признать, что университет не сможет избежать тирании рыночных отношений.

Однако для того, чтобы вывести на рынок продукт, необходимы определенные условия, при которых это было бы возможно. Для тех, кто мыслит университет как некую административно-бюрократическую единицу, вполне достаточно, если вышеуказанная единица продолжит осуществлять закрепленные нормативно-правовой базой функции. Другие, кто видит университет как устройство для воспроизводства профессорско-преподавательского состава, пребывают в уверенности, что достаточным условием является выполнение штатных обязанностей.

Как бы ни понимались цели и задачи высшего образования, нельзя не согласиться с тем, что, работая в самых разных областях университетского образования, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью обоснования и интерпретации истины. Не важно, чего касается то или другое утверждение, полученное эмпирическим либо рациональным путем, по-прежнему остается актуальным вопрос об истинности вообще. Дисциплины, которые преподаются в университете, относятся к знанию в пределах своей компетенции, как к истинному или, насколько это возможно, приближенному к истине. Однако, ни один из специальных предметов, которые читаются в стенах университета, не ставит вопрос об истине как таковой. В отличие от естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, роль философии «заключается в создании представлений об основаниях истинности, о возможностях мышления в познании и осуществлении деятельности» [3, с. 32].

На наш взгляд, университет, несмотря на всю сложность ситуации, по-прежнему обладает «золотой акцией», так как в университетской традиции мышление обладает особым статусом. Философия как обязательный предмет для всех специальностей выполняет свою основную нагрузку – дисциплинирует мышление, тренирует критический навык, проверяет на прочность понятийный аппарат фундаментальных наук о природе, обобщает результаты научных исследований и т.д. А без строгости в деле мышления, вряд ли можно рассчитывать на высокое качество профессиональной подготовки будущих специалистов или на достижение значимых результатов в решении научных и технических задач.

Литература и источники

1. Поппер, К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер; отв. ред. В. Н. Садовский; пер. с англ. Д. Г. Лахути. – М., 2002.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. Н. А. Шматко. – СПб.: М., 1998.
3. Барановская, О. Н. О специфике преподавания курса философии для студентов технического университета / О. Н. Барановская // Матеріали Міжвузівсько-

ИННОВАЦИОННАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С. В. Куртчи

Современный этап развития многих стран можно кратко охарактеризовать как этап интеграции образования, научных исследований, производства и рынка. Сфера образования является важнейшей составляющей (питательной средой) социально-экономического развития, и этот факт нуждается в методологическом переосмыслении в контексте современных глобальных вызовов [1].

Образование выступает как часть интеллектуальной культуры и несет в себе мировоззренческие, технологические, экономические, социальные и иные возможности и основания для интеграции. Оно было и остается платформой для взаимодействия всех заинтересованных участников, что позволяет накапливать и использовать социальный и человеческий капитал, имеющиеся профессиональные знания и опыт и дает возможность прикоснуться к мейнстриму социально-экономического развития.

Чтобы быть способной к ответам на различные вызовы современности, сфера образования непрерывно развивается как в направлении обеспечения адекватного уровня компетентности специалистов, так и в контексте формирования актуальных ценностей и смыслов будущего специалиста на современном рынке труда.

За образованием остается также функция целеполагания, которая направлена на формирование духовных, культурных, профессиональных и иных ценностей человека, находящегося в эпицентре всей образовательной активности. Сфера образования «работает» на формирование способностей и ключевых качеств развивающегося человека [5]. Такая задача формирования способностей и постановки целей своей деятельности и готовности их достигнуть отвечает естественному стремлению человека к реализации своей жизненной стратегии.

В современных условиях социально-экономического развития важным становится интеграция ключевых участников рыночного пространства, которые стремятся продвинуться и «удержаться» на очередной технологической волне и заинтересованы во взаимодействии друг с другом. Чтобы продуктивно развиваться, каждый из участников международного рынка труда (предприятия, государственные институты управления, исследовательские институты, система образования, сфера услуг, торговля

и т. п.) стремится решить свои главные задачи, которые в экономическом плане сводятся к приобретению конкурентных преимуществ и получению соответствующих выгод, и исполнению своего назначения.

Как известно, современные образовательные структуры включают в себя традиционные учебно-методические подразделения (факультеты, кафедры), исследовательские центры, бизнес-структуры, центры дополнительного образования взрослых и др. Они выполняют миссию воспроизводства и актуализации знаний и умений, стремятся обеспечивать должный уровень компетентности обучающихся, что отвечает необходимым условиям эффективной деятельности специалистов на производстве, в сфере услуг, в управленческих институтах и т.п. Например, университетская среда дает возможность проведения научных исследований, участия в инновационных проектах, что дополняет учебный процесс и служит стимулом для развития других составляющих циклического развития, которое сегодня интегрируется в концепции инновационной триады «знания – технологии – рынок» и находятся в русле инновационного развития нашей страны [4].

Продуктом сферы образования являются компетентные специалисты, которые являются носителями актуального знания и могут выступать активными участниками процессов создания и распространения инноваций (как источников экономического развития). Образование сегодня осваивает новые направления деятельности (наряду с традиционной стратегической задачей – обеспечение единства обучения, воспитания и развития), а именно включение в инновационные циклы развития. Образование «работает» на многих «заказчиков», в том числе на государство, социум, регионы, профессиональные группы и, конечно, на обучающихся. При этом основной установкой сферы образования остается обеспечение и поддержание профессионализма (актуального уровня компетентности) обучающихся, а в общем смысле – воспроизводство знаний и умений, а также трансляция актуального опыта во все сферы развивающегося общества.

Одной из форм интеграции образования в современную социально-экономическую среду является образовательный кластер [2] [3], который сегодня приобретает популярность и открывает новые возможности для разделения труда и интеграции его участников, является привлекательным для инвесторов, ориентируется на создание и внедрение инновационных продуктов, способствует повышению конкурентоспособности всех участников кластера, формирует так называемые «центры компетенций» выполняет роль инновационных «точек роста» на рынке.

Для современной сферы высшего профессионального образования, которая ориентируется на инновационную парадигму развития, открываются следующие дополнительные возможности:

а) активизация учебной и научной деятельности студентов, аспирантов, преподавателей и их участия в создании инновационных проек-

тов совместно с предприятиями, государственными структурами управления и бизнес-структурами;

б) реализация актуальных программ дополнительного образования взрослых (повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов);

в) участие в управленческой деятельности кластера на уровне экспертов;

г) стимулирование привлечения инвестиций для развития научной, учебной, социальной и коммерческой составляющих кластера (региона);

д) содействие инфраструктурным решениям, процессам создания и развития бизнес-инкубаторов и инновационных «точек роста».

Инновационная восприимчивость сферы образования в методологическом плане позволяет получать синергетический эффект от взаимодействия всех участников региональных и глобальных рынков (международные сообщества, государственные инфраструктуры, производство, торговля, образование, наука, социокультурная сфера и пр.). Именно интеграционные тенденции развития образования будут способствовать прогрессу социально-экономических процессов в обществе.

Интеграционные процессы на основе инновационной парадигмы мирового развития, которые сегодня активно реализуются в сфере образования, позволяют создавать новые возможности международного разделения труда, что принято считать одним из главных приоритетов современной рыночной экономики.

Литература и источники

1. Кирпич, С. В. Анализ рыночных аспектов образования: качество и конкурентоспособность / С. В. Кирпич // Актуальные проблемы бизнес-образования: матер. XI междунар. науч.-практ. конф.; Минск, 26 апр. 2012 г. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т бизнеса и менеджмента технологий; редкол.: В.В. Анапасович (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – С. 91–92.
2. Кирпич, С. В. Кластерный подход как модель развития инновационного потенциала региона / С. В. Кирпич // Интеллектуальный капитал Евразийского Союза: проблемы эффективного управления и использования в обществе, основанном на знаниях: матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 14–15 нояб. 2013 г.; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2014. – С. 107–109.
3. Кирпич, С. В. Образовательный кластер как фактор повышения эффективности инновационной деятельности / С.В. Кирпич // XI междунар. науч.-метод. конф. «Высшая школа: проблемы и перспективы»; Минск, 30 окт. 2013 г. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 28–32.
4. Кирпич, С. В. Особенности подготовки конкурентоспособного специалиста для инновационной сферы / С. В. Кирпич // Инновационные технологии в инженерном образовании: матер. междунар. науч.-практ. конф.; Минск, 27–28 апр. 2011 г.; под ред. Б. М. Хрусталева и В. Л. Соломахо. – Минск, 2011. – С. 86–89.

5. Кирлич, С. В. Развитие инновационной активности специалистов на основе образовательного кластера / С. В. Кирлич // Интеграция и повышение качества образовательных процессов как фактор модернизации экономики и промышленности Союзного государства: матер. междунар. науч.-практ. форума; Минск, окт. 2013 г., в 2-х т.; под ред. Б.М. Хрусталева и Н.Л. Соломахо. – Минск: БНТУ, 2013. – Т. 1. – С. 41–44.

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ЛИДЕРСТВО

С. В. Костокевич

Анализ причинно-следственной связи между борьбой за лидерство, которая проходила в XX веке между СССР и коалицией западных стран, и глобальными инновациями в секторе высшего образования позволил обоснованно указать на то, что именно борьба за лидерство явилась главным фактором, определившим появление таких явлений, как массовизация, профессионализация и маркетингизация высшего образования. Первые две получили распространение в СССР как способ обеспечить индустриализацию в сжатые сроки; последняя – в западных странах в конце XX столетия как выход из тупика финансовой необеспеченности процесса массовизации высшего образования.

После успехов Советского Союза в области космических технологий западные специалисты изучали советское высшее образование и сделали заключение, что его преимуществами являются: 1) массовость, 2) государственное финансирование, 3) профессионализация. Не желая уступать советской стране технологическое лидерство, западные государства также стали развивать процессы массовизации и профессионализации. Первоначально в них также обеспечивалось государственное финансирование вузов, но затем, примерно спустя два десятилетия, стало понятно, что государственное финансирование сектора высшего образования при наличии массовости вузов – это слишком тяжелое бремя для бюджета. В этой ситуации *политика маркетингизации* оказалась выходом из тупика финансовой необеспеченности: вузы стали брать плату за обучение. Идеологически это было поддержано лозунгом о том, что образование – это тоже товар.

Опыт СССР показал, что система образования в состоянии и сама кардинально изменяться, и изменять общество; что массовый и тотально профессионализированный сектор высшего образования может значительно повысить образовательный уровень населения и способствовать построению индустриального общества в очень короткие сроки. Тем не менее, в конечном итоге, постсоветские страны предпочли уступить лидерство в формулировке новых идей для развития и выбрали политику

маркетизации, которая была продуктом западного мира. Начиная с распада Советского Союза, сектор образования бывших советских республик (в первую очередь, высшего) изменил приоритеты: отныне не инженерное, а экономическое образование стало доминирующим, не бесплатное, а платное обучение – предпочтительным.

После распада СССР в секторе высшего образования произошел частичный отказ от бесплатности и переход к политике маркетизации. Есть основание считать, что выбор политики маркетизации сферы образования в бывших советских странах был обусловлен скорее финансовыми проблемами, чем идеологическим предпочтением в пользу всего платного.

Эксперимент, поставленный Советским Союзом, показал, что можно создать массовый сектор высшего образования, но при этом сложно обеспечить хорошее финансирование для его существования. В 80-е годы прошлого столетия, уже имея опыт массового высшего образования, западные специалисты обозначили проблемы финансирования и качества среди ключевых проблем университетского образования.

Следует предположить, что последствия процесса массовизации высшего образования не способствовали распространению опыта, накопленного в СССР. Более того, есть основание считать, что приход к власти таких западных лидеров, как Р. Рейган и М. Тэтчер, показал, что в западных странах уже не казались привлекательными идеи, которые продвигал Советский Союз. Здесь поддержку получили именно капиталистические ценности (рыночный подход, прибыль, личное обогащение), которые, как считается, помогают строить сильную экономику, поскольку слабая экономика не может быть гарантом социальных экспериментов. Применительно к сфере образования реванш капиталистической идеологии означал выбор политики маркетизации.

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

О. А. Мельник

Одна из наиболее сложных проблем, с которыми в XXI веке столкнулись педагоги разных стран, заключается в необходимости разработки продуктивных способов обучения и воспитания растущего человека в условиях усиления культурного многообразия общества. Следствием развивающихся в мировом сообществе процессов (тенденций) глобализации и информатизации является формирование единого мирового экономического, информационного, культурного, образовательного пространства, многократное увеличение миграционных потоков, расширение международного сотрудничества, интенсификация контактов носителей

различных культур на планетарном, государственном и личностном уровне.

Культурно разнородными во всех странах становятся образовательные учреждения. Культурная разнородность состава учащихся заставляет педагогов решать важный для осуществления эффективной профессиональной деятельности вопрос: следует ли в образовательном процессе учитывать культурное многообразие общества и социокультурные особенности учащихся, оставаться нейтральными или игнорировать их?

Педагоги, работающие в рамках гуманистической парадигмы образования, считают, что образовательное учреждение должно не только опираться в обучении и воспитании на культурные особенности учащихся, но и рассматривать их как культурный капитал растущего человека, позволяющий ему становиться более образованным и совершенным. Во многих государствах эта проблема решается в рамках поликультурного (мультикультурного) образования.

За прошедшие годы идеи поликультурного образования получили развитие в педагогике и психологии как на теоретическом, так и на практическом уровне. Опубликованы результаты интересных и содержательных исследований, характеризующие достижения и проблемы в этом направлении (О. В. Аракелян, И. В. Балицкая, И. С. Бессарабова, О. В. Гукаленко, А. Н. Джурицкий, Г. Д. Дмитриев, Э. Р. Хакимов, Л. А. Энеева и др.).

Если в конце XX века многих педагогов приходилось убеждать в важности использования новых подходов в решении проблем, связанных с культурным многообразием учреждений образования и общества, то сейчас педагогическое сообщество рассматривает поликультурное образование в качестве важной составной части общего образования. Вместе с тем, в ходе разработки и реализации идей поликультурного образования многие педагоги столкнулись с трудностями как теоретического, так и практического характера.

Во-первых, в публикациях используются различные определения рассматриваемого феномена: поликультурное образование (И. С. Бессарабова, О. В. Гукаленко, З. А. Малькова, Л. Л. Супрунова), многокультурное образование (Г. Д. Дмитриев), мультикультурное образование (И. В. Балицкая, Г. В. Палаткина), поликультурное воспитание (Н. В. Бордовская, А. А. Рсан, А. Н. Джурицкий, В. В. Макаев), интеркультурное воспитание и др. Как правомерно утверждает Г. Д. Дмитриев, сущность этих понятий тождественна, поскольку первая часть всех названных терминов обозначает одно и то же, но имеет разное лингвистическое происхождение: русское, греческое, латинское [1, с. 8–9].

Для того чтобы подчеркнуть специфику нашего подхода к этому феномену в современной социокультурной ситуации, мы используем термин «поликультурное образование». Поликультурность в этом кон-

тексте отражает стремление учитывать в содержании образования и образовательном процессе как зарубежные инновации, так и позитивные традиции интернационального и нравственного воспитания, сложившиеся в учреждениях образования.

На какие же традиции белорусского учреждения образования следует опираться при теоретическом обосновании и реализации идей поликультурного образования? Прежде всего, на *традиции интернационального воспитания*, которые сложились в результате многовекового совместного проживания различных народов.

К образовательным традициям, представляющим значимость для поликультурного образования в современном учреждении образования, относится также *взаимосвязь решения задач патриотического, интернационального и нравственного воспитания*. Такой комплексный подход к воспитанию обеспечивал ориентацией образования на высокий воспитательный идеал – формирование всесторонне развитой личности, органически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Еще одной важной традицией является *использование в обучении и воспитании детей и молодежи идей этнопедагогики*, то есть опора на сложившийся у разных народов опыт подготовки подрастающих поколений к жизни на основе этнической культуры.

Другой, не менее важной традицией, на которую важно опираться в поликультурном образовании, является *воспитание детей в коллективе*. Опора на многонациональный воспитательный коллектив предоставляет большие возможности для создания в учреждении образования модели поликультурного общества, в основу которого положены идеи толерантности, доброжелательности, осознанного выбора культурных ценностей. В таком коллективе воспитанники учатся с уважением относиться к людям, которые отличаются от них цветом кожи, разрезом глаз, физическими и умственными возможностями, конструктивно решать межличностные конфликты, избавляться от негативных культурных стереотипов.

К числу отечественных инноваций в поликультурном образовании можно отнести гуманистическое обоснование его задач и содержания (О. В. Гукаленко, А. Н. Джурицкий, З. А. Малькова, Л. Л. Супрунова), конструирование поликультурного образования на основе полипарадигмального подхода (Э. Р. Хакимов), технологическое обеспечение поликультурного образования на основе диалога культур в рамках разнообразных моделей его реализации: парциальной, модульной, монопредметной, комплексной, дополняющей (Ю. С. Давыдов, Л. Л. Супрунова), модель культуротворческой школы (Л. А. Энеева), технологию педагогической поддержки детей-мигрантов (О. В. Гукаленко) и др.

Из зарубежных инноваций, которые постепенно включаются педагогами в арсенал поликультурного образования следует выделить *компетентностный подход* к формированию у взрослеющего человека спо-

способности к жизни в многокультурном обществе. Многие зарубежные исследователи обоснованно полагают, что основной целью мультикультурного образования является оказание учащимся помощи в развитии межкультурной (кросс-культурной) компетенции [2, с. 53].

Важным ресурсом поликультурного образования является использование в педагогическом процессе сформулированного зарубежными учеными положения о необходимости *учета в обучении и воспитании культурных особенностей учащихся* [3] [4]. Действительно, у разных народов существуют свои особенности, которые оказывают влияние на когнитивный стиль ребенка, на формирование у него представлений о том, что такое успешное учение, ответственность, дисциплинированность, а также на выбор способов общения с окружающими людьми.

Еще одна важная зарубежная инновация в сфере поликультурного образования, которая получает развитие в отечественной педагогике – *признание приоритета общенациональных ценностей* (ценностей макрокультуры) в содержании образования и в педагогическом процессе. Как правомерно утверждает Дж. Бэнкс, общенациональные культурные ценности должны представлять значимость для всех граждан государства независимо от их принадлежности к определенной микрокультуре [2, с. 46].

Подводя итог сказанному, хотелось бы подчеркнуть, что преемственность отечественных образовательных традиций и инноваций позволяет обеспечить взаимосвязь и оптимальное соотношение между исторически сложившимся и доказавшим свою эффективность опытом обучения и воспитания подрастающих поколений и гуманистическими ценностями, на которые опираются отечественные и зарубежные педагоги при разработке проблем, связанных с культурным многообразием учреждения образования в современном глобальном мире.

Литература и источники

1. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование / Г. Д. Дмитриев. – М., 1999.
2. Banks, J. Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching / J. Banks. – Boston, 2006.
3. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб., 2003.
4. Gollnick, D. Multicultural Education in a Pluralistic Society / D. Gollnick, P. Chinn. – New Jersey, 2006.
5. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. – М., 2002.

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА: ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. С. Ковалевич, В. А. Ковалевич

Развитие системы университетского образования начала XXI века характеризуется философскими и психолого-педагогическими поисками новой образовательной парадигмы, осмыслением ценностных ориентиров образования, конкретизацией его значимости для человека, культуры, общества. Признание уникально неповторимой ценности человека, усиление ответственности личности за построение своего жизненного и профессионального сценария являются смыслообразующими характеристиками современного университетского образования.

В качестве теоретико-методологических предпосылок исследования выступают:

Философско-антропологическое учение (В. С. Библер, Н. А. Бердяев, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер) является в нашем исследовании мировоззренческой основой решения проблемы субъектности будущего специалиста. Принцип антропоцентризма в педагогике предусматривает обращение к субъектности человека, к пониманию его жизни как самосозидания, его развития как самоопределения и саморазвития. В педагогической антропологии стратегическая роль образования реализуется через педагогическую поддержку личности в ее самоопределении и саморазвитии.

Учение философской антропологии о человеке понимает его как самоценную, творческую и свободную личность. Самым ценным качеством человека является его принципиальная незавершенность, открытость миру, к возможному действию, способность и обязанность делать выбор. Поэтому педагогическая деятельность – это деятельность, связанная с созданием условий для самоопределения и саморазвития личности, обеспечением для нее свободы выбора, возможностей свободного и творческого действия. Идея самосозидающего человека, открытого для всех возможностей – центральная идея философской антропологии.

Философско-антропологический подход к проблеме исследования можно раскрыть, опираясь на:

1. *Концепцию стратегии жизни*, которая утверждает жизнь в качестве самодостаточной реальности, подлинного бытия. Одним из первых ее представителей был Ф. Ницше. Самоценность жизни Ф. Ницше понимает как напряженный процесс становления, самореализации всего существующего, как проявление инстинкта роста, власти, накопления сил, твердости в достижении целей [1]. Для педагогики очень важной является идея самосозидающей личности – воспитание человека духовно богатого, открытого, уверенного в будущем.

Методологическая основа изучения субъектности заложена в концепции человека, выдвинутой С. Л. Рубинштейном, где прежде всего человек рассматривается как автор, режиссер и актер собственной жизни. Свою концепцию жизни С. Л. Рубинштейн сформулировал так: «Только та жизнь является настоящей, которая осуществляется, строится самим человеком... Человек становится субъектом и в том смысле, что он вырабатывает способ решения жизненных противоречий, осмысливая свою ответственность перед собой и людьми за результаты такого решения» [2, с. 351].

Анализ концепции жизни дает возможность рассматривать личность будущего специалиста как субъекта трудовой и профессиональной деятельности, а его профессиональное самосознание – как отношение к себе в качестве субъекта будущей профессиональной жизни.

2. *Концепцию самоактуализации А. Х. Маслоу и В. Э. Франкла, с точки зрения которой потребность в самоактуализации – это важнейшая человеческая потребность* [3].

Концепция самоактуализации А. Х. Маслоу актуальна и сегодня, она заставляет современного человека задуматься над тем, чем и кем он может быть, а значит, придает его жизни смысл и цель. Если жизнь – это процесс выбора, то самоактуализация – это выбор в пользу личностного роста. Важнейшие рекомендации А. Х. Маслоу о способах самоактуализации могут помочь будущему специалисту в реализации гуманистической технологии собственного развития. Среди них:

– Представить, что жизнь – это процесс постоянного выбора. Осуществить выбор в пользу личностного роста.

– Прислушаться к собственному «Я», найти самого себя.

– Понять, что самоактуализация – это процесс актуализации собственных возможностей ради того, чтобы стать тем, кем ты можешь стать.

– Сформировать собственную жизненную позицию.

– Взять ответственность за свою профессиональную судьбу.

– Поверить в возможность своей максимальной самореализации, и в первую очередь, в профессиональной деятельности.

– Отношение к себе как к субъекту планируемой профессиональной жизни.

В качестве методологического основания свое место в многоуровневой методологии исследования достойное место может занять синергетический подход. Синергетический подход выступает в нашем исследовании как методологическая основа взаимодействия самоорганизации, организации и управления процессами развития субъектности (С. М. Родин, Э. Янч). С позиции синергетики организация процесса развития субъектности заключается в выборе таких воздействий на открытую неравновесную систему, которые бы соответствовали ее внутренним тенденциям развития. Синергетика не принимает метод прямого воздей-

ствия на систему; вместе с тем правильно организованные, резонансные воздействия на открытую сложную систему, каковой и является процесс развития субъектности будущего педагога, очень эффективны. Резонансные педагогические воздействия подталкивают систему на один из собственных путей ее развития. Это позволяет рассматривать *процесс развития субъектности как активизацию внутренних возможностей системы, которой присущ нелинейный характер развития* [4, с. 198].

Заметим, что решающую роль в этом процессе играет не борьба за существование, а взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и воспитанника в процессе развития. Синергетический подход дает нам возможность выхода на новые смысложизненные ориентиры, которые можно сформулировать как «самоопределение человека в самоорганизующемся динамическом мире».

Педагогическая интерпретация синергетического подхода делает возможным следующее: анализ субъектности как открытой, самоорганизующейся системы, которая самостоятельно определяет собственную границу; представление становления субъектности как нелинейного, неравновесного, альтернативного и стохастического процесса; открывает новое измерение в управлении стихийными процессами становления, внося в них элементы тонкого и мягкого регулирования, наиболее важным из которых является ценностный потенциал университетского образования.

Регулирование (управление) процессом становления субъектности должно быть направлено, прежде всего, на *«запуск» механизмов самоорганизации, потенциально заложенных в личностной системе индивида*. Регулирование должно учитывать «деликатность» механизма самоорганизации: управляющие воздействия должны отвечать его человеческой, т.е. гуманной сущности, в противном случае они разрушат самоорганизацию.

Синергетический эффект в развитии субъектной позиции личности может быть достигнут за счет согласованного использования элементов адаптивной технологии, идей личностно ориентированного обучения, технологии мастерских, технологии саморазвития и самоопределения, идей вальдорфской педагогики, диалогового подхода, модульного и проектного обучения, коучинговых и каунселлинговых технологий.

С одной стороны, принцип субъективности значительно облегчает и упрощает труд педагога, а с другой – ставит педагога перед суровой необходимостью тонкой и продуманной технологии профессиональной деятельности и глубокой квалифицированности. Решающим в профессиональной компетентности педагога окажется умение педагога за биологическим в человеке видеть его духовный мир, за духовным миром личности признавать уникальность ее, и к неповторимости индивидуальности проявлять интерес и уважение.

Литература и источники

1. Ницше, Ф. Соч.: в 2 т. - Т. 2 / сост. К. А. Свасьян. – М., 1990.
2. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн – М., 1976.
3. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – Отв. ред. С. Н. Иващенко, пер. О. О. Чистяков. – М. 1997.

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ (НА КОНТИНГЕНТЕ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ)

Е. В. Медянова

Трансформационные тенденции современного общества: прагматизация, индивидуализация социального аксиопространства, а также рост объема и скорости внешних информационных потоков, которые должен перерабатывать субъект, – осложняют развитие и сохранение его личных ценностей, выработку собственной ценностной позиции. Одновременно возрастают требования общества к развитию когнитивных возможностей специалистов, что ставит перед психологической наукой задачи поиска методов стимулирования развития когнитивной сферы, а также теоретического обоснования и эмпирического исследования взаимодействия, взаимовлияния и взаимодетерминирования процессов развития когнитивной и ценностной сферы личности в период профессионального образования.

Развитие ценностной сферы личности (ЦСЛ) отражается в изменениях ее структуры: гармонизации (т.е. уменьшение конфликтности между уровнями и ценностями), росте иерархичности – ранговой подчиненности ценностей, ценностной адаптации (т.е. перестройке структуры ценностной сферы при изменении ценностной среды).

Связь когнитивных явлений с развитием ценностной сферы декларативно признается многими исследователями и связывается: а) с процессом активизации когнитивной деятельности; б) с ведущим видом деятельности (когнитивной) в определенных периодах развития; в) с возникновением режима взаимодействия между когнитивными и ценностными аспектами личности, в частности, с влиянием уровня сформированности высших мыслительных операций на систематизацию и иерархизацию ценностей (И. Д. Бех, Н. И. Ганнусенко, И. В. Дубровина, И. С. Кон и пр.).

Широкое внедрение в постнеклассическую науку такого научного направления, как синергетика, основоположниками которого являются И. Пригожин, Г. Хакен, С. П. Курдюмов, позволило рассмотреть такие психологические феномены, как ценностная и когнитивная сферы лично-

сти с позиций новой холистики и психосинергетики, используя концептуальную модель «целое в целом» [1]. В рамках диссертационного исследования Е. В. Медяновой «Когнитивные составляющие как фактор развития ценностной сферы личности студента-медика» [2] была изучена структура и конфликтность ЦСЛ студентов-медиков, а также факторы ее развития в период ранней профессионализации. Исследование проводилось на базе Одесского национального медицинского университета. Выборку составили 249 студентов первого курса медицинского факультета.

Установлено, что для когнитивной сферы личности исследованных студентов-медиков характерны: высокий и средний уровни предметно-действенного, словесно-логического, наглядно-образного и креативного мышления, низкий и средний уровень развития абстрактно-символьного мышления, рефлексивный когнитивный стиль, полезависимость.

Структура ценностной сферы личности студентов-медиков на начальном этапе профессионального образования сбалансирована, она имеет типичные для ювеналов характеристики: доминирование индивидуалистических ценностей «Самостоятельность», «Доброта» (благополучие близких), «Признание и уважение людей и влияние на окружающих»; а также отличительные особенности: это высокий уровень значимости гуманистической ценности «Помощь и милосердие к другим людям»; отвержение ценности социальной успешности и доминирования с помощью материальных и аппаратных ресурсов: ценности «Высокое материальное благосостояние» и «Власть»; а также низкий уровень значимости ценностей «Общение» и «Здоровье».

Качественный анализ групп респондентов с доминированием различных когнитивных составляющих позволил установить, что при высоких уровнях развития: 1) *предметно-действенного* мышления – возрастает значимость гуманистических и просоциальных ценностей; 2) *наглядно-образного мышления* – лидируют гуманистические и гедонистические ценности; 3) *словесно-логического* мышления – хорошо сформирован блок профессиональных ценностей (ценностей «Конформизм» и «Универсализм»); 4) *абстрактно-символического* мышления – характерны склонность к активной социальной позиции и потребность в познании нового, а также снижена значимость индивидуалистических ценностей. Для *креативных респондентов* характерны индивидуалистические и гуманистические ценности. Рост уровня личностного фактора интеллекта приводит к проявлению прагматичности в структуре ценностной сферы, усилению стремления достичь социального признания и влияния на людей за счет личностных и профессиональных достижений, познания нового, а не за счет социального ресурса (власти, социальной активности).

Когнитивный стиль «Полезависимость-поленезависимость» влияет на способность ценностной сферы личности адаптироваться в изменяющейся ценностной среде.

На формирующем этапе исследования стимулировалось развитие

когнитивных составляющих личности студентов экспериментальной группы в рамках гуманитарного курса. Со студентами экспериментальной группы проводились занятия по методике «Удаление лишнего», разработанной И. В. Ершовой-Бабенко [3], что в сочетании с композиционно-организационной структурой занятий, учитывающий нелинейность процесса обучения, позволило стимулировать переход когнитивной стратегии усвоения учебной информации студентами с принципа «полноты» (т.е. механического восприятия и усвоения всей информации) к принципу «целостности», предполагающему структурированное усвоения информации и принципов ее объединения.

По итогам формирующего воздействия у студентов-медиков экспериментальной группы зафиксировано повышение уровня развития абстрактно-символьного мышления на 12,7% и показателя личностного интеллекта – на 4,29%. На уровне макропоказателей структуры ценностной сферы личности вырос вес полюса «Консерватизм» и удалось повысить вес полюса «Самотрансцендентность» на более мобильном уровне приоритетов поведения. Структура ценностной сферы студентов гармонизировалась, уменьшилось количество и острота конфликтов между рангами ценностей; снизился максимализм в ценностных суждениях студентов данной группы, возросла иерархизация структуры их ценностной сферы.

В то же время у респондентов контрольной группы, обучавшихся по стандартной программе, наблюдалось статистически значимое снижение ($p \leq 0,05$) уровня абстрактно-символьного мышления на 13% и фактора личностного интеллекта на 7%. Конфликтность структуры ценностной сферы студентов – представителей контрольной группы по большинству ценностей возросла. Гармонизация доминирующих ценностей достигнута только по ценности «Доброта». Абсолютные значения показателей большинства ценностей у студентов контрольной группы снижаются существенно меньше, чем в экспериментальной группе. На уровне биполярных осей в ЦСЛ данной группы наблюдаются статистически значимые изменения: рост веса полюса «Самовозвышение» за счет снижения полюсов «Самотрансцендентность» и «Консерватизм».

Таким образом, можем констатировать, что расширение когнитивных возможностей студентов-медиков в ходе целенаправленного воздействия привело к гармонизации и росту иерархизации ЦСЛ, росту скорости ее адаптации к изменениям аксиопространства.

Литература и источники

1. Ершова-Бабенко, И. В. Место психосинергетики в постнеклассике / И. В. Ершова-Бабенко // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Кияшенко и В. С. Степил. – СПб., 2009. – С. 460–488.
2. Медянова, Е. В. Когнитивные составляющие как фактор развития ценностной сферы личности студентов-медиков / Е. В. Медянова // Интегративна антропология. – 2013. – № 2 (22). – С. 57–62.

3. Ершова–Бабенко, И. В. Метод «creative power» (создающая сила) в ходе специального курса занятий со студентами медуниверситета (опыт разработки и апробации) / И. В. Ершова–Бабенко // Материалы открытого научно-методического семинара «Актуальные проблемы международного сотрудничества и обучения иностранных граждан в высших учебных заведениях Украины: Поиски, находки, перспективы». – Сумы, 2001. – С. 103–113.

ПРОБЛЕМА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ АСПИРАНТУРЫ

Н. В. Кривцова

Развитие высоких технологий и нанотехнонауки отличается качественным сдвигом в способе производства научного знания и их практического приложения. Современный техногнозис не только позволил проникать человеческой практике во все уровни материального мира – от кварков до квазаров, но и превратился в мощный фактор глобальной эволюции [1, с. 3]. Конвергентное развитие высоких технологий актуализирует проблему коэволюции человека и создаваемой им природы (нанотехнологическая коэволюция «генов», «момов», «запутанных» квантовых объектов и т. п.). Несмотря на то, что наноконструирование и нанотехнологии опираются на процессы самоорганизации на уровне наномасштабов, технологические инновации служат управляющими параметрами макросдвига, определяют динамику эволюционного процесса в человеческом обществе, направление развития цивилизации в целом [2].

Это делает необходимым осознание того факта, что так или иначе «мы все становимся в некотором смысле субъектами исследования, вовлеченными в этот новый великий эксперимент», имеющий по сути дела не только естественнонаучный и научно-технический, но и социальный аспекты» [3, с. 183–184]. В этой связи в современной науке трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования, переосмысливается роль исследователя в этом процессе, ставится вопрос подготовки исследователей нового типа [4]. Актуальной, на наш взгляд, становится проблема самореализации личности исследователя, в частности, в условиях аспирантуры.

Новому способу цивилизационного технологизированного развития необходим и новый тип мышления, новый способ философского и методологического осмысления реальности. Уже в конце XX в. пришло осознание, что дихотомия «часть – целое» декартово-ньютоновской парадигмы не позволяет изучать человека как открытую нелинейную самоорганизующуюся систему. Однако до недавнего времени сохранялась установка на обсуждение многомерной и многоуровневой проблемы самореализации личности исследователя в рамках логических дихотомий и бинарных конструкций (детерминировано внешними либо внутренними

причинами, биологическими или социальными факторами и т.п.). Анализ исследований данной проблемы в психологии позволяет выделить два основных направления: 1) сквозь призму профессии и требований ГОСТа к подготовке специалистов-исследователей; 2) в контексте изучения психологических особенностей творческой индивидуальности.

Появление нового инструментария постнеклассики - психосинергетики (И. В. Ершова-Бабенко) позволяет преодолеть противоречия в существующих подходах и изучать данную проблему комплексно, сосредотачивая внимание на изучении структуры и динамики «схождения» открытых нелинейных самоорганизующихся систем «человек – профессия» в многомерном и многоуровневом психологическом пространстве самореализации личности исследователя [5, с. 178]. Мы считаем, что в профессиональной деятельности не только происходит специфическое функциональное и конституциональное изменение «общепсихологической структуры» личности, но и устанавливается когерентная связь открытых нелинейных самоорганизующихся систем «творческая индивидуальность – исследовательская деятельность», которая проявляется в избирательной мобилизованности и готовности к продуктивной деятельности, формируется профессиональный тип личности. В качестве показателя «схождения систем», вслед за С. Л. Рубинштейном, рассматриваем направленность личности, которая всегда выражает более или менее осознанную связь и «взаимоотношение внешнего и внутреннего» [6, с. 519–521].

Представляется целесообразным изложить результаты эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей личности исследователя (ученого, педагога, руководителя) и предпринятой попытки типизировать личность аспирантов-медиков на основании особенностей их профессиональных предпочтений.

В исследовании приняли участие 32 аспиранта первого курса стационарной аспирантуры Одесского медицинского университета, объективно (отзыв коллег и научного руководителя, сданные кандидатские экзамены, участие в конференциях, публикации) оцениваемые как «зрелые», психологически здоровые и успешные. Применялись следующие методы: наблюдение, беседа, а также стандартизированный опросник профессиональных предпочтений (ОПП). Дж. Холланда [7].

Анализ полученных результатов позволил выделить следующие подгруппы: «исследователь-практик» (3%), «педагог-исследователь» (17%), «научный руководитель» (12%), «администратор» с выраженным исследовательским компонентом в структуре личности профессионала (12%) и «администратор» с неисследовательским типом профессиональных предпочтений (12%). Были также выделены подгруппа испытуемых, переживающих кризис: испытуемые с недифференцированным типом (22%) и подгруппа с низким уровнем дифференциации (22%) профессиональных предпочтений. При этом было выявлено, что для 97% испыту-

ных аспирантура – это перспектива карьерного роста и изменения статуса (получение научной степени, педагогическая деятельность в университете, перспектива стать руководителем) и лишь для 3% – связана с изменением профессиональной идентичности (становления личности ученого-медика) и самореализацией личности исследователя.

Полученные результаты подтверждают необходимость переосмысления целей и задач аспирантуры и докторантуры: в частности, специализации подготовки научных кадров в рамках аспирантуры с учетом особенностей профессиональных предпочтений субъектов исследовательской деятельности, например, выделение таких направлений, как подготовка исследователей-практиков, педагогов-исследователей и администраторов (руководителей научно-исследовательскими проектами и / или коллективами). Выявленные расхождения в объективных и субъективных оценках успешности и психологического благополучия аспирантов, наличие признаков дезадаптации и переживания кризиса (у 100% респондентов) делают актуальной проблему психологического сопровождения самореализации личности исследователя в условиях аспирантуры.

Литература и источники

1. Лукьянец, В. С. Индустрия научных знаний: NBICS – технологическое расширение окна в будущее / В. С. Лукьянец // *Философские проблемы биологии и медицины: Выпуск 6: Свобода и ответственность: Сборник статей.* – М., 2012.
2. Ласло, Э. Макродви́г: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло; предисл. Артура Ч. Кларкапера, пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М., 2004.
3. Аршинов, В. И. Сложность постнеклассических практик и будущее конвергирующих технологий / В. И. Аршинов // *Постнеклассические практики: опыт концептуализации* / Под общ. ред. В. И. Аршинова и О. Н. Астафьевой. – СПб., 2012. – С. 165–187.
4. Ершова-Бабенко, И. В. Инновационные технологии в педагогике высшей школы: на примере подготовки медицинских научных кадров / И. В. Ершова-Бабенко, Н. В. Кривонова, Е. В. Медянова // *Матер. міжнар. наук.-практ. конф. «Здоров'я людини у сучасному суспільстві», Сімферополь-Судак, 14–16 червня 2012 р.* – Сімферополь, 2012. – С. 37–40.
5. Ершова-Бабенко, І. В. Співвідношення між показниками інноваційного потенціалу і спрямованістю на дослідницьку діяльність / І. В. Ершова-Бабенко, Н. В. Кривонова // *Матер. науково-практичної конференції молодих учених та студентів «Проблеми сучасної психології особистості», Одеса, 23 травня 2013 р.* – Одеса, 2013. – С. 177–181.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2001.
7. Ильин, Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е. П. Ильин. – СПб., 2008.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ: ВЫЗОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ИТОГ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

И. И. Туровец

Современная система образования, и в особенности высшего, переживает определенный кризис во всем мире. Причины этого явления различными авторами трактуются по-разному. Одни связывают современный кризис образования со снижением творческого потенциала и компетенции специалистов различного профиля в силу отсутствия у них должного аксиологического потенциала, способного служить неким энергетическим эмоционально-ценностным источником их духовно-нравственной, гражданской, политической и другой активности. Другие оценивают его как кризис социально-культурной идентичности или неспособности учащихся осуществлять собственный выбор ценностей и норм культуры, общественное значение которых стало бы смыслом их жизни. Третьи полагают, что данный кризис вызван происходящим ныне переходом от классической к неклассической и постнеклассической рациональности. Но во всех трех предположениях так или иначе центральным понятием является понятие ценности, которое в свою очередь, выступает в качестве основной характеристики цивилизационного развития общества. Поэтому формирование и развитие аксиологического потенциала будущего специалиста, и прежде всего, будущего учителя, это – своеобразный ответ на вызовы цивилизационного развития. Вместе с тем это и своеобразный итог и испытание философского знания, вернее той ее отрасли, которая называется аксиологией.

Аксиология – «один из самых молодых разделов философии. Как самостоятельная философская наука аксиология появилась лишь в конце прошлого века» [1, с. 9]. Проблема же взаимоотношений рациональности и ценности является сверстницей самой философии как рациональной формы мировоззрения, сохраняющего имплицитную «аксиологичность». Во-первых, рациональность есть атрибутивное свойство человеческого сознания, проявляющееся в мышлении и языке, и во-вторых, человеку как субъекту мыслительной деятельности присущи эмоционально-ценностные факторы. На первом – онтологическом – этапе исторического развития философии, как считает, например, проф. Выжлецов и ряд других авторов, единство рациональных и ценностно-нормативных аспектов познания выдерживалось. Однако начиная с XVII в. положение дел принципиально меняется: начинается так называемый гносеологический этап развития философии. Уже к концу XVII в. складывается идеал и культ классической науки на основе механики Галилея. Это нашло свое отражение, прежде всего в работе И. Ньютона «Математические начала натурфилософии» (1687). Разработка соответствующей методологии

научного познания потребовала от гносеологизированной философии очищения ее «рациональности» от оценочных понятий и суждений, также рациональных по форме, но по содержанию неподвластных ни эмпирическим, ни дедуктивно-логическим критериям верификации и объявляемых поэтому предрассудками.

Принцип «нет математики – нет и науки» стал господствующим при подготовке не только педагогических кадров, но и специалистов любого профиля. Основой же этой подготовки стали психолого-педагогические знания. Что касается большинства других гуманитарных дисциплин, то они превратились в своеобразные категориально-схоластические, оторванные от жизни системы, лишенные своего ценностно-нормативного содержания и иллюстрируемые лишь примерами из жизни. На смену морали как образу жизни пришла этика; искусство заменили эстетика, дидактика, сводимая до уровня морализирования, политология и другие учебные дисциплины, подменившие реальную социально-культурную практику теорией. Сама же практика при этом начала трактоваться как своеобразный полигон проверки достоверности усвоенных, вернее заученных, научных истин. В самостоятельную профессиональную деятельность она трансформировалась лишь по мере обретения послевузовского опыта, что нашло отражение в поговорке: «Забудь, чему тебя учили в школе!». А в школе, в том числе и высшей, учили лишь запоминать те или иные дефиниции, а не умению мыслить применительно к ситуации здесь и сейчас. Для этого, как минимум, требуется самостоятельность самого учащегося, основанная на соответствующих его ценностных ориентациях и убеждениях, вере в те или иные авторитеты, национальные и другие традиции, позволяющие идентифицировать их, превращать их в важнейшие компоненты своего самосознания и т. д. Именно этот процесс позволяет ответить студенту на поставленные еще И. Кантом вопросы: «Кто я?», «Что я могу?» и «На что смею надеяться?».

Ответ на первый вопрос невозможен без идентификации учащимся с ценностями и нормами национальной, народной, профессиональной, региональной, поселенческой, половозрастной и другой культуры. Как отмечает проф. В. В. Позняков, «проблема идентификации индивида в культуре исследована явно недостаточно. В силу странным образом сложившейся традиции идентификация принималась как данность, либо рассматривалась в проблемно-тематическом поле социализации. При этом на передний план совершенно оправданно выдвигался анализ социальных связей и отношений, в которые индивид включается посредством различных институтов: образовательных, воспитательных, семьи, СМИ и т. д. Между тем в новых социокультурных условиях, отмеченных, в частности, усилением межкультурных коммуникаций, потребность в специальном осмыслении проблемы идентификации индивида в культуре становится все более острой» [2, с. 33].

Актуальность данной проблемы еще более усугубляется в связи с тем, что люди охотно обращаются к чужим (готовым) ценностям, укрепляя в себе вассальную ментальность; они не в состоянии бороться с диктатурой ценностей, их агрессивным напором, фальсификацией, патологизацией.

Ответ на второй вопрос связан с обретением соответствующей профессиональной компетенции, умений и навыков различных видов деятельности. Кроме отношения трансляции, существует отношение реализации – как второй план существования культуры. Через процесс реализации объекты и явления культуры переносятся из пространства умопостижимого в пространство измеряемого, или пространство социальной реализации. Однако для этого требуются специальные активные формы и методы обучения. Среди них можно выделить деловые игры, методы социально-психологического тренинга, методы «анализа случая» и «разбора ситуации», формы групповой работы, организационно-деятельностные игры. Например, деловые игры дают возможность обучаемым приобрести опыт при имитации различных производственных ситуаций в условиях обучения.

И, наконец, на третий вопрос в состоянии ответить лишь человек, обладающий не только развитым прогностическим мышлением и соответствующим качеством образования, но и уверенный в эффективности своей профессиональной деятельности. Обретение такого образования возможно при так называемом компетентностном подходе, предполагающем целостный опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых функций, социальных ролей, компетенций, в которых указываются необходимые качества специалиста – коммуникативность, стремление к саморазвитию и т. п.

Компетентностный подход выдвигает на первый план не информирование студента, а умения решать проблемы, возникающие в познании и объяснении явлений действительности; во взаимоотношениях людей; в этических нормах оценки соответствующих поступков; в практической жизни при выполнении социальных ролей; в правовых нормах и административных структурах; в потребительских и эстетических ценностях; в умении конкурировать на рынке труда и т. д.

Литература и источники

1. Коган, М. С. Философская теория ценностей / М. С. Коган. – СПб., 1997.
2. Позняков, В. В. Индивид в культуре: проблемы идентификации / В. В. Позняков // Тенденции духовного развития современного общества. Наука. Философия. Правосветность: материалы международной научной конференции. Минск, 24 сентября 2004 г. - Минск, 2004. – С. 33–36.

СВЯТО-ОТЕЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ В КУРСЕ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

С. П. Сивельщиков

В дореволюционный период у педагогов было понимание необходимости в процессе обучения и воспитания опираться на учение Св. Отцов [1] [2] [3]. В настоящее время, к сожалению, у научного и педагогического сообщества, за редким исключением [4], отсутствует всякий интерес к патристике. Первой пострадавшей стороной этого недоразумения является средняя школа и молодое поколение.

«Философские» главы курса «Обществознания» для средних учебных заведений насыщены именами и теориями философов Античности, Средневековья, Возрождения, Нового и Новейшего времени, но в них не просматриваются учения Святых Отцов первых веков н. э. Можно только приветствовать поиск модели преподавания истории и обществознания, нацеленной на формирование «системы общенациональных ценностей», воспитание патриотизма, гражданственности и формирование национального самосознания, а также намеченную тенденцию антропологизации исторического и обществоведческого образования. Но есть опасность, что эти в целом верные стратегические установки так и останутся священными формулами и магическими заклинаниями, потому что нужен механизм их воплощения и реализации.

И одним из возможных путей к этому видится введение в курс обществознания материала о Византии, Православии, христианской антропологии, с изучением основ христианского учения Святых Отцов Восточной и Византийской церкви I–XIV вв. н. э. о Боге, мире и человеке.

Россия испытала за свою историю два мощных влияния: первое византийского Востока и его культуры и второе – римо-католического Запада (начиная с Петра I). Эти два потока формировали характер политических учреждений, общественные институты, нравы, быт, искусство, культуру и характер русского народа. И поэтому реальным решением проблемы патриотического, национально-государственного и гражданского воспитания в школе может быть обращение к во многом утерянным истокам – к наследию византизма (это именно те истоки, в которых можно обнаружить предпосылки наших лучших черт и причины и извывы наших исторических неудач и заблуждений). По мнению Г. Флоровского, отказ от византизма, забвение его, скрывая, а порой открытая тяга (в ущерб византизму) к западным учениям – есть причина наших исторических неудач, измена себе, доходящая до предательства [5, с. 500–520].

Есть ли резервы времени и свободных часов в министерских программах по обществознанию? Казалось бы – нет. Но современная школа, при всей необходимости и обоснованности гуманитарной нацеленности образования и воспитания, сильно перегружена предметами дополни-

тельного, расширяющего и углубляющего, факультативного плана сверх основных и базовых – истории и обществознания.

Содержание учебных пособий по обществознанию требует пересмотра и корректировки. Следует взвесить, определить долю материала, включающего западноевропейских мыслителей и грамотно и органично включить в курс обществознания учение мыслителей и богословов Восточной Церкви.

Под малознакомым для многих преподавателей «свято-отеческим наследием» подразумеваются труды и сочинения учителей и богословов I–XIV вв., к которым относятся: Св. Игнатий Антиохийский, Св. Поликарп Смирнский, Св. Иринея Лионский, Св. Иустин Мученик (Философ), Св. Киприан Карфагенский, Климент Александрийский, Св. Дионисий Великий, Св. Григорий Чудотворец, Св. Афанасий Великий (Александрийский), Св. Кирилл Иерусалимский, Св. Василий Великий, Св. Григорий Богослов, Св. Григорий Нисский, Св. Евстафий Антиохийский, Св. Амфилохий Иконийский, Св. Епифаний Кипрский, Св. Иоанн Златоуст, Блаж. Августин, Преп. Ефрем Сирий, Св. Кирилл Александрийский, Блаж. Феодорит (Кирский), Дионисий Ареопагит, Преп. Иоанн Лествичник, Преп. Исаак Сирий, Преп. Максим Исповедник, Преп. Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, Преп. Симеон Новый Богослов, Св. Григорий Палама, Св. Николай Кавасила.

Глубокие и непреходящие истины можно и должно искать не только в западноевропейской философии, но и в трудах Святых Отцов. Последние превзошли своих предшественников – греческих философов, и питали животворной мыслью последующие культурные эпохи. Если согласиться с мыслью о непреходящем значении трудов Святых Отцов Восточной Церкви, допустимо предложить, не вводя никакого дополнительного курса, не перегружая и без того перенасыщенный учебный план школы, – на правах замещения и альтернативы – включить в философский раздел обществознания отдельные внятные фрагменты учения Отцов Церкви.

Это предложение, правда, вступает в противоречие с министерскими программами, которые сегодня в очередной раз отрабатываются. Перераспределение материала встретит также сопротивление сторонников светской школы, которые заподозрят школу в клерикализации. Но существует убеждение, что всякий философский взгляд на человека, мир и общество, следует проверять учением Святых Отцов. Иного пути оживления и актуализации учения Святых Отцов – не видится. К сожалению, патристика (или патрология) изучается только в духовных учебных заведениях. Однако в связи с возможным введением в ВУЗах изучения курса «Теологии» или богословия, выстроенная таким образом обществоведческая тематика в средних учебных заведениях станет неким предварительным и ознакомительным вариантом и сыграет свою положительную

роль.

А литература, которая могла бы стать тем необходимым и обязательным минимумом, знакомящим преподавателя со свято-отеческим наследием, огромна: вполне доступными являются самые известные труды богословов XX столетия – прот. Г. В. Флоровского [5] [6] [7] [8], В. Н. Лосского [9] [10], прот. И. Мейендорфа [11] [12] [13].

Литература и источники

1. Миролобов, Н. Педагогические воззрения св. отцов и учителей церкви / Н. Миролобов // *Вера и Разум* (Харьков). – 1899. – Т. I. – Ч. I. – № 2. – С. 103–112; № 5. – С. 349–364; Т. I. – Ч. II. № 16. – С. 249–270; № 17. – С. 310–328; № 18. – С. 397–414; № 21. – С. 566–580.
2. Миролобов, Н. Педагогические воззрения святых отцов и учителей церкви / Н. Миролобов. – Харьков, 1900.
3. [И.Л.]. Необходимость изучения святоотеческой литературы в средней школе // *Воронежские епархиальные ведомости*. – 1913. – № 32 (11 августа). – С. 883–885.
4. Петракова Т. И. Святоотеческое учение и проблемы современной педагогики / Т. И. Петракова // *Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета*. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2007. – № 2(5). – С. 7–22.
5. Флоровский, Георгий, прот. Пути русского богословия (Фотографированное изд. 1937 г.) / Г. Флоровский. – Вильнюс, 1991.
6. Флоровский, Г., прот. Отцы первых веков / Г. Флоровский. – Кировоград, 1993.
7. Флоровский, Г., прот. Восточные Отцы IV-го века / Г. Флоровский. – М., 1992.
8. Флоровский, Г., прот. Византийские Отцы V–VIII веков. Из чтений в православном богословском институте в Париже / Г. Флоровский. – М., 1992.
9. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – М., 1991.
10. Лосский, В. Н. Боговидение / В. Н. Лосский. – М., 2003.
11. Мейендорф, Иоанн, прот. Введение в святоотеческое богословие (Конспект лекций) / И. Мейендорф. – Вильнюс, 1992.
12. Мейендорф, И., прот. Православие и современный мир (Лекции и статьи) / И. Мейендорф. – Минск, 1995.
13. Мейендорф, Иоанн, прот. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы / И. Мейендорф. – Минск, 2001.

РАЗВИТИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ ПИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. Е. Минова

Пионерское движение представляет собой конкретно-историческую институциональную, социальную и педагогическую реальность, выражающую роль пионерской организации как формы проявления детской активности и самостоятельности в обществе. В то же время пионерское движение является социокультурной общностью детей, подростков и взрослых (пионеров и педагогов – пионерских вожатых), объединенной на основе развивающихся и трансформирующихся на протяжении истории ценностных ориентиров.

Пионерское движение характеризуется многообразием ценностных оснований (нравственных, социальных, культурных, политических и др.), при этом нравственные ценности составляют ценностно-смысловую и нормативно-регулирующую основу деятельности, общения и отношений его участников.

Анализ источников и литературы позволил разработать периодизацию истории развития пионерского движения в Республике Беларусь, включающую три стадии, на протяжении которых пионерское движение формируется как социальный институт и социокультурная общность, обладающая собственной системой ценностей. *Доинституциональный период* (начало XX в. – 1921 г.) – период возникновения пионерского движения, первых пионерских объединений юных коммунистов-скаутов (ЮК-скаутов) и др. *Государственно-институциональный период* (1922 г. – конец 1980-х гг.) – период формирования пионерского движения как института, ориентированного на ценности государственной коммунистической идеологии. *Общественно-институциональный период* (начало 1990-х гг. – настоящее время) – период становления пионерского движения как института, интегрирующей основой которого являются гуманистические ценности.

Развитие ценностных ориентиров пионерского движения предполагает не столько процесс создания новых ценностей, сколько переосмысление существующих. Традиционными ориентирами являются нравственность и патриотизм, которые представляют собой ценностно-смысловую основу функционирования пионерского движения. Рассмотрим смысловые аспекты ценностных ориентиров в разные периоды истории пионерского движения.

Движение юных коммунистов-скаутов (ЮК-скаутов) являлось временной и переходной формой развития пионерского движения. Оно придерживалось ценностных ориентиров международного скаутского движения (долг перед обществом, Отечеством, самим собой). Движение ЮК-скаутов обладало политической и революционной направленностью,

приверженностью коммунистическим идеалам строительства нового общества социальной справедливости и солидарности всех трудящихся в борьбе с эксплуатацией, атеистической позицией, приоритетом интернационализма над патриотизмом.

Ценностями Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина – основной формы пионерского движения в советские времена, закрепленными в государственной концепции коммунистического воспитания, обоснованными в постановлениях Коммунистической партии СССР, наказах и положениях, были: идейно-политические (коммунистическая идейность, советский патриотизм, пролетарский интернационализм, верность ленинским заветам и делу Коммунистической партии); идейно-трудовые (трудолюбие, ответственное отношение к учению, стремление приносить пользу Родине, готовность к труду и обороне СССР); идейно-нравственные (коммунистическая мораль, активная жизненная позиция, дисциплина, сознательное отношение к долгу, единство слова и дела, повышение культурного уровня, атеизм).

Результаты проведенного автором исследования ценностей, упоминаемых в Положении о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, подтверждают влияние государственной идеологии на процессы развития и функционирования пионерской организации. В Положении отражены ценности идеологии: термин «Коммунистическая партия» используется 9 раз; термины «коммунизм» и «коммунистический» – 18 раз, понятия «политика» и «политический» – 3 раза. О зависимости пионерской организации от государственного заказа свидетельствует отсутствие упоминания в Положении понятий «добровольность», «самостоятельность», «самоуправление». Понятие «жизнь» упоминается 3 раза; «Родина» – 6 раз; «долг» – 2 раза; «помощь» – 6 раз; «забота» – 5 раз; «свобода» – 1 раз; «труд» – 3 раза; «честь» – 2 раза. В Положении упоминаются также ценности: «любовь» – 7 раз; «дружба» – 5 раз; «правда» – 2 раза, «уважение» – 2 раза; «игра» – 2 раза. Гуманистические ценности «человек», «мир», «общество», «культура», «природа», «семья» упоминаются только по одному разу.

Таким образом, на основании результатов исследования вышеупомянутых ценностей, можно сделать следующие выводы. Во-первых, патриотизм понимался не только как любовь к Родине, но и как преданность коммунистической идеологии. Нравственность также носила идеологический характер: у пионеров воспитывалась именно коммунистическая мораль, основанная на идейно-нравственных ценностях (верность идеалам коммунизма, дисциплина, сознательное отношение к долгу, трудолюбие, интернационализм, атеизм).

В современный период развития пионерского движения в Республике Беларусь создано и эффективно функционирует Общественное объединение «Белорусская республиканская пионерская организация» (далее – ОО «БРПО»), которое является правопреемником пионерской органи-

защи БССР.

ОО «БРПО» сохраняет и развивает принципы пионерского движения:

- социально значимой деятельности;
- добровольности при вступлении, выборе видов деятельности;
- добровольности выхода из организации;
- коллективизма как принципа сотрудничества и взаимодействия детей, подростков, взрослых в пионерской организации.

Основные понятия, которые заложены в этих принципах – дело, добро, Родина, справедливость, – отражены в призыве ОО «БРПО»: «Пионер, к делам на благо Родины, к добру и справедливости, будь готов!».

Цель ОО «БРПО» – содействовать социализации личности ребенка или, как записано в Уставе, «помочь каждому пионеру стать Гражданином, своими делами и поступками приносить пользу себе, семье, Родине». Результатом реализации данной цели является сформированность у членов организации готовности к выполнению разнообразных социальных функций в обществе.

Такое понимание цели позволяет по-новому обозначить задачи (ценностные ориентиры) пионерского движения в Республике Беларусь:

- формирование у пионеров мотивов социально-значимой деятельности;
- формирование социальных ценностных ориентиров, умений и навыков (в том числе лидерских, коммуникативных и организаторских);
- создание условий для удовлетворения интересов и потребностей пионеров, развития личности пионера, раскрытия ее творческого потенциала;
- стимулирование самопознания и самовоспитания членов организации.

Осуществление этих задач позволяет наполнить интересы детей и подростков социально-значимым ценностным содержанием, способствует воспитанию гражданских и нравственных качеств, формированию готовности к жизни и труду в новых социально-экономических условиях.

Результаты анализа Устава ОО «БРПО» свидетельствуют, что приоритетными ценностными ориентирами современных пионеров являются нравственность и патриотизм. Так, понятие «добро» в Уставе ОС «БРПО» упоминается 2 раза. В Уставе также упоминаются понятия «добровольность» – 6 раз; «патриотизм» – 3 раза; «уважение» – 3 раза. «инициатива» – 3 раза; «забота» – 2 раза; «справедливость» – 2 раза «дружба» – 2 раза; «товарищ» – 2 раза; «ответственность» – 2 раза; «достоинство» – 2 раза; «свобода» – 1 раз; «долг» – 1 раз; «творчество» – 1 раз; «коллектив» – 1 раз.

Основной деятельностью ОО «БРПО» является саморазвитие каждого ее члена. Оно осуществляется на основе программ, предполагающих выполнение пионерских поручений, пионерское самоуправление, участие в

конкурсах, походах и акциях, общение пионеров в Интернет и социальных сетях. ОО «БРПО» позволяет каждому пионеру развивать свои способности и реализовать интересы посредством различных социальных ролей (лидер, организатор, исполнитель, участник, наблюдатель), находить оптимальные пути и способы решения жизненных проблем, быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, делать адекватный выбор.

На основании результатов анализа ценностных ориентиров пионерского движения, можно сделать выводы. Современные пионеры отличаются от пионеров прошлых лет следующими ценностными ориентирами: во-первых, произошел отказ от авторитаризма как принципа взаимоотношений детей, подростков и взрослых в пионерской организации; во-вторых, стали неприемлемы нивелировка личности, массовость, обязательность участия детей и подростков в пионерских мероприятиях.

Литература и источники

1. Всесоюзная пионерская организация им. В. И. Ленина: документы и материалы / Сост. В. Д. Шмитков. – 2-е изд. – М., 1981.
2. Устав общественного объединения «Белорусская республиканская пионерская организация» [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://brpo.by>. – Дата доступа: 21.09.2015.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ФАКТОР НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОДРОСТКА

В. И. Вязгина

Нашему обществу как никогда прежде необходимы люди, обладающие чувством долга, способностью к сопереживанию, милосердию. Подростковый возраст является самым трудным в воспитательном аспекте, и сегодня проблема нравственного развития подростка является наиболее актуальной. В этот период происходит формирование системы личностных ценностей, которые определяют содержание деятельности подростка, сферу его общения, избирательность отношения к людям, оценки этих людей и самооценку. Многие исследователи (Н. И. Болдырев, Е. В. Бондаревская, Т. Е. Конникова, В. А. Крутецкий, И. С. Марьенко, Н. И. Монахов, В. А. Слостёнин, Ю. В. Паршина) подчеркивали особую восприимчивость подростков к процессу педагогического руководства их нравственным развитием [1].

Под нравственным развитием понимают изменение сознания (представлений о нравственном идеале, нравственных ценностях и правильное их понимание) человека, динамику его нравственных чувств и изменение его поведения (подчинение нравственным принципам социу-

ма). Сущность нравственного развития заключается в освоении моральных ценностей, выработке нравственных качеств, способности ориентироваться на нравственный идеал, жить согласно принципам, нормам и правилам общечеловеческой морали. Нравственное развитие подростка протекает под воздействием ряда факторов. Среди них большое место занимает овладение нравственными нормами поведения которые затрагивают отношения, складывающиеся у подростков как со взрослыми людьми, так и со сверстниками. Большинство подростков испытывают потребность быть нужными, помогать людям и получать положительную оценку своих действий. Эта потребность может быть удовлетворена в процессе организуемой педагогами волонтерской деятельности.

Нравственное развитие подростка невозможно без включения его в нравственную деятельность, направленную на осознание, эмоциональное освоение нравственных ценностей, на развитие нравственного поведения, социальной активности личности [2]. Волонтерская деятельность, организуемая в соответствии с этими принципами, может заключаться в добровольном патронаже над сиротами, инвалидами, больными, престарелыми и другими нуждающимися в помощи людьми, в профилактической работе по предупреждению разного рода отклонений, связанных с нарушением норм физического, психологического и социального здоровья личности. Нравственный характер этой деятельности определяется совершением определенных мотивированных действий, подчиненных нравственным целям.

Нравственное развитие в волонтерской деятельности проявляется в готовности подростка изменять себя и свое поведение с учетом понимания проблем другого человека, в готовности корректировать свои желания и потребности в соответствии с желаниями и потребностями других людей. Волонтерская деятельность выполняет функцию по формированию в подростковой среде фундаментальных общечеловеческих нравственных ценностей, таких качеств, как милосердие, справедливость, доброта, отзывчивость, гуманность. В организованной педагогом деятельности на благо других волонтеры развивают в себе эмпатию (способность эмоционально отзываться на переживания другого, испытывать те же чувства) и импрессию (способность правильно интерпретировать эмоциональное состояние другого). Совершая добрые поступки, подросток постепенно осознает свою полезность и нужность.

Эффективность нравственного развития подростка можно определить по следующим критериям.

– Наличие определенных когнитивных способностей – знаний, умений и полных представлений о нравственном идеале, нравственных ценностях. Его показатели – единство нравственных убеждений и поведения.

– Наличие эмпатии (выражает степень эмоциональной отзывчивости по отношению к происходящим событиям, окружающим людям). Его

показатели – адекватная оценка и самооценка, развитая рефлексия, высокий уровень развития сочувствия, сопереживания.

– Нравственная направленность деятельности (устойчивость нравственных привычек, поступков, основанных на общечеловеческих и национальных ценностях и определяющих линию поведения). Его показатели – способность к активному ценностно-смысловому преобразованию мира вокруг себя.

Волонтерская деятельность становится для многих подростков стилем их жизни, удовлетворяет их потребность в общении и самоуважении. Помогая другим, они помогают себе.

Литература и источники

1. Паршина, Ю. В. Правственное становление личности подростка в условиях волонтерского движения / Ю. В. Паршина // Диалог культур в психологическом континууме жизнедеятельности населения Северного Кавказа. Материалы всероссийской научной конференции (19–20 октября 2010 г.). – Ставрополь, 2010. – С. 92–93.
2. Воспитание нравственной личности в школе / под общ. ред. проф. К. В. Гавриловца. Минск, 2005.

1.4 Философия в системе среднего и высшего образования: проблемы и задачи

ФИЛОСОФИЯ ПО РАСПИСАНИЮ

Е. М. Иванова

Специфика философии в современном университете связана не только с вызовами информационного мира, но и с историческим статусом философии в обществе. А. А. Гусейнов в своем докладе: «Почему не любят философию и философов?» приводит показательную цитату Н. А. Бердяева: «На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Постоянно подвергается сомнению самая возможность философии, и каждый философ принужден начинать свое дело с защиты философии и оправдания ее возможности и плодотворности. Философия подвергается нападению сверху и снизу, ей враждебна религия и ей враждебна наука... Философию и философов не любят люди религии, теологи, иерархи церкви и простые верующие, не любят ученые и преподаватели разных специальностей, не любят политики и социальные деятели, люди государственной власти, консерваторы и революционеры, не любят инженеры и техники, не любят артисты, не любят простые люди, обыватели» [1].

Действительно, в этих словах раскрываются наиболее острые стороны взаимодействия философии и общества, которые проявляются, в том числе в отношении философии и университетского образования, философии и отдельного студента. Но означает ли это, что философия нуждается в особой защите, в выработке специальных стратегий для того чтобы сохранить свой статус общеобразовательной университетской дисциплины и вместе с тем не изменять своему назначению? Конечно как невозможно игнорировать многовековую историю философии, так нельзя не обращать внимания на перемены, которые сопутствуют нарастающему информационному потоку. В каком же облике возможна философия в современном университете? На что могут надеяться студенты, когда приходят на *философию по расписанию*?

Философия как утешение. Со времени зарождения и по настоящее время философия выполняет особую функцию утешения и примирения является областью поисков ответов не только на мировоззренческие вопросы, но и на вопросы личного бытия. Такая своего рода терапевтическая задача философских образовательных курсов может решаться благодаря ориентации на личностное развитие студента, формирование толерантности, культурного и духовного обогащения. «Философия дает человеку источник идей для того, чтобы построить свою собственную реальность на благо себе и обществу, в котором он живет. Она является наукой о значении, о принципах, на которых строится поведение. Философские моральные и этические коды дают ориентиры в выборе решений и осуществлении планов», – справедливо отмечает В. Жарких в работе «Зачем нужна философия в XXI столетии?» [2, с. 6].

Философия как вдохновение. Философское знание обладает мощной притягательной силой, магнетизмом и неисчерпаемым эвристическим потенциалом. Философия вдохновляет на поиски истины, побуждает к творческой деятельности, научным изысканиям. Знакомство студентов прекрасными образцами философских текстов, с историями из жизни выдающихся философов является необходимым условием для развития творческого, исследовательского интереса, любознательности и любви к знанию.

Философия как понимание. Человечество переживает сдвиги мышления, связанные с изменением доступных объемов информации появлением новых информационных носителей. Современное общество живет в перенасыщенной информационной среде. Вероятно, нас ожидает изменение всей системы преподавания и обучения, смещение акцента запоминания на осмысление и понимание, и эти перемены являются не обходимыми. Цениться будет не то, сколько человек «помнит», а как он «понимает», способен ли он мыслить творчески. Эрвин Шредингер отмечал, что «задача состоит не в том, чтобы увидеть то, что никто еще не видел, а в том, чтобы думать так, как еще никто не думал о том, что видят все» (цит. по: [3]). А такой процесс непосредственно связан с осознанием

знанным представлением понимаемого объекта в виде системы (вычлениением концепта, структуры и субстрата). И вместе с этим неизбежна переоценка познавательных средств и способов предъявления понимания, так как смена концепта (смысла) влечет и смену всей структуры образования. Обучение системному подходу и соответствующему методу исследования становится актуальной задачей для всей образовательной системы и в первую очередь для философских дисциплин. Это позволяет вооружить человека рациональным инструментом для решения познавательных задач, применяя качественный, а не количественный анализ. Именно философские курсы в структуре университетского образования могут сыграть роль проводника от старой образовательной модели к принципиально новой, ориентированной на понимание и размышление – главные направляющие философии во все времена.

Таким образом, философия в современном университете имеет неисчерпанный потенциал, который надлежит развивать. Ориентация университетского образования на актуальные запросы современного мира возможна только при условии сохранения философских дисциплин в общей системе академической подготовки студентов.

Литература и источники

1. Гусейнов, А. А. «Почему не любят философию и философов?». – Доклад на заседании теоретического семинара Института философии РАН «Философия в публичном пространстве» / А. А. Гусейнов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/page23439754.htm>. – Дата доступа: 10.03.2015.
2. Жарких, В. Ю. Зачем нужна философия в XXI столетии? / В. Ю. Жарких // Матеріали Міжвузівського Круглого Столу «Філософія: сьогодні, завтра й навіщо», 19 листопада 2015 р. / Відп. за випуск професор Жарких В. Ю. – Одеса, 2015. – С. 6–8.
3. Bertalanffy, L. Problems of Life: An Evaluation of Modern Biological and Scientific Thought / L. Bertalanffy. – New York, 1952.

О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Л. М. Спецман

В настоящее время возрастает роль гуманитарных, а также социально-экономических предметов в процессе формирования личности студента высших учебных заведений. В современных условиях развития государства и трансформационных процессов в обществе многообразие и сложность задач высшего образования обуславливает необходимость расширения теоретической подготовки будущих специалистов и учета морально-психологических отношений в студенческой среде.

Следует понимать, что современный студент – это не только будущий специалист в определенной области, но и психолог, умеющий принимать решение социально-психологического характера [1]. Известно, что как гуманитарные, так и социально-экономические науки выполняют в отношении любой специальной области знаний две главные функции – мировоззренческую и методологическую. Первая подразумевает значительное участие в формировании миропонимания студентов на фундаменте целостной и непротиворечивой системы философских и экономических, социальных и политических воззрений. Вторая показывает, что будущие специалисты руководствуются общими законами, научным подходом к анализу процессов, происходящих в обществе, где особое значение придается философии.

Как мировоззренческая, так и методологическая миссии гуманитарных и социально-экономических наук осуществляются в органической взаимосвязи. Это проявляется в том, что данные функции обозначаются как средство толкования действительности и выражения собственного отношения к реальности. Они, во-первых, являются инструментом получения новых знаний об окружающей среде, во-вторых, способом применения теоретических правил в процессе познавательной, практической деятельности.

Обучение дисциплинам гуманитарного и социально-экономического профиля в системе высшей школы, при своей специфичности, не представляется чем-то особенным. Эффективность процесса образования и воспитания студентов достигается тем, насколько преподавание адекватно научным достижениям, основанным на передовых педагогических технологиях. Как показывают исследования, важными факторами, влияющими на развитие высокого профессионализма студентов при изучении дисциплин гуманитарного профиля, а также социально-экономического направления, выступают следующие:

- содержание учебных дисциплин и их систематизация;
- научность обучения;
- соблюдение правил, которые вытекают из совокупных закономерностей обучающего процесса;
- преемственность и логическая обоснованность в процессе освоения дисциплин;
- изучение опыта преподавания гуманитарных дисциплин и социально-экономических предметов в вузах страны;
- научный подход, планирование, организация образовательного процесса с учетом такого опыта, а также вовлечение студентов в исследовательскую работу;
- взаимодействие обучения с жизнью, синтез и введение новаторского опыта в образовательный процесс.

Соответственно, к методике преподавания этих дисциплин предъявляются следующие основные требования:

– содержание учебных дисциплин должно соответствовать объективному содержанию отдельной науки;

– дидактические принципы в работе преподавателя должны претворяться в жизнь; а студенты в процессе изучения дисциплин должны овладеть научными методами познания;

– необходимо учитывать специфику каждой дисциплины, особенности конкретных разделов, тем; а также последовательно раскрывать сущность каждой категории, закона и положения, относящегося к отдельной науке;

– содержание дисциплин должно излагаться в соответствии с правилом – от конкретного материала переход к теоретическим обобщениям, а затем от абстракции – к практическим вопросам, касающимся жизненных проблем;

– должна обеспечиваться преемственность и логическая последовательность и целостность изучаемых дисциплин.

В настоящий момент порядок обучения общественным наукам в высшей школе установлен руководящей документацией Министерства образования. В соответствии с этими документами и государственными образовательными стандартами преподаются гуманитарные и социально-экономические дисциплины на основе разработанных и согласованных учебных планов и учебных программ. Установлена следующая последовательность освоения учебных дисциплин: «История», «Философия», «Экономическая теория», «Психология и педагогика», «Правоведение».

Начиная изучение гуманитарных и социально-экономических дисциплин с курса истории, студенты получают представление об основных этапах исторического развития. Обучение философии дает представление студентам о глубоких теоретических основах научного мировоззрения, о методологической и логической базе науки в общей сложности, о ее составных частях и конкретных отраслях жизневедения. Имея историческую и философскую подготовку, студенты переходят к освоению культурологии и экономики, что дает возможность им глубоко разобраться в законах развития общества, культурном прогрессе с исторической точки зрения, в экономическом развитии страны и его последствиях. Изучение курса социологии и политологии играет важную роль в обосновании поступательного движения и преобразования государства, является логическим продолжением формирования научного мировоззрения студентов [2, с. 401–402]. Такие дисциплины, как психология, педагогика и правоведение позволяют познать процессы развития, которые происходят в обществе, четко уяснить, как развивается личность, как регулируются правовые отношения.

Решению задачи развития личности в процессе преподавания общественных наук в вузе способствуют следующие меры:

– публикация учебных пособий, отражающих основное содержание соответствующих наук;

– подбор дополнительной литературы, обзоры журналов, аннотирование монографий и участие в такой работе способных студентов;

– привлечение студентов в научные исследования кафедры по проблемам гуманитарных и социально-экономических наук;

– постоянное сотрудничество с выпускающими кафедрами специальных дисциплин: межкафедральные мероприятия, обсуждение докладов и выступлений о новых достижениях в близких областях науки, техники, посещение и обсуждение занятий;

– формирование и осуществление схем структурно-логической взаимосвязи общественных наук с другими науками, которые изучаются в конкретном вузе;

– непрерывное использование опыта преподавания гуманитарных и социально-экономических дисциплин с учетом особенностей и специфики работы в других вузах;

– высокая ответственность профессорско-преподавательского состава кафедры за обеспечение качественного обучения, воспитания и формирование мировоззрения выпускников.

Таким образом, изложенные выше теоретические и практические аспекты преподавания дисциплин гуманитарного и социально-экономического направления являются, на наш взгляд, определяющей составляющей, которая направлена на формирование личности студентов.

Литература и источники

1. Авдеева, Г. И. Роль свободного времени при формировании духовно-эстетических ценностей студентов // *Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction: materials of the VI international scientific conference or May 15–16, 2015*. – Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – P. 42–45.

2. Специац, Л. М. Социальные ориентации молодежи в образовательном пространстве / Л. М. Специац // *Стратегии социального развития современного общества: российские и мировые тренды: Сборник материалов XIV Международного социального конгресса / Сост. К. Е. Юхин*. – М., 2015.

НЕМЕЦКИЕ КЛАССИКИ В ЗАЩИТУ СТАТУСА ФИЛОСОФИИ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. А. Вашко

В последнее время в связи с интеграцией белорусской образовательной системы в общемировую, меняющимися аксиологическими ориентирами и потребностями информационного социума, новыми образовательными стандартами наблюдается вытеснение социогуманитарных дисциплин из учебных программ, сокращение академических часов на

преподавание философии в вузах, сжатие и изменение содержания философии и философских курсов. Сегодня состояние философской дисциплины отмечается как кризисное среди других вузовских дисциплин, что связано с убежденностью общественности в ненужности и непрактичности философского знания. Тем не менее в ситуации духовного поиска своего места в мире, определения ценностных ориентиров свлей деятельности интеллектуалы обращаются к философствованию, философскому знанию, используют философские методы. В связи с этим немаловажную роль играет изучение философии в вузе, так как философское знание выполняет мировоззренческую, гносеологическую, аксиологическую и методологическую функции при формировании профессиональной элиты социума.

К сожалению, в настоящее время, как и на протяжении всего своего существования, философии приходится защищать и отстаивать свой статус, особенно в университете. Об этом свидетельствует дискуссия о месте философии в современном университете, о ее содержании, роли и значимости, развернутая белорусскими философами [1]. В истории университетского образования наиболее яркими защитниками статуса философии выступили классики немецкой философии XVIII–XIX вв., которые развернули конструктивную дискуссию о месте философии в университетском образовании, определили поле ее действия, ценность по сравнению с другими науками, расставили основные акценты в функционировании философского факультета и обосновали высокий статус философии в общественной жизнедеятельности.

В XVIII в. И. Кант (1724–1804) в своей работе «Спор факультетов» (1798 г.) аргументированно защитил статус философского факультета в иерархии факультетов и обосновал роль философии как дисциплины в университетском образовании. И. Кант полагал, что деление факультетов на низшие и высшие обусловлено потребностями государства, а не университета и науки. «Правительство же интересуется, прежде всего тем, при помощи чего оно может оказать наиболее сильное и длительное влияние на народ, и именно таковы предметы высших факультетов» [2, т. 6, с. 315].

По мнению И. Канта, только низший артистический или философский факультет проявлял заботу о потребностях науки и имел право самостоятельно изменять и совершенствовать свои научные принципы. С точки зрения философа, существование независимого от государства факультета было необходимо для него самого, так как именно этот факультет мог свободно обсуждать все распоряжения, а функция разума заключалась в доведении истины до общества. То, что данный факультет, несмотря на свободу, назывался низшим, философ объяснял тем, что отдающие приказы чувствовали себя всегда более значимыми деятелями, чем те, кто не мог приказывать, но обладал большей свободой.

Низший философский факультет нес ответственность за истин-

ность учений, был способен судить свободно и автономно, подчинялся только законам разума. Он контролировал три высших факультета, тем самым приносил пользу и истину, а в этом суть учености. «Ведь именно эта неприязнательность, стремление быть свободным, а также не мешать другим свободно отыскивать истину на пользу всем наукам и поставлять ее для любого применения высшим факультетам, – все это философский факультет должен рекомендовать самому правительству как находящееся вне всякого подозрения и, более того, как безусловно необходимое» [2, т. 6, с. 324]. Государство не имело права запретить деятельность философского факультета, а другие факультеты должны были учесть его высказывания.

Проблему значимости философии среди дисциплин в университете затронул Ф. Шлейермахер (1768–1834) в своем произведении «Случайные мысли об университетах в немецком смысле» (1808). Ф. Шлейермахер также придерживался мнения, что все начинается с философии, с чистой спекуляции и со всего, что относится к пропедевтическому переходу от школы к университету. Только жизнь университета основывалась на том, что это не пустая форма спекуляции, а развитие разума и его деятельности как необходимого условия и среды всех реальных знаний. Именно в университете проявлялись чистая философия, спекуляция, увлечение целостностью и взаимосвязь всего познания и природы знания. Без философского стиля мышления, который выражался в методе, языке, представлении любого научного труда, невозможна была научная деятельность, полагал Ф. Шлейермахер [3, т. 4, с. 569–571, 556–557]. Таким образом, в университете признавалось, что философские занятия лежали в основе всего, что вообще изучается.

В XIX в. предлагаемые В. Гумбольдтом (1767–1835) принципы и идеалы (свобода наук, единство обучения и исследования и наука как образование) реализовались в философском образовании, воплотились в механизме его осуществления, оказали воздействие на рост значимости комплекса социально-гуманитарных дисциплин. Ученый подчеркивал значимость общеобразовательных дисциплин как в школе, так и в университете: они, согласно его концепции, готовят к обучению на любом из факультетов и способствовали развитию математического, социально-исторического и философско-лингвистического мышления, пишет Д. Беннер [4]. В результате В. Гумбольдт проводит общеобразовательную идеологию вслед за И. Кантом и подтверждает, что из философского образования невозможно создать специальную профессию. Для ученого философия становится «кроной» всех наук или областью применения различных наук, а общеобразовательность философии заключается не в самом предмете, а в философствовании в рамках других университетских дисциплин. В результате, философское мышление становится частью всех изучаемых наук. Суть заключается в том, чтобы объективную науку соединить с субъективным образованием. Университет в соответствии с

концепцией Гумбольдта в значительной степени ориентировался на гуманитарные дисциплины, что благоприятно сказывалось на росте популярности философского знания и его расцвете.

Далее Г. Гегель (1770–1831) обратился к вопросам философского образования и изложил оценочный взгляд на него, выделил ориентиры в организации и преподавании философских дисциплин. На основе своего опыта Г. Гегель написал письмо «О преподавании философии в университетах» (1816 г.) и доклад «О преподавании философии в гимназиях» (1821 г.), в которых изложил наиболее значимые идеи о смысле и содержании преподавания философии для учащегося.

В своих сочинениях о проблемах образования Г. Гегель большой акцент делает на преподавании философских дисциплин на ранней стадии образования – в гимназическом обучении: получение философских знаний должно осуществляться уже там, так как это подготовительный этап развития духа, формирования философского мышления, изучения древних языков. Философ обращается к рассмотрению гимназического образования, так как оно формирует задатки индивида к дальнейшему обучению, направляет его. «Философия как пропедевтическая наука должна давать формальное образование и упражнение для мышления», считает Г. Гегель [5, т. I, с. 424].

Таким образом, немецкие мыслители обосновали ряд ценностей, которые игнорирует современное общество, принимая статус философии в университетском образовании. Во-первых, философский факультет являлся единственным, подчиняющимся законам разума, обладающего возможностью критического анализа. Во-вторых, философский факультет и обучение философскому стилю мышления способствовали развитию самой науки в университете, принося пользу обществу, что возможно благодаря имеющейся свободе духа. В-третьих, обучение на высших факультетах основывалось на полученных знаниях на базовом философском факультете и учитывало предлагаемые им тенденции, что подтверждало его привилегированный статус в университете и особую роль в обществе. Кроме этого, предложенные в теории идеи реализовались на практике в немецких университетах, произошла гуманитаризация образования и воплощение гумбольдтских принципов в модели Берлинского университета.

Литература и источники

1. Топос. Философско-культурологический журнал. – 2012. – № 1.
2. Кант, И. Спор факультетов, 1798 / И. Кант // Кант И. Сочинения. – М., 1966.
3. Schleiermacher, F. Gelegentliche Gedanken über Universitäten in deutschen Sinne / F. Schleiermacher // Schleiermacher F. Schleiermachers Werke. – Leipzig, 1967.

4. Benner, D. Wilhelm von Humboldts Bildungstheorie. Eine Problemgeschichtliche Studie zum Begründungszusammenhang neuzeitlicher Bildungsreform / D. Benner. – Weinheim und München, 1990.
5. Гегель, Г. О преподавании философии в университетах // Г. Гегель. Работы разных лет. – М., 1970.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФЛЯЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ДИСКУРСА И СМЕНА ПАРАДИГМ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. А. Костенич

Гуманитарное познание переживает драматический период социального нигилизма. Мейнстрим глобализации с его технократическим вектором унификации «человеческого фактора», отсылки в факультативность экзистенциальных вопрошаний и мировоззренческих тревог, провозирует очередную «переоценку всех ценностей». Маркузианский «одномерный человек», существо-функция, эротоман бюргерского благополучия, вступает в тайный стовор с меритократией имиджевых «сверхчеловеков». Ницшеанская «воля к власти» снисходительно поощряет рефлекторную «волю к жизни», позволяя последней собирать крохи с барского стола элитарных пиршеств.

Человековедение вновь не популярно, ибо рефлексия сократовски майевтик недопустимо вольнодумна и духовно смяташна, угрожающе нелицеприятна к любым перформансам постиндустриальной «игры в бисер». Гуманитарность рассматривается в качестве «личного дела» маргиналов социального бытия, отсталого озабоченных «человеческим, слишком человеческим» в эпоху «производственных» приоритетов, интернетовской анонимности и генно-инженерных трансплантаций. Этика и эстетика человеческой уникальности теряют свою ценностную респектабельность и посюстороннюю фактичность, перекочевывая в кабинетную по уменьшению кантовских «вещей в себе», в отшельнические транскрипции одинокого любомудрия.

Подобный тренд цивилизационного развития, естественно, не оригинален, хотя и наделен определенными «чертами времени». В истории человечества достаточно примеров «откатов к хлебу насущному» в эпохи становления новых «переходных социумов». Род людской как бы «оптимизирует» свои «социальные ресурсы», жертвуя (в первую очередь) храмами тех мировоззренческих построений, которые духовно эзотеричны для «массового потребителя».

Философское сознание представляет собой «сейсмографическую интенцию» человеческого Разума, изначально наделено духовной чуткостью к хаосам «пограничных состояний» и бифуркациям смыслообретения. Именно там, в зонах мировоззренческих замешательств, в сингулях

ностях нелинейных «ходов мысли», в событиях неравновесного бытия философская рефлексия «своевременна» и актуальна. Мир нуждается в «Слове», которое уловило бы его тенденции и предъявило исторический смысл. Технократическое мышление здесь малопродуктивно. Оно питается утилитарными стереотипами «выживания». Готово (финансово) попустительствовать технологиям манипулирования общественным мнением, ради «порядка стабильности».

Нарушается духовный баланс должной жизни. Кардинальные добродетели Античности: мужество, мудрость, справедливость и благоразумие, – кренятся в сторону порочных сиюминутностей «текучей современности». Мужество (*подвига быть Личностью*) аннулируется приспособлением к «граду земному» функциональной корпоративности. Мудрость (*стоического самостояния перед ликом жизненных смыслов*) трансформируется в обывательскую казуистику «благ и выгод». Сложная диалектика справедливости (*равенства и неравенства*) подменяется «измами» популистских, этнических, транснациональных и космополитических «временностей и временщиков». Человек (как бы добровольно) низводится к роли «соучастника», но не «соавтора» социальных процессов, соглашается делегировать свою мировоззренческую и деятельностную «самобытность» внешним силам конспирологических левиафанов.

Гуманитарное образование в целом и философское в частности оказались перед лицом серьезных институциональных испытаний. *В обществе до критического уровня снизился «социальный заказ» на мировоззренческое измерение человеческой индивидуальности.* Точнее, это измерение лишается вариантов личностного самоопределения. «Специалист» перекрывает «человека» и ротируется в общественном сознании в качестве «вип-персоны» сферы «образовательных услуг». Под предлогом экономической необходимости мировоззренческую эрудицию вузовской аудитории загоняют в прокрустово ложе «интегральных курсов». Учебные программы по философии постсоветского образца пытаются совместить несовместимое: с одной стороны, фиксируют «джентльменский набор» персонажей и тем, унаследованных из недалекого исторического прошлого (без марксистского акцента), с другой – ограничивают возможность «*концептуальных инноваций*» гуманитарного дискурса.

Между тем, потребность в новых стратегиях концептуализации гуманитарного (и в том числе философского) образования, безусловно, назрела. Помимо очевидных реконструкций (а точнее, реанимаций) самого «мировоззренческого блока», восстановления логики преподавания гуманитарной мысли по канонам ее вызревания от частного ко всеобщему (культурология – религиоведение – эстетика – политология – социология – философия – этика), следует пересмотреть функциональные приоритеты самого гуманитарного знания.

В частности, собственно философское образование необходимо диверсифицировать по следующим интеллектуальным направлениям.

Вместо «традиционного» редуцирования пространства изучаемых тем к поверхностному историко-философскому экскурсу и онто-гносео-аксио-антропологическим декорациям *следует переориентировать внимание студенческого сообщества на постижение герменевтической феноменологии философского сознания как мировоззренческого знаменателя «форм общественного сознания».* Философия ведь сущностно посвящена «обобщению типов мировоззрений», осмыслению их «ценностных оптик» репрезентации бытия, обучению «усилию мыслить трансцендентно», в противостоянии соблазнам замыкания человеческого духа в «идолах пещеры» частных умозрений смысла.

Философское сознание, по определению, «методологично». Оно рефлексирует не только «фактуру (предельных, экзистенциальных) смыслов», взыскуемых человеческим духом, но и саму «технологию свершения мысли» в различных дисциплинарных областях, их имманентную процессуальность. «картины мира», идеалы и нормы верификации «предметного статуса» исследуемых фрагментов сущего. Частный (дисциплинарный) менталитет функционирует, как правило, хаотично стихийно, акцентируясь на экспериментальных методиках зондирования «материала», а не на экспликации собственных смыслополагающих предпосылок мышления, задающих целеориентирующие ракурсы освоения «локализованного бытия». Если мы желаем видеть философское знание продуктивно задействованным в дисциплинарном умозрении профессиональных корпораций, нам необходимо серьезнейшим образом «методологизировать» их интеллектуальную мобильность, приобщая по следую к кропотливой дегустации своих «концептуальных оснований».

В условиях «коммерциализации» бытийных ресурсов знания, философское образование должно (целенаправленно) обратиться к анализу феномена «экспертного сознания» в целом, и к его онтологическим и аксиологическим особенностям. Это именно тот вариант «бытия сознания» который предельно востребован современным управленческим истеблишментом, обладает «социальным весом». Речь при этом идет не о том, чтобы «продать душу молоху сервильности», а о том, чтобы придать экспертным оценкам мировоззренческую перспективу, методологическую рафинированность, аксиологическую человекообразность; убежать от «антропологических катастроф» дискредитации Личности; выстроить продуктивный социокультурный диалог с различными цивилизационными традициями обустройства человеческого Космоса.

ОТ ПРОБЛЕМНОСТИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ – К ПРОБЛЕМНОМУ ОБУЧЕНИЮ ФИЛОСОФИИ

С. В. Гуринович

Философия как учебная дисциплина занимает особое место в системе социально-гуманитарного образования, что объясняется специфической философской проблемой знания. Философствование выступает результатом проблематизации мира через интеллектуальное сомнение и вопрошание. Это связано с человеческой потребностью обретения мировоззренческой соизмеримости с миром, что всегда предполагает уникальные и самостоятельные усилия. Напротив, в границах мифа и ритуала отсутствует непонятное, неосвоенное.

Однако философские проблемы есть проблемы особого рода. Они порождаются в пространстве такой расположенности (диспозиции) мышления, названной еще античными философами Платоном и Аристотелем удивлением, или пафосом, в которой и раскрывает себя не *сущее*, а *Бытие* сущего.

Таким образом, «войти в философию», философствовать означает обрести единственно возможный путь вопрошания, артикулированный в античной традиции как «что есть?..». Соответственно дидактической целью преподавания философии следует считать организацию открытого смыслового пространства, в рамках которого посредством философского языка осуществляется совместный поиск истины субъектами образовательного процесса. Технология проблемного обучения наиболее соответствует реализации этой цели.

Технология проблемного обучения конституирует способ проектирования в учебном процессе проблемных ситуаций с целью формирования у студентов таких академических компетенций, как владение исследовательскими навыками, умение работать самостоятельно, способность порождать новые идеи. В философской и психолого-педагогической литературе указанные компетенции синтезированы в понятии «креативное мышление», которое фундирует интегративную способность субъекта к порождению новых идей, новых способов решения проблем. Основными структурными элементами технологии проблемного обучения являются «учебная проблема», «проблемная задача», «проблемная ситуация».

Если научная проблема фиксирует объективное противоречие между наличным знанием субъекта и решением новых познавательных задач, то учебная – это результат педагогического проектирования познавательного противоречия в учебном процессе с определенными дидактическими целями. Субъективно учебная проблема должна отражать внутреннее напряжение у студентов при столкновении с гносеологическими противоречиями. Учебной проблемой не является та, алгоритм решения которой уже известен, или напротив, студент не владеет методикой

нахождения ответа.

В научной литературе представлены различные типологии учебных проблем. Так, выделяют четыре группы в зависимости от результатов решения: новое знание, новое умение, опыт творчества, ценностно-эмоциональное отношение. Проблемы первой группы обусловлены необходимостью в освоении новых фактов, понятий, законов, оценок и т.п. Проблемы второй группы связаны с овладением логическими, научно-предметными умениями. Третья группа стимулирует реализацию творческого потенциала, четвертая группа способствует формированию оценочных суждений у студентов.

Разрешение учебной проблемы можно представить как ряд последовательных, взаимосвязанных этапов, обусловленных нахождением студентами под руководством преподавателя недостающих познавательных средств и ведущих к трансформации проблемы в задачу. Проблема с указанием дидактических параметров и условий ее решения представляет собой проблемную задачу. Последняя требует от студентов обнаружения новых связей и отношений, которые не даны в ее условии, или определения путей преобразования заданных условий. Тем самым проблемная задача способствует педагогическому управлению процессом интериоризации научных знаний.

В психолого-педагогической литературе выделяются несколько этапов решения проблемных задач, знание которых необходимо педагогу для создания оптимальных условий организации проблемного обучения. Основанием структурирования выступают как специфика учебной проблемы, так и уровень интеллектуальных возможностей обучаемых. Схематично это следующие этапы: 1) использование известных способов решения – этап «закрытого» решения проблемы, 2) расширение области поиска новых способов решения – этап «открытого» решения проблемы, 3) нахождение нового отношения или принципа действия, 4) реализация найденного принципа, 5) проверка правильности полученного решения [1, с. 96–99].

Итак, проблемное обучение предполагает: во-первых, наличие внутренне противоречивого содержания учебного материала (учебная проблема, учебная задача), во-вторых, такую организацию дидактического процесса, которая способствовала бы активизации познавательного потенциала обучаемого на пути самостоятельного осознания, формулирования и решения проблем. В контексте рассматриваемой технологии речь идет о проблемной ситуации.

Фундаментом проблемной ситуации могут выступать следующие основные дидактические противоречия: между знанием и незнанием между знаниями и умениями, познавательными потребностями и интеллектуальными способностями. Чтобы проблемная ситуация стала дидактическим инструментом, педагогу необходимо знание типов проблемных ситуаций. Все типы проблемных ситуаций и вызывающие их условия ха

рактируются одной наиболее общей зависимостью – соотношением между актуальными возможностями субъекта и теми объективными или субъективными требованиями, которые предъявляются к выполняемой учебной деятельности. При этом субъективные требования включают и личностную мотивацию.

В современной дидактике известно более 20 классификаций типов проблемных ситуаций по различным основаниям. В практике обучения, как правило, встречаются не отдельные типы проблемных ситуаций, а их различные сочетания. Можно выделить две стратегии выстраивания проблемных ситуаций: 1) как процесс, отправляющийся от теоретических проблемных ситуаций и завершающийся проблемными ситуациями с неизвестными условиями действия; 2) как процесс, начинающий с поиска конкретных неизвестных условий выполнения действия, завершается теоретическими проблемными ситуациями, предполагающими формирование теоретического обобщения лишь на конечных этапах процесса мышления.

Выбор последовательности определяется педагогом в зависимости от конкретных условий обучения, уровня интеллектуальных способностей учащихся, специфики учебного предмета и т.п. При этом важно учитывать и результаты психологических экспериментальных исследований, согласно которым, наиболее эффективной проявила себя последовательность решения проблемных ситуаций, основанная на движении мысли от усвоения общих закономерностей, концепций к конкретным способам действия, применению теоретических положений в личном опыте обучаемого [1, с. 113–130]. Учитывая фундаментальность философских проблем, описанная выше последовательность проектирования проблемных ситуаций применительно к преподаванию философии может рассматриваться в качестве доминантной.

В современной практике вузов реализация технологии проблемного обучения затруднена по целому ряду причин: унификация учебных программ, системы оценки и контроля знаний студентов; неразработанность соответствующей учебно-методической базы; существенный объем философского материала и сокращение аудиторного времени на его усвоение; понижение среднего уровня базовых гуманитарных знаний у студентов, пассивность самих преподавателей.

Литература и источники

1. Матюшкин, А. М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учебное пособие / А. М. Матюшкин. – Под ред. А. А. Матюшкиной. – М., 2009.

ФИЛОСОФИЯ КАК «ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ» В ИГРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МЕТОДИКАХ

Н. В. Бородина

Философия может иметь множество определений, но с точки зрения студента – это прежде всего учебная дисциплина, которая может быть «пройдена» и забыта, как и все, что не относится к его специальности.

Аргументация «Вы должны изучать философию, так как это базовый предмет» построена на устаревших основаниях. Современные студенты как представители «поколения коммуникаций» оперируют огромными информационными потоками и базу любого предмета способны обработать за день. Современные способы обработки информации не вынуждают нас запоминать весь информационный массив, а скорее запоминать систему референций. В этой связи от образовательного процесса ждут уже закрепления навыков, как именно эта база применяется в практике.

Философия в такой системе мышления оказывается в заведомо проигрышном положении: освоение классического наследия является попыткой загрузить информационный массив, который не имеет применения. С точки зрения прагматического мышления студентов, изучение философии может быть приравнено к изучению эсперанто, фортрана или языка майя – для общего кругозора и очень большого любителя.

Как именно сделать философию практической? Рассмотрим пример западных коллег. Современная лекция здесь выглядит примерно так «Вместо того, чтобы читать лекции студентам, учитель выступает в качестве гида: "ОК, вот тема, которую мы собираемся обсудить сегодня Возьмите ваш iPhone и зайдите на поиск в Интернете или поиск в Википедии и давайте подискутируем об этом"» [1]. Студентов обучают различению правильных данных от неправильных, а не просто слепо принимать информацию, которая была бы представлена в тексте.

Но именно сама возможность «различения» и критического анализа правильности / неправильности информации как раз обоснована философией. Поэтому наилучший способ «заинтересовать философией» – показать, как она помогает в принятии решений. Кроме разбора в рамках курса философии примеров различных наук, концептуальные основания которых изучает философия и помогает выделить наиболее обоснованную модель решения, одним из вариантов применимости может стать игровая «система принятия решений», которой является квест-соревнование. В практике кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета три таких квеста [2].

Студент, находясь в рамках образовательной системы, понимает что особо крупных задач он не решит – образовательная система отно

сится к нему «свысока» и обучает. Все проблемы, которые мы рассматриваем в процессе обучения, очень важны, но это не проблемы студента, в них чувствуется фактор отстраненности. Квест позволяет в игровой форме сделать эти проблемы настоящими – от их решения зависит реальный выигрыш, пусть и вся в целом ситуация актуальна только в рамках игры.

В рамках квеста, соревнуясь с другими командами, студенты выявляют противоречия софизмов, пытаются правильно применить герменевтические методики толкования текстов, учатся переформатировать информацию из непривычных систем кодировки (узелковое письмо, язык графических символов и т.п.). В квестах сохраняются и поисковые, и физические задачи, но в каждое из них добавляется философская специфика. Например, «письмо-направление» на поисковое задание оформляется как логическая задача-ребус, от решения которой зависит, попадет ли команда в нужную точку и сможет участвовать в мероприятии дальше. В рамках квеста в вузе «письмо-направление» указывает на корпус, аудиторию или точку на территории университета, в которых будет проходить следующее задание. Побеждает команда, которая быстрее других справляется со всеми задачами.

Отдельные элементы квестовой формы обучения могут быть использованы непосредственно на семинарах в заданиях, что помогает освоить даже сложные термины и направления классической философии, если дать их в виде ребусов. Например, «Согласно принципам (*писать философское направление*), экономический кризис объясняется тем, что мир лишен рациональных оснований, поэтому стремится к хаосу», – и студенты вписывают иррационализм. Примеров такого рода заданий может быть много, зависит от того, студенты какой специальности участвуют в конкурсе. Также высокую эффективность показало изучение терминнов в изображениях. Студенты с интересом сами создают картинки-ассоциации к философскому направлению, что позволяет им облегчить запоминание и проявить креативность.

Студент должен постоянно чувствовать себя «победителем» – решать задачи, выявлять противоречия. Потенциально философия способна предоставить для этого больше простора, чем все остальные науки.

Литература и источники

1. Chen, B. X. Always On: How the iPhone Unlocked the Anything-Anytime-Anywhere Future – and Locked Us In / Brian X. Chen. – Cambridge, 2011.
2. Барановська, О. М. Філософський foot-quest: гра як методика викладання / Бородіна Н. В., Томашевська Ю. М. // Філософська думка: український науково-теоретичний часопис / НАНУ, Ін-т філософії, Ін-т соціології. – Київ, 2010. – N 5. – С.103–109.

ФИЛОСОФИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Н. Ф. Свобода, О. В. Фадеева

Вопросы высшего образования давно обсуждаются и в обществе, и в литературе, и в публицистике. Здесь мы затронем один аспект, близкий к нашей теме. Заметим только, что какие бы проблемы образования в гносеологическом плане ни рассматривались, связь их с ценностным отношением к человеку, ценностными отношениями между людьми неизбежны. Ведь истинный профессионализм определяется не простой суммой формальных знаний и видением в них утилитарной ценности, а умением философски объяснять формальные знания и осмысливать последствия их использования в различных областях жизнедеятельности.

Оценивая текущее положение дел в высшей школе, профессор Й. Сиберс в статье «Онтологическое благородство» отмечает, что проблемы высшего образования носят глобальный характер. К их числу, в частности, он относит: диктат бюрократических управленческих структур; формалистический подход к процессу обучения, исключающий в учебной деятельности спонтанность и непредсказуемость, диалог; превращение знания в разновидность техники. Речь идет об инструментальном подходе к знанию, полагающем, «что посвящение чьей-либо жизни пониманию сути вещей само по себе недостаточно и нуждается в оправдании тем, к чему такое понимание может быть приложено». Й. Сиберс считает, что «подтверждение ценности углубленного размышления и как бы отвлеченного созерцания в общественной жизни» [1] может стать действенным средством интеллектуалов для сопротивления данному подходу. Еще Ф. Палацкий, чешский историк, философ и политик XIX века, в статье «Наука о прекрасном», размышляя о конфликте между духовными устремлениями и телесными побуждениями, приходит к выводу: «Наука, которая бы не только побуждала к осознанию идей, но и учила бы и облегчала стремление к ним, была бы не только полезной, но и необходимой. Наука эта есть философия» [2, с. 263].

Созвучие воззрений мыслителей разных времен на социальную роль философии свидетельствует о том, что обращение к ней – существенное условие адекватного реагирования на вызовы цивилизационного развития.

В этих условиях философия как учебный предмет оказывается в сложном положении. В той самой мере, в какой поднялся вес функционального подхода ко всему и вся, упал престиж философии, в частности в техническом вузе. Метафизическая, эстетическая и этическая ценности философского мира зачастую игнорируются как организаторами учебного процесса, так и непосредственными его участниками.

Точка отсчета в философии – самосознание. И проблему можно

определять так: осознает ли студент необходимость рефлексии? Имеет ли для него значение рефлексия? Да, философия формирует у изучающих ее практические умения. Однако заметим: направлены они не на то, чтобы сделать удобнее и проще повседневное существование. Это умения интеллектуальные, продуманные, укорененные в знании – представляющие собой часть знания, обращенного к существу человека. Именно данная характеристика изначально выделяет учебный предмет «Философия» из числа других. К нему важно подходить не в аспекте задач, а с точки зрения проблем.

Философское знание – дистанция от всего, что навязывает нам себя в качестве очевидности. Философское знание может стать для человека областью личной свободы, способом достижения независимости от идущих извне стереотипов массовой культуры.

Отмеченные особенности философии очень далеки от технологического подхода. Что сегодняшний студент ждет от учебного предмета «Философия»? Можно считать, что ничего. Мы поставим вопрос по-другому: что сегодняшняя форма предмета способна дать студенту? Какими средствами она может побудить его сойти с утилитарной позиции? Для нас ответ однозначен: искусство философии несет аудитории тот заряд духовной энергии, который современный студент никогда не получит от других форм познания.

Применительно к философии стиль определения образовательного стандарта, составления учебных программ свидетельствует о жестком управлении, подгонке образования ко внешним и потому изначально чуждым ему основаниям. То, в чем нуждается, в чем испытывает острую потребность преподаватель – это обеспечение в условиях изменчивой и разнообразной жизни хотя бы минимума свободы.

Что можно отнести к степеням свободы в преподавании философии?

1. Ценность знания независимо от продуктивности.

Истина идет по пути вопросов. Как только студент сочтет, что нашел ответ, тем самым он закроет ей путь. Надо предоставить возможность ждать, не спешить с выводами, как бы ни было досадно незнание. Важно дать любопытству полную волю – понять, каким должен быть следующий ход. Преподаватель имеет право сказать студенту: не хочу слышать, что ты не знаешь, хочу выяснить, каким, по-твоему, является ответ на этот вопрос. Чем больше он беспокоит студента, тем большему учит. Самые большие вопросы в жизни требуют такого же отношения. А само участие в постановке вопросов – невероятно увлекательное занятие.

2. Адаптированность формы работы к особенностям разных типов мировоззрения.

Ни в одной из областей культуры «непосредственного» восприятия нет – или почти нет. Всюду свои опосредованности – везде надо заново учиться видеть. Люди интерпретируют, навязывают заранее освоенные

схемы. Не вкладывает ли современный студент при работе с материалом заведомо уже имеющиеся значения и смыслы? Вряд ли можно обойтись совсем без этого. И вряд ли может быть иначе, когда к познанию обращается человек, сформированный (или еще формирующийся). Все равно с высокой вероятностью он увидит в материале то, что так или иначе соответствует его мировосприятию, ценностям, ожиданиям и потребностям. Не говоря уже о том, что студент иногда не хочет знать больше того, что узнал некогда.

Образование – это творчество. Творчество – прежде всего чувство, а чувства нельзя постоянно контролировать извне. Легко определить отвечающие данному моменту установки, однако философское слово, имеющее хоть какую-то ценность, возможно лишь при условии, что слушающий ошущает истинность того, что слышит. Если этого нет, исчезнет творческий инстинкт.

3. Ориентация на бытийное сознание.

Что касается приобщения к философии, то его результаты не могут быть быстрыми и осязаемыми. Философия воздействует на внутренний мир человека и такого рода метаморфозы невозможно оценить с помощью стандартных критериев. Каким именно образом рациональность уступает место возвышенному волнению и восторгу открытия – неизвестно. Приветствуются все стили в деле последовательного развития познавательных возможностей философии. В преподавании важно соблюдение принципа полифонии – в этом залог его эволюционирования. В такой ситуации сам студент, учитывая как будто бы решительно все и, следовательно, выбирая из множества путей самый оптимальный, исчезает. Он другой, он создает новую реальность, и это – скорее, интегральное новое чувство жизни, новое мироощущение, которое существует в нем, в его воображении и на самом деле.

Философский мир – это бытийная ситуация человека на все времена, позволяющая преодолеть культурно-историческую ограниченность.

Можно по-разному относиться к традиции, но образование – это не только поле для экспериментов. Основа его одна и та же: человек – исходный пункт и конечная цель философствования, какой бы материал ни подлежал анализу, какую бы форму ни принимала философия. Речь идет, в первую очередь, о возвращении смыслового подхода к образованию, утраченного во многом философского начала, благодаря которому образование сохраняет способность саморазвития. Хочется верить, что образование будет двигаться к обретению самого себя, тех фундаментальных основ, которые отринуты в угоду инструментальному подходу. Повторим вслед за Ф. Палацким: «К счастью, истинный смысл философии еще не исчез полностью из общей жизни; под этим именем все еще понимают науку, ведущую к мудрости и познанию нашего назначения» [2, с. 265].

Литература и источники

1. Сибере, Й. Онтологическое благородство / Й. Сибере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://domestic-lynx.livejournal.com/157162.html>. – Дата доступа: 21.02.2016.
2. Антология чешской и словацкой философии. – М., 1982.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ПОСТДИПЛОМНЫЙ ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ

Е. А. Дудко

Динамизм общественного развития, бурное развитие новых технологий, трансформация всех сторон жизнедеятельности человека (экономической, социокультурной, бытовой, управленческой) под влиянием информатизации и компьютеризации, поиски новых идей, подходов к решению противоречий современного цивилизационного развития в эпоху глобального кризиса вызывают необходимость непрерывного совершенствования образовательных программ высшей школы на основе принципа органического единства профессиональной, мировоззренческой и методологической подготовки будущих специалистов. В современных условиях возрастает роль постдипломного образования, увеличивается контингент иностранных студентов и требует особого внимания организация учебной работы, научно-методического и учебно-методического обеспечения процесса обучения магистрантов и аспирантов.

На уровне постдипломного образования аспиранты и магистранты изучают курс «Философия и методология науки», затем сдают по этому предмету кандидатский экзамен. В целях оптимизации изучения этого курса и оказания научно-методической помощи магистрантам, аспирантам и соискателям кафедрой философии и методологии науки Белорусского государственного университета разработано и издано соответствующее учебное пособие [1].

Обращение к этому пособию целесообразно в процессе подготовки к вступительному экзамену в аспирантуру, а также при подготовке к сдаче экзамена кандидатского минимума.

Первый раздел пособия дает целостное программное представление об изучаемом курсе и целях изучения (приобретения навыков исследовательского мышления и умения философски осмысливать актуальные проблемы естественных и социально-гуманитарных наук).

Соответственно программа включает два основных блока: «Философия и ценности современной цивилизации» и «Философско-методологический анализ науки». Достоинством является то, что кроме

программы курса в учебном пособии представлена содержательная реконструкция лекционного курса по философии и методологии науки. В процессе изучения курса и подготовки к сдаче экзамена кандидатского минимума у слушателей возникают самые разнообразные вопросы. Учитывая опыт преподавания философии и философских дисциплин на постдипломном уровне образования, учебное пособие включает самостоятельные разделы, которые касаются подготовки к практикумам с учетом специальностей аспирантов и магистрантов (естественные науки и гуманитарные), также предлагается примерная тематика рефератов (для естественнонаучных и гуманитарных специальностей).

На уровне постдипломного образования происходит дальнейшая социально-психологическая и социокультурная адаптация иностранных учащихся в образовательном пространстве. Опыт педагогической работы с иностранными аспирантами и магистрантами в процессе изучения курса «Философия и методология науки» показывает целесообразность объединения иностранных учащихся в отдельную группу.

По своему характеру учебная работа является индивидуально-групповой. Состав групп неоднороден по многим параметрам: в плане владения языком обучения, уровня вузовской подготовки, навыков работы с текстовым материалом, умением конспектировать и т.д.

Выделяется наиболее активная часть группы: аспиранты и магистранты, хорошо владеющие языком обучения. Они имеют навыки самостоятельной и систематической работы, к практическим занятиям готовят содержательные ответы, с интересом и знанием предмета участвуют в дискуссиях по обсуждаемой проблеме, откликаются на предложение принять участие в конференциях для магистрантов, аспирантов, молодых ученых по социогуманитарным наукам.

В то же время выделяется и такая часть иностранных учащихся, для которых процесс освоения и усвоения учебной программы сопряжен с определенными трудностями и в плане существования языкового барьера, а также умения самостоятельно работать с источниками, подготовкой устного или письменного ответа. Этой части группы оказывается разноплановая консультативная помощь.

Индивидуализированный подход и постоянное внимание преподавателя к результатам работы магистранта или аспиранта имеет значение в психологическом плане. Если в начале учебного процесса чувствуется неуверенность учащегося в своих силах, проявляется в определенной мере пассивность и инертность, то в дальнейшем работа аспиранта (магистранта) приобретает черты целеустремленности, нацеленности на успешное выполнение конкретных заданий. Практика устных выступлений с сообщениями перед своими товарищами также способствует повышению самооценки.

Преподаватель оказывает консультативную помощь и в процессе подготовки реферата (выбора темы, подбора литературы, структуриро-

ванности содержания, придания цельности и завершенности, наличию выводов по выполненной работе).

Особенностью кандидатского экзамена по философии и методологии науки является то, что из трех предлагаемых на экзамене основных вопросов третий относится к реферату. Поэтому с аспирантом обсуждается ряд моментов: как, в какой форме построить ответ по реферату, какие могут быть дополнительные вопросы по избранной теме, результатам выполненной работы. Практика показывает, что внимание аспиранта к этой стороне подготовки к кандидатскому экзамену дает положительный эффект, снимает многие трудности, связанные с недостаточным владением языком обучения.

Несмотря на то, что УМК по философии и методологии науки насыщен методическими советами в плане изучения курса и подготовки к экзамену кандидатского минимума, аспиранты и магистранты не всегда в достаточной мере используют имеющийся научно-методический потенциал данного пособия. Поэтому одна из задач консультативной помощи состоит в том, чтобы направить внимание аспирантов и магистрантов на необходимость постоянного обращения к УМК, учитывать при подготовке к сдаче экзамена кандидатского минимума те методические рекомендации и разъяснения, которые содержатся в различных его разделах.

На уровне постдипломного образования консультативная помощь преподавателя иностранным учащимся в процессе подготовки к сдаче кандидатского экзамена носит многоцелевой характер, осуществляется по различным параметрам как на групповом, так и на индивидуальном уровне, является необходимым и существенным компонентом образовательного процесса в вузе, требует значительных усилий и времени.

Литература и источники

1. Философия и методология науки. Учебное пособие для аспирантов и магистрантов / под ред. А. И. Зленкова. – Минск, 2011.

ФИЛОСОФИЯ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

М. Б. Завадский

В современном мире отмечается стремительный рост объема знаний и информации, требования к специальной подготовке сочетаются с необходимостью обладать широким общекультурным и гуманитарным кругозором. В образовании акцент переносится с передачи знаний, их механического воспроизводства на формирование личных компетенций, способности самостоятельно добывать знание. В формирующейся экономике знаний чрезвычайно актуализируется навык творческого мышле-

ния, оперирования сложными структурами информации. Развитие аналитического, критического мышления становится необходимым условием ориентации в мире. На решение этих задач, подготовку подрастающего поколения к новым условиям социализации направлено внедрение в среднее образование учебного предмета по основам философии.

Вопреки бытующему представлению о том, что философия для детского возраста является чем-то избыточным и экстравагантным, академическое сообщество во всем мире приходит к пониманию, что навыкам мышления, общеметодологической культуре, межпредметным компетенциям нужно целенаправленно учиться [1]. Включение элементарных знаний по философии в образовательный процесс школ может рассматриваться как средство формирования креативности, этичности гражданской ответственности, здоровой скептичности.

В некоторых странах, таких как Германия, Франция, где традиции философствования насчитывает столетия истории и прочно вплетена в национально-культурную идентичность, философские учебные предметы давно преподаются в школах. Пожалуй, можно говорить о трех подходах в реализации школьного философского образования: «академический» подход, представляющий собой «облегченный» вариант университетского курса по философии (М. Гурина, П. С. Гуревич, Е. В. Золотухина Аболина и др.); «художественный» подход, построенный на основе увлекательных историй из философских учений и жизни мыслителей или предметных дискуссий (коммерчески успешные издательские проекты Ж.-П. Монгена, О. Бренифье) и «смешанный» подход, реализованный М. Липманом в программе «Философия для детей». Среди русскоязычных представителей данного подхода можно выделить работы Н. С. Юлиной, С. В. Борисова, Л. Т. Ретюнских.

Обратимся к последнему подходу, поскольку он представляет собой наиболее детально и глубоко проработанный вариант обучения детей основам философского мышления, предусмотренный к последовательной реализации в школах с I по II класс. Программа «Философия для детей» получила признание ЮНЕСКО, рекомендована для реализации Комиссией по образованию Европейского парламента, иными международными культурно-образовательными организациями.

Концептуальные основы философии для детей заложены в 1970-е годы американскими философами и педагогами. Сотрудниками Института по развитию философии для детей (Монтклерский университет, США под руководством М. Липмана была разработана программа для школ получившая позднее международное признание. Ее суть состояла в том что школам необходимы предметы, которые бы целенаправленно и непосредственно развивали у детей навыки аргументированно, логично, диалогически мыслить, уяснить взаимосвязи между различными предметам и науками, вырабатывать оправданные основания для поступков и социальных действий. Профессиональный инструментарий философии, изло

женный в адаптированной для школьников форме, представлялся для этих целей как нельзя более подходящим [2].

Программа «Философия для детей» базируется на следующих принципах: обучать не сведениям из философии, не давать справку о мыслителях и их учениях, но инициировать философствование, вопрошать, практиковать философское мышление, «делать» философию, актуализируя в классе те или иные философские проблемы. Акцентируется дискуссионно-проблемный подход в подаче материала вместо метода ретрансляции знаний; ученики в классе рассматриваются как сообщество исследователей, которое нужно снабдить адекватным интеллектуальным инструментарием для добычи нового знания; формой коммуникации выступает сократический диалог – метод наводящих вопросов, направленных на прояснение и уточнение позиции участников группы; вместо учебников детям предлагаются для обсуждения философски нагруженные повести, логические задания, упражнения, максимально приближенные к повседневной жизни школьников ситуации, предъявляющие к ним требования решить моральные дилеммы, рационально обосновать выбор, высказывать предположения, предвосхищать последствия предпринимаемых действий и т. п. [3, с. 41–74].

Экспериментальная работа исследователей опровергла царившее долгое время в педагогической науке представление о том, что способности к абстрактному и рационально-критическому мышлению проявляются только к 12–14 годам. Тесты, проведенные Липманом и его коллегами, показали, что дети, занимавшиеся в философских классах, демонстрировали лучшие результаты освоения других образовательных дисциплин – математики, языков и проч. Оказалось, что интеллектуальный и творческий потенциал детей был тем выше, чем раньше они приобщались к рациональному мышлению, активизировали и тренировали когнитивные навыки, пытались понять универсальный язык философии.

Контраргументом на традиционное замечание о перегруженности школьных планов является то, что философия для детей обращена к образованию как целому и может способствовать уяснению учащимися осмысленности их образовательных практик в школе. Помимо этого, философия для детей работает «напрямую» над теми задачами, которые являются второстепенными и дополнительными для других предметов. Например, над выковыванием критического, логически выверенного мышления, пониманием важности этических основ поступков, гражданским воспитанием, эстетической культурой и т.д.

В целом философия для детей интенсивно развивающаяся область философско-педагогического знания, имеющая широкие перспективы для реализации в современном педагогическом пространстве. В контексте образовательной системы Беларуси учебный предмет «Философия для детей» может быть направлен на решение проблемы разрыва между фактическими компетенциями выпускника школы и теми требо-

ваниями, которые предъявляются к абитуриентам и студентам, начинающим обучение в университете. Не является секретом неудовлетворенность преподавателей теми знаниями, умениями и навыками, которыми обладают вчерашние школьники – сегодняшние абитуриенты. Ведь учебник в университете предполагает, что студент может самостоятельно организовывать процесс обучения, формулировать научную проблему, ставить исследовательские задачи, обрабатывать большие объемы информации, выносить аргументированное суждение, аналитически расщеплять явления, синтетически собирать части в целое и т. п. Однако если обратить внимание на то, что ни один учебный предмет непосредственно не формирует и не развивает эти компетенции у школьников, то причина существующего положения дел обозначится более рельефно.

Надо сказать, некоторые фрагменты философских знаний в разные периоды становления национальной системы образования были представлены на разных ступенях обучения в рамках таких школьных предметов, как «Человек и мир», «Человек и общество», «Человек. Природа. Общество», «Человек. Общество. Государство», «Обществоведение». В условиях совершенствования отечественной системы школьного образования потенциал философии как факультативного учебного предмета и соответствующей интеллектуальной коммуникативной практики может оказаться востребованным.

В целом проблематика преподавания непосредственно философии в школе является относительно новой для белорусских философов и педагогов и ее значимость остается пока недостаточно оцененной. Надо сказать, что опыт преподавания философии школьникам был апробирован в курсе «Введение в культурологию», прочитанном учащимися старших классов в рамках сотрудничества Института философии НАН Беларуси и Минского государственного дворца детей и молодежи. Преподаватели факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета и научные сотрудники Института философии НАН Беларуси проводят занятия в школе юного философа «Пайдейя», рассчитанной на школьников 9–11 классов. Программа школы юного философа предполагает знакомство с профессией философа как ученого и преподавателя, основами философских дисциплин, изучаемых в университете, и герменевтическую работу с философскими текстами. На базе факультета философии и социальных наук Белгосуниверситета с 2014 года проводятся национальные отборочные этапы на Международную олимпиаду по философии среди школьников, которую ежегодно организует Международная ассоциация философских обществ при поддержке ЮНЕСКО.

Таким образом, перед отечественными философами и педагогами в рамках освоения рассмотренного направления стоят следующие задачи: инициирование комплексного и систематического исследования фундаментальных и прикладных проблем обучения школьников основам философских знаний с учетом возрастных особенностей и мировой практик

преподавания философии в школе; изучение потребностей и возможностей национальной системы среднего образования Республики Беларусь во включении блока знаний по формированию философской (логической, этической и т. п.) культуры учащихся; встраивание философии для школы в наследие советской традиции школьного образования; разработка учебно-методического комплекса по школьному философскому образованию и конкретных учебных планов для разных ступеней (классов) обучения, адаптированные под запросы белорусской школы и общества в целом; апробация учебных курсов философской направленности в системе дополнительного образования.

Литература и источники

1. Philosophy, a School of Freedom. Teaching Philosophy and Learning to Philosophize: Status and Prospects. – Paris: UNESCO, 2007.
2. Lipman, M. Thinking in Education / M. Lipman. – UK: Cambridge University Press, 2003. – 318 p.
3. Юлина, Н. С. Философия для детей / Н.С. Юлина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2005.

ПРАВСТВЕННЫЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КУРСА «ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Т. Л. Велюгина

Значительные перемены в экономической, политической и культурной сферах жизни влекут за собой некоторый мировоззренческий кризис, который выражается в утрате традиционных ценностей, иногда рождает ностальгию по прошлому и некоторую растерянность перед лицом настоящего и будущего. Развитие рыночных отношений способствует возвышению интереса к ценностям материальным, утилитарным, в ущерб нравственным и духовным. С ростом социальной дифференциации конфликт между ценностями различных социальных групп становится более явственным. Распространение в обществе жестокости и насилия ведет к утрате людьми нравственного стержня. В среде молодежи витает идея об устарелости моральных норм и ценностей.

Важнейший этап в формировании у человека нравственных ценностей и познавательной активности приходится на детские и ранние юношеские годы. Именно дети с наивной простотой и непосредственностью начинают задавать вопросы, которые взрослые затрудняются выразить в силу имеющихся культурных стереотипов. Детские вопросы часто носят характер «смысложизненных». Они касаются вопросов жизни и смерти, природы добра и зла, соотношения себя с окружающим миром, природой и космосом, с другими людьми. Им интересны также вопросы о возмож-

ностях и способах познания мира, о перспективах развития. От того, какие ответы получают дети на свои философские вопросы и как они будут интегрированы в его внутреннем мире, во многом зависит направление их будущего развития, принципы познания и восприятия ими мира и самих себя. В этой связи введение курса «Философия для детей» в школьные программы представляется необходимым и целесообразным. Современным детям с раннего возраста нужна нравственная опора, направленное видение мира.

Известно также, что школьное образование в том виде, как оно существует сейчас, не использует всех познавательных возможностей человека, существует необходимость в поиске инструментов, развивающих творческие возможности и мыслительные способности учащихся. Одной из позитивных тенденций в общественном развитии является утверждение идеи перехода от информационной модели образования к новой, рефлексивной, делающей акцент на развитие мышления. Глубина и универсальность философских категорий дают возможность собрать воедино картину мира, преодолеть фрагментарность полученных из других дисциплин основ знаний, лучше понять и осмыслить их в контексте детского восприятия мира. Возможность рассуждать и допускать поливариантность ответов может научить детей лучше ориентироваться в решении жизненных вопросов, поможет им стать разумными и ответственными гражданами своей страны.

В современной педагогической практике уже накоплен многолетний опыт преподавания философии для детей. Работы зарубежных и отечественных авторов (М. Липман, О. Бреншпфер, Д. Глейзер, В. Мартини, М. Йеремич, М. Санти, Н. С. Юлина, Л. Т. Ретюнских, Е. В. Брызгалина, М. Н. Дудина) охватывают возрастной диапазон от 2 до 18 лет, предлагают различные философские программы и методы. Например, предлагается философская игра или написание философской эссе (Л. Т. Ретюнских), международные проекты, конференции и институты. М. Липман предлагает облечение философских вопросов в литературную форму, адаптированную для самого разного детского возраста. Он создает сам сказочные повести и рассказы, заставляя своих героев решать и философские задачи, обостряет проблемы, которые пытаются решить дети вместе с учителем или с родителями дома.

К сожалению, в нашей стране опыт преподавания философии школе не получил широкого распространения. На основе многолетнего опыта преподавания философии в качестве факультативного курса и использования различных методик и форм автор утверждает, что они сводятся к пониманию главного смысла – необходимости научить детей умения высшего типа – рассуждать разумно с помощью философских инструментов. Это значит рассуждать аргументировано, логично, критично, творчески, контекстуально и диалогично. Эти навыки могут стать мировоззренческой основой разумного и ответственного поведения че

ловека в обществе.

Главные принципы программы таковы: 1) обучение философствованию, а не информация о философии; 2) проблемная подача философского знания; 3) превращение класса в сообщество исследователей и организация урока по принципу сократического диалога; 4) предоставление детям вместо учебников философски нагруженных повестей, мудрых притч и сказок.

Планируемый результат предполагает обретение навыков разумного мышления и поведения. Интегральная методика работает как минимум в двух основных направлениях:

– развитие познавательного и исследовательского начала, выражающегося в умении распознать проблемную ситуацию, способности увидеть противоречия в полученной информации, избегать обобщений на основе единичных фактов, осознавать риски при работе с гипотезами, использовать элементарные приемы фактического аргументированного подтверждения, распознавать слабые и сильные аргументы, уметь определять смысл понятий, приводить примеры, уметь работать с причинно-следственными отношениями, не допускать некорректных обобщений и т. п.;

– развитие мировоззренческой сферы в плане выведения на теоретический уровень обобщения практических проблем, выработка умения работать в коллективе и рассматривать свое «Я» со стороны, слушать другого и осваивать навыки диалогического общения, отстаивать собственное мнение и уважать мнение собеседника, критиковать мнения других людей и выслушивать критику в свой адрес, признавать ошибки и корректировать их, отстаивать принципы и находить компромиссные решения. В нравственном отношении, она учит искусству жить, искусству переживать, формирует экзистенциальную сферу, формирует духовный мир человека, его ценности.

Роль учителя имеет большое значение в преподавании философии. Здесь он не может быть ни экспертом, ни судьей, ни одним из учеников. Учитель – организатор коллективного размышления.

Таким образом, стимулируя природную любознательность детей, философия может одновременно развить их интеллектуальный и нравственный потенциал, обучая их навыкам разумного рассуждения, что сделает их жизнь осмысленной и интересной, а жизнь общества более духовно богатой.

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБЪЯСНЕНИЯ УЧАЩИМЯ ПРОБЛЕМАТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

М. Р. Москаленко

Проблематика устойчивого развития социальных систем является одной из самых интересных и актуальных в ряде учебных курсов. Существует целая масса факторов, влияющих на устойчивость и способность к поступательному развитию каждого конкретного государства, и среди них специфическое место занимают технологии пропагандистского влияния на общественное сознание, которые могут использоваться для нагнетания социально-политической нестабильности. Они могут играть важную роль в общественно-политических событиях (вспомним хотя бы «бархатные» и «оранжевые» революции). Учащимся необходимо знать специфику данных технологий воздействия, чтобы не быть подверженными влиянию различных экстремистских и деструктивных идей.

Проблемы обеспечения устойчивого развития социальных систем существовали практически всегда в истории человечества, но особенно обострились с развитием индустриальной цивилизации, когда стало происходить ускорение научно-технического прогресса и социального времени. Очень ярко проблема устойчивого развития проявилась во времена кризиса 1929-1933 годов. С конца 1940-х и до 1970-х годов во многом благодаря государственному вмешательству в экономику развитие западных стран было достаточно стабильным, что породило технократический оптимизм.

Само устойчивое развитие стало в западной общественно-политической мысли восприниматься в двух аспектах:

а) социально-политическая стабильность, которая должна была обеспечиваться развитием институтов парламентаризма, демократии, гражданского общества;

б) экономический рост, основанный на все возрастающем потреблении, увеличивающихся потребительских запросах «среднего класса» и, соответственно, непрерывно возрастающем производстве.

Все это должно было вести к постоянному улучшению качества жизни людей.

Но в 1970-е годы осознание глобальных проблем современности (знаменитый доклад Римскому клубу «Пределы роста», 1972 г. [1]) привело к более осторожной, а иногда и откровенно скептической оценке возможностей устойчивого развития человечества. Так, неомальтузианцы говорили, что для этого необходимо резкое снижение численности населения и потребления. В случае реализации данного сценария планета вернулась бы к феодальным временам. Это стало сюжетом многочисленных антиутопий, когда после глобальной катастрофы остатки выживших

людей создают достаточно примитивные сообщества, где процветают криминальные структуры и полуфеодалные порядки.

В 1990-е годы, когда целые регионы планеты благодаря усилившейся международной конкуренции и технологиям «холодной войны» были втянуты в экономическую депрессию и жестокие междоусобные войны (прежде всего потерпевший поражение в холодной войне «Восточный блок»), концепция устойчивого развития применительно к постсоветскому пространству стала означать прекращение дальнейшего экономического спада, определенный рост экономики и восстановление уровня жизни, хотя бы до стандартов позднего СССР.

Отметим, что во времена СССР в советской историографии вопросы устойчивого развития общественно-политических систем рассматривались прежде всего через призму «пятичленки»: одна общественно-экономическая формация сменяет другую, смена сопровождается хаотичными революциями и войн, и ряд государств, так же как и СССР, движутся по пути к социализму, который затем переходит в коммунизм (причем, предполагалось, что капиталистические общества гораздо менее устойчивы из-за серьезных классовых противоречий внутри них). Эта была советская трансформация идеологии Прогрессизма, возникшего в эпоху Просвещения. Критерии перехода к коммунизму были расплывчатые, основываясь на романтических идеалах революции, обновления, научно-технического прогресса, а также древнейших, архаических идеалах соборности и общества всеобщей солидарности. В 1960-е годы идеал достижения коммунизма сменился концепцией совершенствования социалистической системы, построения «развитого» социализма, устойчивое развитие подразумевало дальнейший рост индустрии при однопартийной политической системе и господстве государственного сектора экономики. До второй половины 1980-х годов такая система считалась устойчивой и экономически прогрессивной.

В самом деле, достижения советской системы впечатляли. Когда большевики пришли к власти и победили в Гражданской войне, им досталась разрушенная страна: потери населения, начиная с 1914 г., превысили 20 млн. человек, а промышленное производство сократилось в 1920 г. по сравнению с 1913 г. в 7 раз [2]. Еще большая экономическая и демографическая катастрофы постигли страну в годы Великой Отечественной войны: уничтожена 1/3 национального богатства, людские потери, по разным данным, составили от 27 до 43 млн. человек [3]. Несмотря на это, СССР в послевоенный период стал развитой индустриальной страной, ряд отраслей экономики мог успешно конкурировать с США, которые в XX в. не знали подобных потрясений.

В современном российском обществе существуют факторы, которые могут отрицательно влиять на его устойчивость и поступательное развитие:

1. Высокая степень социального расслоения и недоверия друг к

другу различных социальных групп;

2. Достаточно нездоровая духовно-нравственная атмосфера в обществе (агрессивная информационно-психологическая среда, обилие информации негативного плана, множество конфликтных ситуаций в быту, на работе и часто в семьях; низкая бытовая культура населения и т.д.);

3. Серьезная зависимость экономики страны от мировых цен на энергоносители, а также слабое развитие отечественных высокотехнологичных, наукоемких отраслей промышленности;

4. Люмпенизация и маргинализация значительной части населения, что может вести к социальной апатии.

В свете вышесказанного в процессе преподавательской и воспитательной работы с учащимися представляется целесообразным следующее.

Во-первых, повышать уровень знаний учащихся об особенностях социальных систем, знакомить с различными сценариями их развития, проводить научный анализ культурной, политической и экономической специфики различных сообществ с позиции системного подхода и уважения к отечественной культурно-исторической традиции;

Во-вторых, знакомить учащихся с местом и ролью в истории таких методов воздействия на массовое сознание, как культурная агрессия (внедрение в массовое сознание населения противника деструктивных стереотипов мировосприятия), информационно-пропагандистская агрессия (создание негативного имиджа страны-противника) и др. Показывать негативную роль данных пропагандистских технологий в распаде СССР и других событиях, выполнять обучение методам анализа и противодействия данным методам манипуляции общественным сознанием;

В-третьих, формировать патриотизм и уважительного отношения к отечественной культурно-исторической традиции как важнейшему фактору интеграции общества. Необходимо более подробно знакомить учащихся с патристическими идеалами Отечества в различные эпохи.

Подводя итоги, следует подчеркнуть важность комплексного объяснения системы факторов, влияющих на устойчивость социальных систем в различные эпохи, а также формирования патристического мировоззрения учащихся, уважения к культурному и историческому прошлому Отечества.

Литература и источники

1. Обзор основных докладов Римскому клубу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://life-prog.ru/1_11120_obzor-osnovnih-dokladov-rimskom-klubu.html. – Дата доступа: 25.03.2016.
2. Советское государство в период НЭПа. 1920-е гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sarist.narod.ru/dop24.htm>. – Дата доступа: 25.03.2016.
3. Потери в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.encyclopedia-russia.ru/article.php?id=282>. – Дата доступа 25.03.2016.

**2.1 Философские и социально-технологические аспекты развития
информационно-коммуникационного пространства**

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕХНОГЕННОГО
ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

В 2017 г. научная общественность будет отмечать два важнейших юбилея, обозначивших вехи мирового исторического развития: 500-летие со дня начала реформационного движения в Западной Европе и 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на то, что эти события мировой истории разделяют четыре столетия, между ними существуют глубинные социально-исторические связи.

Всю историю человечества, с точки зрения концепции коэволюции природы и общества, можно охарактеризовать как процесс постепенного превращения сил природы в силы самого социума. Так, на начальных фазах развития человечества (архаическое общество) человек социализируется, превращает в социальные силы биологическую и психическую энергию своего организма. В результате этого процесса возникает как общество, так и сам социальный индивид. Второй этап развития человечества (традиционно-аграрное общество) характеризуется тем, что человек начинает превращать в социальные силы энергию живой природы – биосферы Земли. В результате возникают такие виды хозяйственной деятельности, как земледелие и скотоводство, появляется прибавочный продукт, и формируются первые цивилизации и государства. Но поскольку контролировать силы живой природы можно было, только подчиняясь циклам и как бы вторя ритмам биосферы земли, данный тип общества характеризуется и повторяющимися циклами своей хозяйственной и социальной жизни, приверженностью к традиционализму в своем духовном развитии. Классическим выражением духовной жизни такого типа общества является восточная философия.

Наконец, в Европе XIV–XVIII вв. закладываются социальные и культурные предпосылки возникновения так называемого техногенного общества, когда человек с помощью новой техники начинает осваивать космические силы природы – такие, которые связаны не только с функционированием биосферы, но определяются закономерностями, действующими во всей Вселенной: сила пара, электричество, химические

реакции, ядерная энергия. После первого промышленного переворота конца XVIII – первой половины XIX века этот тип общества окончательно побеждает. Процесс экономического, а, следовательно и социального развития ускоряется невиданными темпами. Социальные структуры и формы духовной жизни традиционно-аграрного общества, неспособные быстро перестраиваться в соответствии с этими темпами, подвергаются беспощадной ломке и заменяются более гибкими структурами.

Именно поэтому глобальные научные и великие социальные революции так синхронны по временам своего протекания (европейская Реформация и коперниканская научная революция XVI–XVII вв., Великая французская революция и вторая глобальная научная революция конца XVIII – I половины XIX вв., третья глобальная научная революция конца XIX – I половины XX вв. и революционный подъем в странах Восточной Европы и Азии). Если научные революции, в конечном счете, подготавливают технологию освоения фундаментальной космической силы природы, то социальные революции изменяют социальные структуры общества таким образом, чтобы оно сумело включить данную технологию в систему общественного производства. В свою очередь, социальные и научные революции идейно подготавливаются новыми философскими идеями, в которых синтезируются из всей совокупности гуманитарного и естественнонаучного знания смыслы культурных универсалий данной исторической эпохи, и на основе критики этих смыслов определяются новые пути развития культуры. В сущности, всю европейскую философию нового и новейшего времени можно представить как идейную подготовку великих научных и социальных революций, и как процесс переосмысления их последствий и результатов.

Сам процесс все ускоряющегося развития, постоянные изменения социальной структуры и политической организации общества, заставляют теоретиков не полагаться на устои существующих социальных отношений, на мудрость предков, а создавать проекты модернизации экономических, социальных и политических отношений. Так, три самых известных проекта модернизации: Реформация, Просвещение, марксизм, – представляют идейное обоснование перехода от традиционно-аграрного к техногенному обществу. Но в то же время они являются и идейным отражением трех важнейших стадий развития техногенного общества. Протестантизм отражает первую фазу его становления, связанную с разрушением средневекового, феодального социального иерархизма, освобождения индивида от отношений и связей традиционно-аграрного общества, сковывающих его инициативу и предприимчивость. Важнейшей идеей протестантизма является идея духовной и социальной свободы. Просвещение отражает фазу формирования социально-политических институтов техногенного общества, необходимых для функционирования этого общества на его собственной основе: верховенства законодательной власти над исполнительной, развитого парламентаризма и др. Глав-

ный лозунг эпохи Просвещения – «политическое равенство». Марксизм отражает фазу промышленного переворота, ускоренного развития производительных сил, основанного на превращении сил природы в силы самого общества, необходимости на этой основе перераспределения национального дохода между всеми гражданами той или иной страны, необходимости контроля общества (через экономические и политические институты) за процессом производства во избежание экономических кризисов и социальных потрясений. Идейный призыв этого проекта – «социальное братство».

*Реформация, Просвещение и марксизм являлись проектами ранних этапов формирования и развития техногенного общества, когда требовалось убрать препятствия на пути его становления в виде централизованной церкви, сословного строя и абсолютной монархии, узкокорыстной буржуазии. Новый же проект модерны связан с углубляющимся кризисом техногенного общества и тем обстоятельством, что инерционно-экстенсивное развитие этого общества ставит на повестку дня само существование человечества на Земле. Размышляя о путях исторического развития человечества, один из создателей концепции ноосферы П. Тейяр де Шарден отмечал следующее: «Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество открываются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором *всех вместе* и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном об-новлении Земли» [1, с. 357].*

Литература и источники

1. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе / П. Тейяр де Шарден. – М., 2002.

СОЦИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ: ПРИОРИТЕТЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. А. Мякшило

Становление техногенного социума сопровождается ростом внимания к упорядочению различных форм общественных, человеко-машинных и человеко-природных отношений, обеспечению их управляемости. Упор делается на такой формат развития, в котором не подлежащие контролю, произвольные процессы и плановые действия социальных субъектов будут взаимно скомпенсированы. Именно такой принцип заложен в идеологию устойчивого развития и отражается в ее программных документах. К примеру, Национальная стратегия устойчивого соци-

ально-экономического развития Беларуси до 2030 года постулирует, что «для выхода на траекторию устойчивого развития каждой стране необходимо... реализовать определенные императивы и соблюдать критерии, обеспечивающие гармоничное развитие экономики, социальной сферы и окружающей среды в их взаимодействии» [1, с. 6].

Системное воплощение императивов и критериев социального развития подразумевает, что должен быть сформирован органон управленческой деятельности, который был бы: во-первых, достаточно универсальным для применения в различных сферах общественной жизни; во-вторых, компактным и доступным для понимания субъектами управления с различным уровнем методологической культуры; в-третьих, эвристичным для оценки и обоснования средств преодоления кризисов в социально-экономических отношениях, природопользовании, диалоге государств и культур, а также в сознании, мировоззрении и ценностях самих людей.

Отражением такого запроса служит интерес к потенциалу и путям технологизации общественной жизни. Под *социальной технологизацией* в самом общем смысле можно понимать процесс насыщения общественной жизни устойчивыми воспроизводимыми схемами взаимодействия и коммуникации различных субъектов, который уменьшает затраты на адаптацию к изменениям внешней среды и, соответственно, высвобождает ресурсы этих субъектов (интеллектуальные, материальные, структурно-организационные) для расширения сферы или повышения эффективности их деятельности.

Со структурной точки зрения социальная технологизация – это аспект глобальной динамики, связанный с формированием локальных упорядоченностей, более или менее воспроизводящих универсально-человеческие, цивилизационные, социально-модельные принципы развития. С функциональной точки зрения она предстает как действие систематизации и предельного перехода в обработке социального опыта, формирующего *нормы* деятельности. Порядок социальной технологизации подразумевает, во-первых, рационально-ценностное освоение наличных знаний и коммуникативного опыта (вывод из состояния «интуитивности» в ракурс «проблемности», а через это – в поле операционализации и планомерного использования). Во-вторых, постепенную достройку методологии социального действия до уровня стратегии (набора методик, ориентированных на различные состояния и конфигурации объектной среды критериев диагностики среды и выбора подходящей методики). В-третьих, создание условий для применения собственных интеллектуальных, организационных, мотивационных ресурсов личностей и сообществ.

На ранних этапах становления общества социальная технологизация охватила уровень удовлетворения базовых потребностей социума – материальное производство (ресурсное обеспечение жизнедеятельности) и военное дело (обеспечение безопасности, формирование идентичности

удовлетворение потребности в признании, славе). Но поскольку социальная технологизация в целом характеризуется выполнением стереотипных процедур, таких как разделение сложной деятельности на операции, распределение их между субъектами, установление норм обмена материалами и знаниями, выработка критериев контроля и т. п., открылось понимание, что модель технологизации можно применять для самых разных сфер – товарных отношений, образования, духовной жизни и культуры в целом. К сегодняшнему дню получили хождение понятия «социальных», «политических», «избирательных», «маркетинговых», «кадровых», даже «философских технологий».

Понятно, что в большинстве названных случаев слово «технология» используется более или менее метафорично. Однако несомненно и то, что социальная технологизация – отражение реальных сторон общественной динамики. В повседневной жизни все большее количество различных срезов социальной практики оказываются охвачены писаными и неписанными регламентами, формулируются требования к кодификации опыта социальных взаимодействий, а система образования из института широкой социализации перерастает в инструмент формирования специальных компетенций (к примеру, в режиме «образования через всю жизнь»). Фиксируя этот процесс, В. А. Лекторский, к примеру, говорит о трансформации всей организованности общества по критерию отношения к знанию: «Речь идет... о знании, на основе которого можно конструировать новые технологии и типы коллективных практик, т. е. существующего в интересубъективной форме» [2, с. 6].

Именно в условиях становления общества знаний говорить о формирующемся континууме *социотехнологической практики*. Последняя предстает как системное целое корреспондирующих или конкурирующих интересов, целей и ценностей различных социальных субъектов, направленных на получение выгоды от социальной технологизации в решении задач управления поведением и действиями социальных субъектов. Это может быть достигнуто на основе сочетания и синтеза социализованных – осмысленных в качестве действенной составляющей собственной жизни человека и общества – технологий материального производства с самостоятельно сложившимися регулярными элементами: поведенческими стереотипами, шаблонами, циклами, ритуалами, словесными формулами и т. п., – в деятельности личности, группы, общественного института. По формулировке С. Брусова, социотехнологическую практику можно рассматривать как обмен человеческими способностями и потребностями в пространстве отношений между материальным и духовным производством (см. [3, с. 14]).

Процессы, опосредуемые представлением о социотехнологической практике, связаны со стремлением определенным образом преобразовать и упорядочить тот аспект «социальной практики вообще», который связан с управлением поведением и действиями людей и сообществ. Нормирование

коммуникации, сотрудничества, установления рамок и оценочных критериев поведения, от этических норм до писаного права и профессиональных регламентов, – все это, с одной стороны, укладывается в представление о технологизации общественной жизни, а с другой, соответствует широкому определению *социального управления* как получения предсказуемых результатов от специальным образом организованных воздействий на разум, эмоции, волевую сферу индивидов и групп.

Одной из особенностей современного этапа социотехнологической практики является наличие особых критериев ее нормирования и оценки, связанных с функционированием как таковой техносреды. Впервые техника не просто воплощает в себе интенции человека по управлению средой своей жизни, но и сама диктует ему определенные модели поведения, этические и эстетические стандарты. Имеется как бы два ракурса технологизации: в первом она сопровождала человечество на протяжении большей части его истории и всего лишь особенно ярко проявилась в пространстве постиндустриального мира. Во втором – именно авторитарность техносреды в постиндустриальном обществе диктует ретроспективный взгляд на прежние этапы социокультурогенеза сквозь «технологическую» призму. В русле технологического воздействия меняется и понимание феномена человека как такового: он начинает рассматриваться «как социотехническая система... а тело и сознание человека как технологические объекты, которыми можно управлять, задавая определенную программу действий» [4, с. 200].

Говоря в этом контексте о новом измерении деятельности людей, необходимо учитывать опережающий рост тех ее видов, которые связаны с управлением нематериальными феноменами социомерного (информация, экономические активы и их производные) и личностномерного (знания, отношения, ценности) характера. Именно этот рост определяет новую композицию социально-профессиональных отношений, где, по словам П. Друкера, на первый план выходит различие «интеллектуалов» и «менеджеров», для которого характерно что «первые работают со словами и идеями, вторые – с людьми и их задачами» [5, р. 7]. Эффективность нового социотехнологического уклада во многом будет зависеть от того, насколько они смогут работать в партнерстве, а не в связке-противопоставлении, подобной традиционной паре «менеджеры – подчиненные». Это, в свою очередь, означает, что управления поведением и управления компетенциями все более дополняются и опосредуются новыми формами управления – управление ценностями, установками, отношениями.

Для адекватного понимания социотехнологической практики необходимо преодолеть ее редукционистские интерпретации. Прежде всего необходимо избегать *инструменталистской редукции*, в рамках которой имеется тенденция нечетко определять социальные технологии как способы решения задач социального управления. По сути, в таком случае технологией является любой способ мотивирования к поведению (в диа-

пазоне от грубой силы до формирования установок) либо анализа действий субъектов. Не менее непродуктивны *социально-организационная редукция*, в рамках которой понятие «социальной технологии» фактически отождествляется с представлением о способах действия социальных субъектов в определенном историческом и культурном контексте, и *эпистемическая редукция*, сводящая «технологию» к совокупности кодифицированных знаний о том, как общество решает задачи управления и самоуправления. Это создает предпосылки для смешения социотехнологической практики со сформулированным каноном социальной деятельности – тем, что можно было бы обозначить словом «социальная методология».

Параметризация форм социотехнологической практики, выявление их преемственности и эволюции дает возможность четче установить соответствие между традиционными формами методологического знания и способами их существования в среде, где формируются, сталкиваются и реализуются потребности, интересы, ценности, цели социальных акторов. Она призвана помочь нам увидеть, каким образом методология социального познания и стратегического планирования проецируется в плоскость социальной технологии, членится на отдельные техники и приемы социальной работы и снова интегрируется на новом уровне функционирования социотехносферы.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г16КАО/А-006 от 1 марта 2016 г.

Литература и источники

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2015. – № 4 (214). – С. 6–98.
2. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Сурмин, Ю. П. Теория социальных технологий: Учеб. пособие / Ю. П. Сурмин, Н. В. Туленков. – Киев: МАУП, 2004.
4. Жукова, Е. А. Высокие технологии под углом зрения экологии человека / Е. А. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 11. – С. 199–205.
5. Drucker, P. F. *Post-Capitalist Society* / P. F. Drucker. – Harper Information, 1993.

СИСТЕМА ИНФОКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ НООСФЕРЫ

С. С. Мишук

Возникновение и функционирование информационного общества, ядром которого является система инфокоммуникационных технологий, стало объективной реальностью XXI века. Исследованию этого процесса как необходимого и закономерного этапа эволюции как человеческого общества, так и планеты Земля в целом уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Между тем, использование имеющихся в науке подходов к изучению явлений подобного типа позволило бы глубже понять специфику текущего периода общепланетарной эволюции. Одной из теорий, формирующих методологическую основу анализа данных проблем, безусловно, является учение академика В. И. Вернадского о ноосфере.

На наш взгляд, информационно-коммуникационные технологии превратились на современном этапе в один из важнейших компонентов ноосферы как планетарной оболочки. Для корректного анализа их роли и значения именно в данном качестве необходимо зафиксировать, по крайней мере, две содержательные трактовки понятия «ноосфера» в трудах В. И. Вернадского. Во-первых, ноосфера рассматривалась им как определенный этап в планетарном развитии. Во-вторых, ноосфера понималась и как этап разумного преобразования среды, в которой живет человек.

В. И. Вернадский подчеркивал, что наличие сознания как необходимого компонента предметно-преобразовательной деятельности человека не означает автоматически, что данная деятельность осуществляется разумно в подлинном смысле слова. Активность человека может приводить и к нежелательным, даже опасным для него самого последствиям. Сам факт возникновения ноосферы подразумевает некоторый отрыв человека от процессов собственно земной эволюции. Именно на данном этапе человечество оказывается в состоянии преодолеть земное притяжение и покинуть пределы среды своего возникновения. Иными словами, человеческая деятельность превращается в фактор не только земной, но и космической эволюции. В подобных условиях значение именно разумности человека в самом широком смысле слова возрастает многократно. И в этом смысле ноосфера (именно как разумно устроенная сфера обитания человечества) должна пониматься в качестве цели будущего развития человечества. Данная цель может быть достигнута при условии понимании человека уже не как «чисто» планетарного, земного фактора, но и как силы, которая выходит за рамки отдельной планеты и в бесконечном времени становится значимой для всей Вселенной.

Раз возникнув, ноосфера начинает эволюционировать как самостоятельная система. Присущие ей законы с необходимостью приводят к появлению и последующему отбору таких механизмов, объективная потреб-

ность в которых возникает на определенном этапе развития. Причем наиболее значимые механизмы появляются чаще всего в тех структурных элементах ноосферы, которые являются сущностными для нее, то есть связанными, в первую очередь, с функционированием «разума и знания». Иными словами, ноосфера для обеспечения постоянного устойчивого функционирования вырабатывает внутренние механизмы саморегулирования и самосохранения.

Можно сделать вывод о том, что в рамках ноосферы, как реализация ее внутренних закономерностей, возникает компонент, объективно создающий возможность для организации управления в планетарном масштабе. Вместе с тем, для его полноценного функционирования также требуются соответствующие по масштабам и полномочиям механизмы управления. Постепенное вызревание в рамках ноосферы глобальных проблем достаточно быстро порождает (на основе реализации именно ей присущих внутренних законов) механизм, дающий возможность их разрешения. А сформировавшись, сам этот механизм в свою очередь требует соответствующих ему по возможностям глобальных инструментов, четко демонстрирует их объективную необходимость. Все это опять-таки стимулирует дальнейшее развитие процессов общепланетарной эволюции.

Можно сказать, что в настоящее время информационное общество как новый этап в развитии человечества вступило в очередную стадию – сформировалась система информационно-коммуникационных технологий как необходимый, «собственно познавательный и разумный» структурный компонент цивилизации. Они представляют собою глобальную по масштабам систему производства, обработки, хранения, передачи, распределения, обмена и потребления информации. И в ней постепенно начинают проявляться качества, не наблюдавшиеся у ранее создаваемых человечеством искусственных систем.

Без сформировавшихся на современном этапе информационно-коммуникационных технологий ноосфера не может функционировать целостно. Как сама ноосфера генетически следует из развития биосферы, так и сфера инфокоммуникационных технологий логически завершает формирование ноосферы. С их появлением компонент «ноос» («разум») окончательно формируется как структурный элемент ноосферы, как некая «нервная система» действительно всей человеческой цивилизации. Он начинает реально функционировать не только как совокупность «персонализированных разумов». Инфокоммуникационные технологии позволяют каждому индивиду независимо от места нахождения, времени, уровня образования и т. д. непосредственно, активно, в режиме реального времени включаться в общепланетарный мыслительный процесс.

Информационно-коммуникационные технологии являются, на наш взгляд, самым динамичным, эволюционирующим компонентом ноосферы. Закономерности, которыми ноосфера обладает, приводят к появлению но-

вых механизмов, необходимых для ее функционирования на определенном этапе. Наблюдаются процессы, во многом подобные эволюционному отбору в живой природе. Инфокоммуникационные технологии как «нервная система» ноосферы выступают, в первую очередь, активным регулятором протекающих трансформаций. Помимо этого, они выполняют функцию инициации соответствующих преобразований во всех сферах общества.

Таким образом, инфокоммуникационные технологии в современных условиях все более демонстрируют внутренне присущие им *системообразующие* свойства и активно распространяют их на остальные структурные компоненты жизни человеческого общества. На нынешнем этапе функционирования человеческой цивилизации система данных технологий уже перестает быть вспомогательной структурой (пусть и очень важной), обеспечивающей просто передачу информации внутри ноосферы. Информационно-коммуникационные технологии к началу XXI века достигли такого уровня развития, что сами начинают задавать параметры системной организации остальных компонентов цивилизации (экономической, социальной, политической, духовной). Происходит их трансформация в соответствии с теми нормами, процедурами и правилами построения, которые определяют инфокоммуникационной сферой.

СОЦИАЛИЗИРУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

В. А. Волков

Медиапространство в условиях развития электронных медиа выступает средой, в которой социализируется и проживает современный человек. Оно все больше интегрируется в окружающий мир через совокупность феноменов, которые некоторые исследователи называют виртуальной культурой. Однако более адекватным ее названием является медиакультура, т. к. именно в рамках этого концепта наиболее полно раскрывается весь спектр влияния на личность современных медиатехнологий. В этой связи целесообразно выделить доминантные процессы и явления, позволяющие говорить, что «социализация в медиапространстве – это процесс осваивания культурного опыта и норм при вхождении в социокультурную среду Интернета» [1]: это активное развитие медиакультуры; возрастание роли медиакультурных компетенций; медиатворчество.

На сегодняшний день существует достаточно широкий спектр трактовок понятия «медиакультура». Рефлексия медиакультуры основывается на утверждении, что она «является доминирующей культурой информационного общества и реализуется через деятельность традиционных и электронных средств массовой информации, которые воспроизводят социокультурную картину мира с помощью словесных, звуковых и визуальных образов»

[2, с. 216]. Так же очевидно, что среда бытования медиакультуры не ограничивается лишь спектром утилитарных потребностей, а простирается к определению содержания цивилизационного развития общества. Поэтому рефлексия медиакультуры одновременно является процессом постижения личности и социума в их ценностно-творческой деятельности. В качестве примеров культурных трансформаций под влиянием медиа можно выделить стирание пространственных, временных и социальных барьеров; появление принципиально новых областей культурной деятельности, связанных с созданием электронных версий банков памяти или с различными направлениями новых синкретических форм художественного творчества.

Отличительным социализирующим качеством медиaprостранства является его способность не только создавать с помощью медиатехнологий продукт, но и влиять на человека, пользующегося им, меняя представления о самом себе и окружающем мире. Эту антропологическую функцию электронная медиакультура способна выполнять потому, что в цифровом продукте, как в зеркале, она распознает элементы собственной интеллектуальной деятельности. Это особенно характерно для таких ее составляющих, как «виртуальная реальность» и функционирование Интернета как глобальной компьютерной сети.

Освоение норм, ценностей медиакультуры и ее артефактов определяет многообразие сюжетов ориентирования индивида, актуализируя генерацию ценностей и установок, формируя смысловое поле индивидуального бытия, выступая фактором самосозидания личности. Вхождение в медиакультуру «выступает и практикой, и условием адекватного освоения проблемного поля человеческого существования» [3, с. 26].

В качестве негативных проявлений медиакультуры некоторые исследователи акцентируют внимание на процессе фрагментации целостной, системной картины мира индивида, выстроенной по определенным канонам. Так Г. Дебор отмечает, что в насыщенном медиасредствами жизненном пространстве данные средства функционально заменяют самого человека: особенно остро это проявляется в сфере интеллектуальной деятельности. Взвешенным ответом, по мнению мыслителя, является гуманизация современной медиакультуры, насыщение ее человекоориентированными установками [4, с. 89].

Эффективный процесс изучения медиакультуры базируется на формировании медиакультурной компетентности, которая выступает в роли ключевого элемента, предоставляющего возможность устанавливать новые коммуникативные каналы и реализовывать межкультурное взаимодействие. Перманентные процессы медиатизации и виртуализации, протекающие в культурной среде, ведут к обогащению социокультурного опыта, но вместе с тем, выводят на новый план вопросы формирования личности индивида, его самореализации в контексте данных изменений, способности свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму повсе-

двухдневных знаний и регуляторов поведения, вербальных и невербальных языков коммуникации, систему общепринятых символов, мировоззренческих основ, идеологических и ценностных ориентаций, непосредственных оценок и т. д. [5, с. 241]. Это актуализирует проблему медиаобразования, которое адаптирует образовательную деятельность к новым измерениям медиапространства: коммуникативным, социализирующим, инкультурационным.

Ярким примером социализации индивида в медиапространстве может стать явление медиаторчества. «Медиаторчество в процессе коммуникации является одной из основных категорий медиапространства и отражает способность человека к информационному мышлению и самовыражению в условиях массовой коммуникации» [6, с. 323]. Интернет здесь выступает ключевым каналом культуротворчества, связанного с комплексным медиакультурным феноменом, поддерживая его распространение и популярность как продукта. Социальные сети, фан-клубы предусматривают постоянное общение в режиме «online», стимулируя личность к медиаторчеству. Примером этого может стать продукция «fun-art», а также искусства, связанного с творческой самореализацией пользователей пользователями медиапространства.

Социализирующая функция медиапространства проявляется в том, что под его влиянием у людей формируются определенные консолидирующие нормы, адаптирующие их к жизни в социуме и определенной субкультуре. Важной характеристикой медиапространства является его релаксационная функция, которая обеспечивает человеку отдых, удовольствие, развлечение.

Таким образом, рефлексия социализации человека в культурном поле медиапространства центрируется на электронной медиакulturе. Это содержательный аспект медиапространства, который определяет факторы становления и жизни человека в условиях информационного общества. Социализация индивида в медиапространстве определяется единством трех элементов: развитием и постижением медиакulturе, стимулируемым медиаторчеством, непрерывным развитием медиакомпетентности не только пользователей медиапространства, но и специалистов, занятых в области медиаобразования.

Литература и источники

1. Лучинкина, А. И. Модель интернет-социализации личности А. И. Лучинкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1410699460>. – Дата доступа: 10.03.2016.
2. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человек / М. Маклюэн. – М., 2007.
3. Возчиков, В. А. Философия образования и медиакultura информационного общества: автореф. дисс. ... д-ра философских наук: 09.00.11 / В. А. Возчиков Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб, 2007.

4. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М., 1999.
5. Флиер, А.Я. Культурная компетентность / А. Я. Флиер // Культурология для культурологов: учеб. пособие. – М., 2000. – С. 231–256.
6. Кириллова, Н. Б. Медиакультура. Теория, история, практика: учеб. пособие / Н. Б. Кириллова. – М., 2008.

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОСТИ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО

О. В. Курницкий

В современном философском знании применение термина «виртуальный» становится все более привычным. Чаще всего сегодня его значение сводится к видению погружения человека в симуляцию, искусственную среду или знаковую систему. К виртуальному можно относить телевидение, Интернет, СМИ, компьютерные игры, мобильные телефоны, симуляторы-тренажеры, удаленную работу, биткоины (электронные деньги) и т. д. Существует довольно широкая традиция исследований, которая в рамках философского видения изучает «виртуальное» и все, что с ним взаимосвязано как технологичное, компьютерное, созданное исключительно информационно-технологическим рывком конца XX – начала XXI столетий. В основе своей этот взгляд указывает только на изменение, интенсификацию, отдельные особенности в явлениях глобализации и информатизации.

Непосредственный рост интереса к спектру феноменов «виртуального» начал проявляться в 80-е гг. XX века в связи с популяризацией работ Ж. Бодриера [1] и Ж.-Ф. Лиотара [2]. Можно смело утверждать, что эти исследователи первыми поставили в практической плоскости вопрос о влиянии электронных средств коммуникации на взаимоотношения людей и состояние социальной реальности как таковой; объединив различные методологические подходы, они сконструировали основу для традиции значительно более глубинного осмысления пласта «виртуального» в виде его прикладного социально-философского аспекта. Виртуальность начали осмыслять не с точки зрения самих фактов симуляции и перенесения социальных значений в иные реальности (телевидение, игры, реклама, Интернет, социальные сети), а с точки зрения того, как эти процессы повседневную жизнь индивида, а следом за этим и материальность мира.

По мнению М. Вебера, повседневность в любом социуме представляет собой единственную «ложную, гнетущую, выхолощенную» реальность, которая является основой жизненного мира человека [3, с. 325]. Она, согласно А. Шюцу, является «верховой реальностью», так как имеет «монополию относительно материальности». Именно в ней индивид чувствует себя максимально привычно и часто позволяет себе вы-

полнять социальные действия, не задумываясь. И уже в рамках повседневности как «верховой реальности» формируется множество иных миров индивида, которые до выхода в повседневность существуют в его сознании и бытии потенциально, нематериально (по сути – виртуально): мир сна, мир научного теоретизирования, мир семейной жизни, мир религии, мир общения с другими или даже мир безумия. Каждый из этих миров отвечает за определенную структуру в нашем повседневном бытии в целом, очерчивая таким образом «конечную область смысла» – границы, за которые он отвечает и в которых делает социальное социальным. закладывает порядки интеракций [4]. Повседневность позволяет объединить, сконструировать единое социальное пространство, что впитывает в себя весь ранее существующий опыт индивидов, все виды коммуникаций, практик, интеракций, порядков, норм, что существуют в социуме и создают его неповторимую специфику. Ярко отразил это в своей фундаментальной работе «Различение» П. Бурдьё, показав особенности метаконструкта «французский социум» через ряд ключевых тенденций, что неосмысленно, автоматически конструировались в повседневности французского общества того времени: особенности речи и произношения, предпочтений в еде, проведении досуга, образовании, спорте и т. д. [5].

Какова роль виртуального в повседневном сегодня? Если, например, в античном социуме виртуальной реальностью, неотделимой от повседневности человека, выступал миф, то виртуальность XXI века в разь превышает его возможности. Как феномен, тотально пронизывающий структуру повседневности с существующими в ней областями значений она дает начало новым или в корне изменяет старые порядки интеракций в абсолютно всех структурах социального, на которые и опирается индивид в своем повседневном бытии. Виртуальность все больше входит в «объектность», материальность мира социального. Телефон, компьютер выступают всего лишь материальным «узлом» виртуальной коммуникативной сети, вершиной айсберга [6]. В качестве примеров можно привести широкий спектр явлений: возникновение сервиса такси «Uber», рассылку преподавателем конспектов на электронные почтовые ящики студентов, реализацию системы электронных закупок в правительстве, проведение собеседований через Интернет, деятельность электронных бирж сырья в Европе и т. д. Все эти явления виртуального в корне меняют повседневность целых социальных групп индивидов, определяют уровень их включенности в социум.

Литература и источники

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М., 2015.
2. Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна / Ж. Ф. Лиотар. – М., 1998.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.

4. Шюц, А. О множественности реальностей / А. Шюц // Социологическое обозрение. – 2003. – № 2. – С. 3–34.
5. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё; пер. с фр. О. И. Кирчик. – М., 2004.
6. Латур, Б. Надежды конструктивизма / Б. Латур; пер. с англ. О. Столяровой // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. С. Вахшпайна. – М., 2006. – С. 365–390.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЛОВУШКИ В МИРЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

С. О. Гапанович

В современных условиях проблемы стремительного развития информационного пространства приобретают все большую актуальность. Существует ли предел информационной нагрузки на человеческое сознание и мышление? Каким именно образом осуществляется «давление информации» на человеческое вообще и, что особенно важно, именно на детское сознание? [1].

На первый вопрос можно уверенно дать утвердительный ответ – да, существует. Достижение этого предела, как было показано еще в прошлом веке, приводит к формированию невротических состояний [2], на массовый рост которых и указывает современная медицинская статистика.

Ответ на второй вопрос требует обращения к биологическим основам человеческого поведения. В рассуждениях о роли информационной среды в жизни социума информация рассматривается как искусственное явление, что не вполне верно. С позиций биологии информационный обмен существует на любом уровне биосферы, а человечество – лишь часть биосферы, хотя и совершенно особенная часть, для которой этот обмен имеет совершенно особенное значение. С точки зрения психологии под информационной средой общества вполне можно понимать «сферу жизни людей, связанную с созданием, преобразованием и потреблением информации», при этом «информационная среда, являясь *частью рукотворной реальности*, детерминирует условия информационного существования человека» [3]. Следует уточнить, что «нерукотворная» реальность также является источником информации, причем для получения и усвоения информации именно в естественной среде обитания эволюционно приспособлены наши органы чувств и мозг. Способность человека усваивать и использовать информацию, полученную из внешней по отношению к организму среды (пространства), опосредована эволюционно закрепленными в генетике, в поведении, в культуре, стереотипами и навыками.

Эти поведенческие стереотипы (иногда говорят об инстинктах)

обуславливают в конечном счете не только возможности усвоения информации, но и (в том, что касается искусственных потоков информации «в рукотворной реальности») способы подачи информации, ее интенсивность и т. п. Без обращения к биологическим основам поведения человека невозможно понять причины, по которым информационные технологии приобрели в жизни современного общества столь важное значение.

И в тех случаях, когда человек сам, сознательно и активно, разыскивает какие-то сведения, и в тех, когда он становится жертвой манипулятивного воздействия, и когда речь идет о болезненном пристрастии (Интернет-зависимости), речь идет об информационном воздействии на человеческую психику, которое обуславливается интегративным комплексом поведенческих реакций, так называемой «поисковой активностью». Именно поисковую активность следует считать основой поведения человека, тем самым «основным инстинктом», который действительно направляет человеческое внимание.

На повседневном, обыденном уровне поисковая активность соответствует таким формам человеческого поведения, как любознательность, любопытство (у животных имеются эволюционно соответствующие программы поведения, ориентировочный рефлекс и т. д.). Эта форма поведения является важнейшим фактором адаптации к условиям окружающей среды, показателем физического и душевного здоровья, а также движущей силой саморазвития человека [4]. Стремление к поиску новых впечатлений заложено в самые основы человеческого поведения, а мелькание цветных картинок на экране перед глазами зрителя (или «юзера») имитирует такой поиск. В былые годы телевидение, а в наше время Интернет и компьютерные игры становятся своеобразным суррогатом поисковой активности, на подсознательном уровне замещающая ее. Тем самым достигается получение положительных эмоций, которые получают закрепление как привычный и нетрудный путь к получению необязательно осознаваемого удовольствия, постепенно формируя зависимость. По всей вероятности, именно таким является механизм образования «Интернет-зависимости», «информационной наркомании» и прочих подобных психологических состояний и девиаций поведения.

Перенасыщение сознания готовыми образами сначала способствует формированию «экранной зависимости», а затем провоцирует утрату способности самостоятельно генерировать образы, в конечном счете отучает от самостоятельной интерпретации событий, их оценки и мировидения [1]. Особенно опасны подобные воздействия на еще не сформировавшуюся детскую личность. Отсутствие необходимости в собственных усилиях для получения эмоций ведет к формированию «социальных аутистов», атрофирует волевые качества (часто при наличии упрямства и энергетике) и всю сферу, связанную с самосознанием. С учетом того, что главным критерием разума как такового является именно способность к сознательному целеполаганию, в перспективе вырисовывается вопрос о

самом сохранении разумности человека в ее привычной для нас интерпретации [5]. В подростковом возрасте происходит формирование «психологического паттерна» личности, взросление и социализация, которая традиционно обеспечивалась общественными институтами: семьей и системы образования. Однако в современном социуме роль общественных институтов начинают играть средства массовой коммуникации, все более усиливая влияние на мировоззрение, формируя определенные установки и, более того, программируя подростка на определенные поступки [6].

К сожалению, негативное влияние информационных технологий на подрастающее поколение не ограничивается рамками психологических воздействий. В раннем детском возрасте привычка сосредоточенно наблюдать за движением картинок на экране (расположенном на фиксированном расстоянии, то есть в руках) вдобавок к двигательной депривации отнюдь не способствует формированию зрительно-моторной координации, являющейся важнейшим этапом психофизического развития ребенка.

Кроме этого, еще в докомпьютерную эпоху было отмечено, что лишение ребенка «живого» общения со сверстниками в детстве связано с искажением процесса гендерной социализации и нарушениям впоследствии в сфере полового поведения. Детство, проведенное за компьютером в условиях современной мегаурбанизации, способствует появлению подобных нарушений. С одной стороны, можно констатировать, что современный мир подвергся глобальной тинейджеризации, в которой юношеские ценности вышли на передний план [7]. С другой, подобное явление указывает на своеобразную «неспособность повзрослеть» у целого поколения. Согласно мнению ряда педагогов, дети и подростки должны быть полностью исключены из компьютерного поля до тех пор, пока наша цивилизация морально не созреет для того, чтобы ее дети с пеленок понимали пагубность некоторых действий, а взрослые – аморализм наживы на детской незрелости. Звучат даже такие оценки, что компьютеризацию школы вообще можно считать преступлением [8].

Предварительным итогом настойчиво декларируемого перехода к «информационному обществу» и связанному с этим экспоненциальному увеличению объема передаваемой информации можно считать появление информационной экологии и термина «информационное загрязнение». Социальные последствия информационного загрязнения вполне сопоставимы с негативными последствиями химических и прочих видов загрязнений среды обитания человека, оказывая существенное влияние на его физическое и психическое здоровье [3]. Вряд ли можно рассчитывать, что столь серьезные изменения информационной среды обитания не приведут соответственно к не менее серьезным изменениям эволюционно выработанных программ поведения, и что подобные изменения не получат закрепления на генетическом уровне. «Развоплощение плоти», особенно заметное сейчас на фоне массового вторжения в жизнь коммуни-

кационных средств, стало своеобразным показателем перехода человеческой цивилизации в состояние, определяемое столь характерной для нашего времени приставкой «пост-»: постмодерн, постиндустриальное общество, постчеловечество...» [9]. Остается лишь продолжить этот ряд – *Homo postsapiens*.

Злободневность вопросов, связанных с развитием информационных технологий, лишь усиливается день ото дня, а от нашей способности найти ответы на них зависит будущее цивилизации. Именно с целью сохранения шансов на счастливое будущее следует не «демонизировать» информационные технологии, а пытаться разработать более разумные методы их использования.

Литература и источники

1. Тарасова, О. И. Электронное детство и феномен интернет зависимости / О. И. Тарасова // Типэйджеры в пространстве гуманитарных технологий: сб. науч. тр. – СПб., 2015. – С. 127–132.
2. Ханалашвили, М. М. Информационные неврозы / М. М. Ханалашвили. – Л., 1978.
3. Дружилов, С. А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности / С. А. Дружилов // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 4. – С. 89–92.
4. Ротенберг, В. С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг В. В. Аршавский. – М., 1984.
5. Делягин, М. Чего мы не знаем? / М. Делягин // Свободная мысль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svoin.info/entry/526-chego-my-ne-znaem>. - Дата доступа: 01.07.2016.
6. Кувшинова, Б. С. Манипуляция сознанием подростка при помощи рекламы и ее профилактика / Б. С. Кувшинова // Территория детства: образовательные практики и манипулятивные технологии: сб. тр. / под общ. ред. К. В. Султанова. – СПб., 2015. – С. 92–96.
7. Сунягин, Г. Ф. Гендерный проект становления и эволюции «человека разумного» / Г. Ф. Сунягин // Типэйджеры в пространстве гуманитарных технологий: сб. тр. – СПб., 2015. – С. 265–276.
8. Кирвель, Ч. С. Компьютеризация образования: проблемы и противоречия / Ч. С. Кирвель, В. С. Стрельченко, Ю. В. Балахонская // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3. – С. 197–203.
9. Иванов, С. Г. Идеиные и философские корни постмодерна / С. Г. Иванов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 116–125.
10. Кирвель, Ч. С. Идея духовно-экологической цивилизации как территории антропологической перспективы / Ч. С. Кирвель, В. И. Стрельченко // Инновационно-креативная аксиосфера и стратегии образования: сб. науч. тр. / под общ. ред. К. В. Султанова. – СПб., 2015. – С. 23–31.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СПОСОБОВ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В. Н. Яхно

Достижения современного общества невозможно представить без развития информационных технологий. Использование любой новой технологической формы приводит к видоизменению системы взаимоотношений «человек – техника», «человек – человек», а главное – меняется сам человек. Одним из первых серьезное внимание развитию «средств общения» и оценке возможных форм их влияния на человека уделил канадский философ М. Маклюэн. Он утверждал, что все новые технологии являются продолжением человеческого тела, его органов и должны пониматься как умножение способностей, как «внешнее расширение человека». Новые средства информации и связи, будучи «технологическим» продолжением человеческих органов чувств, радикально меняют жизненный стиль, «сенсорный баланс», ценности и общественную организацию людей. Так, «с телефоном появляется расширение уха и голоса, то есть своего рода экстрасенсорное восприятие... Телефон – это неотразимый агрессор во времени и пространстве» [1, с. 302-309].

Действительно, телефон – один из самых распространенных и одновременно высокотехнологичных объектов современности. Человек связан с ним широким спектром отношений: от глубокой зависимости, восторженного восхищения до ненависти и страха возможной потери. Стационарный телефон был изобретен еще в XIX веке, но долгое время был доступен лишь немногим. Прежде, чтобы позвонить, человеку необходимо было найти телефон, возможно, выйти на улицу и воспользоваться телефоном-автоматом. Следовало помнить номер абонента наизусть или носить с собой телефонную книжку и, конечно, иметь в наличии монету для оплаты звонка. Общение по телефону требовало от человека соблюдения правил этикета: считалось неприличным звонить слишком рано или поздно, далеко не все допустимо было говорить собеседнику по телефону, если была возможна встреча и прямой диалог. Человек и в телефонном разговоре оставался субъектом общения, а не просто абонентом. Телефон действительно был технологическим достижением, которое расширяло коммуникативные возможности советских людей, а популярность и ценность этого «чуда техники» отражалась в песнях, фильмах, литературе.

Результатом развития массовых современных электронных технологий стал мобильный телефон. Возможности общения, ведения диалога по мобильной связи в отличие от стационарной характеризуется современным итальянским философом М. Феррарисом в духе М. Хайдеггера: «бытие-к-телефону» для стационарного варианта и, соответственно, «бы-

тике-к-мобильному» для сотового телефона [2, с. 29]. С помощью мобильного телефона современный человек может не только разговаривать, как и в прошлые века, но и писать, конструировать, регистрировать, фотографировать и многое другое. «Мобильник» может быть миникомпьютером, превращаться в кредитную карту, музыкальный проигрыватель, будильник, записную книжку, личный дневник, калькулятор и др. В США в 2004 году был проведен ежегодный телефонный опрос в рамках программы по популяризации технических изобретений Lemelson-MIT Program: исследование должно было определить отношение американцев к новым технологиям. Главный вопрос был следующий: какое изобретение вы ненавидите, но не можете без него жить? Таким изобретением оказался сотовый телефон. Он опередил телевизор, будильник и все прочие. Среди основных аргументов против мобильных телефонов респонденты называли раздражение от ощущения привязанности к трубке, от того, что их всегда могут «достать», а потому владельцы оказываются «на коротком поводке» [3, с. 87].

Действительно, мобильная связь делает человека «предельно доступным»: он всегда «на связи». Сама идея мобильного телефона состоит в обеспечении непрерывной возможности доступа к связи абонентов вне зависимости от местоположения. В желании не допустить ситуации «вне зоны доступа» возникают новые сервисы, призванные обеспечить невозможность выхода абонента из «покрытия» сетью связи. Даже выключение телефона перестало спасать нас от звонков с тех пор как была введена услуга оповещения о поступивших звонках в период, когда телефон не работал. Ситуация, в рамках которой человек мог не перезвонить и не испытывать при этом тревоги, не оправдываться, в настоящее время практически невозможна.

Прежде основу всякого человеческого сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы. Характерной особенностью последнего столетия является ослабление этой привязанности и переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. Этот принцип построения сообществ М. Кастельс называет сетевым индивидуализмом, «персонализируемым сообществом». В результате, убежден М. Кастельс, формируется новая среда жизнетворчества, в которой меняется смысл пространства и времени. В теории сетевого общества все становится сообщением или потоком сообщений: политические события, новости культуры, личная жизнь. И сами средства передачи информации в рамках сообщения претерпели серьезную трансформацию. Так, язык телефонного сообщения – это измененная стилистика изложения информации. Набор текста осуществляется в режиме реального времени, без редактирования, естественно, появляются опечатки. Со временем они закрепляются в обиходе «электронного» языка как общепринятые. В электронном письме заметно тенденция к аббревиатурам, транскрибированию и сокращению наиболее употребляемых слов и выражений. В рус-

скоязычном электронном письме происходит адаптация иностранных слов и выражений, например, «спам», «ЖЖ», «трафик», «респект» и др. Определенная часть этих слов уже не является сленгом, а приобрела официальный статус. Новыми элементами коммуникации стали «смайлики» и другие графические изображения. Как результат: практически разрушен древнейший пласт человеческой культуры – эпистолярный жанр.

Важным элементом коммуникации стали фотосообщения. Вообще любовь фотографироваться (для селфи даже была изобретено специальное устройство-держатель), по мнению многих исследователей, превращает современных людей в видеоманов, впитывающих любую визуальную информацию. «Видеомания порождает феномен социального вуайеризма, который можно понимать, как любое желание видеть "тыльную сторону" событий, знать то, что другие хотели бы скрыть от посторонних глаз. На социальном уровне вуайеризм проявляется как желание знать как можно больше о личной жизни известных людей, в интересе к непубличным фотографиям "звезд" политики, спорта, искусства. Кроме того, социальный вуайеризм тесно связан с явлением социального эксгибиционизма, проявляющегося в стремлении современного человека привлекать к себе взгляды других людей, быть на виду у всех [4, с. 66]. Отсюда постоянный обмен фотосообщениями и ожидание «лайков».

Современная мобильная связь предлагает выход в Интернет, игры, GPS-навигацию, электронную библиотеку, возможность заказывать товары и производить оплату, получить данные о пополнении счета и многое другое. Все это приводит как к изменению отношения человека к реальности, так и к изменению самого человека. Сверхвозможности мобильного телефона дают человеку свободу от ограниченности в пространстве времени, но порождают несвободы другого уровня. Человек развивается в направлении дальнейшей рационализации, прагматизации, ослабления связей с другими людьми, семьей, реальным окружением, но при этом укрепляет виртуальные контакты, погружение в мир собственных интересов. Если в эпоху индустриализма можно было говорить о том, что человек стал продолжением машины, то в век информатизации можно уверенно констатировать, что он становится продолжением или частью своего миникомпьютера.

Литература и источники

1. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: Внешнее расширение человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – М., 2014.
2. Феррарис, М. Ты где? Онтология мобильного телефона / М. Феррарис; пер. с ит. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. – М., 2010.
3. Емелин, В. А. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека / В. А. Емелин, А. П. Тихостов // Вопросы философии. – 2010. – №5. – С. 84–90.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСРЕДНИКИ В РАБОТАХ П. ВЕРБИКА

М. А. Дедюлина

Технология пронизывает почти каждый аспект нашей повседневной жизни. К примеру, автомобили позволяют нам путешествовать на большие расстояния, мобильные телефоны помогают нам общаться, медицинские приборы позволяют обнаружить и вылечить болезни. Но эти вспомогательные средства для существования – не просто нейтральные инструменты: они дают осмысленность тому, что мы делаем и как мы воспринимаем мир.

Исследования современного нидерландского философа П. Вербика посвящены проблеме человеко-компьютерного взаимодействия. В своих работах он опирается на постфеноменологические идеи, которые сочетают в себе традиции феноменологии и американского прагматизма. Исследователем они применяются к изучению пользовательского отношения к технологиям. Основная идея теории посредничества П. Вербика заключается в том, что технологии следует понимать не только как функциональные инструменты, но и в качестве активных посредников в отношениях.

П. Вербик утверждает, что сегодня, вполне возможно, исследовать посредническую роль технологий в человеческой практике. По его мнению, «посредническая роль технологии является не только результатом деятельности дизайнеров и проектировщиков, которые создают сценарии или делегируют обязанности, но также зависит от пользователей, которые используют технологии, а также от технологий, которые могут вызвать эмерджентные формы посредничества» [3, с. 371–372]. Это можно назвать «технологической интенциональностью». Следует, в частности, обратить внимание на те технологии, которые воздействуют на наше восприятие реальности или прямо формируют его. В качестве таковых В. Фогг исследует «убедительные технологии» в следующих из разных видностях: редуционные технологии, туннельные технологии, технологии предложения (нужны для напоминания пользователям выполнять те или иные действия), технологии самоконтроля, технологии видеонаблюдения, технологии вознаграждения [2] [3]. К примеру, «лежачий полицейский» вынуждает водителя сбросить скорость. Определенные дорожные конструкции вынуждают автомобилиста двигаться с определенной скоростью в определенных местах. А, к примеру, технологи: «FoodPhone», информируя пользователя о полезности и калорийности тех или иных продуктов, предлагает ему быть более разборчивым в своих

предпочтениях в еде.

В связи с распространением технологий такого рода П. Вербик полагает важным изучить моральное измерение технологий: этические дилеммы и нравственные вопросы, связанные с взаимодействием человека и техники. Так, «убедительные технологии» могут принудить пользователя совершать действия и поступки, не оправданные морально. Кроме того, сама практика технологического убеждения поднимает важные этические вопросы, связанные с угрозой человеческой автономии, риском моральной лени, ростом антидемократических установок в обществе.

Литература и источники

1. Verbeek, P. P. *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things* / P. P. Verbeek. – Chicago, IL; London, UK: University of Chicago Press, 2011.
2. Дедюлина, М. А. Убедительные технологии: философское осмысление // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/12/8395>. – Дата доступа: 12.11.2015.
3. Fogg, B. J. *Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do* / B. J. Fogg. – Morgan Kaufmann Publishers, 2003.

TOLERANȚA CA PRINCIPIU AL ACTIVITĂȚII MEDIATICE

Mădălina Manolescu-Criciu

Dialogul social constituie o punte de legătură între timpuri și națiuni, religii și puncte de vedere opuse, este cultura recunoașterii și înțelegerii omului de către om, este procesul de realizare păcii și reconcilierii. Realizarea dialogului este posibilă doar în cazul în care actorii sociali demonstrează disponibilitatea de a coopera pe anumite subiecte contradictorii, precum și o anumită atitudine constructivă unul față de altul. Această condiție impune o abordare tolerantă, pe de o parte, a subiectelor luate în discuție, iar, pe de altă parte, a părților implicate în dialog. Principiul toleranței este, astfel, unicul capabil să asigure evoluția pozitivă a dialogului. Toleranța însă nu este o caracteristică înăscută a indivizilor, ea se dobândește la fel, precum oricare altă abilitate socială. Toleranța nu este o calitate intrinsecă, ci una pe care indivizii o dobândesc prin educație, cultură și, mai ales, prin antrenament. Este adevărat, acceptarea unui alt punct de vedere nu presupune neapărat și acordul total cu viziunea expusă sau împărtășită de interlocutor. Ar fi, mai degrabă, «recunoașterea faptului că, odată ce punctul de vedere a fost enunțat, el există și nu poate fi ignorat. Altfel, discuțiile n-ar conduce niciodată la vre-un rezultat echitabil» [1, p. 19].

Propagarea principiului toleranței active este una dintre misiunile fun-

damentale ale mass-mediei din perspectiva funcției de mediere socială. Or, un public instruit este capabil să evalueze obiectiv, dar, totodată, tolerant atât realitatea lor, cât și realitățile altor comunități sau grupuri sociale care coexistă într-un anumit mediu comun. Un public bine instruit din acest punct de vedere este unul activ și responsabil, care nu doar critică, ci și se implică în soluționarea problemelor. Instruirea mediatică în vederea cultivării la cititori ascultători, telespectatori a principiului toleranței se poate realiza atât prin intermediul problematicii abordate în presă (subiectele puse în circuitul informațional), cât și prin forma de expresie și unghiul de abordare a acestor subiecte. Important, în această ordine de idei, este ca însăși presa să demonstreze toleranță în procesul de reflectare a realității sociale. Este vorba despre un tip de abordare mediatică care ar garanta, pe de o parte, continuitatea proceselor democratice și ar promova valorile democratice deja existente, iar, pe de altă parte, ar orienta societatea să fie deschisă pentru altele noi. Ea este concepută pentru a asigura interdependența dintre diferiți indivizi sociali și pentru a pune în aplicare principiile de proiectare și de construire a dialogului social. Dificultatea asigurării interacțiunii sociale derivă din viziunile foarte diferite ale subiecților acțiunii sociale în raport cu una și aceeași problemă și din înțelegerea diferită a lucrurilor, în acest context, a rolului și a esenței dialogului social.

Esența dialogului rezidă în identificarea punctelor de vedere, mai mult sau mai puțin comune, a compromisului rezonabil în scopul menținerii armoniei sociale prin respectul pentru diferitele viziuni, credințe și abordări. Participanții la dialog social pot ajunge la un numitor comun și pot identifica singur soluție corectă a problemei, în cazul în care dialogul se construiește pe principii democratice, iar actul comunicațional – pe caracteristici universale, sensul cărora rezidă în:

- transparența actului comunicațional, care presupune dreptul participanților de a fi la curent cu toate punctele de vedere, opiniile și obiectivele oponenților și posibilitatea de a confrunța aceste opinii în mod constructiv și de a-și apăra și promova propriile poziții și puncte de vedere;

- integritatea și dezvoltarea durabilă a actului comunicațional, care determină gradul de aprofundare și de extindere a dialogului în baza toleranței fapt care completează conținutul și sensul acțiunilor de comunicare și asigură evoluția dialogului social;

- conceptul de interacțiune, care asigură gradul de interconectare și de interdependență a participanților la dialog în vederea sporirii capacității de interacțiune productivă în procesul dialogului, dezvoltării gândirii independente și abilității de a auzi oponenții antrenanți în polemică – condiții care eficientizează interacțiunea dialogică;

- abordarea constructivă a problemelor și conflictelor, care fac obiectul dialogului social. Acest criteriu dialogic poate fi pus în aplicare prin cooperarea creativă a actorilor implicați în dezbateri și este o oportunitate de a stabili un parteneriat care ar genera, inițial, schimbarea percepțiilor participanților și

unghiului prin care ei abordează dialogul ca modalitate de soluționare a conflictelor și, ulterior, ar conduce la schimbarea mentalității și comportamentelor lor sociale.

– toleranța, care se manifestă prin recunoașterea de către indivizii sociali a punctelor de vedere și a drepturilor altor indivizi. Toleranța presupune capacitatea de a privi problema și de a aborda-o și din punctul de vedere al oponenților; de a înțelege și de a accepta viziuni diferite, de a proiecta un parteneriat în vederea identificării unor soluții comune. Toleranța, în acest context, contribuie la autoinstruirea și autoprogramarea actorilor pe unda pozitivismului, optimismului și creativității dialogice, ceea ce, într-un final, poate duce la colaborarea spirituală a acestora;

– eficiența actului comunicațional, care rezidă în calitatea înaltă a rezultatelor acestuia. Această caracteristică se manifestă în capacitatea de a soluționa competent problemele și conflictele sociale, în abilitatea de a înțelege și de a accepta importanța și necesitatea acestora pentru diverse categorii sociale și în eforturile de a aborda aceste probleme prin prisma intereselor și necesităților sociale anume a acestor categorii.

De observat, că toleranța este tratată, în acest context, și ca element constitutiv al caracteristicilor actului comunicațional, dar și ca o caracteristică autonomă, ireversibilă a acestuia. Nu este vorba de o eroare sau de o confuzie, ci de o abordare conștientă și intenționată. Această abordare se datorează rolului și locului fenomenului toleranței în proiectarea, organizarea, gestionarea și eficientizarea rezultatelor dialogului social. Prin urmare, ea este una dintre condițiile de principiu pentru realizarea unui dialog social constructiv și de calitate.

În acest context, impactul discursului mediatic va putea fi unul eficient doar atunci când «autorul lui va conștientiza profund complexitatea materialului pe care-l supune analizei și reflectării, contribuind în mod real la adevărata «înduhovnicire a cadrului general la comunicării modern» [2]. Astfel, toleranța nu este nici concesie, nici condescendență sau indulgență, nici o simplă obligațiune de ordin etic, ci, mai degrabă este o necesitate, presupunând responsabilitate socială.

Mass-media este mijlocul cel mai eficient pentru a educa toleranța la cetățeni și pentru a preveni intoleranța. Cultivarea toleranței rezidă fortificarea rolului instituțiilor de informare în masă în cadrul lansării în circuit informației cu privire la drepturile și libertățile omului, așa încât fiecare persoană din societate să le cunoască și să poată să și le apere, dacă e cazul. Totodată, instruirea mediatică implică acțiunea de explicare a importanței respectării drepturilor și libertăților altor cetățeni, or doar o asemenea abordare poate contribui la contracararea influențelor care, de obicei, generează frica, gândirea stereotipizată, marginalizarea și excluderea socială a unor indivizi. Instruirea mediatică, din această perspectivă, trebuie să-i ajute pe cetățeni ca ei să-și dezvolte capacitățile de a-și formula o părere proprie, de a avea o reflexie critică, dar, în același timp, de a manifesta stimă și respect pentru oamenii din jur și de a

judeca în termeni eticii viziunile și opiniile acestora. Educarea toleranței trebuie să fie un imperativ prioritar al mass-mediei – unica instituție care asigură formarea continuă a personalității pe parcursul întregii vieți a acesteia, în condițiile în care mass-media a devenit «combustibilul societății contemporane» [3, p. 6].

Implicarea mass-mediei în dialogul social imprimă instituțiilor de presă rolul de mediatori, care trebuie să ia în considerare interesele tuturor părților implicate în conflict și să încerce să găsească o soluție acceptabilă pentru toți. Datorită acestui fapt, instituțiile de presă se transformă în participanți ai dialogului social, ele fiind un catalizator eficient al procesului constructiv de identificare a celor mai bune rezultate pentru rezolvarea conflictelor. Prin urmare, conceperea și realizarea unor cicluri de publicații în presa tipărită sau de programe radio și TV este de o importanță majoră într-o societate pluralistă.

Referințe și surse

1. Guzun, M. Toleranța politică și etnică din perspectiva mediatică / M. Guzun – Chișinău, 2005.
2. Dascălu, N. Parabola făcliei aprinse. Comunicare religioasă în era informațională / N. Dascălu – București, 2012.
3. Restian, A. Patologia informațională / A. Restian – București, 1997.

ЦИФРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМИДЖА ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Л. М. Беленкова

Легитимация власти в современных условиях глобального экономического кризиса и мировой политической нестабильности становится важной задачей любого государства, которое стремится к устойчивому развитию общества и сохранению доверия своих граждан.

Выстраивание постоянного диалога между властью и обществом, достижение консенсуса по поводу базовых ценностей общества осуществляется в процессе политической коммуникации. Очевидно, что в условиях информационного общества, где знания и информация становятся главным властным ресурсом, политическая коммуникация, ее формы и средства, выходят на первый план в системе средств и механизмов легитимации политической власти [1, с. 12]. Существенно изменившееся понимание огромных возможностей информации как ключевого источника власти объясняет тот факт, что информация реально открывает каналы доступа к власти. В этой связи вполне объективно стремление правящих элит затруднить использование информации в интересах оппозиционных акторов и, наоборот, обеспечить максимальный контроль над оборотом информации, в своих интересах. [2, с. 4].

Изменения политической коммуникационной среды обусловлены влиянием научно-технической революции, глобальным процессом перехода от индустриального общества к информационному. Использование информационно-коммуникационных технологий в политической коммуникации как нового канала хранения и распространения массовой информации позволяет преодолеть некоторые существенные ограничения предшествующих форм коммуникативного взаимодействия (недолговечность, медленное распространение, ограниченность доступа и т. п.) [3, с. 49].

Очевидно, что сами по себе информационно-коммуникационные технологии, используемые в государственном управлении, не являются имиджевыми технологиями, однако в настоящее время в рамках имиджевой политики играют большую роль. В соответствии с законом М. Маклюэна («the medium is the message»), информационно-коммуникационные технологии и их грамотное использование способны сыграть ключевую роль в обеспечении государственного управления. Однако их использование без соответствующей аргументологической и политологической интерпретации не является действенным инструментом формирования имиджа государственной власти [4, с. 250–251]. Правда, и имидж в таких условиях становится «электронно-цифровым».

Опираясь на ключевые положения системно-синергетического подхода и концепцию нетократического общества А. Барда, Я. Золерквиста, многие исследователи справедливо отмечают, что именно электронно-цифровой имидж, в зависимости от конкретных условий, может выполнять функции одного из аттракторов или параметров порядка в такой сложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системе, как общество-Сеть [5, с. 21]. Как справедливо отмечает Д. И. Спичева, «электронно-цифровой имидж» имеет ряд особенностей, увеличивающих возможности воздействия на сознание, подсознание и коллективное бессознательное личности и общества. Речь идет о таких свойствах имиджа, как интерактивные возможности; наличие пользовательского контента, создаваемого по поводу того послания («месседж»), которое он несет; вездесущность; более яркие формы и способы выражения, вызывающие сильные эмоциональные реакции нуждающихся в настоящих эмоциональных потрясениях пресыщенных зрелищем пользователей; разнообразие с точки зрения эстетики и использования изобразительно-выразительных средств графического дизайна; смешение реальности и виртуальности (электронно-цифровая онтология имиджа усиливает его влияние, делает имидж в сети «реальным» для человека) [5, с. 20].

Имидж, создаваемый с помощью цифровых технологий и «новых медиа», имеет ярко выраженную амбивалентность. С одной стороны, он является, вероятно, самым эффективным средством наращивания символического капитала, а также идентификации, самоидентификации и самопрезентации представителей современного общества. С другой сторо-

ны, новомедийная «природа» имиджа многократно усиливает его управленческий ресурс. В результате общество, ощущая себя все более «свободным» и «самодостаточным» в виртуальном электронном пространстве, становится все более управляемым и программируемым со стороны такого базового субъекта стратегической имиджевой коммуникации, как государство [5, с. 21].

Таким образом, в условиях изменения характера политической коммуникации, новые информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве значимого имиджеобразующего фактора для государственной власти. Имидж, в том числе и имидж государственной власти, приобретает «электронно-цифровой» характер. С точки зрения системно-синергетического подхода, «цифровой» потенциал имиджа как управленческий ресурс позволяет обеспечить современному обществу относительную устойчивость в условиях кризиса, а для государственной власти – ее легитимацию.

Литература и источники

1. Кармак, П. П. Политическая коммуникация как фактор легитимации политической власти: автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / П.П. Кармак; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2007.
2. Губин, М. А. Информационная легитимация власти в современной России: состояние, тенденции и развитие: автореф. дис... канд. полит. наук: 23.00.02 / М.А. Губин; Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. – Тула, 2011.
3. Мельникова, Т. С. Политический имидж государственной власти в электронных средствах массовой информации / Т.С. Мельникова; Саратов. гос. соц. экон. ун-т. – Саратов, 2013.
4. Чуешов, В. И. Аргументология, аргументологическая диалектика и государственное управление в XXI век / В.И. Чуешов // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь: философские, экономические, юридические науки / Акад. упр. при Президенте Респ Беларусь; редкол.: М. Г. Жилинский [и др.]. – Минск, 2016. – Вып. 18. – С. 235–251.
5. Спичева, Д. И. Имидж как коммуникативно-управленческий феномен: социально-философский анализ: автореф. дис... канд. фил. наук: 09.00.1 / Д.И. Спичева; Пап. исслед. Томский гос. ун-т. – Томск, 2014.

РОЛЬ И ФУНКЦИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДИНАМИКЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

А. Л. Пушкин

Средства массовой информации (СМИ) являются одним из важнейших институтов современного общества. Они играют определяющую роль в формировании, функционировании и эволюции общественно-

сознания, выполняя многообразные функции: информирования, просвещения, воспитания. Особое значение СМИ приобретают во время избирательных кампаний различного уровня, при существующей многопартийности и реальной борьбе различных кандидатов. В процессе избирательной кампании информация является важнейшим ресурсом, который детерминирует результаты выборов и успех того или иного кандидата.

Каким образом наиболее эффективно использовать данный ресурс?

1. Во-первых, необходимо четко представлять социально-демографические показатели избирателей в каждом избирательном округе, имеющем свою специфику.

2. Знание основных социально-демографических характеристик избирателей конкретного округа помогает определить их основные проблемы и ценностные ориентации, которые служат основой информационного взаимодействия кандидата в депутаты с его избирателями.

3. Из всей совокупности потенциальных избирателей целесообразно выделить целевые группы, на которые сосредоточить основное внимание информационного воздействия.

4. Социально-демографические характеристики избирателей, данные социологических исследований позволяют определить важнейшие источники общественно-политической информации для жителей определенного округа и степень их доверия к полученной информации.

5. Во время избирательной кампании кандидат должен использовать комплексный подход, подразумевающий использование различных СМИ, с использованием различных форм информационных материалов и различной регулярности их появления.

6. Социально-демографические характеристики жителей округа детерминируют форму подачи информации и ее качественные характеристики.

Например, пожилые люди с невысоким уровнем образования, как правило, предпочитают получать информацию, в которой представлена только одна точка зрения на определенную проблему. В то же время для молодежи, для лиц с высшим образованием необходимо представление различных, часто противоположных, точек зрения.

Также во время своих выступлений в СМИ кандидатам принципиально избегать двух крайностей: во-первых, не приуменьшать действительность, не замечая существующих проблем, во-вторых, не представлять существующие проблемы чем-то ужасным, неустрашимым и неизбежным. Естественно, апокалиптическим сценариям не место в избирательной кампании, так как кандидат в депутаты участвует в избирательной кампании потому, что он видит существующие проблемы и предлагает конкретные пути их решения. Особенно значим в данной ситуации личный положительный опыт кандидата в преодолении и успешном решении существующих проблем.

В свете реалий глобального социально-экономического кризиса

особую ценность представляют кандидаты, которые на личном опыте показали пример решения существующих проблем и добились определенных успехов в науке, промышленности, бизнесе, сельскохозяйственном производстве в это сложное время.

Данные многочисленных социологических опросов, в том числе мониторинг Института социологии НАН Беларуси за 2015 год, свидетельствует о том, что избиратели предпочитают получать информацию о предстоящих выборах, прежде всего из передач телевидения. На втором и третьем месте, значительно уступая ТВ, следуют печатные СМИ (газеты и журналы) и Интернет. При этом следует отметить, что разница между вторым и третьим местом незначительна и составляет доли процентов (0,2%). На четвертом и пятом местах находятся такие источники информации о выборах, как реклама, наглядная агитация (листовки, плакаты, рекламные щиты) и радио. Примерно каждый десятый избиратель получает информацию о выборах из данных источников – точнее, 11,3% и 9,8% соответственно.

Представленные данные характерны для избирателей страны в целом, в то же время для отдельных регионов или отдельных социальных групп существуют значительные отличия. Например, для молодежи в возрасте 18–19 лет основным источником информации о выборах является Интернет, в следующей возрастной категории (20–29 лет) Интернет наряду с телевидением играет важнейшую роль в получении информации о выборах, существенно опережая другие источники информации. Интернет почти в два раза более значим, чем наглядная агитация и реклама, в три раза более популярен, чем печатные СМИ, и почти в пять раз более популярен, чем радио, среди молодежи до 30 лет.

Данные позволяют сделать вывод о том, что для успешной избирательной кампании среди молодежи кандидату в депутаты необходимо в полной мере использовать возможности современных информационно-коммуникационных технологий (блоги, социальные сети, электронные версии изданий).

ЭЛЕКТРОННЫЙ ТУРИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

И. А. Андрос

Развитие современной индустрии туризма неразрывно связано с прогрессом информационно-коммуникационных технологий. О последних говорят как о технологиях века, которые, благодаря достижениям в области микроэлектроники, способны оказать серьезное влияние на жизнедеятельность человечества. Многие достижения новых информационных технологий успешно используются на рынке туристских услуг. От

ражением проникновения информационных технологий в процессы туристического бизнеса, организации путешествий, функционирования индустрии гостеприимства стало формирование инновационного направления – электронного туризма (e-tourism). Действительно, туризм представляет собой отрасль, идеально подходящую для применения информационных технологий. В рамках единой туристской области, информация в туризме увязывает в единое целое клиентов-туристов и поставщиков туристских услуг. По сути, туризм представляет собой торговлю информационно-насыщенными услугами, в т. ч. информацией о наличии, стоимости и качествах туристских услуг. Поскольку услугу в туризме обычно покупают заранее и вдали от места потребления, то туризм на рынке почти полностью зависит от изображений, описаний, средств коммуникаций и передачи информации [1, с. 33]. Поэтому актуальным в туристской отрасли становятся обеспечение достоверной информацией, скорость ее распространения и фактическое предоставление потребителям информационных услуг.

Первым этапом формирования электронного туризма принято считать внедрение компьютерных систем бронирования в 1970-е гг. и глобальных дистрибутивных систем в 1980-е гг. Данные разработки позволили повысить эффективность внутрифирменного информационного менеджмента и управления продажами. С конца 1990-х гг. Интернет и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) преобразовали механизмы глобальных взаимодействий между поставщиками, посредниками и потребителями во всем мире. В повседневной практике e-туризм представляет собой форму e-коммерции и применение ИКТ для максимизации эффективности организации туристской сферы. Сегодня электронный туризм значительно повышает конкурентоспособность туркомпаний, которые используют современные информационные технологии: их отличает высокий профессионализм и ответственность перед потребителями.

Туристский Интернет-бизнес получил развитие в двух направлениях: отраслевом и географическом. Вначале в Интернете можно было просматривать стоимость путевок и билетов, условия наземного проезда и авиаперелета, питание и т. д., а затем бронировать поезда, автобусы, самолеты. Когда данная система была налажена, в сети стали предлагать бронирование отелей и гостиниц в зоне предполагаемого отдыха. Сегодня туристские порталы дают возможность посещать и интересоваться информацией о турах пользователю Интернета, позволяя автоматически выделять наиболее приемлемые для себя предложения. Страны Западной, Северной, Южной и Восточной Европы, включая все республики бывшего СССР, США, Центральная и Юго-Восточная Азия, Африканский континент, Австралия, – каждый регион предлагает на выбор свои достопримечательности. В настоящее время концепция e-туризма охватывает все направления в секторах современной индустрии туризма: ту-

ризм, путешествия, транспорт, досуг, гостеприимство и т. д. Обычно е-туризм определяют как службу онлайн, обеспечивающую прямые продажи туристических услуг конечным потребителям и объединяющую производителей, турагентов и посредников. На сайтах турфирм пользователи сети могут самостоятельно выбрать тур с указанием стоимости путевки, характеристики отеля, просматривая все направления для отдыха и популярные среди отдыхающих туры. Одновременно присутствует потребность в онлайн информационных службах, которые консультируют по вопросам, возникающим при планировании туристических поездок и путешествий. Их относят к е-путешествиям.

Преимущества развития туристского электронного бизнеса состоят еще и в том, что после проведенного отдыха клиенты могут оставить на сайте туроператора отзывы и поделиться своими впечатлениями. И если такие отзывы помогают другим клиентам при выборе организации, занимающейся комплектацией туров и формированием комплекса услуг для туристов, то для туристского оператора Интернет-система размещения предложений добавила множество нюансов. Также все туристские сайты должны помнить, что их качественная работа – это важнейший фактор успеха электронного туризма. Сегодня покупатель турпутевки рассчитывает на минимальные траты времени при выборе. Поэтому важно, чтобы информация о турах и возможностях их бронирования была максимальной простой и понятной покупателю. Оптимизируя работу своего портала представитель турфирмы должен продумать, насколько важны такие изменения для его клиентской базы.

Итак, сегодня залогом успеха е-туризма является постоянное совершенствование и обновление туристскими компаниями своих сайтов. При этом, информацию важно подавать быстро, она должна быть четко разделена по туристским направлениям, по преимуществам отелей, перелета или проезда, а также питания. Если сайт туроператора не дает покупателю такой возможности, то туристская фирма не сможет рассчитывать на успешную деятельность в сети. Туристские сайты должны первыми предлагать клиенту новый турпродукт. Таким образом, современный электронный туризм предполагает высокое качество обслуживания. В свою очередь, для клиентов е-туризма остается важным возможности быстрого выбора и резервирования заманчивого предложения.

Литература и источники

1. Родигин, Л. А. Информационные технологии в гостиничном и туристском бизнесе / Л. А. Родигин. – М., 1999.

СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

В. М. Крюков

С середины XX века и по сегодняшний день в жизни общества с все возрастающим ускорением происходят изменения содержательного, структурного и функционального характера, инициируемые интенсивно-стью, глубиной и масштабностью производства и применения знаний в определяющих сферах жизнедеятельности человека. Речь идет в первую очередь о воздействии научных знаний и, соответственно, научных открытий на экономическую базисную сферу общественной жизни. Достаточно упомянуть здесь о структурных и качественных изменениях в производстве товаров и услуг, вызванных современными новациями (нанотехнологическими, биотехнологическими, информационными и т. д.) в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и в других областях общественного производства и потребления.

В то же время процессы, идущие в современном мире в целом и на постсоветском пространстве в особенности, порождают потребность рассмотрения вопросов, казалось бы, потерявших свою актуальность под натиском сил, изменивших ранее существовавшие в СССР формы собственности, сломавших долгое время господствовавшие в сознании людей идеологические, политические, нравственные установки, идеалы, убеждения и т. п. Среди таких вопросов, обретающих методологическую значимость в период окончания процесса «разбрасывания камней» на идеологическом поле, находятся следующие: Подчиняется ли общественная жизнь объективным, не зависящим от сознания людей законам, имеются ли они в ней? Какова роль общественного сознания и, в частности, экономических и социально-политических теорий в экономических изменениях общественной жизни, сколь значима эта роль и значима ли вообще?

В сравнительно недавнем прошлом ответы на данные вопросы были вполне определенны, однозначны и не подвергались радикальным сомнениям. Казалось, что и в самом деле развернутое строительство коммунистического общества осуществлялось и не могло не осуществляться в соответствии с объективными законами: законами исторической смены общественно-экономических формаций, научно познанными и теоретически освоенными. И хотя полярной точки зрения придерживались, как известно, многие прямые противники марксистской теории общественного развития на Западе и на Востоке, теория держалась вплоть до ее практической дискредитации всей постперестроечной деятельностью по реставрации капиталистических отношений в странах СНГ. Результатами этой деятельности стали глубокие изменения не только экономических основ социального бытия, но и основ духовных, нравственных. Именно в этот период были подорваны и утратили былое значение идеологические,

мировоззрительно-теоретические установки, господствовавшие раньше.

Но были ли марксистские взгляды на общественную жизнь, на ее основы и движущие силы теоретическим заблуждением? Действительно ли изменения в общественной жизни зависят лишь от воли и желания людей и не подчиняются объективным законам, а потому непредсказуемы, как считал К. Поппер? Ведь, если К. Поппер прав, то вообще имеет ли смысл какое-либо теоретизирование и построение концепций общественного развития, способных стать основой эффективной социально-преобразующей деятельности? А если прав М. Планк, утверждавший, что «ничто не может быть практичнее, чем хорошая теория»? Возможно ли в этом случае создание «хорошей» теории для практического построения справедливого, гармоничного общества? Или такое общество построится само по беззаконным законам капиталистических рыночных отношений с их неизблемым постулатом бесконечного накопления капитала? Но быть может суждение Планка верно только для естественнонаучных теорий?

Предложенная выше коллизия гуманитарного и естественнонаучного знания имеет давнюю историю. Имеет она и историю предлагаемых решений. К последним, наиболее отвечающим духу и тенденциям происходящих изменений в современном мире: в науке, экономике, политике, образовании, культуре, – относится решение И. Валлерстайна, данное в форме развиваемого им в одноименной работе миросистемного анализа [1].

Одним из центральных в миросистемном анализе является понятие структур знания. Согласно Валлерстайну, мы «втянуты в процесс, длившийся уже два столетия, при котором возникают и размываются границы естественных и гуманитарных дисциплин, и проблема разделения этих двух областей знания является фундаментальным вопросом как для одной, так и для другой стороны. И это означает, что мы приближаемся к окончательному преодолению четкого разграничения между способами постижения истины, добра и красоты. Этот процесс еще не завершен, и нет уверенности в том, что мы достигнем консенсуса относительно нового единого эпистемологического подхода» [1, с. 246].

Несмотря на некоторую неуверенность в скором достижении консенсуса относительно единой эпистемологии, сам миросистемный анализ, идеи, высказанные и развитые И. Валлерстайном, во многом, на наш взгляд, способны быть методологическим базисом в исследовании и осмыслении социальной реальности, раскрытии факторов и сил, определяющих масштабы, темпы и направленность ее изменений. В нем implicitly содержатся ответы на вышеозначенные вопросы. Их экспликация – не только предмет научного интереса, но и значимая проблема социального знания.

Для нас в миросистемном анализе существенно прежде всего то что на многих страницах книги любые значительные социальные преоб-

разования увязываются Валлерстайном с изменениями в структурах знания. Сам миросистемный анализ, согласно И. Валлерстайну, «был попыткой объединить и логически решить вопросы о единице анализа, о временных отрезках и разобщенности социальных наук» [1, с. 74].

Как отмечает Г. Дерлугьян, «свою главную задачу Валлерстайн видит в расчистке завалов прежних идеологических концепций и обретении новой перспективы – не конкретной теории, но метатеоретической возможности иначе взглянуть на мир как на целостную исторически возникающую систему, внутри которой расположены в неразрывном взаимодействии государства и рынки, классы и статусные группы, культурные комплексы и способы хозяйствования, идеологии и политические движения. Восстановление целостности знания и целостный эволюционно-исторический подход к изучению человеческих обществ и есть задача миросистемного анализа» [1, с. 20].

Успешность решения этой задачи предопределена во многом опорой И. Валлерстайна на важнейшие парадигмы современного научного мышления: взаимосвязанность, системность и синергетичность социального бытия. По большому счету именно в пространстве взаимодействия, в синтезе экспоненциально растущих научных знаний о природе, обществе и духовной сфере может быть решен важнейший интегральный вопрос современности: вопрос выживания, и не просто выживания, но выживания с приумножением благополучия человека в мире природного и общественного бытия, подвергающегося мощным и далеко не всегда необходимым и оправданным технологическим, военным, политическим, информационным и иным воздействиям; вместе с тем может быть решен и вопрос об эффективном использовании энергетики структур научного знания в социальной практике [2].

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн; пер. Н. Тюкиной. – М., 2006.
2. Крюков, В. М. Когнитивная энергия / В. М. Крюков. – Брест, 2014.

МАССОВЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ВЫЗОВЫ ИСТОРИИ

Н. Н. Губанов, Н. И. Губанов

А. Д. Тойнби было показано, что развитие любого общества происходит по правилу «Вызов-и-Ответ»: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное... состояние» [1, с. 99]. Описанные Тойнби вызовы истории можно назвать частными. Во всех случаях условием успешного ответа на них были адекватные имевшимся усло-

виям изменения сначала элитарного, а затем и массового менталитета. Наряду с ними можно выделить и общие вызовы, имевшие значение для всей цивилизации.

Прежде чем перейти к их рассмотрению, дадим наше понимание менталитета. Менталитет (или ментальность) – система качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности; эта система детерминирует специфический характер восприятия мира, эмоционального реагирования, речи, поведения, деятельности, самоидентификации субъекта, обеспечивает единство и преемственность существования социальной общности, а также стимулирует социальный прогресс посредством продуцирования культурных новаций [2].

Наиболее сильные из вызовов возникают в результате антропогенных кризисов. Их природу глубоко изучил А. П. Назаретян, на результаты которого мы будем опираться [3]. Первый вызов истории предстал еще перед ранними гоминидами 0,7–1,2 млн лет назад. Эффективность орудийных средств нападения (галечных отщепов, костей, дубин) приводила к массовой гибели гоминид в ходе внутривидовых стычек. Выжили те стада, в менталитете которых сформировались надынстинктивные протокультурные регуляторы, ограничивавшие агрессию внутри стада за счет ее переноса на чужих. По-видимому, и в то очень отдаленное время выделялась своеобразная духовная элита, продуцировавшая ментальные новации, необходимые для сдерживания агрессии и разрешения кризиса.

Еще один вызов наблюдался накануне неолитической революции (X–VIII тыс. до н. э.). Развитие охотничьих технологий (ловчие ямы, копья и копьеметалки, лук, силки) небывало повысило эффективность охоты. Численность населения быстро росла и достигла 4–7 млн человек. Но большой масштаб охоты, настоящей бойни, привел к резкому уменьшению числа животных. В результате возникшего голода и конкуренции население средних широт сократилось в несколько раз. Разрешение кризиса произошло в результате смены способов деятельности. В менталитете безвестных неолитических творцов, гениев того времени, возникла идея не убивать животных, а приручать их и разводить, а также идея не только поедать зерно и плоды, а сажать их и выращивать. В результате произошел переход большинства племен от присваивающего хозяйства (собирательства и охоты) к производящему (земледелию и скотоводству). Мы ведем речь о менталитете творцов, а не об их сознании, поскольку именно менталитет в составе духовного мира субъекта детерминирует направленность и новизну любой деятельности.

Следующий вызов последовал перед осевым временем (800–200 гг. до н. э.). Во многих странах началось производство железа. Бронзовое оружие сменилось стальным, которое было значительно дешевле и эффективнее. В результате ментальной установки на максимальное истребление противника возникла угроза истребления человечества во взаим-

ной вражде. Ответом культуры на этот вызов истории и стал ментальный переворот осевого времени. Креативная деятельность Заратустры, иудейские пророков, Будды, Конфуция, Лао-Цзы, Ашоки, Сократа и других мыслителей существеннейшим образом повлияла на менталитет своих народов. Они стремились гуманизировать человеческие отношения, что вело к смягчению последствий войн. Мерилом эффективности военных действий стало считаться не количество жертв, а достижение предметной цели. В результате произошедших ментальных изменений у разных народов были выработаны культурные средства ограничения агрессии и насилия, что позволило человечеству сохраниться. Таким образом, осевое время – это период ментальной революции как ответ культуры на возникший опасный разрыв между технологической мощью человечества и имевшимися способами сдерживания агрессии.

Еще один вызов обществу получило накануне промышленной революции. В результате повсеместной вырубке лесов, роста площади болот, загрязнения рек отходами бесконтрольно растущих городов разрушались экосистемы и падало производство. Возникли социальная напряженность, беспорядки, эпидемии. В XIV веке чума унесла более трети населения Западной Европы. Все более кровопролитными делались войны. Разрешение кризиса произошло в ходе промышленной революции, перехода к использованию каменного угля, массовой эмиграции населения Европы в Америку и внедрения продуктивных заморских культур (картофеля, кукурузы и др.). Ход всех этих процессов предварялся и постоянно стимулировался глубокими изменениями ментальности. Наука в становящейся техногенной цивилизации была признана важным фактором общественного прогресса. В массовый менталитет входили идеи гуманизма, просвещения, демократии, равенства, индивидуального и международного права. Эти изменения в ментальной сфере обеспечили преодоление кризиса и обусловили переход от традиционной к техногенной цивилизации.

Однако к началу XX века резервы экстенсивного индустриального развития были исчерпаны. Разрешение кризиса аграрного общества стало началом пути к кризису индустриального общества. Он сформировался к середине прошлого столетия и проявил себя в виде глобальных проблем современности. Эти проблемы – самый серьезный вызов истории человечеству за все время его существования. Масштаб промышленного производства и техногенное давление на природу превысили возможности регуляторных механизмов биосферы и в значительной мере исчерпали природные ресурсы. Небывало увеличился разрыв между развитыми и развивающимися странами. За 100 лет мощь боевых орудий возросла на 6 порядков. В результате отмеченных и других негативных явлений возникла опасность глобальной катастрофы и гибели человечества.

Разрешение современного кризиса может произойти в ходе информационной революции, которая уже началась. Она снова инициируется

изменениями в элитарном и массовом менталитете. Происходит переоценка роли науки. В менталитете лидирующей части ученых научное знание из значительного фактора обеспечения прогресса становится решающим. Отсюда следует усиливающееся использование новаций во всех сферах общества.

Но научное знание, как известно, может использоваться и во зло людям. Как реакция на эту опасность в менталитете современных ученых оформилась идея соединения науки с этикой. Принцип классической и неклассической науки «Обнаруживай истину и наращивай истинное знание» недостаточен. Принцип постнеклассической науки: «Ищи истину только для блага людей» [4]. Практикуемая социально-этическая экспертиза научных программ должна выявить социальные последствия предлагаемых научных проектов и их соответствие принципам гуманизма и нормам общечеловеческой морали. Особенно значительные риски для человечества представляют исследования в медико-биологических науках. Осознание этих рисков привело к существенным ментальным новациям, в частности, возникновению такого важного феномена, как биоэтика. Биоэтика – это ответ нравственного менталитета человечества на риски развития медико-биологического знания и ухудшение экологической ситуации.

Изложенное показывает, что в развитии человечества периодически и закономерно возникают антропогенные кризисы, создающие вызовы истории. Обнаруживается следующая закономерность: если обусловленные кризисом изменения массового менталитета адекватны вызову истории, то кризис разрешается, и данный социум поднимается на более высокую ступень развития. Если же необходимых ментальных изменений не происходит, то социум сходит с исторической арены. Данная закономерность может считаться аспектом более общего закона – закона ведущей роли изменений менталитета, порождающих культурные новации, в составе движущих сил развития общества.

Литература и источники

1. Тойнби, А. Д. Постижение истории / А. Д. Тойнби; пер. с англ. – М., 1996.
2. Губанов, Н. И. Менталитет: сущность и функционирование в обществе / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 22–32.
3. Назарегян, А. П. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия / А. П. Назарегян // Философские науки. – 2004. – № 7. – С. 5–33.
4. Губанов, Н. И. Роль менталитета в преодолении антропогенных кризисов / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов // Историческая психология и социология истории. – 2013. – №1, – С. 166-180.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

А. И. Сытник

Во все эпохи человеческой истории философия и политика всегда были тесно связаны между собой. Революционные прорывы в философии не раз предваряли радикальные политические изменения и наоборот.

Философ всегда более свободен, чем политик. Он может критически осмысливать основные принципы политики и законы развития общества, видеть образ будущего, тогда как политик «привязан» к современной ситуации. Однако и последний вынужден в поиске ответа на новые вызовы социального развития разрабатывать программу политических действий, намечающую и обосновывающую перспективу. В этом отношении особенное место в формировании мировоззрения политика занимает политическая философия – та сфера философского знания, в которой анализируется политическую реальность, мышление и деятельность человека как политического существа.

Обращение исследования политики в сторону политической философии предполагает серьезную методологическую перестройку. Политическая наука ориентирована на то, что может быть описано эмпирически, и как правило не задается вопросом «почему происходит так, а не иначе». Обращение к анализу общих взаимосвязей политической жизни подменяются вниманием к видимым политическим действиям. В то же время, критическое переосмысление методологического кризиса в политической науке дало возможность отобразить методологическую проблематику в плоскости решения вопроса о сущности политического и о путях его познания. Одной из характерных черт политической философии является то, что она выступает преимущественно нормативной дисциплиной, то есть пытается установить норму (правила или идеалы), в соответствии с которыми должна быть организована жизнь в обществе. Политическая философия, с одной стороны, занимается критической оценкой политических убеждений и верований, обращая внимание как на дедуктивную, так и на индуктивную форму обоснований. С другой стороны, она пытается артикулировать, разъяснять и уточнять концепции, используемые в политическом дискурсе.

Предмет политической философии необходимо рассматривать в единстве с ее традиционными функциями: критико-аналитической, предполагающей теоретическое осмысление происходящих в обществе политических процессов, анализ фундаментальных основ политики, ее уни-

версальных законов и принципов, а также их институциональных и символических форм; прогностическо-рекомендательной, направленной на формулирование альтернативных целей политического развития применительно к той или иной конкретной ситуации; теоретико-методологической, воздействующей на формирование законодательства, конституционный и демократический процессы; просветительно-воспитательной, готовящей политическое сознание к возможным изменениям и преобразованиям в обществе. Просвещение позволяет смягчить возникающие в обществе противоречия между своим собственным опытом, зачастую догматизированным господствующей парадигмой, и постоянно обновляющимися теориями, рождающимися из соприкосновения с другими парадигмами и традициями, из переосмысления идейного наследия ушедших эпох и чужого опыта. Поэтому одной из важнейших задач политико-философских исследований остается изучение и популяризация мирового опыта, сопоставление с ним накопленного теоретического багажа, что способствует формированию новых политических идей и принципов [1, с. 110].

Литература и источники

1. Алексеева, Т. Полезна ли философия политики? / Т. Алексеева // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 3. – С. 103–113.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Д. В. Беллицева

Особую актуальность в последнее время приобретает проблематика выявления его критериев политического развития региона. Среди параметров политического развития чаще всего выделяются индикаторы предложенные авторами теорий политической системы и политической модернизации. В частности, об изменениях в развитии системы, – а регион мы понимаем как систему, – могут свидетельствовать: дифференциация; повышение адаптивной способности общественной системы; включение; генерализация ценностей (Т. Парсонс) или структурная дифференциация, «способности» системы и тенденция к равноправию (Г. Алмонд, Л. Пай). В условиях актуализации вызовов глобального мира; и с учетом того, что регионализм универсален, особый интерес представляет такой критерий в оценке политического развития региона, как «способности» системы.

Политически развитое сообщество должно обладать способностями к инновациям, мобилизации и выживанию. Способность к инновациям выявляет степень подготовленности социально-политической системы к

постоянно меняющимся условиям, успешность преодоления новых вызовов и проблем, возможность адаптироваться в новой среде межрегиональных отношений. Исследование инноваций в политическом развитии требует определения содержания данного понятия, выявления механизма распространения инноваций, уточнения барьеров их распространения и воздействия на современные политические процессы.

При определении содержательной стороны явления мы будем исходить из положения о том, что к инновациям в политической сфере относятся внедрение новых видов отношений, институтов, практик, в результате чего происходит изменение политической системы [1, с. 14].

Теоретическое изучение проблемы формирования и распространения инноваций в политике активно осуществляется в рамках различных отраслей социально-гуманитарного знания. В частности, кроме теории развития, выделяют концепцию социальных изменений и развития человеческого потенциала (К. Вельцель), теорию структуризации (Э. Гидденс), теорию постматериализма (Р. Инглхарт), концепцию экономического анализа (Й. Шумпетер), теорию инноваций (Н. Д. Кондратьев) и др. Мы согласны также с мнением Р. Ф. Туровского о том, что существенным методологическим потенциалом обладают теории, применяющиеся в политической регионалистике. К ним относится, в частности, теория диффузии инноваций [3]. В контексте исследуемой проблемы диффузия может пониматься как процесс, посредством которого инновация (например, новые идеи, процессы, институты) в течение времени передается через определенные каналы среди членов социальных систем. Теорию диффузии инноваций активно разрабатывал шведский ученый Т. Хагерстранд в рамках экономической географии. Он показал, что распространение нововведений по территории имеет свои законы и может быть смоделировано.

В рамках указанной теории выделяются два способа прохождения информации сквозь систему регионов и определяются закономерности обмена информацией между ними. В частности, скорость диффузии зависит не столько от расстояния, сколько от трансляционной способности отдельных региональных сообществ, через которые она осуществляется, а также интенсивности и эффективности контактов. Иными словами, речь может идти о внутренней среде политической системы и каналах политической коммуникации. Представляется, что данное положение имеет в контексте регионального и глобального развития особый смысл. Шведский исследователь выделял два основных способа диффузии инноваций: прямой и косвенный.

Прямой может быть охарактеризован как механическое перемещение и означает перенос нововведения с одной территории на другую. При этом само новшество сохраняет свои качественные характеристики. Примером прямой диффузии инноваций является миграция населения, которое сохраняет свои модели и способы функционирования в другом

политическом пространстве.

Косвенная диффузия провоцирует другие процессы. В частности, она стимулирует изменения регионального сообщества и трансформирует саму инновацию. Косвенная диффузия предполагает также расширение ареала распространения инноваций вследствие непосредственных контактов. При этом место возникновения инновации укрепляется и становится более выраженным (см.: [2]). Представляется, что данный тип активно используется в рамках распространения институтов и ценностей современного западного общества.

Распространение новшества происходит в ходе столкновения со средой регионального пространства. Реакция среды на контакт способствует формированию различных механизмов распространения инновации. Например, прямая диффузия может не вызвать существенного сопротивления и стать сплошной и непрерывной, занимая все большие территории. С учетом того, что политическое пространство иерархично, а политическая система нацелена на самосохранение и, следовательно, определенным образом ограничивается от несвойственных ей феноменов, политические инновации могут распространяться через каскад центров и постепенное заполнение пространств между ними. Распространение идей, институтов и отношений происходит, таким образом, от центра к центру, по устоявшимся каналам коммуникации, информационным потокам, с учетом возможного запаздывания отдельных регионов. Используя модель К. Дойча, можно также предположить, что чем больше объем инноваций, одновременно поступающих по коммуникационным каналам в условиях трансформации политической жизни сообщества, тем вероятнее запаздывание региональных центров и снижение степени внедрения новых идей, институтов и отношений.

Реакция регионального сообщества на косвенную диффузию также не является однозначной. Оно может переработать новшество и создать что-то принципиально новое или сформировать новое явление, соединяющее черты транслируемой инновации и местных особенностей. Реакция может выразиться и в отторжении инновации и укреплении региональных особенностей сообщества, их реформировании с целью формирования адекватного ответа на поступивший вызов. Последний вид реакции характерен в большей степени традиционным, консервативным сообществам, системам с искаженной коммуникацией. Важно также подчеркнуть, что в ходе косвенной диффузии политических инноваций региональное сообщество может выступать как субъект процесса.

Анализ теории диффузии инноваций показывает, что она позволяет прояснить и отмеченную выше проблему восприимчивости среды к инновациям. Иными словами, скорость распространения инноваций определяется вязкостью, сопротивлением местной среды. Существуют барьеры (этнокультурные, политические, географические и др.), которые могут абсорбировать, полностью «впитывать» политические, культурные

явления, прерывать диффузию, фильтровать инновационные потоки, частично пропуская их содержимое в региональное пространство.

В заключение важно подчеркнуть, что распространение инноваций является процессом. В связи с этим возникает ряд методологических сложностей в применении указанной теории. В частности, определение статуса инноваций, степени их актуальности, уточнение состояния системы, являющейся реципиентом инноваций и др. Тем не менее, идеи, содержащиеся в теории диффузии инноваций, представляют несомненную теоретико-методологическую ценность в рамках изучения распространения политических новшеств и их влияния на политическое развитие региона. Можно говорить также об их практической значимости при формировании программ региональной политики и регионального развития.

Литература и источники

1. Кирсапова, Е. Г. Инновации как политологическая категория / Е. Г. Кирсапова // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 1. – С. 12–16.
2. Туровский, Р. Ф. Политическая регионалистика / Р. Ф. Туровский // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uchebnik-online.com/133268.html>. – Дата доступа: 10.03.2016.

THE PHILOSOPHY OF THE GEOPOLITICS OF SMALL STATES' SECURITY

Veaceslav Ungureanu

Despite a frequent use, there is no plausible unanimity of opinions concerning the concept of small state till nowadays. As a generally accepted methodological notion, *the small state* emerged in the theory of international relations in the post-war period, when the collapse of colonial empires began. As a result, more new political parties appeared on the world political map, most of them had small territorial dimensions. The notion *small state / small power* came into use to describe such type of states.

Special issues related to the security of small states began to be studied in the 1950s and 1960s of the 20th century by A. Fox, R. Rothstein and D. Vital, it is just to mention only some of the great forerunners. They devoted their works to substantiate this idea and affirmed that «small states are something more than great powers written with lowercase letters» [1, p. 169], so denying the idea of positivist studies that the small states are some deficient imitations of the big states [2, p. 38]. Tackling the conceptual idea by K. Waltz that «small states do not count in the geopolitical competition between the great powers», we cannot agree with it, given that, in our opinion, the reality

has proved the importance of such states that can have a significant impact on the international security system, establishing perceptions and reactions that get beyond the actual size of the state concerned. Vietnam, Afghanistan, Cuba or Iran are just some examples of small states that have sought to expand their religious or ideological influence in the regions they belong to, symbolizing the chances of a battle that exceeded their concrete possibilities. The oil-producing states in the Middle East represent another example of small states that are likely to increase their power within the international system security and which, through the monopoly they have on the oil deposit and, especially, their grouping into strong international organizations, can exert pressure on the whole system, generating serious political and economic crisis, which affect all states regardless of the size.

After the USSR collapsed, the Baltic States, through their attractiveness, have managed to demonstrate to the West that they play an important role in the geopolitical interests of great powers. Due to their geopolitical location, after joining the EU and NATO, the geostrategic influence of Russian Federation was undermined in the Baltic Sea Region. Another similar example is Georgia, which makes maximal use of its geopolitical and geostrategic position as a transit country for oil and gas from the Caspian Sea Basin to the West, creating competition to the hydrocarbons exports from the Russian Federation that puts to great inconvenience the leadership of this country. These examples definitely demonstrate that small states can be treated on an equal footing with the great powers only within the international organizations, regardless of their national interests.

The representatives of the *political realism* concept classify small states in terms of power, for which the power is «the ability to influence the decisions of other countries». Power is intrinsically associated with the possession of human, military and natural resources, territory, economic potential, political stability, national cohesion, etc. Combined in different ways from case to case, these resources, plus the ability and will of the governors to manage them properly, determine the strength of a state [2, p. 40]. R. Rothstein refers to another opinion on the small states security using the *small power* concept, the equivalent of the small state, and considers that «a small power is the state which recognizes that it cannot provide its own security by using its own possibilities and that they must rely on the assistance provided by other countries, institutions, processes or alliances. Small power's belief in the insufficiency of its own means must also be recognized by the other states involved in international politics» [3, p. 58].

According to the assumption made by H. Wiberg, within the geopolitical arrangements for strengthening the political, military and economic security the small states have to choose between the following options: a bilateral alliance with a great power; an alliance of two or more small states; to be a member of a multilateral alliance, around one or more great powers; non-alignment or neutrality, or without such a generalized commitment in case of war. In the

context of the affirmation that the geopolitical dimension of the national security concept provides for the physical survival of the state, sovereignty and territorial integrity defense and maintenance, the ability to react adequately to any real and potential threats from outside, A. Sens separates from this idea the generalized reference subject – *the state*, singularizing it as *small state* and stating that the definition of the security interests of the European small states after the Cold War is influenced by the particularities of the geopolitical security environment, that is specific to Europe, and where some general interests can be identified and that are shared by all small states: keeping territorial sovereignty and the requirement to act as independent and sovereign entities; establishing some security guarantees; maintaining an extensive adherence to the rules of non-confrontation and non-violence; preventing the escalation of the existent ethnic-religious conflict; preventing the growth of separatist feelings or internal irredentism; maintaining the cooperation forms and the functioning of multilateral institutions in the security and economic policies fields and their inclusion in the consultative processes of these institutions; as possible, preventing the domination of one great power or of an alliance of great powers [4, p. 185].

O. Knudsen expresses the assumption that the geopolitics of the security of small states has to be brought into effect when some confrontations between great powers appear, at the same time, being materialized by means of six fundamental variables: the strategic importance of the small state geographical position, as it is seen by one or by other great power; the tension degree between the great powers; the phase of the power cycle in which the nearest large power is; the historical evolution of the relationship between the small state and the nearest large power; the policy of other great rival powers toward a small state; the existence of a multilateral security framework through cooperation, which may be able to counteract the inequality of power [5.p.115].

P. J. Katzenstein tried to tackle the problem of small states by outlining, in our opinion, the security element from the perspective of two dimensions: small physical size and geographical location on the outskirts of Europe. For P. J. Katzenstein, Poland, Belgium and Spain are small states. The expert is conditioning the assignment of the small state label both by physical and geographical dimensions and by geopolitical framework. Its location on the edge of the decision-making center and its inevitable political marginalization, which occurs as a consequence of the geographical location, confers the state, regardless of its size, the features of a small state, which cannot considerably influence the political and economic affairs globally or even regionally [6]. We believe that, in order to ensure the security of a small state, it is important to comply with geopolitical criterion, and it is not about the geographical size but about the geographical location, and it is not related to the Europocentric meaning, as demonstrates P. J. Katzenstein, but to the importance it has for pursuing the geostrategic interests of major external actors.

Also this assertion highlights an important aspect and namely the fact

that a small state is not mandatory a weak state or a weak power, concepts used in the security studies written by B. Buzan, who states that *weak states* embody a low internal legitimacy and fragile control over the centralizing institutions of the power, and *weak powers* have a low level of military and economic capability in the relations between the states [7, p. 106–107] though, actually, most small states are weak states and weak powers. O. Knudsen tackles the small state security from two perspectives. The first perspective is the internal one that refers to the fact that the national diplomatic actions can determine the security level of a small state. The second one presumes a very active foreign policy able to make the small state "a solid and adamant cliff... on the way of the changing streams of international relations", and external factors able to significantly influence the security of a small state, either it is about some processes of global or continental level (EU or NATO enlargement), or dominant relations between certain great powers or the policies promoted by certain great powers towards the small states. If the small states manage to survive, it is due to some functions they carry out (usually only temporary) within the geopolitical arrangements of the great powers security [8, p. 140]. According to W. Thompson, any small state, which aspires to act as a sovereign political actor in international relations, must take actions for its own security and pay for them. This is an expensive aspiration and trying to promote it alone is even more costly, except when a state would join a collective security alliance. In most cases it is about an impossible mission for small states to ensure alone their national security and territorial integrity [9, p. 617].

From our point of view, the emergence of some skeptical opinions against the use of the small state concept and small state security concept, considered lacking theoretical and analytic value, and that differ from the concept provided by the great powers security theory, are refuted by the events and processes that occurred after the breakup of the Soviet Union and Yugoslavia and materialized due to the «enrichment» of the international system with more independent states in the post-Soviet area, in the Eastern Europe and South-Eastern Europe, and, due to this fact, studies relating to the importance and security of the small states are up to date and extremely captivating especially because of decreasing importance of strength inequality.

References

1. Hobsbawm, E. J. Națiuni și naționalism din 1780 până în prezent. Program, mit, realitate / E. J. Hobsbawm. – Chișinău, 1997.
2. Hindmarsh, J. H. How do we define small states and islands? A critical analysis of alternative conceptualizations / J. H. Hindmarsh // *Convergence*. – 1996. – Vol. 29. – P. 36–45.
3. Glaser, E. Statele mici și mijlocii în relațiile internaționale. – București, 1971.
4. Sens. A. Securitatea statului mic în Europa: amenințări, temeri și strategii după Războiul Rece / A. Sens // NATO: ce este, ce va fi. Noua Europă și securitatea statelor mici. – București, 1996.

5. Waever, O. European security identities O. Waever // *Journal of Common Market Studies*. – 1996. – Vol. 34, nr. 1. – P. 103–132.
6. Sverdrup, B. O. *Odysseus and the Lilliputians? Germany, the European Union and the smaller European states* / B. O. Sverdrup // *Arena Working Papers*. – 1997. – Nr. 27.
7. Buzan, B. *Popoarele, statele și frica. O agendă pentru studii de securitate internațională în epoca de după Războiul Rece* / B. Buzan. – Chișinău, 2014.
8. Knudsen, O. *Analizarea securității statului mic: rolul factorilor externi* / O. Knudsen // NATO: ce este, ce va fi. Noua Europă și securitatea statelor mici. – București, 1996.
9. Thompson, W.R. *Democracy and peace: putting the cart before the horse?* / W. R. Thompson // *International Organization*. – 1996. – Vol. 50, nr.1. – P. 616–617.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ СИСТЕМНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В. А. Евстафьев

Структурные и функциональные характеристики институциональной составляющей политической системы страны выступают одним из основных факторов, предопределяющих содержание и направленность политической активности ее населения.

Одной из базовых составляющих в содержании процессов национально-государственного становления, развернувшихся в Беларуси с начала 1990-х гг., выступают существенные трансформации государственных и общественных институциональных элементов политической системы нашего общества. Включение поколения молодежи в социально-значимую и конструктивную преобразовательную общественную деятельность является важнейшей предпосылкой обеспечения устойчивого и динамичного продвижения страны.

Важнейшим аспектом обеспечения преемственности ценностных и целевых ориентаций в содержании базовых политических процессов выступает момент инкорпорации наиболее сознательной части молодежи в качестве их полноценных участников. Возникающая при этом ситуация политико-субъективной самореализации молодежи позволяет формировать у значительной ее части устойчивый интерес к историко-политическим перспективам государства и придает свойства стабильности политическому пространству страны.

Наибольшей полнотой возможностей реализации молодежного политического и гражданского потенциала, по нашему мнению, обладает модель институциональных взаимодействий, выстраиваемая в контексте идеологемы конструирования государства, как «общего дела» для всех

групп населения страны. Примеры процессов государственного строительства, включавших политическое участие молодого поколения в качестве основных элементов, дает опыт широкомасштабных советских практик реализации молодежной политики.

Постсоветские структурно-функциональные трансформации институциональной подсистемы, обеспечивающей гражданско-политическое становление молодежи и ее вовлечение в преобразовательные общественные процессы, могут быть отображены посредством указания на изменения в ее составе, рефлексивных возможностях, а также в используемых объемах материально-технических, организационно-кадровых и информационных ресурсных активов. К важным маркерам указанных изменений необходимо отнести и потенциал воздействия на молодежную среду со стороны политико-властных институтов, а также реальные установки и подходы политической элиты страны к проблеме его совершенствования. Более чем двадцатилетний период формирования и укрепления институциональных основ суверенного бытия нашей страны отмечен существенной трансформацией структурно-функциональных характеристик политико-властных институтов [1].

В обозначенный период состав акторов, способных оказывать инструментальное влияние на общественное сознание молодежи и таким образом задавать целеориентирующие компоненты ее индивидуального и коллективного политического поведения, существенно увеличился. Значительная часть этих изменений произошла в связи с проникновением в информационное пространство белорусского общества корпоративных организационно-медийных субъектов, сформированных в идеологической матрице откровенного западнизма. Их экспансия вызвала к жизни феномен в основном скрытого информационно-духовного противоборства, в котором оппозирующей стороной выступают сохранившие консервативные политические ориентации представители государственного аппарата и педагогической общественности. При этом носители традиционалистских ориентаций располагают ограниченной информационной поддержкой, организационно децентрализованы и функционируют в пределах профессиональных практик, реализуемых вне пространства современных коммуникационных технологий, не имея необходимого ресурсного обеспечения.

Формальное сохранение институционального подобия советской молодежной «политической подсистемы» в лице детской и молодежной общереспубликанских организаций с фактическим монопольным статусом в сфере государственной молодежной политики не обеспечивает воспроизведение устойчивого и адаптированного ко всем периодам становления молодого человека ролевого гражданско-политического сценария. Современный образ этого сценария утратил свойства однозначности, четкой артикулированности, зримой и инструментальной доступности и признаки реальной исполнимости для подавляющего большинства

молодежи. Он перенасыщен смысловыми неопределенностями настоящего и будущего, размытостью в массовом сознании молодых людей представлений о предметных областях приложения их творческих усилий.

Предпринимавшиеся попытки институционально приблизить молодежную организацию к системе органов государственного управления путем интеграции представителей ее комитетов в структуру местного управления, а также в алгоритмы принятия властных решений в городах и районах после непродолжительных усилий в этом направлении были прекращены.

Одной из основных особенностей современного институционального ландшафта молодежной политики стало появление в его плоскости политических структур нового типа. Как правило, по своему генезису они являются результатами деятельности зарубежных организаций и фондов, специализирующихся на реализации технологий удаленного политического воздействия. Опираясь на потребность молодежи в самореализации и творчестве, а в организационном и методологическом отношении – на ресурсы современных информационно-психологических технологий, они оказались способными воспроизводить в молодежной среде широкий спектр разнообразных практик. Как показал опыт современного политического процесса в постсоветских республиках, включая и Беларусь, данные структуры опираются на оперативную поддержку дипломатических представительств стран-инициаторов и способны организационно адаптироваться к особенностям национальной политической системы, мимикрируя под традиционный образ и формат молодежного объединения. Основная функция этих организационных симулякров, как правило, состоит в реализации стратегий и тактик, которые снижают эффективность управления внутриполитическими процессами со стороны имеющихся политико-властных институтов. При этом ими преследуются цели, состоящие в повышении влияния на общественную ситуацию внешних политических субъектов, осуществляемого путем переориентирования политического поведения определенной части молодежи.

Обращаясь к вопросам, отражающим рефлексивную составляющую институциональных коммуникаций в области формирования и развития молодежного политического активизма, необходимо зафиксировать ряд принципиальных характеристик в используемых подходах к выработке программ и отдельных мероприятий в этом направлении.

Во-первых, все более явными становится снижение доли специфических признаков молодежи как социальной группы в ее образах, формируемых в содержании современных информационно-коммуникационных процессов. При этом специфическая «молодежная» терминология еще применяется в процедурных формах, объективная необходимость использования которых пока остается обязательным элементом подготовки и принятия институциональных решений.

Вместе с тем, ряд фундаментальных сдвигов, выразившихся в начавшемся вытеснении системы образования из области стратегических социальных функций государства в сферу услуг, в отказе от формирования общенациональных молодежных проектов, в постепенном демонтаже большей части национальной молодежной медиа-сферы, в фактическом отходе от программного подхода в государственной молодежной политике, в снижении статусного уровня институционального представительства молодежных интересов указывают на постепенный отход от целеразвивающих установок по отношению к молодежи в деятельности политико-властных институтов.

Во-вторых, необходимо отметить низкий уровень конкретизации предметных представлений о молодежи, используемых при проектировании государственной молодежной политики. Предметность в настоящем случае необходимо рассматривать как совокупность точных параметров и характеристик молодежной аудитории, выступающей основным адресатом государственных программ. В этой связи имеет место общая непроработанность концептуальных оснований в вопросах образовательных и медийных стратегий формирования гражданско-политической составляющей массового сознания молодых людей.

Литература и источники

1. Евстафьев, В. А. О совершенствовании технологий государственной молодежной политики / В. А. Евстафьев // Вестник Гродненского государственного университета. – 2010 – № 1. – С. 116–121.

ЭСКАЛАЦИЯ РИСКОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АТРИБУТ ЭКОНОМОЦЕНТРИЧНОГО ОБЩЕСТВА

С. З. Семерник

Современная стадия развития экономической системы, требующая для своего успешного функционирования определенного типа социальности – экономоцентричного общества – инициирует и предъявляет обществу некоторый «заказ» («вызов»), в логике которого могут быть поняты процессы, которые происходят с современным обществом, культурой и личностью. Мы понимаем экономоцентризм как систему взглядов, жизненных ориентаций и установок, абсолютизирующих принципы материального роста, максимизации прибыли и индивидуального прагматизма в противовес органическим потребностям природы, общества, человека, обуславливающих возникновение кризисных явлений как в собственно экономических, так и неэкономических сферах социального функционирования. С историко-генетической точки зрения экономоцентричное общество представляет собой результат проникновения и леги-

тимации принципов частнособственнических производственно-экономических, торгово-экономических и финансово-экономических практик в сферы, закрытые для них в эпоху модернизации, что привело к возникновению современной ситуации неразличимости между экономической, политической, социальной и культурной деятельностью.

Одним из наиболее ярких «запрашиваемых» принципов общества, ориентирующегося на максимы экономоцентризма, выступает запрос на эскалацию риска. Это связано с целым рядом обстоятельств. Во-первых, экономоцентричный социум стремится к деонтологизации жизненного мира как такового в результате чего нарастают риски его существования. Это, прежде всего, связано с увеличением доли фиктивных экономических транзакций, обозначаемых современными учеными как глобальный финансовый фиктивный капитал (ГФФК). Неуклонное расширение поля фиктивных экономических (финансово-спекулятивных) транзакций требует для их реализации уже не только области, охватываемой собственно экономическими отношениями, но и выхода во внеэкономическую сферу. Это приводит к тому, что все жизненное пространство современного социума моделируется с ориентацией на фиктивность, формальность, условность. С учетом данного обстоятельства факт эскалации рисков, как показано в работах философов постмодернистской ориентации, может быть понят как стремление жизненного пространства ощутить свою реалистичность, почувствовать себя реальным: «Что, если мы "на самом деле живы" только тогда, когда рискуем собой с чрезмерной интенсивностью, которая ставит нас за рамки "простой жизни"?» [1, с. 99].

Необходимо отметить, что ситуация усугубляется и тем, что в экономоцентричном обществе деонтологизирована не только реальность, но и ее реципиент: «пустота субъективности», «полная десубъективация» (С. Жижек) – итог данных «фиктивных игр» с бытием материального. Исходя из предположения о том, что экономика и экономические отношения воплощают собой бытие материального в наиболее законченном виде, деонтологизирующие – фиктивные – манипуляции с данным «оплотом» мира материи оборачиваются настоящим экзистенциальным кризисом для личности и общества, которые уже не находят оснований для обнаружения собственной подлинности.

Тема нахождения подлинности, обретения реальности стала генеральным предметом теоретическим упражнений западноевропейских философов XX века. Правда, они предпочитают действовать методом «от противного» – стремятся интеллектуальными усилиями апробировать на возможность разрушения то, что еще недавно казалось незыблемой твердой онтологией. Эти разрушающие тенденции, в которых постулируется смерть Бога, автора, субъекта, оставляют общество в отчаянном состоянии: утратив онтологические основания собственной деятельности-существования, оно вынуждено прибегнуть к миру искусственного, конструируемого, произвольно заменяемого, комбинируемого.

Одним из проявлений этого может служить феномен мультифетишизации, который с неизбежностью возникает на фоне деонтологизированного, ирреального в своем мироощущении экономоцентричного общества. Под мультифетишизацией мы понимаем генерализацию фетишизированных смыслов, продуцируемых общественным и индивидуальным сознанием, что выражается в возрастании в обществе различных видов фетишизированных феноменов.

Если товарный фетишизм, описанный К. Марксом, возник с зарождением торгового капитализма, то по мере развертывания в обществе смысловых императивов экономоцентричного общества, рост феноменов-фетишей многократно увеличивается. Можно назвать такое явление как фетишизация труда, где труд из средства жизнеобеспечения и самореализации личности превращается в культурный символ, несущую конструкцию всех социокультурных транзакций, вне легитимирующего влияния которого невозможна никакая бытийственность как таковая. Также это явление технического фетишизма – «обожествление» техники и технологичности как таковых, и наконец, фетишизация денежных знаков, выражающаяся в тотализации названного феномена, подменой им собственно культурных знаков. Культурные знаки, понятые как экономические (в узком смысле – как денежные), уже не отсылают человека к глубинам культурного воспроизводства, основывающегося на представлении о целостности социального мира, его надбиологичности, наиболее ярко проявляющейся в морально-нравственном измерении человеческого взаимодействия, но апеллируют к инстинктивной, эгоистической природе человека, формально упорядочение которой находится уже не в ведении культуры в целом, но отдельных ее институтов, например, таких как право.

Отказ от принципов морального регулирования хозяйственных отношений или тотальное снижение их представленности, вытеснение этики и морали за грань собственно экономических транзакций приводят к экспоненциальному росту административно-бюрократических процедур (рост издержек), которые должны сопровождать подобного рода отношения. Серьезные расходы на технический контроль, учет и обработку компьютерных данных, их сопровождение и сервис необходимы для того, чтобы, с одной стороны, максимально включиться в систему спекулятивных экономических отношений, сверхприбыли от которых могут быть получены только с использованием ресурсов искусственно созданной компьютерной виртуальной реальности, с другой, под предлогом технологичности окончательно отказаться от моральной вменяемости. Таким образом, фетишизация денежных знаков требует для своего воплощения фетишизации техничности и техники.

Данная ситуация роста фетишизированных явлений выступает рискованной для развития социума, поскольку стремительно увеличивает разрыв между действительно существующими в обществе отношениями

и теми представлениями о них, которые формируются в общественном и индивидуальном сознании. Снижение степени осознания специфики происходящих в обществе процессов способствует росту неадекватности общественного сознания и деятельности, что ведет к снижению жизнеспособности социума и культуры, отрицает возможность аутентичного их воспроизводства.

Таким образом, для эконоцентричной системы характерна аберрация смысловой сферы: аутентичные смыслы социальных и культурных объектов либо аннулируются, либо вытесняются, либо подчиняются монистической логике экономической каузальности. Как итог – возможность применения единой обменной логики, универсальной трансактной градации, ко всем без исключения объектам, прошедшим названную процедуру «очищения смыслов»: «Мы получили возможность сравнить два различных в архитектурном отношении сооружения, если они предназначены для сходных целей. Это позволяет быстро и дешево различать сходные и несовпадающие свойства активов, обращаться с ними как со *взаимозаменяемыми объектами* (курсив наш. – С. С.)» [2, с. 64]. Взаимозаменяемость самых различных и несопоставимых явлений выступает ведущей презумпцией эконоцентричного мышления. В этой тотально обменной логике нивелируется как неэффективное все единичное, уникальное, незаменимое и неповторимое.

Собственно к таким феноменам относится и сам человек, пространство его повседневной жизни, в которой в традиционной культуре находилось место для таких понятий как семья, Родина, священное и т. п. Упразднение уникального и священного отменяет единичность и неповторимость бытия отдельного человека («незаменимых нет»).

На основе изложенного выше можно заключить, что для снижения рискового потенциала современного социума необходима смена доминирующей парадигмы социального развития. От эконоцентризма необходимо перейти к культурицизму, в котором личности и социуму уделялось бы важнейшее центральное место.

Литература и источники

1. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню реального / С. Жижек: пер с англ. А. Смирного. – М., 2002.
2. Сото, Э. Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. Де Сото. – М., 2004.

КОНЦЕПЦИЯ «АВТАРКИИ БОЛЬШИХ ПРОСТРАНСТВ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТРОЕНИЯ СТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В. С. Голубев

В последние несколько лет наметилось и развивается противостояние между Россией и Западным миром. Попытка политического давления на Россию, Республику Беларусь со стороны Соединенных Штатов и Евросоюза путем введения экономических санкций вновь сделали очевидной ту простую истину, что для сохранения политической независимости нужно иметь и независимую экономику. Сфере экономики, ее организации и управлению в современном мире придается серьезное значение, потому что именно здесь создаются фундаментальные материальные предпосылки и необходимые условия для всестороннего социально-культурного развития личности и общества, обеспечения должного уровня безопасности личности, общества и государства от любых возможных внутренних, и, как показала современная действительность, внешних посягательств.

На сегодняшний день эталонной формой экономики является т. н. «рыночная экономика». Именно рыночная экономика навязывается нам как единственно верная уже не одно десятилетие. Однако попытки на практике воплотить те идеи «рынка», которые лежат в основе теории, не дают на пространстве бывшего Советского союза сколько-нибудь заметного положительного эффекта. Более того, попытки эффективно встроиться в мировой рынок постоянно по тем или иным причинам терпят неудачи. Для более полного уяснения причин неэффективности применения рыночных принципов в реалиях России и Республики Беларусь, а также для того, чтобы сформулировать идеи, как мы можем построить эффективную экономику, стоит вспомнить известного немецкого мыслителя Ф. Листа, автора теории «автаркии больших пространств».

Проанализировав либеральную теорию, а также находясь под влиянием современной ему «доктрины Монро», Ф. Лист сформулировал одну из важнейших закономерностей, раскрывающей взаимоотношения принципа государственности и принципов свободного рынка. Основная идея сводилась к тому, что принципы свободного рынка будут эффективны там, где общество давно идет по рыночному пути, а в тех обществах, где имеет место иная форма хозяйствования или рыночный путь только начинается, будет происходить ослабление экономики, подрыв политической и экономической независимости. Анализируя опыт Германии и влияния либеральных реформ на немецкую экономику, Ф. Лист пришел к выводу, что, несмотря на претензии этой либеральной теории на универсальность, беспристрастность и научность, рынок является инструментом, который работает по принципу обогащения и усиления богатого и обеднения и ослабления бедного.

Еще одна заслуга Ф. Листа заключается в том, что он первым предложил не применять экономическую теорию в ее чистом виде, а делать поправку на исторические реалии. Стоит добавить, что кроме истории, не мешало бы еще помнить и о географии. Любопытно, что предложенный Ф. Листом способ построения мощной, конкурентоспособной экономики заключался в создании между исторически близкими немецкоязычными государствами таможенного союза, в котором бы интенсивно развивались интеграционные и рыночные отношения.

Опираясь в целом на концепцию Ф. Листа, мы считаем возможным сформулировать некоторые идеи, воплощение которых в той или иной степени может помочь построению стабильной и эффективной экономики.

Во-первых, создание экономической системы должно учитывать исторические предпосылки. Под историческими факторами мы должны прежде всего понимать исторически существующие отношения между государствами, участниками предполагаемого таможенного союза. Интересно, например, позиция голландского правительства по вопросу ассоциации Украины и ЕС: премьер-министр Нидерландов отметил, что Украина всегда входила в сферу интересов России и что вступление Украины в ЕС обострит отношения между Россией и членами ЕС, что не может быть воспринято положительно. На другой чаше весов – пример Армении, для которой союз с Россией есть вопрос существования страны вообще, а не увеличения-уменьшения экономических показателей.

Во-вторых, география: под географическими факторами стоит понимать в первую очередь климат, а так же имеющиеся полезные ископаемые, транспортные артерии, рельеф и многое другое. Особенно интересно, что большинство рекомендаций по промышленности, сельскому хозяйству и инвестициям при учете географических факторов становятся бессмысленными. Возьмем самые, на наш взгляд, красноречивые примеры. Как Грузия может конкурировать на мировом рынке вина, если черный виноград, выращенный в Грузии, стоит около 3 долларов США за килограмм, а такой же виноград, выращенный в Австралии – 9 центов? Или как Россия может сейчас конкурировать на мировом рынке пшеницы, если норма урожайности пшеницы в России – до 30 центнеров с га, а в Швеции – 77? Для Европы можно сформулировать своеобразное как бы «правило»: продавать всегда выгодно на Восток, а покупать – на Западе. Хороший пример – Латвия. Как известно при СССР в Латвии производились автомобили, локомотивы, радиоаппаратура и т. д. Продавать свою продукцию на Запад Латвия не могла, а вот поставлять ее в восточные регионы СССР было выгодно. После вступления Латвии в ЕС из всей национальной промышленности, по сути, остались только шпроты, т. к. все остальные отрасли оказались экономически неэффективными. Знание географии и истории очень наглядно показывают, что нам нет особенного смысла надеяться на сколько-нибудь серьезные инвестиции в

промышленность и сельское хозяйство [1].

В-третьих, важно придерживаться такой экономической модели, которая гарантирует существование самого государства на политической арене. Приведем здесь пример, ставший уже хрестоматийным. Сомали, руководствуясь рекомендациями МВФ и идеями свободного рынка из пусть не очень развитой страны, но, все же экспортировавшей продукты питания в ОАЭ, Кувейт, на сегодняшний день, вопреки всем денежным вливаниям, опустилась ниже черты бедности. Другой пример – это современная ситуация экономического давления на Россию, что негативно сказывается на экономиках стран Таможенного союза, и эта ситуация требует принципиального решения.

В сложившейся ситуации, Россия, Армения, Республика Беларусь и Казахстан оказались перед лицом серьезного, в известном смысле, исторического выбора. Сохранение тесных экономических связей с объединенной Европой чревато для нас втягиванием в экономический кризис еще большего масштаба, чем тот, в котором мы уже оказались, а также в кризис социальный, поскольку проблема массовой миграции из стран Азии и Африки оказалось для современной Европы неразрешимой. Единственный, видимо, разумный выбор – основываясь на идеях концепции «автаркии больших пространств» пытаться, во-первых, создать новую экономическую макроструктуру (в принципе это уже практически сделано, речь идет о Таможенном союзе) и оградить ее от внешнего влияния, т. е. в известном смысле повторить опыт Советского союза с учетом переосмысления допущенных в свое время стратегических ошибок. Не случайно на сегодняшний день снова звучат призывы к России, как минимум, начать «формирование и развитие своего макрорегиона с максимальным использованием его собственных ресурсов» [2, с. 450]. Во-вторых, используя экономические методы регулирования в новых условиях, создать устойчивую самодостаточную экономическую систему.

В заключение стоит сказать, что от того, насколько быстро будет найдено эффективное решение для преодоления последствий мирового экономического, и, не стоит этого забывать, социального кризиса, во многом зависит, смогут ли Россия и ее союзники играть серьезную роль в мировой политике и экономике.

Литература и источники

1. Паршев, А. П. Почему Россия не Америка / А. П. Паршев. – М., 2000.
2. Делягин, М. Г. Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим / М. Г. Делягин. – М., 2015.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С. И. Симаповский

В течение всей истории цивилизации феномен прав человека являлся и продолжает оставаться камнем преткновения различных философских школ, политических и правовых течений. Выдвижение проблемы прав человека на передний план современного мировоззрения – свидетельство коренных преобразований, происходящих сегодня в политической, экономической, социальной, духовной и других сферах общественной жизни мирового сообщества. Все отчетливее проявляется идея неразрывной связи цивилизованности и прогресса с реальным участием человека в решении проблем как внутри отдельного государства, так и в глобальном масштабе. Права человека призваны обеспечить именно такое участие, превратить человека из пассивного наблюдателя в активного участника событий, происходящих в мире.

Философия прав человека строится на общечеловеческих ценностях. Одной из них является *достоинство человека*. Достоинство, с одной стороны, есть нравственная самооценка человеком своей связи с обществом, своего значения, права на уважение со стороны других. С другой – это признание обществом социальной ценности, уникальности, неповторимости конкретного человека, значимости каждой личности как частицы человеческого сообщества. Достоинство человека – это источник его прав и свобод. Обладание правами и свободами является той предпосылкой, которая дает человеку возможность самораскрыться, самореализоваться как личности, что ведет в свою очередь к обогащению, совершенствованию всего человечества.

Во Всеобщей декларации прав человека говорится о том, что «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [1, с. 78]. Естественные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Право человека на жизнь, запрещение пыток или других форм негуманного, унижающего человеческое достоинство обращения, право на признание правосубъектности любого индивида, запрет дискриминации по признакам пола, расы, религии, языка и другие, – эти и другие права и свободы должны быть присущи любому человеку в современном мире. Государство обязано обеспечить каждому индивиду реализацию этих прав. Только тогда, когда право и права человека возвышаются над государством и диктуют ему свои ценности, обусловленные развитием культуры и цивилизации, государство становится цивилизованным, правовым, демократическим.

Права и свободы человека давно уже вышли за пределы чисто внутренней компетенции государства и стали предметом международной заботы. Это означает также, что права человека уже не могут определяться исключительно характером и уровнем развития данного конкрет-

ного общества, что все большее влияние на их состояние на их состояние оказывает единая человеческая цивилизация.

Философия прав человека строится на основе важнейших общечеловеческих принципов *гуманизма, свободы и равенства*. Сущность гуманизма проявляется в признании человека как личности, а также его права на свободу, счастье, неприкосновенность, проявление своих способностей. В понимании свободы важным условием является то, что индивидуальная свобода может существовать лишь наряду со свободой для всех остальных. Свобода невозможна без ответственности и дисциплины. Неумение управлять собой, ограничивать свои интересы и подчинять их целому ведет к разрушению общества. Принцип равенства нашел свое яркое воплощение во французской «Декларации прав человека и гражданина», принятой 26 августа 1789 года, первая статья которой гласит: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах». Все современные конституции, в том числе и Конституция Республики Беларусь, рассматривают принцип равенства как основополагающий в философии прав человека и гражданина. Главной проблемой, однако, остается реализация этого принципа на практике и его гарантированность. В обществе должен быть создан оптимальный баланс между свободой одних субъектов и социальной защищенностью других.

Литература и источники

1. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения. В 4-х т. Т.1 / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск, 2009.

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА В КАЧЕСТВЕ ПЕРВИЧНОЙ ОСНОВЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

С. А. Бурьянов

Целостность современного мира неразрывно связана с процессом глобализации общественных отношений, интеграцией социальных взаимодействий в единую планетарную систему.

Процесс глобализации общественных отношений ведет к их кардинальному изменению и развитию принципиально нового состояния, которое целесообразно называть глобальностью. Ее важнейшим проявлением, в свою очередь, является формирование глобальных подсистем. Глобальность охватывает совокупность параметров и характеристик в различных сферах (подсистемах) общественных отношений, из которых и формируется планетарная система. Так как уровень развития общественных подсистем различен, это приводит к дисбалансу и нарушениям устойчивости формирующейся планетарной системы.

Полагаю, что значительное отставание политической (и тесно связанной с ней правовой) подсистемы общества предопределяет глобальные проблемы, несущие угрозы существованию цивилизации. В качестве одного из весомых факторов отставания политической подсистемы можно назвать отсутствие адекватных механизмов управления планетарной системой, которые должны быть сформированы в целях решения глобальных проблем и устойчивого развития цивилизации.

Для описания весьма дискуссионной проблемы управления глобальными процессами, как правило, используются понятия «глобальное управление» и/или «глобальное регулирование». Например, А. Н. Чумаков под управлением понимает более высокий тип регулирования, всегда сопряженного с сознательной деятельностью людей, «в основе которой лежат целенаправление, обратная связь и творческое начало... Здесь в отличие от регулирования всегда есть субъект управления, ставящий те или иные цели и обеспечивающий их достижение посредством активных действий и соответствующих решений» [6, с. 6]. В. М. Давыдов считает более предпочтительным термин «глобальное регулирование» и определяет его «как способность контролировать глобальные процессы, корректировать их траектории, используя средства жесткой и мягкой силы, международное право и международные институты» [2, с. 54–55]. Авторы коллективного академического исследования исходят из понимания «глобального управления» как системы институтов, принципов, политических и правовых норм, поведенческих стандартов, которыми определяется регулирование по проблемам транснационального и глобального характера в природных и социальных пространствах [1, с. 7].

Вопрос содержания и принципов формирующегося глобального управления является еще более дискуссионным. Тем не менее, многие исследователи приходят к выводу, что в основу глобального управления должен быть положен принцип разделения властей [6, с. 9]. «Ожидается появление единого глобального органа управления, состоящего из всех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной), ослабляющего страновую автономность и национальную фрагментарность» [4, с. 21]. Действительно, этот принцип, направленный на ограничение произвола власти одних людей над другими, является одной из основ современного правового государства и в значительной мере соответствует тенденциям глобализации общественных отношений. Вероятно, понятие «управление» должно постепенно заместить понятие «власть».

В указанном контексте следует отметить, что законодательный уровень управления является первичным по отношению к исполнительному (вторичному) и судебному (третичному) уровням. Кроме того, перспективным направлением представляется формирование и развитие горизонтальных уровней, и, в частности гражданского управления (на базе развития структур гражданского общества) и информационного управле-

ния (на основе СМИ и массовых коммуникаций). Также принцип разделения властей подразумевает разграничение полномочий на различных территориальных уровнях управления. Думаю, что постепенно иерархичность будет сокращаться в пользу горизонтальных уровней, что предполагает переход от многоуровневой территориальной системы управления к двухуровневой: глобального общества и местных сообществ.

Еще одной проблемой принципа разделения уровней управления является вопрос разграничения глобальной системы управления и мировоззренческих институтов общества (в т. ч. религиозных объединений, иногда называемых «духовной властью»). Осуществление этого принципа неразрывно связано с реализацией другого – принципа мировоззренческого нейтралитета субъектов глобального права.

Так как процесс создания и принятия норм формирующегося глобального общества является основополагающим в процессе формирования глобальной системы управления, то на первый план выходит проблема глобального права. Можно согласиться с выводом, что глобальное управление без правового обеспечения невозможно [6, с. 9–15], но при этом развитие глобального права должно носить опережающий характер, особенно его научной составляющей. Как справедливо отмечает И. И. Лукашук, в условиях глобализации именно наука о государстве и праве призвана играть решающую роль в определении путей совершенствования системы общественного управления. [3, с. 244].

Глобальное право [5, с. 126–146] должно включать в себя научное направление «Правовая глобалистика», учебную дисциплину «Глобальное правоведение», систему принципов и норм, в планетарном масштабе регулирующих общественные отношения, а также взаимодействия человека и природы. В современных условиях ведущая роль принадлежит именно правовой глобалистике, которая призвана создать теоретико-правовую и нормативную основу для формирования глобальной системы управления, в свою очередь, нацеленной на условия для решения комплекса глобальных проблем и устойчивого развития планетарной системы.

Литература и источники

1. Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. – В. Г. Барановский, И. И. Иванова. – М., 2015.
2. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы = Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches / Под ред. А. А. Громыко. – М., 2013.
3. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И. И. Лукашук. – М., 2005.
4. Урсул, А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы / А. Д. Урсул // Век глобализации. – 2014. – № 1. – С. 16–28.

5. Урсул, А. Д. Глобальное измерение права / А. Д. Урсул // *ВВ: Вопросы права и политики*. – 2012. – №5. – С. 90–146.
6. Чумаков, А. И. Глобальный мир: проблема управления / А. И. Чумаков // *Век глобализации*. 2010. – № 1. – С. 3–15.

ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВА И МОРАЛИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПЛЕКСА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

А. С. Комаровская

Построение полноценного диалога – одна из фундаментальных потребностей исследователей областей правовой науки и этико-философского знания. Данный тип взаимосвязи предполагает бинарность смысловых форм, взаимодополнение может осуществляться через воздействие морали на право и через воздействие права на мораль.

Первый вариант реализуется посредством формирования аксиологических приоритетов правовой системы при помощи моральных ценностей, определяющих критерии правовой деятельности. Именно с точки зрения морали складываются ценностные критерии правовой деятельности; право оценивается как справедливое или несправедливое; возникают представления о праве как о гуманистической ценности. От степени восприимчивости правом моральных принципов во многом зависит и эффективность действия правовой системы.

Вторая сторона взаимодополнительности, то есть воздействие права на мораль, проявляется, прежде всего, в том, что «правопорядок есть социальное пространство человеческой моральности» [1, с. 208]. Для современного общества основополагающим становится факт осознания того, что основой осуществления моральной свободы человека является организованный правопорядок, обеспечивающий формальное равенство, пределы и способы государственного воздействия на поведенческие внутрисоциальные аспекты, реализуемые в рамках приоритета прав и свобод человека.

В процессе взаимодополнения право и мораль аккумулируют культурно-исторические особенности генезиса конкретного общества, создают единое пространство социальной реальности. Право конструирует нормативно-организованную сферу деятельности для осуществления моральных интенций человека, мораль ориентирует общество на рациональное принятие и обосновано необходимое уважительное отношение к правовым ценностям. Такая взаимообусловленность во многом связана с наличием общей, функционально однонаправленной цели права и морали, выраженной в стремлении к обеспечению гармоничного развития человека и общества.

Сущностным признаком, делающим возможными взаимодополни-

тельные отношения права и морали, является совпадение идеализированного ценностного приоритета, единство в интерпретации базовой духовно-мировоззренческой доминанты, направляющей развитие данных систем, исходящей и замыкающейся границами феномена «человек». Поскольку за каждой нормативно-ценностной системой стоит свой инструментарий, свои способы обеспечения общей цели, то далее акценты расставляются по-разному. Так, в праве общие ценности конкретизированы в виде специфических ценностей формального равенства, справедливости, заключающейся в эквивалентности предоставлений и получений, деяний и воздаяний, свободы как первого условия осуществления правовых отношений (см.: [2, с. 22]).

Рассматривая взаимодополнительность современных систем права и морали, важно понимать их альтернативность в системе общечеловеческой культуры. Как развитые, полноценные системы, право и мораль обладают институциональной независимостью в реализации нормативно-регулирующей функции. Мораль сегодня актуализирует «полезность добра», предоставляет духовно развитой личности свободное право на самоопределение в выборе между добром и злом. Право, основанное на юридическом мировоззрении, концепции правового государства и теории прав человека, характеризуется стремлением к обеспечению юридическими средствами свободы, справедливости, гуманизма. По сути, автономия морали и права означает их несводимость друг к другу ни в ценностном, ни в функциональном плане.

Современный уровень развития социальных систем предполагает вовлеченность и пересечение смыслового содержания конструктов нравственного и правового регулирования в локальных зонах конкретных функциональных вопросов, актуализированных потребностями человека и определяющих осознание ясности в построении моделей прогностического характера.

Целостность цивилизационной общности обеспечивается контекстуальным единством мировоззренческого пространства, конституирующим элементом которого выступает взаимодействие автономных структур нравственного и правового сознания, обеспечивающее в результате синхронность функционирования всех уровней организации общественных отношений. Наиболее яркий пример взаимодействия через механизм взаимодополнения права и морали проявляется в области концептуального понятия «прав человека» и практики его реализации.

В конструкции прав человека происходит закрепление основных морально-правовых ценностей цивилизованного общества, их укоренение в правовых системах различных государств, в которых они, «оставаясь нравственно-политическим императивом, приобретают юридическую форму» [3, с. 242].

Значимость этого примера обуславливается возросшим статусом права по отношению к содержательным аспектам морали. Сегодня зако-

нодательно закрепленная норма права имеет приоритетное влияние на оформление нравственных установок. Усложнение социальных структур является одной из причин, влияющих на необходимость корректировки понимания фундаментальных принципов нравственного сознания как на индивидуальном, так и на общественном уровнях, исходя из правового понимания их значимости в масштабах общечеловеческой культуры. Мораль провозглашает исходную ценность человека, но только в рамках права эта ценность получает статус неприкосновенной.

Закрепление прав человека во многих международных актах, с одной стороны, характеризует важность их роли для современных государственных структур, с другой, фиксирует необходимость существования установленного макета прав человека в системе мировоззренческих ориентаций личности и цивилизованного общества. Важно отметить, что права человека существуют независимо от признания их теми или иными государствами: они принадлежат ему от рождения. Однако качественное и количественное схватывание и отражение совокупности прав человека в системах законодательства свидетельствует об общем демократическом, правовом характере государства и формировании благоприятных условий для развития свободной, гармонично развитой личности.

Определяющим событием в области права стала интернационализация прав человека, реализуемая посредством последовательного принятия смыслоопределяющих международно-правовых документов. Среди них, например, Всеобщая декларация прав человека и гражданина, Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Как общечеловеческая ценность права человека признаны всем мировым сообществом. Гармоничное сочетание и особый пограничный статус между областями права и морали повлияли на проникновение идеологии прав человека в область индивидуального сознания и укоренение в структурах общественного сознания.

Литература и источники

1. Соловьев, Э. Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права / Э. Ю. Соловьев // *Философия Канта и современность*. – М., 1974.
2. Нерсесянц, В. С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от Древности до декларации 1789 г.) / В. С. Нерсесянц // *Права человека в истории человечества и в современном мире*. – М., 1989.
3. Сравнительное конституционное право. – М., 1996.

ДИАЛЕКТИКА ДВУСТОРОННИХ И МНОГОСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБСЕ

М. В. Горбатов

После окончания холодной войны на концептуальном уровне сложилось единое мнение о том, что Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) следует расширять и углублять свои внешние контакты и сотрудничество. Это отчасти явилось следствием осознания того, что многогранный характер вызовов в области безопасности требует многоинституционального реагирования [1, р. 277].

ОБСЕ является неотъемлемой частью сети дополняющих друг друга институтов, занимающихся вопросами европейской безопасности, прав человека, а также экономическими проблемами [2, р. 110]. Ввиду широкого спектра и сложного характера проблем и вызовов в области безопасности, с которыми сейчас сталкивается Европа, важнейшее значение имеет сотрудничество между ОБСЕ и другими взаимоподкрепляющими организациями и институтами, занимающимися вопросами безопасности, как на уровне политических консультаций, так и на местном уровне. Одной из главных составляющих модели европейской безопасности должна стать отработка взаимоотношений международных институтов, отлаживание механизма разделения труда и координации их деятельности [3, с. 47].

Взаимодействие ОБСЕ с организациями партнерами осуществляется главным образом через *Отдел внешнего сотрудничества Секретариата ОБСЕ*. Являясь составной частью Канцелярии Генерального секретаря, этот отдел помогает ему поддерживать отношения с внешними партнерами ОБСЕ, выступая в роли первого контактного пункта на уровне штаб-квартир. В соответствии с принятым 29 июня 2000 года Решением РС.DEC/364 он вместе с другими подразделениями Секретариата отвечает за конкретное осуществление сотрудничества в соответствии с разделом II Оперативного документа Хартии европейской безопасности [4, с. 99].

Одним из ближайших партнеров ОБСЕ является Организация Объединенных Наций. На Хельсинской встрече на высшем уровне 1992 года государства-участники заявили, что ОБСЕ является региональным соглашением в том смысле, в каком об этом говорится в главе VIII Устава ООН. Таким образом, ОБСЕ, поставленная в зависимость от ООН, одновременно является ее «агентом» на европейском континенте [5, р. 387].

На основе дополнительных руководящих принципов, утвержденных на Стокгольмской встрече Совета министров в декабре 1992 года, 1 мая 1993 года было согласовано *Рамочное соглашение о сотрудничестве и координации действий между Секретариатом ООН и ОБСЕ* [6 р. 161].

С октября 1993 года СБСЕ был получен статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН [5, р. 391].

Бывший Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали побуждал региональные организации, особенно европейские, больше внимания уделять вопросам безопасности. Доказательством этому явилась отправка в бывшую Югославию наблюдателей СЕ с поддержкой СБСЕ [7, р. 62].

Для укрепления сотрудничества используются разнообразные средства, указанные в Платформе безопасности, основанной на сотрудничестве, а также в *Рамках сотрудничества в области миростроительства* – документе, который был представлен в декабре 2001 года в Нью-Йорке на четвертом совещании высокого уровня по сотрудничеству между ООН и региональными организациями.

Апогеем регионального диалога в 2003 году стало пятое совещание высокого уровня с участием ООН и региональных организаций (29–30 июля). Генеральный секретарь ООН созывает это совещание раз в два года поочередно с рабочими совещаниями в рамках дальнейших шагов. «Большинство из вызовов, с которыми мы сталкиваемся, не по силам любому из нас в отдельности», – сказал Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан 29 июля 2003 года в Нью-Йорке [8, с. 25].

Весьма тесные отношения поддерживаются и с Советом Европы. С 1993 года ежегодно проводятся двусторонние встречи на высоком уровне с участием Председателя и Генерального секретаря ОБСЕ и, соответственно, Совета Европы. Обычно на таких встречах присутствуют также Верховный комиссар по делам национальных меньшинств ОБСЕ (ВКНМ) и Директор бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (БДИПЧ). Кроме того, тесное сотрудничество между этими двумя организациями налажено в работе по наблюдению за выборами и в области человеческого измерения. Время от времени они совместно организуют различные встречи, семинары и конференции, например, по таким вопросам, как роль средств информации в конфликтных ситуациях, роль образования в укреплении гражданского общества и наблюдение за выборами.

Необходимо упомянуть посещение Совета Европы 28 января 2003 года Председателем ПА ОБСЕ Брюсом Джорджем, где он имел встречу с Председателем ПАСЕ Петером Шидером и Генеральным секретарем СЕ Вальтером Швиммером [9, с. 27].

Помимо этого, ОБСЕ тесно сотрудничает с Европейским союзом. Более 60% бюджетных средств ОБСЕ вносится за счет стран-членов ЕС [10, р. 123].

Одним из шагов на пути развития взаимодействия стал *Пакт о стабильности* (предложен Европейским союзом в 1994 году и утвержден в 1995 году), согласно которому были учреждены региональные «круглые столы» и целью которого является урегулирование отношений между центральноевропейскими и балтийскими государствами [11, р. 38]. На

заключительном совещании в Париже 20–21 марта 1995 года ОБСЕ было доверено выполнять функции хранителя Пакта о стабильности [5, р. 293].

20 ноября 2000 года на заседании Постоянного совета ОБСЕ выступил член Европейской комиссии, ответственный за внешние связи, Кристофер Паттен. Его речь содержала всеобъемлющий обзор тесного сотрудничества между ЕС и ОБСЕ во многих регионах и на многих направлениях. Признав, что главным вызовом для обеих организаций в последние годы были угрозы безопасности, исходящие из Юго-Восточной Европы, К. Паттен подчеркнул важность построения устойчивых демократических институтов и обеспечения верховенства закона. В своем выступлении он также отдал должное позитивной роли ОБСЕ в подготовке стран-кандидатов к вступлению в Европейский союз, и в частности усилиям БДИПЧ и ВКНМ [12, с. 12].

В Центральной Азии сотрудничество ЕС и ОБСЕ также вышло на высокую отметку. Почти половина проектов БДИПЧ в Центральной Азии в 2002 году финансировались по линии ЕС [13, с. 116].

Еще в 1990 году Совет НАТО принял решение о преобразовании Североатлантического союза с целью его адаптации к новым обстоятельствам, и превратив его, таким образом, в один из оплотов безопасности в Европе. С учетом такого намерения, в *Декларации Хельсинкской встречи СБСЕ* (1992 год) было зафиксировано положительное отношение участников Хельсинкского процесса к укреплению НАТО как составного элемента европейской безопасности [14, с. 56].

Настоящее продуктивное сосуществование не всегда было характерно в отношениях между этими организациями. Во времена холодной войны СБСЕ, призванное вести переговоры между Западом и Востоком, рассматривалось как некая противоположность НАТО [15, р. 429].

ОБСЕ не может остановить уже начавшуюся агрессию или гражданскую войну, а члены ЕС отдают приоритет принципу национального суверенитета в ущерб общей безопасности, поэтому инициативы союза тоже малодейственные [16, с. 48]. *Однако необходимо отметить, что у каждой из международных организаций есть свое поле деятельности и, следовательно, нельзя какую-либо одну из них ставить во главе остальных.*

Поэтому налицо взаимодополняемость и незаменимость данных организаций. Они неэффективны, если действуют в отрыве друг от друга и без необходимой координации совместных усилий по поддержанию мира и стабильности.

Таким образом, ОБСЕ, являясь региональным органом в смысле Главы VIII Устава ООН, может взять на себя роль координатора действий всех других международных образований, задействованных на ее пространстве [17].

Сердцевиной этой модели станут переговоры по контролю над вооружениями, разоружением, мерами доверия и безопасности. Все это в

сочетании друг с другом, на взаимодополняющей основе поможет создать прозрачность военной деятельности, которая исключит всякую возможность скрытой подготовки к нападению.

Литература и источники

1. Peters, I. *Europäische Sicherheitsinstitutionen: Arbeitsteilung oder Konkurrenz?* / I. Peters // *Sicherheitspolitik für Europa zwischen Konsens und Konflikt* / Erhard Fromdran, Hans-Dieter Lemke (Ed.). – Baden-Baden, 1995.
2. Wohlfeld, M. *The OSCE and Regional Cooperation in Europe* / M. Wohlfeld // *Regionalism in the Post-Cold war World*. – Aldershot, 2000.
3. Рахманинов, Ю.Н. ОБСЕ в XXI в.: на пути к новой модели безопасности / Ю.Н. Рахманинов // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1997. – № 1.
4. Ежегодный доклад за 2001 год о деятельности ОБСЕ (1 ноября 2000 года – 31 октября 2001 года). – Вена, 2001.
5. Peters, I. *The Relations of the OSCE to Other International Organizations* / I. Peters // *OSCE Yearbook 1995/1996*. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. – Baden-Baden, 1997.
6. Felice, D. Gaer. *The United Nations and the CSCE: Cooperation, Competition, or Confusion?* / D. Felice // *The CSCE in the 1990s: Constructing European Security and Cooperation* / Michael R. Lucas (Ed.). – Baden-Baden, 1993.
7. Cowen Karp, R. *Central and Eastern Europe: The Challenge of Transition* / R. Cowen Karp // SIPRI. – New York, 1993.
8. ООН и региональные организации. Заметки Генерального секретаря ООН // Вестник ОБСЕ. – 2003. – Сентябрь / Октябрь.
9. Вестник ОБСЕ. – 2003. – Vol. X, № 1, Январь / Февраль.
10. Schmidt, R. *Inner-State Conflicts: The OSCE and EU Contribution to Prevention and Peaceful Settlement* / R. Schmidt // *OSCE Yearbook 2000*. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. – Baden-Baden, 2001.
11. Benoit-Rohmer, F., Hardeman, H. *The Pact on Stability in Europe: A Joint Action of the Twelve in the Framework of the Common Foreign and Security Policy* / F. Benoit-Rohmer, H. Hardeman // *Helsinki Monitor*. – 1994. – №4.
12. Ежегодный доклад за 2001 год о взаимодействии между организациями и институтами в регионе ОБСЕ (1 ноября 2000 года – 31 октября 2001 года). – Вена, 2001.
13. Ежегодный доклад за 2002 год о деятельности ОБСЕ. (1 ноября 2001 года – 31 декабря 2002 года). – Вена, 2003.
14. Рахманинов, Ю.Н. Некоторые соображения о расширении НАТО / Ю.Н. Рахманинов // США. Экономика. Политика. Идеология. – 1997. – № 2.
15. Jonathan Dean. *OSCE and NATO: Complementary or Competitive Security Providers for Europe* / J. Dean // *OSCE Yearbook 1999*. Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg. – Baden-Baden, 2000.
16. Копышев, В.Н. Расширение НАТО на восток: аргументы администрации Клинтон / В.Н. Копышев // *Безопасность в регионе Центральной и Восточной Европы: роль России и НАТО*. Сборник статей. – Санкт-Петербург, 2001.

PRECIZĂRI NOȚIONALE ȘI TEORII REPREZENTATIVE PRIVIND SPECIALIZAREA INDUSTRIALĂ

Cornelia Russu

Temele specializării economiei țărilor, a industriei și a exportului acestora sunt intens abordate în literatura de specialitate economică din ultimele decenii, rațiunea esențială fiind rolul specializării activităților economice, respectiv al opusului acesteia – diversificarea, de forță motrice eficace a creșterii și dezvoltării.

Specializarea se referă la ponderea unei activități de un anumit profil în structura producției unei entități de referință de tipul celor menționate mai sus. Specializarea are limite, determinate de beneficiile pe care le generează (în sensul că acestea cresc pe măsură ce specializarea se adâncește dar până la un anumit punct, peste care sporul de beneficii tinde spre zero), și de costurile antrenate (cresc ușor la început, apoi accelerat, apoi abrupt, peste un anumit punct specializarea devenind dăunătoare).

Maximizarea beneficiilor rezultate din legătura specializare – competiție conduce la integrare economică, proces ce constă în armonizarea politicilor economice ale mai multor țări în sensul înlăturării barierelor comerciale tarifare și netarifare care precede integrarea propriu-zisă.

Specializarea și concentrarea economică sunt considerate procese identice. Definirea mai riguroasă a concentrării o tratează ca un proces de comasare a activității productive în entități mari (firme, sectoare, regiuni), cu scopul creșterii eficienței activității desfășurate.

Opusul specializării, diversificarea, este procesul determinat de opțiunea strategică a conducerii unei entități vizând dezvoltarea mai multor activități specializate și a unor noi produse/ servicii prin care se asigură valorificarea superioară a resurselor, creșterea eficienței activităților și a produselor/ serviciilor, satisfacerea superioară a nevoilor de consum.

Țările se specializează, potrivit teoriei convenționale a comerțului, într-o gamă restrânsă de produse/ servicii în care au avantaje comparative, diferențele dintre țări fiind determinate de înzestrarea cu factori și de tehnologiile folosite.

Teoria Ricardiană a fost extinsă de J. Heckscher și B. Ohlin, care consideră că țările își specializează producția și comerțul pe produse/ servicii pe care le produc mai intens cu factorul cu care sunt înzestrate cel mai bine [8, p.1]. Teorema H-O afirmă că țara cu capital abundent exportă produse capital-intensive și importă produse muncă-intensive.

Teoriile lui Ricardo și Heckscher-Ohlin, bazate pe ideea avantajului comparativ, au pierdut treptat terenul în eforturile de explicare a noilor realități

economice mondiale.

A apărut Noua Teorie a Comerțului, dezvoltată de E. Helpman și P. Krugman, care demonstrează că țările se angajează în schimburi comerciale chiar și atunci când nu există avantaje comparative, când țările au niveluri egale sau apropiate de dezvoltare și legăturile comerciale sunt intra-industrie (cu aceleași grupe de produse) [2].

Supozițiile Noii Teorii a Comerțului au fost lărgite în modelul Noii Geografii Economice, dezvoltat tot de P. Krugman, în care forța de muncă este considerată mobilă, se aplică modele de echilibru general, se iau în considerare economia de scară, costurile de tranzație și de transport, înzestrarea cu factori este endogenă [2].

J. Imbs și R. Warczziarg demonstrează că opțiunile strategice de specializare și diversificare au un parcurs stadial, în funcție de nivelul de dezvoltare a fiecărei țări reflectat de nivelul PIB/ locuitor (curba în U) [4, p. 63–86].

Țările au capacități diferite de a asigura, prin potențialul lor uman, material, tehnologic și financiar și cadrul lor instituțional și reglementativ (strategii, politici, legi, norme), condițiile de creștere a eficienței activităților desfășurate și competitivității, cunoașterea factorilor fiind indispensabilă pentru fundamentarea adecvată a opțiunii strategice de specializare. Principalii factori care influențează specializarea sunt: Nivelul de dezvoltare a țării, respectiv cel al PIB / locuitor; Înzestrarea cu factori [7, p. 8]; Potențialul tehnologic; Fiscalitatea; Cadrul instituțional; Cadrul legislativ; Politica comercială: Ratele de schimb al monedei naționale.

Analiza legăturii dintre specializare, diversificare și dezvoltarea economică a unei țări a condus la concluzia menționată că evoluțiile în acest sens se înscriu pe o curbă în formă de U.

Cercetări ample au fost efectuate de J. Imbs și R. Warczziarg, care confirmă existența unei legături neliniare între elementele menționate, potrivit unui ciclu specializare – diversificare – re-specializare pe o structură industrială calitativ superioară [3].

Aceeași evoluție potrivit curbei în U este explicată de C. Batista și J. Potin [1] prin prisma teoriei H – O: țările cu venituri reduse, cu înzestrare tehnică a muncii modestă, se specializează în producția de bunuri muncă-intensive, cele cu înzestrare ridicată – în producția de bunuri capital-intensive, iar cele cu înzestrare medie – în producția ambelor categorii de bunuri.

În ultimele decenii a devenit clar faptul că la crearea și consolidarea avantajelor competitive rolul esențial îl joacă potențialul științific și tehnologic, creativ și inovativ, ceea ce a modificat de fond modelele tradiționale de combinare a factorilor. Locul avantajelor comparative, considerate «date» și statice, a fost luat de avantajele competitive, care se «construiesc» și sunt dinamice, legate de crearea, asimilarea și difuzarea progresului tehnologic prin stimularea intensă a activităților de cercetare-dezvoltare și inovare.

Experiența acumulată pe plan mondial în materie de politici industriale evidențiază principalele lor coordonate: Stimularea puternică a cercetării-

dezvoltării și inovării, creșterea potențialului creativ al firmelor; Îmbunătățirea semnificativă a structurii și conținutului sistemului educațional-formativ național, corelarea strânsă a ofertei educaționale cu cerințele pieței forței de muncă; Crearea unui mediu de afaceri prietenos, transparent, deschis și dinamic; Simplificarea și reducerea fiscalității, facilitarea accesului firmelor la sursele de finanțare; Internaționalizarea activității firmelor, sprijinirea acestora pentru a beneficia în mai mare măsură de oportunitățile Pieței Unice și a pieței țărilor, în general.

Referințe și surse

1. Batista, C. Stages of Diversification and Specialization in a Heckscher / C. Batista, J. Potin // Ohlin World, 1976–2000, University of Oxford, Department of Economics Discussion Paper Series. – 2000. – Nr. 356.
2. Helpman, E. Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition and the International Economy / E. Helpman, P. Krugman – Massachusetts, Cambridge, 2001.
3. Imbs, J. Stages of Diversification / J. Imbs, R. Wacziarg – Stanford., 2014.
4. Imbs, J. Stages of Diversification / J. Imbs, R. Wacziarg // Stanford: American Economic Review. – 2003, Vol. 93. – Nr. 1.
5. Krugman, P. Geography and Trade / P. Krugman – Cambridge, Massachusetts, 1991.
6. Leontief, W. Domestic Production and Foreign Trade / W. Leontief // The American Capital Position Reexamined, *Economia Internazionale*, VII, 1954.
7. OECD New Evidence on the Determinants of Industrial Specialization, Economics Department Working Papers No. 1112 / A. Johansson, E. Olaberria, ECO / WKP. – Paris, 2014.
8. Ohlin, B. Interregional and International Trade / B. Ohlin – Harvard; Cambridge, MA, 1967.

PERFEȚIONAREA STATISTICII DE ANALIZĂ A EMIGRAȚIEI FORȚEI DE MUNCĂ DIN REPUBLICA MOLDOVA

Larisa Pantea

Elaborarea unui sistem de indicatori ai circulației forței de muncă, coerent sub aspectul concepției și configurației sale, este esențial pentru atingerea obiectivelor politicii de dezvoltare sustenabilă a Republicii Moldova. Este esențială capacitatea indicatorilor de a măsura și exprima volumul, intensitatea, structura și impactul emigrării forței de muncă. Deasemenea, procesul emigraționist al forței de muncă poate fi caracterizat prin prisma unor particularități demografice, sociale, economice, educațional – profesionale etc. Elaborarea unei analize coerente și juste privind migrația forței de muncă peste hotare presupune accesul la informație statistică consistentă.

Măsurarea impactului din procesele migraționale, care afectează piața

forței de muncă, influențează asupra situației demografice în Republica Moldova, ceea ce, la rândul său, contribuie asupra dezvoltării stabile socioeconomice a țării, reprezintă un obiectiv principal la etapa actuală. În acest context evaluarea sistemului existent de indicatori disponibili, precum și a posibilităților acestora de evaluare a tuturor aspectelor de acoperire a caracteristicilor specifice fluxurilor migraționale reprezintă un obiect principal de cercetare în cadrul prezentei lucrări.

În acest context, avînd necesitatea atingerii obiectivelor politicii de dezvoltare sustenabilă a Republicii Moldova, o sarcină primordială reprezintă determinarea și, în cazul necesității, elaborarea unui sistem performant de indicatori ai circulației forței de muncă coerent sub aspectul concepției și configurației sale.

Reișind din aceasta, trebuie să fie determinată capacitatea indicatorilor în vigoare de a măsura și exprima volumul, intensitatea, structura și impactul emigrării forței de muncă. De asemenea, trebuie să se țină cont că procesul emigraționist al forței de muncă poate fi caracterizat prin prisma unor particularități demografice, sociale, economice, educațional-profesionale etc. Din această perspectivă setul de indicatori poate fi împărțit în două categorii: indicatori primari și indicatori derivați.

Sub aspect statistic, emigrarea populației la lucru peste hotare poate fi reflectată prin indicatori de stoc și de fluxuri, indicatori de structură, prin prisma criteriilor de ordin demografic, economic, educațional, ocupațional – profesional; la fel deosebit indicatori de impact, costuri și beneficii ale emigrării forței de muncă, inclusiv pe termen scurt, mediu și lung, fie pentru localitatea/ regiunea/ țara de origine, fie pentru localitatea/ regiunea/ țara gazdă.

Emigrarea la lucru, în forma cu care suntem obișnuiți să tratăm acest subiect, se suprapune cu un alt fenomen răspîndit în reppublica Moldova – lucrul peste hotare al studenților prin programele Work and Travel. Fiind o formă de emigrare legală peste hotare, organizată și cu durata de timp strict determinată, acest tip de emigrare este mai ușor de monitorizat și cuantificat. Este evidentă necesitatea extinderii bazei de date privind emigranții la lucru peste hotare prin includerea în cercetare a studenților și masteranzilor plecați prin intermediul programelor Work and Travel. Includerea în indicatori a ponderii participanților la programele Work and Travel în numărul emigranților la lucru peste hotare se argumentează prin faptul că această categorie de persoane reprezintă populația inactivă în țara noastră, însă peste hotare se include în populație activă. Autorul consideră că este binevenită evidența ponderii lor după:

1. numărul plecărilor prin intermediul acestor programe (o dată, de mai multe ori);
2. ponderea lor după ocupațiile practicate;
3. ponderea lor după țările de destinație,
4. ponderea lor după facultatea la care sînt înmatriculați în Republica Moldova.

Prelucrarea datelor privind participanții la programele Work and Travel

este mai facilă, fiind vorba de emigrare oficială la lucru peste hotare, aceste date reflectă mai veridic realitatea. Deasemenea, primind cod numeric personal atribuit contului în care se efectuează transferurile la fondul social, veniturile studenților participanți la programele Work and Travel pot fi mai ușor monitorizate. Studiarea acestui contingent de emigranți la lucru peste hotare prezintă interes aparte și importanță deoarece permite aprecierea dimensiunii procesului de «exod al creierilor». Monitorizarea reîntoarcerii studenților și perspectivei de plecare repetată sau angajare în Moldova permite prognozarea ofertei de muncă pe plan național.

Particularitățile emigrării studenților prin programele Work and Travel ar putea fi evidențiate în baza următoarelor criterii:

1. Numărul total al persoanelor aflate peste hotare prin programele Work and Travel;

2. Țara de destinație;

3. Domeniul occupational;

4. Venitul mediu săptămânal, dolari SUA;

5. Domeniul general de studii în Republica Moldova.

Aceste date ar putea fi culese de către secțiile studii ale instituțiilor de învățământ unde studiază tinerii emigranți. Astfel, pot fi evidențiate un șir de caracteristici ale angajării în muncă a tineretului nostru peste hotare, ceea ce va permite a elabora și dezvolta politici de ocupare corespunzătoare pentru acest segment de populație. Studiarea structurii ocupării pe activități practicate peste hotare de către tineret va permite aprecierea justă a competențelor și abilităților deținute de tineri pentru a prognoza evoluția viitoare a ofertei de muncă. Deoarece tinerii care au fost angajați peste hotare indică în Curriculum Vitae informația privind lucrul practicat peste hotare, inclusiv competențele dezvoltate, monitorizarea mai facilă a datelor ar fi posibilă prin introducerea obligatorie a depunerii unor CV-uri la agenția recrutoare, la reîntoarcerea în țară. În vederea îndeplinirii obiectivelor sus-menționate este necesară conlucrarea specialiștilor de la ANOFM, în special a secției Angajare peste hotare cu agențiile private care asigură plecarea și încadrarea în muncă a studenților peste hotare.

Fenomenul emigrației la lucru peste hotare implică necesitatea elaborării unui set de indicatori în măsură să aprecieze dimensiunile și multitudinea din aceste aspecte privind caracteristicile forței de muncă antrenate în aceste fluxuri. Lista actualizată și completată de indicatori privind emigrația forței de muncă are scopul de a aduce la un numitor comun aspectele tratate în viitoarele studii ale Biroului Național de Statistică, ceea ce va asigura congruența datelor și posibilitatea comparării lor. Acest fapt va permite o analiză mai aprofundată și trasarea principalelor tendințe de emigrare a diferitelor categorii de populație.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЭКСПОРТНОЙ ДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

И. А. Червинская

Традиционно в странах с переходной экономикой (к числу которых относится Республика Беларусь) цены на продукцию, исчисляемые в местной валюте на внутреннем рынке, не считаются реальной основой для расчета нормальной или «справедливой» цены [4]. Решение основано на том, что в централизованной экономике неконвертируемые валюты и механизмы ценового контроля подвержены политическому и административному влиянию и не отражают нормальную «рыночную» стоимость товаров. Это дает возможность поддерживать низкие цены на экспортных рынках и компенсировать потери за счет взимания более высоких цен на внутреннем рынке без привлечения иностранных займов. Антидемпинговые правила трактуется как практический ответ на эту искажающую нормальную торговлю политику.

Трактовка демпинга как формы проявления несправедливости в торговой практике и вытекающее из нее признание правомерности антидемпинговых мер в пользу производителей страны-импортера, с тем, чтобы количественно компенсировать последствия искусственно созданных преимуществ, возникших для товаропроизводителей экспортирующей стороны, позволяют представить антидемпинговые действия как своеобразную компенсирующую реакцию на сформированную несправедливость. При этом решение о том, является ли экспортер представителем рыночной или нерыночной страны, принимается субъективно в каждом отдельном случае [5]. Следует отметить, что статус страны с нерыночной экономикой и использование различных методов для определения нормальной стоимости могут оказывать существенное влияние на вероятность обнаружения факта демпинга. Также многие проблемы, с которыми сталкиваются страны с рыночной экономикой и так называемые «третьи страны», связаны с незнанием иностранными предприятиями антидемпингового законодательства и соответствующих процедур, а также с требованиями незамедлительно отвечать по-английски на подробные технические вопросы-анкеты относительно цен и затрат на производство. При отсутствии в ряде стран практики отчетности (в том числе и бухгалтерской), соответствующей международным стандартам, это вызывает серьезные проблемы [6].

Определение демпинга в основном является судебной процедурой, в ходе которой как компании, заявляющие о причиненном ущербе, так и иностранные экспортеры имеют возможность представить доказательства для обоснования своих исков. В случаях, когда ответчики, представляющие рыночные или нерыночные страны, не в состоянии представить

подробную информацию о ценах и затратах в определенном формате, принимаются решения на «имеющихся фактах». Это часто фактически разрешает использовать те данные и те методы определения наличия демпинга, которые инициаторы расследования сочтут нужными.

В торговле с ЕС Беларусь классифицируется как страна с нерыночной экономикой на том основании, что она предприняла недостаточные шаги к следованию рыночным принципам организации торговли и производства. Вступление в ВТО также не гарантирует защиты от применения методики аналоговой страны, если страна не считается «рыночной» [2]. Единственный надежный путь избежать применения цены третьей страны в качестве нормальной – получение статуса страны с рыночной экономикой.

В отношении стран с нерыночной экономикой антидемпинговые меры, по сути, являются завуалированной формой протекционизма, а не защитой внутреннего рынка от «нечестной» торговли. Более того, возлагая вину за проблемы отечественных фирм на плохо ведущие себя иностранные фирмы-конкуренты, эта практика предоставляет в высшей степени привлекательную возможность для отечественных фирм-производителей просить, а государству предоставлять защиту без формального нарушения принципов ВТО о либерализации торговли во всем мире.

Очевидно, что при выявлении наличия демпингового эффекта могут быть применены методики расчета, основанные на различных временных основаниях. Если за временную единицу берется полугодовой период, то демпинговая маржа будет равна одному показателю (возможно нулевому). Но если в качестве временного интервала будет рассмотрен месячный (тридцатидневный) период, то этом случае появляется возможность фальсификации показателей.

Во внешнеторговой деятельности наглядно проявляется определенная тенденция, когда основную долю действия антидемпинговых мер испытывают экспортеры транзитивных стран, имеющих в экспортной структуре высокую долю сырьевой составляющей, с одной стороны, и как правило, недостаточный опыт нормативного сопровождения процессов внешнеторговой динамики, с другой стороны.

Оба эти обстоятельства делают особенно уязвимыми переходные экономики для различного рода фальсификаций со стороны стран-членов ВТО, имеющих определенный опыт манипуляций методикой определения фактов демпинга [3].

Большое разнообразие имеющихся методик создает предпосылки искусственной имитации демпинговой ситуации со стороны отдельных конкурирующих фирм, не отягощенных необходимостью следовать традициям рыночной экономики.

Поскольку потенциальная угроза антидемпинга висит над многими белорусскими товарами, для сохранения и наращивания объемов экспор-

та Беларуси в ЕС особое значение приобретает профилактическая работа с целью предотвращения новых антидемпинговых санкций. В связи с тем, что механизм антидемпинга включается через процедуру подачи жалоб от компаний-конкурентов и их союзов и ассоциаций, следует установить с ними тесный контакт для ликвидации возможных конфликтных ситуаций еще на этапе их зарождения. В случае, если жалоба уже поступила в ЕК, необходимо провести незамедлительные консультации в целях отзыва жалобы из ЕК до начала процедуры официального расследования [1].

Проблема оптимизации внешнеэкономической деятельности в Республике Беларусь подчеркнула необходимость подготовки квалифицированных национальных кадров, владеющих современными знаниями по различным аспектам внешней торговли.

Литература и источники

1. Антидемпинговая практика ЕС: руководство для российских экспортеров / Под ред. К. Стивенсона. – М., 1998.
2. Бакапов, А. А. Антидемпинговые меры против стран с нерыночной экономикой: некоторые концептуальные проблемы и один пример / А. А. Бакапов, Л. А. Жулего // ЭКОБЕСТ. – 2003. – № 4. – С. 637–668.
3. Василевский, С. Р. Антидемпинговое регулирование: нормы Всемирной торговой организации и особенности законодательства Европейского союза / С. Р. Василевский, Р. В. Соболев // Вестник Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – 2000. – № 4. – С. 135–146.
4. Соглашение о применении Статьи VI Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. – Женева, 1994.
5. Соглашение по защитным мерам Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. – Женева, 1994.
6. Agreement on implementation of article VI of the general agreement on tariffs and trade // World Trade Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/19-adp.pdf. – Дата доступа: 11.06.2013.

2.3 Экология человека и проблемы окружающей среды в междисциплинарной парадигме познания

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Н. М. Твердышиц

Современный техногенный мегаполис является одновременно и ис-

точником множества социально-экономических проблем, и их средоточием, и местом максимально динамичного развития, позволяющего эти проблемы решать. В данной работе рассматриваются как генезис проблем современного большого города, так изменения в оценке перспектив развития подобных чрезвычайно сложных социальных систем. Показывается, что стремление к максимально широкому применению для их описания математических моделей, основанных на статистических и вероятностных расчетах, приближается к своему пределу, и для более точного определения путей развития таких социальных систем необходимы представления, основанные на принципах современного естественнонаучного знания.

В настоящее время не существует философско-методологических концепций, которые позволили бы уверенно прогнозировать изменения в динамике социально-экономических систем (страна / регион). Вместе с тем, со времен Декарта фактически не прекращаются попытки представить окружающий мир, включая общественное бытие, в виде математических (физических и др.) моделей, которые не только объяснили бы существующие закономерности, но и позволили бы предсказать результат развития, как в отдельных частных случаях, так и для всего социума в целом.

Естественно, что такие попытки вызвали стремление ряда ученых прежде всего гуманитарного профиля, показать, что многие явления явны не подчиняются тем математическим закономерностям. Но на протяжении последних четырех веков сложилась практика постепенной математизации всего корпуса научных дисциплин. Безусловно, такая практика привела к значительным успехам. Но чем больше таких успехов становится, тем больше выявляется ограничений математического подхода. Данное обстоятельство вполне объяснимо, если учесть принципиальную разницу между математическим и другими видами знания [1, с. 44–70].

Именно поэтому необходимо обратить внимание на методы прогнозирования, которые учитывали бы ограничения математических моделей. Актуальным видится акцентирование не на отдельных теориях отвечающих эмпирическому уровню знания, или на более общих концепциях метатеоретического плана, а на принципах общего порядка, таких как «принцип Парето», «принцип Ле Шателье», принцип суперпозиции и др. [2, с. 159–165]. Так, для современного техногенного мегаполиса с характерным для него взаимовлиянием социальных, экономических и технико-технологических рисков кажется перспективным моделированием с использованием принципа Парето [3, с. 26–34].

Устойчивое развитие техногенной среды не может идти без согласованного развития всех сегментов социума. Данное положение предполагает, что все типы технологий, используемых в данном сообществе находятся в своеобразном «динамическом равновесии». Сам механизм общественного развития настраивается, исходя из особенностей соци

ального заказа в технике и технологии. Уже не одну тысячу лет они разнятся для общества в целом и крупного городского поселения, мегаполиса. К примеру, в таких обществах, как древнеримское, в большинстве случаев не нужна была механизация. А для выечки хлеба в самом городе Рима – нужна. И археологические данные, и письменные источники показывают, что именно там была решена сложнейшая инженерная задача по созданию искусственного водяного каскада, на котором располагались водяные мельницы, обеспечивающие город с населением более 1 200 000 человек хлебом, что считалось бы масштабным производством даже в наши дни.

Ушел ли современный мегаполис далеко вперед по сравнению с городскими поселениями древности? С точки зрения ряда авторов, в плане социально-экономических проблем мало что изменилось. Список городских проблем Древнего Рима удивительно похож на аналогичный для многих современных городов-миллионников [4, с. 187–225]. Но возникают и новые. Так, для современного мегаполиса одной из наиболее острых является транспортная проблема. Существующие модели решения этой и других подобных проблем в достаточной степени механистичны и требуют значительной корректировки даже с применением самой совершенной компьютерной техники, позволяющей учесть множество вариантов. И хотя многие решения принимаются на основе чисто эмпирической практики, отнюдь не следует отказываться от моделирования с применением научно-теоретических методов. Напротив, только их использование может обеспечить безопасность современного мегаполиса и техногенного социума в целом, поскольку развитие общества приводит к возникновению все новых факторов, делающих невозможным адекватное прогнозирование на основе лишь обыденного сознания.

Литература и источники

1. Лебедев, С. А. Гносеологическая специфика технических и технологических наук. / С. А. Лебедев, Н. М. Твердыгин // Вестник Московского университета им. М. В. Ломоносова. Серия 7 Философия. – 2008. – №2. – С. 44–70.
2. Лебедев, С. А. Методы научного познания / С. А. Лебедев. – М., 2014.
3. Ногин, В. Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход / В. Д. Ногин. – М., 2005.
4. Анджело, А. Один день в Древнем Риме / А. Анджело. – М., 2010.

АРХИТЕКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Н. И. Гончарова

Прошло около века с того момента, когда физик-теоретик А. Эйнштейн в рамках специальной теории относительности открыл проблему неоднозначности пространственно-временных характеристик

реальности. Для значительной части наших современников сущность этой теории и доныне остается непонятной, однако релятивистская концепция «пространства-времени» стала фундаментальным фактом современной картины мира, а сама теория – одним из самых известных научных брендов XX века.

Социальные науки также не обошли стороной эту проблематику. Философы и социологи обращались к отдельным положениям теории относительности как к фундаментальным принципам современной научной парадигмы, приемлемым для использования не только в сфере естественнонаучных исследований, но и при рассмотрении отдельных социологических проблем. Так, рядом с исследованиями атрибутивных свойств и отношений физической реальности, возникли разнообразные концепции социального времени и пространства. Первые шаги в этом направлении были сделаны П. Сорокиным и Р. Мертоном, позднее к ним присоединились П. Штомпка, П. Бурдье, М. Кастельс.

Что касается отечественной философской традиции в этой сфере то проблемы социального времени и пространства были представлены Г. Зборовским в монографии «Пространство и время как формы социального бытия». Причуды биологического и социального времени стали предметом оживленных философских дискуссий 80–90-х гг. минувшего столетия, которым отдали дань многие исследователи. В настоящий период наступило время переосмысления и обобщения теоретических достижений XX века. Вместе с тем, следует отметить наметившуюся актуализацию концепта социального пространства, который довольно долго оставался на периферии научного интереса.

Обращаясь к теоретическому наследию прошлого и современным философским достижениям в сфере осмысления самой категории социального пространства можно выделить по крайней мере две традиции в ее рассмотрении.

Первая ориентирует нас на определенные социальные процессы которые рассматриваются как «объемные», «протяженные», «многомерные». Таким образом, *социальное пространство выступает в качестве одного из вариантов математической модели социальной действительности*, отличаясь от евклидова или декартового пространства принципиальной усложненностью, неоднородностью и многомерностью. К этой версии тяготеют, прежде всего, представители классической социологической школы, начиная от О. Конта (который ввел понятие «социальной дистанции»), до П. Сорокина, П. Бурдье и их последователей.

Вторая традиция к социальному пространству относит *реально-физическое пространство как атрибутивную составляющую тех же социальных процессов и способов их объективации*. Собственно, речь идет о социальной наполненности физического пространства, о географических координатах или даже топографических «привязках» социальных трансформаций. Эта традиция сформировалась в связи с расширени

ем спектра межотраслевых и междисциплинарных исследований и предлагает взгляд на социологические проблемы как бы со стороны, через призму архитектуры, географии, теории ландшафта и т. п. (в частности, работы Д. Гарви и М. Кастельса).

Однако пространственная определенность и даже детерминированность социальных явлений привлекает к себе внимание не только представителей социологической мысли. На рубеже XIX–XX ст. социальная спецификация отдельных районов (прежде всего – в крупных населенных центрах, где аккумулируются не только культурные и технические достижения, но также болезни, преступность и голод) стали объектом художественного осмысления в ряде социолого-литературных очерков. Процессы перманентного воспроизводства маргинальных форм обыденных социальных практик в границах геттизованных (от «гетто» – трущобы) территориальных зон отражены в сборнике В. Гиляровского «Трущобные люди», в серии репортажей Д. Лондона «Люди бездны». Публицистика наглядно показала связь между территорией существования и способом существования, между пространственной локальностью гетто и их социальной изоляцией.

Несколько позднее, в 1930-х гг., резкой критике подвергается общее архитектурное пространство европейского города. Отсутствие единого плана развития, самоизоляция и крайняя ограниченность традиционных территориальных образований (замкнутых дворов-«колодцев», локальных жилищных кварталов) рассматривается архитекторами-функционалистами как одна из причин воспроизводства социального хаоса и несправедливости в обществе. Ряд криминологических исследований, проведенных в тот же период представителями Чикагской школы социологии (в частности, К. Шоу и Г. Маккеем) положили начало практике криминологической оценки социально-пространственных аспектов воспроизводства и развития преступности.

Альтернативу устаревшим формам структурирования социального пространства предложили сторонники Ле Корбюзье в знаменитой Афинской хартии: город, открытый свежему воздуху и солнцу, наполненный скверами и парками, со сквозными проспектами и большими площадями. Город, в котором публичное пространство превалирует над приватностью отдельных территорий, а физическое и духовное развитие человека становится одним из фундаментальных принципов архитектурных проектов [1, с. 92–126].

Положения Афинской хартии, определяющие основные направления развития современной архитектуры, имеют своим основанием инновационную – с учетом периода времени – идею о возможности реформирования устойчивых сценариев человеческого бытия за счет функциональной организации пространства вокруг человека.

В настоящее время схема функционального зонирования, предложенная Афинской хартией, уже воплощена в реальность современных

мегаполисов и отдельных районов «старых» европейских городов. Разграничение производственной и жилищной зон, формирование зеленых зон вокруг жилья и планирование специальных зон развлечений – все это по убеждению архитекторов-функционалистов должно способствовать формированию более гармоничных способов индивидуального и общественного существования.

Однако реальность всегда богаче, чем теоретические предположения и прогнозы. Помимо значительных достижений вышеизложенные архитектурные решения имеют и ряд непредусмотренных негативных последствий. Согласно современным исследованиям, излишняя «экономизация» территориальных зон приводит к отсутствию возможностей для межличностного общения и возникновения стабильных социальных связей. Зоны развлечений и торговли (где расположены крупные торговые и развлекательные комплексы, стадионы и т. п.) являются социальными дезинтегрированными районами, а «зеленые зоны» тяготеют к поступательной маргинализации, вследствие этого, становятся зонами повышенной ситуативной преступности, аккумуляции агрессивности и вандализма [2, с. 206–211].

При всех недостатках означенной модели, она обладает преимуществами, о которых так легко забыть сегодня: отсутствие жестких границ социальной дифференциации, принципиальная распахнутость и незакрытость социализированного пространства. По сравнению с ней современные тенденции локализации, замкнутости и самоизоляции социальных территорий представляются шагом назад.

Отказ от крупномасштабного планирования в пользу локальных кластеров элитных застроек, предельная отграниченность личной территории (в частности, с помощью технологий «умного дома») от социальной и природной среды существования, стремление перевести публичное пространство в пространство даже не столько «приватное», сколько приватизированное и коммерциализированное, является попыткой возврата к ранее апробированному и доказавшим свою принципиальную ошибочность решениям. Своим прямым результатом оно имеет нарастание социальной агрессии с неперенным разрешением в виде социальных (национальных, религиозных, криминальных и т. д.) конфликтов, в которых предельно автономизированное пространство социального субъекта превращается в технологически оснащенную ловушку.

Литература и источники

1. Корбюзье, Л. Три формы расселения; Афинская хартия / Л. Корбюзье. – М. 1976.
2. Шнайдер, Г. Й. Криминология / Г. Й. Шнайдер. – М., 1994.

ESTIMARI SPECULATIVE PRIVIND GESTIUNEA RESURSELOR NATURALE. CONCEPTUL «SPACESHIP EARTH»

Marius Bulearcă, Cornelia Neagu

Activitatea economică a omenirii, în special în ultimele două secole, a avut un impact profund asupra mediului înconjurător. Depletarea rapidă a resurselor forestiere, a stocului piscicol, a combustibililor fosili și a depozitelor miniere a ridicat numeroase întrebări morale, dar și practice în legătură cu generațiile prezente și cele viitoare. Mai mult, un număr de probleme de mediu, cum ar fi ploile acide, efectul de seră și depletarea stratului de ozon sunt în atenția tuturor statelor lumii. În acest sens, ce spune știința economică despre exploatarea resurselor naturale deficitare?

Unii economiști specializați în teoria resurselor naturale au arătat că pe durata de viață a unui stoc un calcul estimativ bazat pe gradul global de cunoaștere al rezervelor este prea conservator, adeseori inexact. O estimare realistă ar trebui să includă nu numai stocurile cunoscute, ci și o «estimare presupusă» asupra cantităților care nu sunt pe deplin cunoscute în prezent.

Terminologia referitoare la stocuri este relativ simplă datorită unificării ei de către United States Bureau of Mines. În definierea termenilor se recunosc două tipuri de stocuri: extinderea rezervelor geologice cunoscute; și fezabilitatea economică a zăcămintelor recuperate. Geologii sunt interesați mai ales de activitățile de explorare care conduc la creșterea gradului de cunoaștere a stocurilor, în timp ce inginerii minieri sunt interesați de îmbunătățirea tehnologiilor de recuperare din zăcămintă care să conducă la reducerea costurilor. Economiiștii combină cei doi factori în analizele lor pentru determinarea viabilității economice a exploatării.

Cu alte cuvinte, aceste analize super-subestimează realitatea atâta timp cât se bazează doar pe rezervele dovedite. Calcularea rezervelor totale se bazează în mod normal pe simple săpături de probă. Oricum, o probă poate da doar o imagine incompletă asupra tabloului general. Există numeroase exemple de mine care și-au început activitatea pe baza estimării unor probe care s-au dovedit a fi super-subestimate față de depozitele actuale. Mai mult, majoritatea rezervelor totale sunt limitate de profitabilitatea curentă, care ia în considerare starea actuală a tehnologiilor, costul de extracție, prețurile și factorii politici. Unii analiști consideră că, în mod fizic, nu vom putea rămâne niciodată fără resurse minerale deoarece rezervele minerale ale subsolului sunt mult mai mari decât limitele lor economice. Multe depozite de minereuri metalifere există în aproape toate depozitele subterane ale scoarței terestre. Până la ce limită ne putem opri cu numărătoarea acestora?

Hartwick și Olewiler au dat câteva soluții privind această limită, dar nu s-a căzut încă de acord asupra unui sistem de apreciere a acesteia. O măsură ar fi aceea de a număra mineralele care pot fi extrase fără a se depăși o anumită barieră energetică, adică acele minerale care sunt numărate atâta timp cât ex-

tracția lor nu consumă cantități excesive de energie (unde excesiv nu este definit). Această problemă nu este acută în cazul hidrocarburilor, cum este petrolul, deoarece există o limită a adâncimii la care aceste rezerve pot fi găsite.

Nivelul considerat de analiștii absoluțiști poate fi definit ca măsura fizică a stocului maxim din orice mineral. Dar întrebarea aici este când vor putea deveni actuale stocurile potențiale, care pot fi foarte mari în realitate? Bineînțeles că limita economică a măsurării stocurilor minerale trebuie să fie cuprinsă între două extreme, și anume rezervele dovedite și rezervele finale. Este bine să ne reamintim faptul că în ultimii 50 de ani au fost descoperite în toată lumea multe depozite minerale și de combustibili fosili, ceea ce a îmbunătățit dovezile statistice. Chiar dacă mulți geologi cunosc faptul că ar exista mult mai multe rezerve, acestea trebuie mai întâi să fie descoperite pentru a se putea face o estimare sensibilă a stocurilor.

Un criteriu simplu ar fi acela al estimărilor predictive prin care se includ cantități speculative sau ipotetice posibil să existe în teritoriile neexplorate ale lumii. Să presupunem că jumătate din teritoriul Africii a fost explorat pentru a descoperi zăcăminte de țiței și că s-au descoperit x milioane de barili. Partizanii acestei metode cred că în cealaltă jumătate ar trebui să existe alți x milioane de barili, ceea ce conduce la un total de $2x$. Cu alte cuvinte se poate spune că zonele neexplorate conțin la fel de multe rezerve ca și regiunile explorate.

Părintele ideii de «spaceship earth» este Kenneth, ce arată faptul că oricine crede că creșterea exponențială poate dura o veșnicie este fie nebun, fie economist. El atrage atenția că a venit timpul să trecem de la economia materiilor prime și a materialelor introduse în procesul de fabricație la noțiunea de «spaceship earth». Gândirea economică convențională scoate în evidență ur sistem al materiilor prime și al materialelor introduse în procesul de fabricație în care activitatea economică se deplasează de la extracția resurselor minerale la aruncarea deșeurilor, în care ultimul produs fizic se dovedește a fi deșeurul. Mai devreme sau mai târziu acest proces va ajunge la capăt.

Până în prezent această teorie a condus economiștii să se comporte de parcă pământul ar fi plat, o mare câmpie, unde există întotdeauna un nou spațiu unde să ne putem muta. Oricum, fotografiile luate din spațiul cosmic au arătat că lumea noastră este cu adevărat o mică navă cosmică (spaceship) și că nu există alt loc unde să mergem; ne putem învârti doar în acest spațiu. Schimbarea concepției de la psihologia câmpiilor largi la cea a navei cosmice este esențială în economie; trebuie să ne transferăm sistemul nostru de la un al materiilor prime și materialelor fără limită, la o dezvoltare durabilă.

Odată cu trecerea în era zborurilor interplanetare, când omul a început să obțină imaginea globului din spațiul extraterestru, a devenit tot mai comună ideea emisă de Boulding că Pământul este o navă și că, în aceste condiții, economia viitoare este o economie închisă, de astronaut – fără input din afară și fără output în afară -, Pământul-navă (Spaceship Earth) neavând rezervoare nelimitate nici pentru extragerea resurselor și nici pentru poluare. Ca atare, es-

te necesar ca omul să-și schimbe comportamentul în raporturile sale cu natura, de la violență și nechibzuință el trebuie să se încadreze ca un protector și colaborator al mediului natural. Sau, după cum spune Boulding, "să-și găsească locul într-un sistem ecologic ciclic care este capabil de reproducere continuă a formei materiale».

Pentru a înțelege mai bine acest concept, vom adaugă în analiză și raritatea resurselor naturale și depozitarea deșeurilor într-un flux circular tradițional al activității economice ce ia naștere în jurul unei gospodării sau al unei firme. Gospodăriile furnizează firmelor factori de producție extrași de ambele din sectorul resurselor naturale. Astfel, atât consumul, cât și producția creează deșeuri. Într-o economie a materiilor prime și materialelor, se acumulează deșeuri, iar resursele naturale sunt în declin continuu atâta timp cât se menține activitatea economică. Atunci când nivelul activității economice și al populației sunt în creștere, care erau evidente la vremea când Boulding și-a elaborat teoria, atât raritatea, cât și problema deșeurilor se vor înrăutăți. Într-un context spaceship această situație nu poate să continue deoarece deșeurile trebuie să fie bine gestionate iar resursele naturale trebuie să fie bine protejate. În acest scop există activitatea de reciclare. Supraviețuirea noastră pe tennen lung depinde de managementul adecvat al acestei activități.

Ar trebui subliniat faptul că acest concept de «spaceship earth» exgerează oarecum problemele. În primul rând, pe timp îndelungat deșeurile se degradează, fiind efectiv reciclate de natură. Bineînțeles că aceasta nu este valabil și pentru deșeurile nedegradabile, cum ar fi arsenul și unele deșeuri nucleare. Dacă rata de creștere a generării de deșeuri este mai mare decât capacitatea de absorbție a naturii, s-ar putea degrada baza de resurse naturale. De exemplu, o concentrare mare de deșeuri finale, cum ar fi apele uzate, poate degrada stocul de pești din mări și lacuri.

În al doilea rând, din această analiză rezultă faptul că realizarea producției ca atare conduce fie la consum, fie la deșeuri, deoarece un important rezultat al sistemului economic este capitalul. Aceasta înseamnă, de exemplu, că noi convertim minereul de fier în ciocane, traverse de oțel, camioane, poduri sau altele asemenea bunuri, care rămân intacte pentru o perioadă lungă de timp sub forma în care au fost realizate.

INFLUENȚA GLOBALIZĂRII ECONOMICE ASUPRA EXPLOATĂRII RESURSELOR NATURALE

Cristian Sima

Scăderea importanței granițelor politice și sporirea rolului societăților transnaționale, care devin astfel principalii actori ai globalizării, face ca mediul internațional de afaceri să devină tot mai concurențial, iar țările în tranziție să fie obligate la satisfacerea unor exigențe economice pentru care nu au resurse-

le necesare.

Marile corporații dispun, peste guvernele lumii, relocalizarea producției și transferul tehnologiilor, modificând substanțial piețele forței de muncă, gradul de ocupare a populațiilor, interesul pentru dezvoltarea infrastructurilor. În timp ce statelor nu le mai rămân decât prea puține pârgii pentru a-și putea îndeplini îndatoririle față de cetățeni. În 1913, industriașul german Walter Rathenau recunoștea: «300 de oameni, care se cunosc între ei personal, conduc destinele Europei și își aleg succesorii». În prezent, circa 200 de societăți comerciale sunt mai puternice decât 150 de țări la un loc. Aceste societăți au sediile centrale în 6-7 state occidentale.

Politicile companiilor transnaționale fac să dispară sute de mii de locuri de muncă, situație care poate radicaliza mișcările sociale, ținând seama și de faptul că datoritiile familiilor cresc anual exponențial de trei ori mai mult decât P.I.B. – ul mondial. Mondializarea produce un impact puternic atât în domeniul economic, cât și în cel ideologic și militar. Domeniul economic este condus de Fondul Monetar Internațional, Banca Mondială și Organizația Mondială a Comerțului. În numele cultului profitului, această troică este acuzată în diverse medii de generarea hiperfalimentelor frauduloase, crizelor monetare prăbușirilor economice ale unor țări, și de numeroase dezastre ecologice. Mondializarea ideologică, susțin analiștii fenomenului, este resimțită ca un «front clandestin silentios și invizibil» al cărui scop este să convingă lumea bazându-se pe forța informației manipulate, «de fericirea universală a globalizării».

În aceste condiții, definirea, identificarea și stabilirea principalelor elemente componente ale sistemului de gestiune economică a activelor naturale constituie coordonate importante în analiza modului de utilizare a resurselor naturale în economia concurențială.

Managementul resurselor naturale poate influența tipul de creștere economică. De asemenea, sistemele social-economice pot determina modul de gestionare a resurselor naturale și a protecției mediului, dar există riscul absolutizării anumitor laturi ce definesc un sistem sau altul: proprietatea privată sau planificarea centralizată.

Astăzi, indiferent de natura sistemelor social-economice, se cere, în primul rând, realizarea unei revoluții ecologice care să ducă la repararea daunelor provocate mediului natural pe seama unor noi conduite ale oamenilor, în general și ale agenților economici, în special, față de resursele mediului natural.

Relația creștere economică – resurse naturale are un caracter contradictoriu. Formele de manifestare ale contradicției constituie un mod de cunoaștere dar și o posibilitate a soluționării lor în timp util pentru a evita o serie de catastrofe ce implică costuri de bunuri și vieți omenești. Academicianul N.N. Constantinescu aprecia că «profilaxia este mai eficientă decât terapia atunci când este vorba de protecția resurselor și a mediului natural». Din confruntările de idei pe tema menționatei contradicții se desprinde în primul rând preocupare

oamenilor de știință pentru o problemă globală ce tinde a sensibiliza permanent instituții naționale și internaționale, guverne și politicieni de toate orientările.

În abordarea problemelor teoretice privind implicarea protecției mediului natural în procesul creșterii economice, consider că trebuie reconsiderată întreaga activitate în domeniul protecției, apărării, conservării și ameliorării mediului. În acest sens, economia de piață, prin mecanismele sale, pune într-o altă lumină aceste activități trecându-le din sfera activităților auxiliare, mai puțin importante, în sfera activităților ce determină un anumit comportament al agenților economici față de mediul natural și limitelor acestuia. Încercările cercetătorilor români de a pune în valoare valențele acestor activități în ultimii 25 de ani sunt evidente și utile mai ales în stabilirea valorii economice reale a tuturor bunurilor prin a căror obținere și utilizare, s-au adus importante daune mediului natural. Irosirea unor importante resurse de mediu, vitale pentru viața și activitatea oamenilor, constituie astăzi baza pentru o nouă regândire a teoriilor cu privire la valoare și, implicit, prețul bunurilor și confortului de zi cu zi.

Comerțul mondial cu resurse minerale este dominat de societăți transnaționale din țările dezvoltate. Acestea controlează și producția de minerale, metale și produse rafinate din acestea. Avertismentele referitoare la epuizarea resurselor minerale, la degradarea mediului natural, continuă să fie lansate în continuare. Consider că aceste avertismente sunt bine venite, deoarece influențează comportamentul agenților economici, al populației, al societății, în general. În acest fel, se atrage atenția asupra unor dezechilibre care pot să apară și să se mențină timp îndelungat, astfel fiind stimulate acțiuni și decizii economice care duc la atenuarea acestor posibile dezechilibre.

În perioada actuală, se constată o nouă schimbare de optică, readucerea în centrul atenției științei economice și a politicii economice, deopotrivă, a agriculturii și industriei extractive. În acest sens, sunt de părere că apare necesitatea creșterii economice la scară mondială și a lichidării subdezvoltării, în condiții grele și anume, în condițiile secăturii treptate a unor resurse clasice de materii prime și energie și sporirea însemnată a populației globului. Astfel apare imperativul formării unei noi ordini economice internaționale etc.

Industria extractivă are particularități care o deosebesc de celelalte ramuri industriale. Scopul ei este nu transformarea materiei dintr-o formă în alta, ca în industria prelucrătoare și în agricultură, ci scoaterea acesteia dintr-un depozit natural, pentru a o pune la dispoziția altor ramuri și a consumului populației.

Substanța desprinsă de industria extractivă din legătura ei nemijlocită cu pământul este neregenerabilă și limitată cantitativ. Prin exploatarea zăcămintelor, cum am văzut de altfel, se epuizează treptat și tot treptat are lor o înrăutățire a condițiilor de producție din industria extractivă.

Epuizarea treptată a zăcămintelor de un anume fel și creșterea costurilor în industria extractivă influențează negativ și economicitatea producției din celelalte domenii ale producției materiale. Sunt de părere că eliberarea economiei naționale de această influență impune atragerea în circuitul economic a noi surse

de materii prime și de energie și, concomitent, reducerea consumurilor specifice în industria prelucrătoare și în alte domenii de activitate.

Din cele prezentate putem trage concluzia că, în prezent, omenirea se află într-o etapă de tranziție la noi surse de materii prime și energie (o serie de materii prime nemetalifere, energia de origine nucleară, hidrogenul, energia solară și eoliană, energia valurilor, mareelor și geotermică), de scădere treptată a ponderii resurselor clasice. Paralel, se modifică tehnicile de extracție și de prelucrare ale materiei prime, în vederea sporirii gradului ei de valorificare, a creșterii avuției create din aceeași cantitate de resurse.

După cum lesne putem observa, în ultimul deceniu, conceptul de securitate națională și regională nu se mai limitează strict la sfera militară, fiind extins și asupra unor domenii considerate de natura politicilor publice ale unui stat. Astfel securitatea privind accesul la resursele naturale strategice a devenit un termen de referință în relațiile interstatale, așa cum se precizează în documentul «Conceptu strategic de apărare și securitate a membrilor NATO», adoptat de președinții de stat și de guvern la Lisabona, în anul 2010.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ПОТЕНЦИАЛЫ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Л. С. Мбеве

В начале XXI века на фоне продолжающейся интеграции культур на первый план выходит проблема глобализационных рисков. Многие философы, культурологи, футурологи выражали свои опасения о будущем культуры как таковой в условиях процесса глобализации. Дж. Тойнби, О. Шпенглер, О. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, С. Хантингтон и др. [1, с. 148]. Глобализация и сближение культур, следуя механизму интеграции и расширения связей, становится уязвимой в вопросе нарушения баланса в глобальном контексте, где негативно направленные изменения одной ее части, негативно отражаются на других участниках. Из чего возникает озабоченность по поводу поиска механизмов и ресурсов для поддержания устойчивости глобального пространства и его дальнейшего развития.

В условиях радикальных изменений: микширование культур, развитие поликультурного диалога, облегчение процесса межкультурной коммуникации, а также широких миграционных процессов, – необходимым становится смещение политико-экономического фокуса цивилизационного развития на развитие индивидов как активных игроков глобального пространства и ресурса устойчивого развития глобальной цивилизации в будущем.

Развитие цивилизации / цивилизаций основано, прежде всего, на

развитии и движении индивида / индивидов. Жизненный мир человека, описанный, в частности, Э. Гуссерлем, значительно расширился в рамках процессов интеграции [2]. Современный человек как социальный актор активно включен не только в жизнь своего ближайшего окружения, но также страны, стран и мира в целом. Это человек, который не только познает окружающий мир, но также влияет и конструирует (за счет использования Интернет-технологий, сетей и социальных медиа) жизненные миры других людей в глобальном пространстве. Современный человек предстает как существующий в многомерном пространстве. Концепция существования индивида в трехаспектном модусе: в мире *Eigenwelt* (собственный мир, мир отношений человека с самим собой), *Mitwelt* (мир отношений человека) *Umwelt* (мир вокруг нас), – как нельзя лучше описывает бытие человека в контексте глобализации [3, с. 14].

Современные динамические процессы активных общественных изменений потребовали от человека большей открытости и динамичности в движении между тремя модусами его бытия. Так, например, диалогический аспект внутреннего мира человека, мира *Eigenwelt*, проникает в мир взаимоотношений *Mitwelt* не только в рамках отдельной культуры, но и, далее, в рамках кросс-культурного диалога. Такое изменение апеллирует к развитию поликультурных компетенций (языковых, коммуникативных, а также навыков разрешения конфликтов). Более того, усиливается и значимость бытия человека в его третьем модусе *Umwelt*, где мобильность людей, как и мобильность вещей в контексте глобализации, требует от современного человека адаптации к разнообразному физическому контексту, микшированию его с уже известным.

Таким образом, бытие современного человека становится широко протяженным и пронизывающим как личность самого актора, так и проникающим сквозь культурные барьеры – кросс-культурным и даже транскультурным. Идентичность человека, как жителя глобальной культуры и глобальной цивилизации, начинает формироваться транскультурными влияниями, делая отдельного жителя отдельного социального контекста приобщенным к жизни глобального сообщества. Жизненный мир, следовательно, расширяется и приобретает транскультурный характер. Этот фактор способен снизить глобализационные риски хотя бы в социальном контексте, в то время как агрессивное продвижение отдельно взятой культуры в мировое пространство результируется в культурных или религиозных войнах.

Если же мы признаем тот факт, что человек – болес не замкнутая бытийная единица, но имеет транскультурную протяженность, то возникает вопрос, какими потенциалами он обладает, или какие транскультурные ресурсы необходимо в данном акторе акцентировать и положительно использовать для устойчивого развития в дальнейшем. Прежде всего, речь необходимо вести о развитии осознанного критического отношения к феноменам глобального мира. Социальный актор, имеющий возмож-

ность активного участия в конструировании глобального контекста, обладающий критическим и осознанным отношением к себе, Другому, среде, прошлому, настоящему и будущему, более внимательно подходит к своей деятельности (учебной, профессиональной, социальной и др.) и способен выстраивать свой жизненный план, прогнозируя положительные или негативные результаты. Критичный индивид способен различать риски и опасности и, соответственно, действовать для их минимизации.

Другим потенциалом для развития становится эмпатичность: не только в аспекте способности к пониманию другого, но и в качестве диспозиции, с которой один человек обращается к другому. Эмпатичность как диспозиция, приложенная к динамике развития межкультурного диалога, может способствовать избеганию конфликтов, негативные эффекты которых в глобальном контексте могут отражаться на других участниках интеграции.

Третий потенциальный фактор для развития в рамках глобального мира и осознания того, что человек активно конструирует социальные институты, – это ответственное отношение. Причем следует акцентировать не только «локальную» ответственность человека за его собственную судьбу, но и «глобальный» дискурс ответственного человека, имеющего возможность действовать так, чтобы нести ответственность за свои влияния, которые могут отражаться на широком социальном контексте. Коммуникативное пространство современности, Интернета и масс-медиа таково, что информация, переданная с их использованием, способна влиять на образ мыслей и действий человека и общностей по всему миру.

Таким образом, жизненный мир современного человека изменяется в сторону разворачивания внутреннего мира, взаимоотношений с собственной идентичностью и локальными общностями; в сторону глобального взаимодействия и транскультуральности. Возможности, предоставляемые средствами коммуникации, позволяют отдельному человеку активно влиять на глобальные процессы, что делает человека тем ресурсом, на который можно опереться в целях минимизации глобализационных рисков и поддержания устойчивого развития. В качестве таких ресурсов могут выступать критичность, эмпатичность и ответственное отношение в качестве транскультуральных потенциалов для устойчивого развития современной глобальной цивилизации. В рамках вышесказанного одной из задач философии на современном этапе может быть развитие концепций для образования и обучения современного социально активно человека на всех его этапах и развитие его выше обозначенных потенциалов для поддержания устойчивого глобального цивилизационного развития.

Литература и источники

1. Этнокультурная идентификация в межкультурном пространстве / Рэдкал.: А. І. Таўгень і інш. – Мінск, 2010. – С. 147–153.
2. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 136–176.
3. Мэй, Р. Происхождение экзистенциальной психологии / Р. Мэй; пер. с англ. М. Занадворова. Ю. Овчинниковой // Экзистенциальная психология. Экзистенция. – М., 2001. – С. 11–24.

ФИЛОСОФСКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

О. М. Мижгевич

Целью данной работы является рассмотрение некоторых философско-гуманитарных проблем, стоящих очень остро в настоящее время перед науками, изучающих человека. Сегодня много пишется об экологическом, демографическом, энергетическом, военно-политическом аспектах глобального кризиса человечества. При этом очень мало уделяется внимание психологическому аспекту, и еще меньше – биологическому и генетическому. Между тем, последние аспекты являются в настоящее время едва ли не самыми главными, иногда, просто подменяемыми другими.

Некоторые авторы часто пытаются объяснить ухудшающее здоровье нации неудовлетворительным состоянием окружающей среды, медицины и т. д. Есть подозрение, что полученные выводы поверхностны, и следовательно, эти авторы правы лишь отчасти. Данное выше заключение верно и очевидно, когда речь идет об отдельных катастрофических регионах, таких как Чернобыль, Семипалатинск и прочие. Действительно, генетически человек не приспособлен к условиям проживания, в которых оказалось население этих регионов.

В других случаях можно с полной уверенностью говорить об обратной зависимости. Витальный парадокс заключается в том, что благоприятная для отдельной особи экологическая обстановка снижает общую жизнеспособность популяции, так как заблокированный механизм естественного отбора перестает отсеивать организмы, не отвечающие высоким биологическим требованиям.

Именно такая ситуация наблюдается в современном мире. Звучит цинично, но современные люди болеют много, потому что не умирают. Если в средневековой Европе только 20% родившихся детей имели собственных детей, то современное положение таково, что с первых мгновений своего рождения человек окружен мощной защитой со стороны гигиены, медицины, фармакологии и т. д. Мы в меньшей степени стали за-

висеть от естественных защитных свойств организма. В результате все больше появляется индивидов, неспособных самостоятельно жить в естественных условиях.

Поистине величайшее достижение западной философии и культуры, начиная с эпохи Возрождения – гуманизм, требующий отношения к каждому человеку как к высшей ценности, может обернуться огромной генетической бедой.

Можно ли изменить биологическую природу человека, «подогнав» ее под сложившиеся условия существования? На данный момент в научной литературе параллельно друг другу обосновываются два возможных способа решения проблемы. К сожалению, оба эти способа далеки от совершенства, так как, чтобы сделать все грамотно, у человечества нет времени, а безграмотное решение проблемы лишь ускорит катастрофу.

Первый, регрессивный путь представляет собой призыв вернуть человека в естественные условия – к природе. К этому еще в XVIII веке призывал Ж.-Ж. Руссо. В данном случае, мы должны будем сократить воздействие медицины на человека, снизить гигиенические требования рожать детей дома, воспитывать их вдали от крупных промышленных центров. Но сразу становится очевидным, что при выполнении этого плана, в первую очередь погибнут, либо станут малочисленными «цивилизованные» регионы, где население слишком «развращено» практически полным отсутствием естественного отбора. Кто будет контролировать работу атомных реакторов, химических комбинатов? Человечество в данном случае еще быстрее завершит свое существование вместе с планетой. В целом, эта идея не выдерживает критики. Но как ни странно она до сих пор находит поддержку не только среди обычных людей, но имеющих никакого отношения к науке, но и среди самих ученых, а также политиков.

Лозунг «Назад к природе!» – для биологии совершенно туманный и в научных спорах его использовать нельзя. О возвращении человека к первобытному, животному или какому-нибудь иному состоянию говорить не приходится. Это не соответствует интересам самого человека. Биосфера и человечество двигаются вперед и только вперед, каким бы это будущее ни казалось для нас – настоящих – странным. Существует более умеренный вариант решения вышеназванной проблемы. Человечество сможет тогда вернуть природе то, что у нее взяло, и обеспечить себе возможность выживания и развития. Таким образом, лозунг «Назад к природе!» можно заменить лозунгом «Вернем природе!». Вопрос только как это сделать и сколько потребуется времени, сил и денег. Эту программу в состоянии осуществить далеко не все государства. Но и в этом случае, биосфера не вернется ни в одно из своих первозданных состояний.

Второй путь, назовем его условно прогрессивным, так же небезопасен. Этот путь включает в себя реализацию различных способов влияния

на наследственность. Как отмечал И. Т. Фролов можно выделить три сферы воздействия на наследственность: «1) Евгенику, т. е. учет комбинаций генов, имеющихся в геномном составе популяции, и тем самым предотвращение генных комбинаций, приводящих к наследственным болезням; 2) "генетическое инженерное дело", т. е. направленное изменение генетического субстрата; 3) сознательный контроль и модификацию функций генов, имеющихся в том или ином организме с тем, чтобы получить улучшенный фенотип» [1, с. 226]. Тем самым на повестку дня встает необходимость вторжения инструментального интеллекта в самые интимные основы природы. Сегодня специалисты говорят о возрождении евгеники в ее худшем варианте. В связи с этим думается, что в настоящее время наиболее актуальными являются следующие вопросы: кто и с какой целью будет проводить генетические исследования, кто из ученых будет иметь на это право, «принимать решения о разрешении или недопущении клинической реализации того или иного патологического генотипа, о его участии в репродукции, а также целенаправленном изменении данного генотипа» [2, с. 100]?

В XXI веке человечество стремится взять под контроль генетические процессы. Однако и здесь мгновенно возникают социально-этические вопросы. Каков идеал человека, который надо создавать генетическими методами? Как избежать влияния политических субъективных взглядов экспертов? Как избежать стандартизации человека? И наконец, что такое «человек»? Ведь принятое во время проведения Нюрнбергского процесса определение человека уже не соответствует требованиям наук о человеке.

Все вышесказанное может служить обоснованием для следующих принципиальных, на мой взгляд, положений:

1. Нарисованная картина будущего может вызвать сожаление, гнев и резкий эмоциональный протест. Но, как показывает исторический и просто житейский опыт, будущее не является вместилищем наших исполненных желаний. За каждое реализованное желание мы обязательно расплачиваемся.

2. Прогрессивное развитие и совершенствование человеческого организма с помощью генетики – не благо и не цель, а средство выживания системы, находящейся в состоянии неустойчивости.

3. В современном мире любой научный консультант, общественный деятель, политик обязаны ориентироваться в реальных социально-политических противоречиях и коллизиях между большинством культурных ценностей и законами природы.

4. Можно согласиться со специалистами, считающими, что в настоящее время изменять развитие и формирование организма ребенка можно с помощью корректировки питания, лекарств, прививок, климата и т.д. Вопрос только, как этого добиться для всех. В противном случае этот проект попадает в раздел утопических.

5. Необходимо помнить о социальной ответственности, которую несут ученые и которая представляет собой одну из неотъемлемых сторон современной науки. Социальная ответственность ученых должна оказаться главным фактором, определяющим тенденции развития науки, отдельных дисциплин и исследовательских направлений.

Литература и источники

1. Фролов, И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения / И. Т. Фролов. – М., 1983.
2. Иванов, В. И. Генетика человека: этические проблемы настоящего и будущего. Проблемы евгеники / В. И. Иванов, В. Л. Ижевская // Биомедицинская этика; под ред. В. И. Покровского. – М., 1997. – С. 98–115.
3. Гершензон, С. М. Евгеника: 100 лет спустя / С. М. Гершензон, Т. И. Бужневская // Человек. – 1996. – № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1686281.html>. – Дата доступа: 17.03.2016.
4. Лопухин, Ю. М. Биэтика. Избранные статьи (1993–2003) / Ю. М. Лопухин. – М., 2003.
5. Назаретян, А. П. Критический гуманизм versus биоцентризм / А. П. Назаретян, И. А. Лисица // Глобальная экология: современные дискуссии: сборник статей. / Моск. инст. стали и спл.; под ред. В. М. Мапельман. – Москва, 2000. – С. 5–20.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. И. Сулова, Л. В. Фирсова

В XXI веке стало очевидным, что наука, сливаясь с техникой и технологией, стала вместе с ними обещать скорые коммерческие выигрыши. Этот синтез науки и технологий изменил не только классическое разделение труда между объяснением (наука) и обещанием (техникой, технологией), но и перевел в иную плоскость этику взаимоотношений в научной среде. Рационализация, раздвижение горизонтов науки не беспредельны: теряется чувство меры, ценности. Доминирующие позиции заняла корпоративная этика бизнес-сообщества, на которую работают ученые, выполняя определенный заказ на разработку того или иного препарата. То есть наука стала так же, как и бизнес, давать обещания, опираясь на средства, используемые в технаучке: понятийный, ментальный, инструментальный, практический аппараты. Так, конвергенция NBIC-технологий применила к человеку нечеловеческие меры. Стало доминирующим техническое понимание человека. Ремонт, улучшение, замена – и полный двойник в результате, сделанный из нестареющего материала. Проблема смерти сведена к телесному бытию.

Преодолеть природу за счет превращения тела то ли в машину, то

ли в морального уroda? Не думаем, что этим исчерпывается наше будущее. Одна из задач современного философского знания – аналитика трансдисциплинарного подхода в познании природной реальности.

По мнению некоторых авторов, можно выделить не менее десяти фундаментальных отношений человека и мира, охватывающих два основных направления. Первое сосредоточено на биологической природе человека – это проект нового натурализма, осуществляющий критику интроспективных методов познания человека и производящий новые версии антропогенеза. Второе направление связано с феноменом трансцендентности, т. е. с духовным в человеке, и определяется его нравственными устремлениями. Оба направления вызывают бурные дискуссии как в научной, так и общественной среде. Так, в книге Х. Новотны и Дж. Теста «Обнаженные гены: переосмысление человечества в молекулярный век» рассмотрены основные перспективы, угрозы и риски в условиях неконтролируемого развития как молекулярной генетики, так и биотехнологий. Ставится проблема нравственной и правовой ответственности ученых-биологов перед будущим человеческого развития.

Известный итальянский ученый Дж. Агамбен обращает внимание на идущий процесс стирания граней между публичной и частной жизнью и называет этот процесс деполитизацией гражданства. Решающую роль в этом вопросе играет проблема обеспечения безопасности. В качестве примера можно назвать современные технологии видеонаблюдения. Подозрение и проверка стали нормальным отношением к нам со стороны государства. Можно сказать, что современное безопасное государство – это государство контроля и наблюдения за гражданами. Лаборатории, разрабатывающие и совершенствующие технику электронного наблюдения, и бизнес-сообщества, внедряющие ее, по сути, способствуют усилению государственного контроля над гражданами.

Правозащитники полагают, что информационно-коммуникационные импланты (ИК-импланты) способны значительно ограничить свободу человека. Их можно применять для получения несанкционированного доступа к персональной информации, например, в тех случаях, когда они будут подключаться к компьютеру. При помощи имплантов можно определять местонахождение человека. Не менее проблемным станет свободное предложение на рынке подобных устройств, предназначенных для «улучшения» человека (например, имплантирование киберлапяти), так как это явится причиной социального неравенства между «улучшенными» людьми и теми, кто не сможет прибегнуть к помощи имплантатов (такой негативный сценарий называют «киберрасизмом»). Правовые и этические принципы для этих технологий необходимо определять уже сегодня.

Отвечая на эту потребность, Европейская группа по этике науки и новых технологий при Европейской комиссии разработала рекомендации (см.: [1]). Они были призваны сформировать правовые и этические гра-

ницы биотехнологий, которые будут поддерживать принципы гражданского общества и вместе с тем не превратятся в барьер для развития и внедрения ИК-имплантов. Для регулирования использования ИК-имплантов и проведения исследований в этой области предлагается применять исторически сложившиеся и закрепленные в законодательствах европейских стран принципы: достоинство человека, уважение его естественных прав, равенство, автономия и вытекающие из них постулаты. Предполагается, что в отношении ИК-имплантов должен действовать юридический принцип *corpus habes*, согласно которому тело человека неприкосновенно. Поскольку подключенные к информационным сетям ИК-импланты могут быть использованы для несанкционированного доступа к содержащейся в них информации и отслеживания физических перемещений человека, авторы подчеркивают необходимость повышенного внимания к информационной безопасности. Имплантирование этих устройств следует проводить только на основе информированного согласия. Главными причинами для их лечебного применения является сохранение жизни больного и отсутствие каких-либо альтернативных способов лечения. И что очень важно, доступ к технологии ИК-имплантов должен обеспечиваться вне зависимости от финансовых возможностей и социального статуса больного.

Еще в 1997 году принята Конвенция Совета Европы «О защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины». Но очевидно, что эта конвенция не работает, договоренности нарушаются. Назрела необходимость перехода к практической этике, ориентированной на защиту прав и достоинства суверенной личности, уважение ее целостности и неприкосновенности.

Литература и источники

1. Ethical aspects of ICT implants in the human body // Opinion of the European group on ethics in science and new technologies to the European Commission. Opinion. - № 20.

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Н. Н. Сидоренко

На современном этапе развития общества постмодерна антропологический кризис имеет много проявлений, одним из которых является трансформация механизмов идентификации и адаптации человека ускоряющимся социокультурным изменениям. Полиструктурные трансформации в социальном пространстве во многом детерминированы стре

мительным развитием новой формы общественной коммуникации – информационной сети. Если ранее социальная идентичность достигалась за счет привязанности человека к месту жительства или профессиональному сообществу, то тенденцией современного общества является переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. В традиционном обществе идентификация личности через механизмы социализации и воспитания была связана с отождествлением себя с определенной социальной группой, такой как семья, община и т. п., другими словами, личность имела изначальное предназначение, ее идентичность была предопределена, а значит, самой проблемы идентичности вообще не существовало. В эпоху модерна формируется другой тип процесса идентификации, предполагающий различение реального социального статуса индивида и представления о нем. В обществе постмодерна личность идентифицирует себя уже не столько с общиной или обществом в целом, сколько с постоянно сменяющимися друг друга группами индивидов, чья идентичность не обозначена, да и сам выбор идентичности становится небезопасным. Ментальность современного общества не нацелена на поиск абсолютных истин: новый стандарт истины – ее относительность. Такая хроническая неопределенность жизненных стандартов ввергает человека в состояние беспокойства и ставит саму возможность безопасности под вопрос.

В силу этого антропологический кризис акцентирует проблему безопасности. Можно выделить несколько аспектов этой проблемы. Во-первых, кризис безопасности напрямую связан с кризом толерантности. Толерантность предполагает определение собственной идентичности, однако в ситуации кризиса идентичности неопределенным оказывается как другой в его инаковости, так и собственный образ. В условиях глобализации человек находится в неведении как относительно ценностей, так и целей. Неопределенность и нестабильность приобретают фундаментальный характер, т. к. в современных условиях ни образование, ни профессия, ни собственность не делают человека защищенным от перемен в судьбе. Идентификация становится производной от потребления и потребляемого продукта, случайно выбранного стиля жизни, т. е. комплекса интегрированных социальных практик. В ситуации кризиса идентичности мультикультурная толерантность до сегодняшней иммиграционной волны не желала замечать того потенциала насилия, который возникает вследствие предоставления неограниченной свободы различным этническим и религиозным обликам. Отсюда притязания на разную идентичность только усугубляют конфликты: принцип терпимости оборачивается агрессивной нетерпимостью к другим. Ради выживания мы осознаем необходимость строить «мосты понимания», однако способности к этому и степень допущения терпимости много у нас весьма разные. Отсюда риски, связанные с угрозой безопасности, проявляются в процессе реализации различных националистических проектах. В сложившихся

новых условиях национализм демонстрирует свою живучесть и конкурентоспособность. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в противовес ожиданиям наступления кардинально новой фазы развития человечества в ходе глобализации проявляется все больше негативных последствий как экономического, так и социального характера. Предоставляя существенные преимущества и выгоды наиболее развитым странам, для подавляющего большинства населения планеты глобализация актуализируется прежде всего своими разрушительными и катастрофическими последствиями.

Во-вторых, манипулирование исторической памятью в политических играх с прошлым и будущим ставит под вопрос безопасность настоящего. Прошлое утрачивает свою детерминирующую силу для современности. Место прошлого занимает будущее, как нечто конструируемое, переживаемое как шанс, счастливый случай, выигрыш или проигрыш. Такая установка на анализ причинно-следственных связей в обществе как недоказуемых с точки зрения будущего приводит к накоплению рисков. Иносказательно говоря, будущее начинает рассматриваться как трофей в войне за сценарии будущего.

В-третьих, угроза безопасности проявляется в такой черте глобализации, как тенденции к интеграции разнообразия в единое целое. В условиях глобализации национальное государство постепенно теряет классические атрибуты суверенитета, включая и культурный суверенитет. В экономической сфере с увеличением глобальной взаимозависимости государство больше не располагает ресурсами, достаточными для того, чтобы строить свою политику невзирая на ситуацию на мировом финансовом рынке. В результате для государства главной задачей становится создание благоприятного инвестиционного климата. Многие современные страны, стремящиеся к процветанию, самым ходом развития мировой экономики обречены на политику «открытых дверей». Это означает сокращение или «сжатие» экономического суверенитета. Ключевыми субъектами глобальной экономической деятельности становятся крупные транснациональные корпорации, такие международные экономические организации, как МВФ, Всемирный банк, ВТО и др.

В-четвертых, о кризисе безопасности свидетельствует эскалация и приватизация насилия. Перевод контроля над насилием в рамки рыночных отношений смещает баланс в распределении безопасности в обществе и снижает способность государства осуществлять свои контрольные функции. Вопрос об оправданности насилия заменяется вопросом о стоимости частных военных услуг. Приватизация насилия, как побочный эффект игры с рисками национальных государств, утрачивающих монополию на насилие, осуществляется в пространстве «рынков насилия» или «рынков гражданской войны». Эти своеобразные «рынки» порождают разные типы кризисов в организации и использовании силы.

В-пятых, кризис безопасности характеризуется возрастанием рис

ков в пространстве символического информационного насилия, в котором начинают конкурировать различные «сценарии-видения» одного и того же события. Аккумуляция рисков отождествляется главным образом с дефицитом знания или неэффективностью его использования, что связано не только со спецификой принятия решения в ситуации неопределенности выбора, но и с распространением символического насилия. Его власть навязывает социальные значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в их основе. Символическое насилие вызывает символическое сопротивление, что выражается в отчуждении личности от комплекса собственных социальных идентичностей и ослаблении традиции. Разупорядочение, порожденное информационной эпохой, может привести к увеличению запретов и ограничений, а стремление «глобальных элит» придать статус всеобщности своим ценностям и идеям обеспечит символическое насилие легитимностью.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНЦЕПЦИИ ТРАНСГУМАНИЗМА: ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

О. В. Бессчетнова, А. А. Бессчетнови

Споры о природе человеческой сущности, бытия, сознания будоражили умы философов, ученых, мыслителей на протяжении тысячелетий. В рамках данной статьи постараемся проследить смену парадигм в отношении к человеку с точки зрения философской концепции трансгуманизма. Б. Г. Юдин указывает на многоаспектный, нелинейный характер термина «человек», который рассматривается автором через концепции «человеческих ресурсов», «человеческого капитала», «человеческого потенциала», что позволяет увидеть человека не только как «одного из функциональных элементов производственных, социальных, технических, коммерческих и т. д. систем», но и как некое начало, не вписывающееся полностью в указанные системы.

Продолжая мысль о сложности человеческой природы, М. Мамардашвили рассматривал человека как незавершенную возможность, невозпроизводимую до конца ни в техническом, ни в технологическом смысле, поэтому объекты, возникающие в результате гуманотехнологий, не являются ни человеком, ни постчеловеком [1]. С точки зрения Л. Е. Моториной, человек – это антропологическая целостность, которую невозможно задать в качестве модели рациональными средствами, т.е. нельзя искусственно воссоздать полностью, можно только воспроизвести, трансформировать как отдельную его проекцию [2]. А. Шоленгауэр считал, что понятие «человек» определяется богатством

его личности и сравнивал ее со светлой, теплой, веселой комнатой, окруженной тьмой и снегом декабрьской ночи. «Если центр тяжести жизни человека "вне его": в имуществе, в чине, жене, детях, друзьях, в обществе и т. п., то его счастье жизни рушится, как только он их теряет или в них обманывается» [3].

Анализируя вышесказанное, можно заключить, что термин «человек» указывает на био-психо-социоорганизм, не имеющий четкой заданной биологической программы, обладающий сложной психологической и духовной организацией, индивидуальностью, способный к проявлению чувств и эмоций, действующий в конкретных временных, общественных и культурно-исторических условиях и не поддающийся полному воспроизведению (копированию). Развитие научно-технического прогресса позволило человечеству сократить расстояние между собой и машинами: «впустить их внутрь себя» (искусственные протезы, органы, механизмы, позволяющие контролировать жизнедеятельность организма); «поместить их между нами» (мобильные телефоны, Интернет, электронные средства связи); «позволить им действовать как мы», подражая речи, поведению, чертам характера человека и т. д. (накопление беспрецедентных знаний о людях; усиление возможностей машин, их персонализацию) [4]. Все это создало условия для возникновения, распространения и укрепления в общественном сознании понятия о сверхчеловеке или трансчеловеке.

Понятие «трансчеловек», впервые упомянутое в научно-фантастическом рассказе Д. Бродерика «Выращивание» (1976), в настоящее время рассматривается в значении «переходный человек», этап эволюции к «постчеловеку», готовый и / или использующий новые технологии для самоусовершенствования. К основным характеристикам транслюдей относят улучшение тела, физических и умственных способностей, интеллекта, памяти, выносливости, силы при помощи технологий генной инженерии; бесполость; искусственное размножение; распределенную индивидуальность. Термин «постчеловек», первоначально введенный трансгуманистами в 1999 году, означает гипотетический образ будущего человека, отказавшегося от привычного «человеческого» облика в результате использования сверхсовременных гено-инженерных, биомедицинских и информационных технологий. В результате «модернизации» возможно создание искусственного тела-аватара, обладающего сверхспособностями; достижение цифрового иммортализма (бессмертия) в результате перенесения бытия в виртуальное пространство через возможность многократного копирования и воспроизведения на любом цифровом носителе. Однако в настоящее время существует ряд противников трансгуманизма и перехода от человека к постчеловеку (В. А. Кутырев, Н. А. Комлева, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас), которые обращают внимание на последствия, угрожающие безопасности всего человечества.

Противники трансгуманизма предупреждают об опасности использования сверхтехнологий, которые в гонке за обновлением могут привести к полному уничтожению всего человечества. По утверждению В. А. Кутырева, «постчеловек не намерен сидеть в компьютерной клетке и висеть в сетях Интернета. Он пересматривает природу и историю как таковые. Он хотел бы расчеловечить всех, кто продолжает быть человеком: с "органами", чувствами, в культуре, способным к труду, любви, субъектному сознанию, быть личностью и верить в идеалы, если не "обожания", то хотя бы гуманизма» [5]. В своей работе «Будущее человеческой природы» Ю. Хабермас [6], анализируя новые технологии вмешательства в репродуктивную систему человека, задается вопросом о моральной стороне такого вмешательства, замечая, что генетический дизайнер, принимающий решения в соответствии с собственными предпочтениями или общественными стереотипами в одностороннем порядке и необратимым образом вторгается в механизм формирования идентичности будущей личности, лишая ее сознания естественных биографических изначальных предпосылок своей жизни, приводит к расщеплению собственной идентичности, внутриличностному конфликту и т. д. Продолжая тему, Ф. Фукуяма [7], считает, что длительный период эволюции человека как биологического вида привел к формированию баланса позитивных и негативных качеств, который может быть разрушен радикальным технологическим вмешательством; возможности постчеловека по сравнению с человеком приведут к небывалому до этого социальному неравенству, появлению конфликтов во всех сферах жизнедеятельности: социальной, экономической, политической, правовой; нарушение принципа естественных прав.

Напротив, защитники идей трансгуманизма пытаются доказать, что они не ставят своей целью уничтожить человека, сделать его послушным исполнительным роботом, а стараются преобразовать человеческую природу, компенсировать ее слабости, немощь, дать ей возможность перейти на более высокий уровень развития, не теряя своей «человечности», творческих способностей, чувств, переживаний. Изменение касается не только внешних, физических свойств, телесности человека, но и его морально-нравственных качеств, во избежание глобальных техногенных и социальных катастроф [8].

Анализ существующих точек зрения на концепцию трансгуманизма позволяет выделить два непримиримых лагеря, каждый из которых по-своему видит будущее всего человечества. Сторонники первого ратуют за скорейший прорыв в науке, технологиях, их использовании на благо «модернизации» интеллектуальных, физических, творческих возможностей человека, не опасаясь упустить такие присущие ему качества, как любовь, совесть, долг, самопожертвование, альтруизм. Вторые, напротив, считают важным любыми способами сохранить «ускользающую реальность», сберечь устои, сложившиеся тысячелетиями в виде культуры,

традиций, социальной и духовной жизни в условиях переходности из одного состояния в другое.

Литература и источники

1. Мамардашвили, М. Проблема человека в философии / М. Мамардашвили // О человеческом в человеке. – М., 1991.
2. Моторина, Л. Е. Философский анализ проблемы постчеловека / Л. Е. Моторина // Философские науки. – 2015. Вып. VII (14). – С. 110–113.
3. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – М. 1989. – С. 24–40.
4. Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред Б. Г. Юдина. – М., 2015.
5. Кутырев, В. А. Философия трансгуманизма / В. А. Кутырев. – М. – Берлин 2015.
6. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы / Ю. Хабермас. – М., 2002.
7. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее / Ф. Фукуяма. – М., 2004.
8. Гребенщикова, Е. Г. Моральное улучшение человека / Е. Г. Гребенщикова // Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б. Г. Юдина – М., 2015. – С. 105–114.

СТАТУС СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ: ОТ ФРЕЙДА К ЛАКАНУ

А. И. Садовская

В конце XX – начале XXI веков в социально-гуманитарном познании усиливается тенденция поиска альтернативных подходов в рассмотрении проблем человека и современного мира. Кризис новоевропейской модели субъективности, зафиксированный в рамках неклассической философии, приводит к проблематизации связанных с ней феноменов и ставит под вопрос ее основания. Процесс переосмысления оснований субъективности связан с обращением к тем сферам человеческой экзистенции, которые в рамках классической философии либо признавались маргинальными, либо вовсе оставались «за кадром». Одной из таких попыток переосмысления оснований субъективности является открытие бесознательного З. Фрейдом.

Несмотря на то, что проблема субъекта не была предметом специального рассмотрения в «ортодоксальном» психоанализе, в работах З. Фрейда можно найти ряд положений, позволяющих говорить о том, что открытие бессознательного сместило субъекта с центральной позиции, занимаемой им в западноевропейской философии со времени Р. Декарта и, тем самым, задало иное, отличное от рефлексии, основани

для конституирования субъективности. Как справедливо отмечает Ж. Лакан, «Фрейд уверяет нас, что субъект – это не разум его, он лежит на другой оси, он разуму эксцентричен. Субъект как таковой, то есть функционирующий в качестве субъекта, представляет собой нечто иное, нежели адаптирующийся к внешней среде организм, и все его поведение говорит – для того, кто умеет его голос расслышать – совсем из другого места, нежели та ось, которая видна нам, когда мы рассматриваем этот субъект как функцию индивида» [1, с. 15].

Рассмотрим эти положения психоанализа подробнее. Первое положение «ортодоксального» психоанализа, свидетельствующее о децентрации субъекта, представлено во фрейдовском учении о влечениях и о стадиях психосексуального развития [2] [3] [4]. Согласно З. Фрейду, человеческое поведение, опыт и познание определяются не столько сознанием (Я), сколько бессознательными влечениями. Становление субъективности, согласно З. Фрейду, определяется событиями раннего детства и представляется как необходимый отказ от той или иной формы удовлетворения желания, специфической для каждой из стадий психосексуального развития.

Следующим шагом в смещении субъекта с центральной позиции в «ортодоксальном» психоанализе стала дивергенция сознательного и бессознательного, осуществленная в рамках двух топик бессознательного. По замечанию З. Фрейда, «психоанализ не может считать сознательное сущностью психического, но должен рассматривать сознание как качество психического, которое может присоединяться к другим его качествам» [5, с. 378]. В контексте рассматриваемой темы особый интерес представляет деление З. Фрейдом психики на три инстанции, или вторая топика бессознательного: Оно, Я и Сверх-Я. Согласно З. Фрейду, «Я связано с сознанием, оно господствует над побуждениями к движению, т.е. к разрядке возбуждений во внешний мир» [5, с. 380]. Оно представляет собой «неизвестные и неподвластные нам силы» [5, с. 383], многоуровневые наслоения разновременных возникших влечений и пр. Сверх-Я – это интроецированные социальные запреты и нормы, находящие непосредственное выражение в страхе и чувстве вины, охватывающих человека при нарушении социальных табу. Для этих инстанций характерно постоянное противостояние: «Зажатое между императивами Сверх-Я и инстинктуальными требованиями Оно, Я не хозяин даже в собственном доме» [6].

Для понимания статуса субъективности в психоанализе несомненно важными являются интуиции З. Фрейда об интересубъективной природе бессознательного. Опираясь на психоаналитический опыт, З. Фрейд указывает на то, что «в психической жизни человека всегда присутствует другой» [7, с. 7], на, выявленное в результате анализа переноса, взаимовлияние бессознательного одного субъекта на бессознательное другого [8], и на специфику психоаналитического знания, конструируемого в

процессе диалога аналитика и анализанда, или того, что было названо «*talking cure*» (лечение разговором). В рамках данной темы особый интерес представляет фрейдовское понимание Другого: он для субъекта, прежде всего, «является образцом» [7, с. 7]. Иными словами, субъективность формируется в результате идентификации с Другими, интеграции в символический порядок, в универсум языка и культуры.

Проблематизация статуса субъективности в психоанализе осуществляется Ж. Лаканом в рамках ревизии концептуального наследия З. Фрейда и критики новых направлений в психоанализе. Объект критики Ж. Лакана – интерпретация бессознательного последователями З. Фрейда как сугубо биопсихологического и инстинктуального, не зависящего от внешнего мира и универсума языка и культуры; и редукция субъективности к автономному Эго или «Я», иными словами, возврат к классической (картезианской) трактовке субъекта.

Для Ж. Лакана субъект – это, прежде всего, субъект бессознательного. Ж. Лакан утверждает, что классическая (картезианская) трактовка субъекта не способствует раскрытию подлинной сути и закономерностей становления субъективности. Действительный субъект отнюдь не представляет собой единства мышления и существования. Существование субъекта обнаруживается в разрывах речи, но не столько самого говорящего, сколько Другого (инстанции, контролирующей вхождение субъекта в символический порядок, универсум языка и культуры).

В качестве отправных точек для построения теории субъективности в психоанализе рассматриваются желание, язык и речь. Картезианская формула «*cogito ergo sum*» трансформируется в психоанализе в «*desidero ergo sum*» («желаю, следовательно, существую») и в «*loquor ergo sum*» («говорю, следовательно, существую»), что представляет собой стратегию конституирования субъективности на иных, отличных от рефлексии, основаниях.

Согласно Ж. Лакану, желание является центральной функцией в человеческом опыте. В основании лакановского понимания субъективности лежит идея А. Кожева о том, что именно посредством желания животное становится человеком или, другими словами, в опыте желания человек безвозвратно трансцендирует свою природу: «Желание является человеческим только в том случае, если человек желает не тело, но желание другого... Иными словами, любое человеческое, антропогенное желание... является, в конечном счете, функцией желания признания» [9, с. 6]. Лишь в акте опосредования Другим, субъект утверждает себя в статусе желающего: «желание субъекта заявляет о себе как желание Другого» [10, с. 415], – такова формула субъективации Ж. Лакана.

Наиболее существенным для понимания статуса субъективности в психоанализе представляется соотношение языка, речи и субъективности. Для этого следует обратиться к двум фундаментальным и взаимодополняющим положениям Ж. Лакана: «бессознательное структурировано

как язык» [11, с. 25] и «бессознательное субъекта есть дискурс Другого» [11, с. 35]. Рассмотрим эти базовые положения лакановского психоанализа подробнее.

Согласно Ж. Лакану, «язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит» [12, с. 56]. Иными словами, субъект рождается в язык, интегрируется в него. Отношения между людьми пронизаны языком, функционируют благодаря ему, а также формируются и организуются означающими и связями между ними. Формула «бессознательное структурировано как язык» может быть эксплицирована следующим образом: язык является условием существования бессознательного, а бессознательное, в свою очередь, – это атрибут говорящего существа. Иными словами, язык – это то условие, посредством которого конституируется субъект.

Каждый раз, употребляя понятие «дискурс», Ж. Лакан подчеркивает интерсубъективную природу языка, иными словами, то обстоятельство, что речь всегда предполагает другого субъекта, собеседника. Формула «бессознательное субъекта есть дискурс Другого» раскрывается следующим образом: бессознательное является совокупностью воздействий, оказываемых на субъекта речью, адресованной ему Другим. Согласно Ж. Лакану, субъект «подчинен дискурсу, в чьем всеохватывающем движении место его, хотя бы лишь в форме собственного имени, предначертано с самого рождения» [13, с. 81]. Иными словами, дискурс Другого – это символический порядок, пространство интерсубъективности, внутри которого только и возможна позиция субъекта.

Таким образом, в рамках психоанализа оформляется оригинальная стратегия конституирования субъективности, что открывает новые перспективы для современного социогуманитарного знания и задает альтернативные векторы в исследовании человека и социокультурной действительности.

Литература и источники

1. Лакан, Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Ж. Лакан. – М., 1999.
2. Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд // Фрейд З. Психология бессознательного. 2-е изд. – СПб., 2012. – С. 113–180.
3. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд // Фрейд З. Психология бессознательного. 2-е изд. – СПб., 2012. – С. 340–377.
4. Фрейд, З. Судьба влечений / З. Фрейд // Фрейд З. Интерес к психоанализу: Сборник. – Минск, 2009. – С. 200–227.
5. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд // Фрейд З. Психология бессознательного. 2-е изд. – СПб., 2012. – С. 378–390.

5. Мэйси, Д. О субъекте у Лакана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_05/1999_5_16.htm. – Дата доступа: 25.03.2016.
6. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд // Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 5–108.
7. Freud, S. The unconscious / S. Freud // Freud. Complete Works 1890–1939 – London, 1959. – P. 1250–1263.
8. Кожев, А. Введение в чтение Гегеля / А. Кожев. – СПб., 2003.
9. Лакан, Ж. Семинары. Книга 5: Образовании бессознательного (1957/58) / Ж. Лакан. – М., 2002.
10. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М., 1995.
11. Лакан, Ж. Четыре основных понятия психоанализа. Семинары: Книга XI (1964) / Ж. Лакан. – М., 2004.
12. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда / Ж. Лакан. – М., 1997.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ОХРАНЫ ТРУДА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Е. И. Сороко

Важным направлением развития экономики и одним из перспективных направлений, повышающих качество жизни человека, в том числе работника здравоохранения, является управление охраной труда. Недовлетворительное состояние условий труда и его охраны отрицательно сказывается на здоровье работников, продолжительности их жизни, вызывает дальнейшее ухудшение демографической ситуации, заболеваемости работающих в трудоспособном возрасте. Ежегодно фиксируется большое число производственных травм, регистрируются выявленные профессиональные заболевания. Значительное число лиц в настоящее время являются получателями возмещения вреда.

По данным некоторых зарубежных исследователей, ущерб, наносимый здоровью на производстве, и связанные с этим потери для стран могут составлять до 4–5% валового национального продукта. Между тем в европейских странах, например, в Финляндии, осуществляются государственные программы нулевого травматизма. Поэтому актуальны такие пути улучшения ситуации, которые связаны с повышением качества: трудовоохранного менеджмента, определением новых требований к совершенствованию технологий управления факторами рисков охраны труда а также образовательных технологий. Такие международные документы как «Охрана труда: стратегические рамки устанавливаемых целей ЕС на 2014–2020 годы», характеризуют новые подходы в данной деятельности

которые основываются, в частности, на улучшении профилактики профессиональных заболеваний, устранении существующих и новых рисков, применении зеленых технологий и биотехнологий [1].

Основными факторами рисков производственной среды, которые приводят к профессиональным заболеваниям медицинских работников, являются: биологический фактор, удельный вес которого составляет в среднем 73%, высокоактивные лекарственные препараты – 16% и химические вещества – 11%. В структуре профессиональных заболеваний преобладают туберкулез органов дыхания (до 70%), парентеральные вирусные гепатиты (до 19%), астма бронхиальная (до 9%). Уровень заболеваемости медицинских работников острыми и хроническими инфекционными заболеваниями значительно превышает аналогичную заболеваемость по взрослому населению в целом, причем по отдельным нозологическим формам (острый ринит, обострение хронического тонзиллита, бронхит, гнойничковые поражения кожи и др.) различия в десятки раз [2, с. 84–88].

В связи с этим организационные и профилактические меры должны направляться, в первую очередь, на контроль состояния условий труда и здоровья медперсонала, имеющего контакты с вредными и опасными факторами. Методология процесса идентификации опасностей должна носить предупреждающий, а не реагирующий характер, учитывать иерархию мер по сокращению рисков [3]. Значительное внимание следует уделять вопросам охраны труда женщин, так как именно они составляют основной контингент занятых в сфере здравоохранения (в Беларуси – примерно 84%).

Еще одним фактором охраны труда является предупреждение производственной аварийности. Важными направлениями предотвращения и сокращения общего числа аварий, снижения тяжести последствий аварий являются организация обучения на курсах повышения квалификации руководителей и специалистов управлению охраной труда при эксплуатации зданий, сооружений, территорий, проведении ремонтных и строительных работ, модернизации. В процессе обучения выявляются проблемы, формируются направления по совершенствованию организации и управления охраной труда, обозначаются требования по корректировке и пересмотре ряда нормативных документов.

Совершенствование существующих, разработка, интеграция и внедрение в практику новых экологически безопасных, экономически и социально оправданных технологий управления рисками охраны труда будет способствовать развитию важнейшего направления экономики – критерию сохранения здоровья населения и окружающей среды.

Литература и источники

1. Health and safety at work: Strategic Framework sets out EU objectives for 2014–2020 // European Agency for Safety and Health at Work [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: [https:// osha.europa.eu/en/teaser/health-and-safety-at-work-strategic-framework-sets-out-en-objective-for-2014-2020](https://osha.europa.eu/en/teaser/health-and-safety-at-work-strategic-framework-sets-out-en-objective-for-2014-2020). – Дата доступа: 11.06.2014.

2. Проблемы обращения с отходами лечебно-профилактических учреждений: материалы 5 международной конференции Российской академии медицинских наук // Сборник материалов под редакцией академика РАМН П. В. Русакова. – М., 2009.

3. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 18001-2009, утвержденный постановлением Госстандарта Республики Беларусь от 24.04.2009 г. № 19.

2.4 Человеческий потенциал и социокультурный капитал как объекты философского осмысления

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ ГЛОБАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

М. Ю. Максименюк, В. А. Никитенко

В условиях информационного общества философия приобретает все большую роль в формировании человеческого (социального, интеллектуального) капитала. В контексте обсуждаемой проблемы Д. Белл сделал популярным понятие «общество информации и услуг», спрогнозировав экспоненциальный рост знаний как фактора общественного благосостояния. В такой социальной среде принципиальными становятся вопросы передачи, освоения и проверки знаний на всех стадиях образовательного процесса.

Фиксируется ускоряющаяся инфляция понятий «общество риска», «общество досуга», «информационное общество», что свидетельствует о реальном углублении специализации, в основе которой проблематизация знания. Мы сталкиваемся с идеей, что локальное знание часто превращается в глобальное, однако очень важно, чтобы локальное и глобальное знание не были рассогласованными, не вступали в противоречие. В этом контексте актуальным является тезис У. Бека о специализации философского знания, которое четко улавливает направления изменений социально-теоретической парадигмы глобализации. Мы становимся свидетелями рождения информационно-коммуникационной парадигмы философии, базирующейся на новом технологическом фундаменте трансформаций в обществе. Возникает необходимость контролировать общественные изменения, которые детерминированы информационно-коммуникационными технологиями.

Философия информационно-цивилизационного развития нацелена на выявление сущностных проблем Интернета, реализацию конкурентного потенциала стран в решении проблем информационно-коммуникационного социума, адаптации человека к условиям жизни в таком социуме. Роль философии проявляется в необходимости анализа проблем глобального знания, развития информационной культуры.

Проблемы информационного общества (взаимодействие локального и глобального знания, гносеологические, онтологические и аксиологические измерения информатизации и др.) находят концентрированное выражение в философии человеческого капитала. Большую роль играет методологическая функция глобальной философии в информационную эпоху: «эвристическая – появление нового знания; координационная – координация методов научного исследования; интегрирующая – объединение частей в целое; гносеологическая – обоснование теоретических конструкций научного знания» [1, с. 5].

В основе цивилизационного развития человеческого капитала – социокультурная роль философского знания, которое предстает в качестве высшей формы самосознания людей как субъектов культуры. Роль философии – в выявлении проблематизации глобального знания и реализации таких технологических преобразований в достижении устойчивого развития, плодами которых могли бы воспользоваться все жители планеты. Следует считаться с угрозами, которые возникают в том случае, когда «умным машинам» не соответствует «разум человека» и когда следует ожидать использования передовых информационно-коммуникационных технологий в эпоху Интернета не на благо человека, а для контроля над его разумом и поведением. Функция философии в проблемном поле глобального знания выражает стремление быть всегда впереди практики, продуцировать инновационные идеи и технологии, формировать высокий уровень культуры. В основе этих процессов – экспликация (выявление универсалий), рационализация и систематизация нового знания и приведение его в систему. Новое философское знание должно способствовать материальным и духовным изменениям современного общества, его интеграции и консолидации, содействовать формированию коллективных целей в контексте аккумуляции человеческого капитала.

Литература и источники

1. Воронкова, В. Г. Філософія розвитку сучасного суспільства: теоретико-методологічний контекст: Монографія / В. Г. Воронкова. – Запоріжжя, 2012.

К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА В ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИУМОВ

А. В. Кудинова

В рамках глобальной миросистемы в качестве ее гетерогенных элементов можно обнаружить сложно организованные многоукладные общества, в которых индустриально-урбанистские структуры накладываются на реликты примитивных «народных» сообществ и продолжающих существовать в аграрной сфере полуфеодалных укладов [1].

Фактором, обеспечивающим поддержание баланса между интегрирующими и дифференцирующими элементами общественной динамики, выступает культура, реализуемая в системе ценностей и основных правил, которые сознательно или бессознательно управляют поощрением и наказанием в обществе и создают систему легитимирующих установок [2, с. 196]. Разрушение мира традиционного происходит под воздействием социокультурных практик массового индустриального общества и индивидуализированного постиндустриального информационного общества. В условиях формирования модернистского габитуса происходит морфогенезис новых моделей и стилей жизни, которые оттесняют традиционное на периферию культуры, тем самым воздействуя принципы воспроизводства социокультурного капитала.

Социокультурный капитал имеет тройственную природу: во-первых, он объективен, так как существует в форме артефактов или информации, зафиксированной на различных типах носителей информации; во-вторых, он рефлексивен, поскольку интерпретируется и оценивается лишь в рамках предметного поля индивида или сообщества, неотделим от сознания интерпретирующего его индивида; в-третьих, он продуцирует человеческую активность в различных формах предметной или умственной деятельности, поскольку имеет стоимостную природу, связанную с транзакционным обменом.

Сознание человека, обладающее имманентным свойством продуктивной деятельности в символической форме, позволяет индивиду дифференцировать поступающую из окружающего его мира информацию, распознавать ее коды, декодировать и соотносить с известными символическими обозначениями феноменов природной и социальной реальности. Наряду с индивидуальными свойствами человеческой психики, значимую роль в процессе восприятия информации и организации мышления индивида выполняет габитус.

Габитус обусловлен сложившейся социальной структурой, степенью включенности индивида в социальные сообщества и сети. С когнитивной точки зрения габитус обладает двойственной природой, являясь одновременно системой схем производства социальных практик и их восприятия и оценивания [2, с. 75]. Тем самым габитус является своеоб-

разным ядром культуры индивида, которая организует и направляет его повседневные социальные практики. Габитус означает с помощью структуризации используемых индивидами символическо-знаковых систем принадлежность к конкретной культуре.

В результате комбинации наследуемого в сфере бессознательного и усвоенного в процессе первичной и вторичной социализации, а также в процессе повседневного и целенаправленного обучения индивид приобретает социально-культурный капитал. Жизненный мир человека складывается из субъективной интенциональности и типизированного интерсубъектного, то есть социального опыта, образуемого правилами, схемами, принципами, умениями и навыками. Последние почерпнуты как из личного опыта субъекта, так и из коллективного социального опыта, в том числе от родителей и родственников, учителей и наставников, опираются на сложившиеся традиции.

Значимой проблемой в современной философии культуры становится вопрос о саморазвитии человека как субъекта социокультурного процесса, как не только наследника, но и творца социально-культурного капитала, способствующего поступательному развитию общества. При этом методологически важно проследить характер значимых процессов – от превращения разнообразия в фактор динамики на всех уровнях общества до его влияния на конфликтность, интеграцию и дезинтеграцию сложных социокультурных систем [3, с. 110].

Социально-культурный капитал является продуктом исторического развития общества как автопойетической системы, порождающей базовые элементы собственной внутренней структуры. Современная глобальная социокультурная система является результатом развития глобализирующейся миросистемы. И поскольку основным регулятором в глобальной миросистеме являются транзакционные взаимодействия, современная глобальная социокультурная система образовала регулируемое с их помощью социокультурное поле, в которой они приобрели форму социально-культурного капитала. Социально-культурный капитал имеет как символическую, так и предметно-материальную формы, способные к отчуждению (например, в форме прав на интеллектуальную собственность, предметов антиквариата, раритетов, результатов креативных действий и т. п.).

В современной философии осмысление проблем социокультурных отношений вызывает все возрастающий интерес, потому что в именно в сфере культуры происходят критически важные трансформации, меняющие конфигурацию мира.

Литература и источники

1. Sjoberg, G. Folk and «Feudal» Societies / G. Sjoberg // Political Development and Social Change. – New York – London, 1966. – P. 45–53.

2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб., 2001.
3. Ахиезер, А. С. Человек в переходах между культурами / А. С. Ахиезер // Человек в экономике и других социальных средах. – М., 2008.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СОВРЕМЕННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В. С. Осолков

Эпоха определяет философию. Если этот посыл верен, то мировоззрение, мироощущение и миропонимание определяют направление философских взглядов эпохи. В настоящее время необходимость в переосмотре основополагающих взглядов на окружающий мир встала как никогда остро. В данной статье мы коснемся изменений в отношении к человеческому капиталу и связанных с этим изменений в мировоззрении.

Вопросы влияния человеческого капитала на экономику остаются актуальными по сей день. Основной причиной угасания интереса к проблеме человеческого капитала, на наш взгляд, является то, что до сих пор не выработан четкий и общепринятый механизм измерения человеческого капитала. Так и не предложены критерии измерения основной составляющей человеческого капитала – культурно-нравственной. Ученые экономисты, считая, что все, где присутствует слово «капитал», является исключительно их епархией, и представителям других отраслей знаний там делать нечего, очень ревностно относятся к любому «посягательству» на эту сферу. Культурно-нравственная составляющая человеческого капитала при этом замещается рассуждениями о вопросах благосостояния, бедности и т. п. Таким образом, происходит подмена понятия «человеческий капитал» понятием «человеческое развитие», и рассматриваются элементы Индекса человеческого развития (в России – Индекса развития человеческого потенциала).

Исследуя статистические показатели, охватывающие значительные массивы данных, на наш взгляд, необходимо разделять общественный человеческий капитал (ОЧК) и индивидуальный человеческий капитал (ИЧК), роль которого в основном остается в тени.

Для конкретного предприятия именно ИЧК имеет определяющее значение. Проблема исследования ИЧК уже поднималась автором статьи [1] [2] [3]. ИЧК определяется как сумма индивидуального человеческого ресурса (части человеческого капитала, применяемого в процессе трудовой деятельности) и индивидуального человеческого потенциала (часть человеческого капитала, не используемого в трудовой деятельности).

По всей видимости, оценить ИЧК в связи с его многоплановостью сложностью не представляется возможным. Если провести параллель физикой, то можно сказать, что определить параметры физического тел

можно только в случае взаимоотношения данного физического тела с другими телами. Так и ИЧК: некоторые его параметры можно определить в том случае, если конкретный обладатель человеческого капитала применит свои знания, навыки и культурно-нравственные качества в процессе деятельности. Как правило, это происходит во время трудовой деятельности. Таким образом, измерить возможно только человеческий ресурс.

Для чего это необходимо сделать? Осмысление своей значимости в развитии страны или предприятия несомненно повысит заинтересованность самого человека в повышении своего человеческого капитала. Человек перестанет ощущать себя «винтиком», простым исполнителем, малой частью статистической отчетности. Необходимо, чтобы каждый человек представлял свою ценность, или даже более узко – стоимость. Понимание своей значимости как составной части капитала предприятия и даже всей страны не только повысит самооценку, но и поставит необходимым условием развитие своего человеческого капитала.

Любое философское осмысление окружающего мира, любое мировоззрение основывается на знаниях. Был проведен социологический опрос среди студентов с первого по третий курсы трех вузов. Материалы опубликованы в статьях [4] [5]. Вопросы касались определения понятия «устойчивое развитие». В Республике Казахстан дисциплина «Экология и устойчивое развитие» является обязательным предметом блока общеобразовательных дисциплин у бакалавров всех специальностей. Таким образом, студенты просто обязаны быть знакомыми не только с определением понятия «устойчивое развитие», но и с его основными принципами.

Однако анализ результатов опроса показывает, что подавляющее большинство студентов имеют очень размытое представление об устойчивом развитии. Так, на вопрос «На что направлено устойчивое развитие?» правильно ответили только 53% респондентов. Указать название государственных документов, так или иначе связанных с устойчивым развитием Казахстана, смогли только 13% респондентов. А на «каверзный» вопрос «Что такое ОУР?», правильно ответили только 2,6% респондентов. Как можно изменить положение дел? Необходимо изменить взгляды на человека и его место в экономике предприятия и страны в целом. В экономической литературе начинает проявляться понимание данного вопроса и чаще использоваться понятие «интеллектуальный капитал».

Бюджет Республики Казахстан в большей степени пополняется за счет продажи полезных ископаемых. Такова реальность. Может быть, во все государственные и производственные отчеты, учебную и массовую литературу вместо слов «нефть», «газ», «уголь», «медь» и т. п. ставить определение «невозобновимые природные ресурсы» и уже в скобках указать, какой ресурс мы продаем или используем в данном конкретном

случае? По всей видимости, у человека, патриотически настроенного и понимающего принципы устойчивого развития, такая постановка вопроса вызовет ответную реакцию. И он вряд ли будет бездарно разбазаривать невозобновимые ресурсы. Наверное, пора прекратить относиться к человеческому капиталу как к простой сумме статистических данных.

Литература и источники

1. Осколков, В. С. Человеческий капитал: проблемы терминологии / В. С. Осколков // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: материалы межд. науч. конф., Минск, 15–16 ноября 2012 г / Ин-т философии НАН Беларуси; науч. ред. совет: А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск, 2013. – С. 146–148.
2. Осколков, В. С. Человеческое развитие и человеческий капитал – общее и различное / В. С. Осколков // Актуальные проблемы общественного сектора: материалы межд. заочной науч. конф., Омск, октябрь 2012 г. – Омск, 2012. – С. 315–321.
3. Осколков, В. С. Измерение человеческого капитала и инновационные процессы / В. С. Осколков // Четвертая межд. науч. конф. «Инновационное развитие экономики России: институциональная среда», 20–22 апреля 2011 г. – М., 2011. – Т.2. – С. 591–596.
4. Осколков, В. С. Education for the Sustainable Development as a Basis for the Kazakhstani Green Economy / В. С. Осколков // Зеленая экономика – будущее человечества: материалы межд. науч. конф., 24–25 мая 2014 г. – Часть I. – Усть-Каменогорск, 2014. – С. 287–298.
5. Осколков, В. С. Устойчивое развитие – проблемы определения / В. С. Осколков // Центральная Азия и Европейский Союз: путь к устойчивому развитию: материалы межд. науч. конф., Алматы, 27 марта 2015 г. – Алматы, 2015.

ЧЕЛОВЕК КАК НОВЫЙ СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Е. С. Лученкова

Функционирование информационного общества повлекло за собой огромное изменение в повседневной жизни человека и в самом человеке. Произошло изменение самоосознания человека в новом информационном измерении. Оценка этого изменения невозможна без характеристики социальной реальности как повседневности. Повседневность – это форма организации окружающего пространства и канонов поведения человека, его коммуникаций.

Основной характеристикой повседневности сегодня можно считать внедрение в саму жизнь Интернета. Он воздействует на формы и способы межличностной коммуникации и социальной адаптации; прививает

новые культурные традиции; наделяет смыслом новые материальные и духовные составляющие жизни человека. В результате человек приобрел такие черты, которых у него не было в доинформационном обществе.

Одной из самых важных потребностей для человека является общение. В сегодняшней повседневной жизни удовлетворение этой потребности происходит в таком объеме и с такой скоростью, которых не было в доинформационном обществе. Информация стала вторым «я» для человека.

Интернет затрагивает абсолютно все сферы социальной жизни. Вопросы общения, приобретения товаров, поиска работы, образования, – все это связано в выходом в виртуальное пространство. Следовательно, должны совершенствоваться носители этого пространства. Поэтому, повседневностью является и обсуждение достоинств и возможностей новых компьютеров, программ и технологий, которые меняют и самих пользователей этих приспособлений.

Количество пользователей Интернет возрастает очень быстро, и ни расстояния, различия социальных систем не являются в данном случае помехой для вступления в глобальное коммуникационное пространство. К особенностям виртуального пространства можно отнести такие характеристики, как бестелестность участников в процессе общения, анонимность и возможность замаскироваться, несинхронность коммуникации во времени, отсутствие субординации и статусного взаимодействия, – все это качественные характеристики повседневного виртуального общения. Отсюда следует необходимость перейти от возможности просто поговорить с кем-нибудь к идее переговоров, к возможности договориться. Это обстоятельство делает коммуникацию в виртуальном мире еще более привлекательной, соответствующей общим этическим представлениям о демократии.

Современная коммуникационная сфера – это особая форма взаимодействия людей, может быть реализовано и традиционными средствами, и одновременно альтернативными. Поэтому межличностные отношения, которые складываются в Интернет-среде можно рассматривать с двух сторон: как отношения между личностями и как отношения между личностью и текстом. Гипертекст открывает новые измерения виртуального пространства. Применяемая во Всемирной паутине технология гипертекстовой разметки обеспечивает мгновенный переход от одного текста к другому, причем без необходимости покидать исходное текстовое поле. Текст обретает иное измерение: становится в буквальном смысле бесконечным. При этом простота и доступность средств создания информации делают каждого пользователя глобальной сети потенциальным автором текста. Таким образом, субъект коммуникации, является одновременно и потребителем и автором информации, имеет доступ к любому другому субъекту.

Компенсировав с помощью глобального доступа дефицит инфор-

мации, мы сократили неравенство в образовании и развивающих средах. Вместе с тем, при доступности информации основания для неравенства будут заключаться в интеллектуальных и психологических особенностях личности. «Статусное равенство» и многодозволенность будут создавать иллюзию построения окружающего пространства по своему усмотрению. На основании этого у многих людей может возникнуть Интернет-зависимость.

Активные пользователи Всемирной паутины утрачивают многие навыки, которые являются очень важными при личном общении. Например, умение «читать» язык жестов, выдерживать правильную паузу в устной коммуникации и т. д. «Благодаря» Интернету уменьшается и способность глубокому размышлению. Наше сознание ожидает информации в таком виде, в котором нам преподносит Интернет. Это, в свою очередь приводит к изменению культуры чтения; возникает проблема обработки и освоения личностью большого объема информации.

Исходя из изложенного, можно определить повседневность современного социума как «разорванность» двух миров: реального социального бытия, жестко структурированного и поэтому ограничивающего человека определенными рамками пола, возраста, профессиональной принадлежности, и другого – информационно-коммуникационного, несущего возможности для самостоятельного создания и изменения структур реальности. От человека в этом мире требуется только осмысление ориентиров своей деятельности через формирование себя в виртуальном пространстве.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТА КАК ОСНОВАНИЯ ПОСТРОЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ

А. И. Стребков

Проблематика конфликта, который, в числе других способов взаимодействия индивидов, определяет их положение, а вместе с тем и их субъективное состояние, затрагивается многими науками. Сегодня существует множество определений конфликта, которые отражают его в категориях той или иной степени абстракции. Различная степень абстрагирования дает различную степень определенности конфликта, а тем самым порождает различные представления о нем, вводя его в мир рациональности либо иррациональности. Наряду с попытками дать системное или общее определение конфликта осуществляется множество попыток определить конфликт в предметном поле частных наук об обществе и человеке, схватывая специфику, присущую отдельным важным элементам конфликта. Так социология, пытаясь определить конфликт, наталкивается на трудности, в силу которых порождает превратное представление о

нем как о разрушающем способе взаимодействия, не учитывает его положительного значения как источника развития, основанием которому служат отношения частной собственности.

Конфликт как способ взаимодействия, включает в себя и борьбу, и мир одновременно, схватывает момент мира в борьбе и борьбы в мире, представляет собой насыщение мира борьбой, борьбы миром. Не видя этого свойства конфликта, частные науки различным образом определяют конфликт, как способ взаимодействия, различимый лишь тогда, когда наступает дисбаланс между борьбой и миром. Здесь уместно вспомнить марксистов, отдающих дань борьбе как исторически необходимой форме взаимодействия, присущей обществу частной собственности, и П. А. Кропоткина, с его человеческой солидарностью, опирающейся на «общую практику взаимопомощи» как основу социального прогресса [1], т. е. отдающего дань особой форме мира как глобальному источнику и способу человеческой эволюции.

В зависимости от того, какая форма взаимодействия преобладает в данный исторический период – это период бури и натиска, период борьбы, как способа разрешения, накопившихся противоречий в обществе, или период мирного консенсуса, – на авансцену истории выдвигается та или иная необходимая субъективность. В силу того, что конфликт есть способ взаимодействия, субъектами которого являются живые, деятельные и сознанием наделенные люди, они по необходимости осваивают и те, и другие способы взаимодействия.

Какими же субъективными свойствами должен быть наделен индивид, пребывая из века в век в конфликте? На этот вопрос отвечает сам конфликт, который обуславливает социальные свойства индивида, освоившего методы как борьбы, так и мира. Борьба не для «рожденных ползать», а для тех, кто «славно пожил, кто знает счастье, кто храбро бился и видел небо» [2]. В то же время борьба не должна быть самоцелью, но средством достижения условий, предполагающих реализацию человеческого достоинства в каждом жизненном проявлении человека; ради того, чтобы свободное развитие индивидов стало принципом всех, ради равенства в потреблении и владении.

На противоположной стороне борьбы располагается мир, требующий субъективности иного порядка. Она свою основу находит в непротравлении злу насилием, в пренебрежении тем, что в определенные эпохи борьба становится последним аргументом в сохранении мира. Мир любой ценой, формирует субъективность смиренную и не желающую, в конечном счете, никаких изменений, даже в том случае, когда потребность в изменениях, становится жизненной необходимостью. Для достижения гармонии в общественном укладе необходима нескончаемая борьба, целью которой является мир. Пацифизм как идеология, ставшая своей целью борьбу за мир, есть проявление этой борьбы.

Литература и источники

1. Кропоткин, П. Взаимопомощь как фактор эволюции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-267163.html>. – Дата доступа: 22.03.2015.
2. Горький, М. Песня о Соколе // Интернет-библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.ru/text/1330/p.1/index.html>. – Дата доступа: 03.02.2015.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА И ЛИЧНОСТЬ

А. М. Положенцев

Представленные тезисы посвящены проблеме онтологии личности как смыслопорождающей структуры, основу которой составляет базовый *трансцендентальный конфликт* между (как минимум) двумя формами (уровнями) сознания, а также прояснению эвристической ценности сопутствующему такому положению дел *непониманию* как условию коммуникации. Учеными в области социальных наук не раз обосновывалась и анализировалась позитивная сторона конфликта (например, [3] [4]) и непонимания ([5] [6]). В нашем исследовании эти два фактора ставятся в позицию продуктивной взаимозависимости. Мы рассмотрим базовый трансцендентальный конфликт самосознания («Я–Я»), как это было представлено в «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля [1, с. 93–123], в качестве основания для семиотической активности субъекта, а непонимание, несводимость тезаурусов двух целостных образований самосознания друг к другу как условие для воспроизводства смыслов.

Мы исходим из того факта, что сама возможность конфликта предполагает, что в нем участвуют как минимум две личности, обладающие свободой воли и самосознанием. Самосознание как таковое не может быть однородным. Во всех иных случаях речь шла бы о противоречии, бинарной оппозиции и пр. Знаменитая формула «Я=Я» не столько задает тождество субъекта самому себе, сколько постулирует саморазличие, тем самым создавая из «Я» элементарную семиотическую систему. Внутренний конфликт не обязательно должен рассматриваться как отрицательная сторона личности.

Несмотря на то, что конфликт является трансцендентальным условием «несчастливого сознания», его производство не является универсальным и обязательным для всех без исключения культур. Быть или не быть в конфликте с собой зависит не столько от личного выбора человека, сколько от культурной формы воспроизводства личности. Новоевропейская личность постулируется как личность всеобщего порядка, имеющая универсальное значение. Она утверждается метафизическими и правовыми актами в качестве высшей культурной ценности. Но она основана

на конфликте. Внутренний конфликт является ее сущностным определением («фаустовская личность»). Только через внутренний конфликт эта личность приходит в единство с самой собой; беспокойство – ее стихия; довлеющий самому себе субъект ничтожен на шкале ее ценностей. В конфликте может находиться только самосознание (Гёте, Гегель): в этом его историческая природа. Выйти на всеобще-исторический уровень способен только проактивно-конфликтный субъект. Эти онтологические особенности конфликта подкреплены социально-антропологическими практиками.

Определенная часть конфликтов протекает в так называемой «духовной сфере». В новоевропейской метафизике ей соответствовали *res cogitans* Декарта, порядок идей Спинозы, ноуменальное Канта, сфера разума Гегеля (религия, искусство, философия). Благодаря неокантианскому и герменевтическому повороту эта сфера была понята как область исторических наук, или наук о духе, которые «не только изучают существующее, но и несут в себе *сознательную* (курсив наш – А. П.) систему оценочных суждений и императивов» [2, с. 303]. Эта «сознательность», рефлексивность, онтологический признак субъекта является также и признаком продуктов его творчества.

Абстрактным, но в то же время существенным элементом рефлексивных систем является знак, который возможно изучать объективными инструментами и методами. На этом строится методология современной герменевтики. Через знак конфликтность проникает в самую стихию духовной сферы новоевропейского субъекта. Это ее «нормальное», естественное состояние: только при наличии оппозиций мы можем говорить о знаковом характере явления, только так он способен стать текстом. Следует вспомнить о гипотезе Ю. М. Лотмана [5, с. 35–43], что взрывной характер, присущий развитию некоторых знаковых систем, является в плане семиозиса более продуктивным, нежели линейный, постепенный.

Знаковые системы не просто имеют внутреннюю оппозициональную структуру: они также находятся в определенных отношениях друг к другу, составляя более сложную структуру, так называемую «семиосферу». О различных знаковых системах (текстах, дискурсах, интерпретациях), учитывая их рефлексивный характер, правомерно говорить как о конфликтных. Конфликт разворачивается на оси понимание / непонимание.

Семиосфера складывается из принципиально разнородных знаковых систем, часть которых: 1) имеет целью понимание других систем, однако остается закрытой для понимания, но открытой для интерпретаций; 2) получает способность создавать новые тексты и сообщения «из себя», благодаря наличию оппозиционной структуры.

В культурах, продуцирующих монологическое эго, вторым сознанием, в результате диалога с которым создаются сообщения, выступает традиция (миф, сакральный мир, предание). Новоевропейский субъект же

с его раздираемым внутренним конфликтом сознанием, имеет это «второе я» в виде пресловутой «отсутствующей структуры».

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб., 1992.
2. Дильтей, В. Введение в науки о духе / В. Дильтей // Собрание сочинений. Т. 1. – М., 2000.
3. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Избранное. Т. 1. Философия культуры. – М., 1996.
4. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; пер. с англ. О. А. Назаровой. – М., 2000.
5. Лютман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лютман. – М., 1992.
6. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М., 1995.

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЖЕНЩИН

А. П. Соловей

Женщины-ученые представляют особую социальную группу, которая отличается социально-психологическими чертами, различными ролевыми функциями, выполняемыми в обществе. Половой диморфизм, который является естественной предпосылкой иного социокультурного статуса женщины, а также строение организма женщин определяет ее биологическое назначение и влияет на социальное положение.

К началу XVIII века установилось представление о женщинах как о социальной группе, положение которой в обществе нуждалось в улучшении (осознание женской групповой идентичности). Многие женщины писали и публиковали свои работы в этот период, и наиболее известными из них были члены группы «синий чулок» из «салона интеллектуалок». Само существование их как группы, которая участвует в публичных дискуссиях и печатается с 1750 г., несмотря на отрицание ими феминизма и соглашения с вторичной ролью женщин по отношению к мужчинам в литературном мире, можно рассматривать как подтверждение способностей женщин и их общественной роли [1. с. 22–23].

История знает немало женщин, посвятивших себя знаниям и науке (Аспазия, Теания, Гипатия, Тротула, Анна Конвей, Маргарет Кавендиш и др.). Однако женщины-ученые вплоть до конца XIX века были исключением, так как профессия ученого оставалась мужской прерогативой. Женщины обычно участвовали в исследованиях вместе со своими мужьями, отцами и братьями. Следует отметить, что до XX века женщинам отводилась строго определенная роль помощниц мужчин-ученых. Женщины в основном выполняли нетворческие виды работ: вычисление аст-

рономических данных, создание каталогов и т. п. Женщины, которые работали самостоятельно, нередко публиковались под мужскими именами, чтобы обеспечить серьезное отношение к своим результатам. Опасность, что их научные достижения будут приписаны мужчинам, была реальной и постоянной. Приемлемым для женщин, которые стремились к научным знаниям, было занятие наукой в «домашних условиях», выписывая научные книги и журналы на дом, а также участвуя в научных журналах и ассоциациях.

Многие знаменитые философы высказывались о женщинах как о неспособных к разумной, творческой и общественной деятельности. Во времена Просвещения существовало всеобщее согласие по поводу того, что идеи рационального индивидуализма не применимы к женщинам, так как они от природы неспособны к полноценному развитию разума. К примеру, в работах Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо говорится о том, что женщины – это творения эмоций и страстей, важнейшая роль которых быть женами и матерями, и с точки зрения биологии они не могут участвовать в общественной и научной деятельности [2, с. 234].

По мнению И. Канта, который рассуждал о различиях мужского и женского, природа в соответствии со своими целями четко распределила качества душевного строя между полами. Ни один из полов не имеет преимуществ перед другим, и единственное, что требуется от человека в этом смысле – это точно следовать в поведении своему природному предназначению. Немецкий философ приписывал женщине такие качества, как красоту, скромность, добросердечность, участливость, сострадательность, приятность, благожелательность, чувствительность и т. д. «У прекрасного пола столько же ума, сколько у мужского пола, с той лишь разницей, что это прекрасный ум, мужской же ум – это глубокий ум» [3, с. 153]. По Канту, женщина явно проигрывает мужчине в качествах разума. По мнению еще одного выдающегося философа, Ж. Ж. Руссо, в будущей женщине нужно воспитывать чувство зависимости и послушания. Образование получать женщина должна только с целью быть приятной мужчине [4, с. 363].

О. Вейнингер в книге «Пол и характер» приходит к выводу, что женщина лишена «субъективности», «личности», «Я» и «души». Она мыслит генидами – образованиями, где «мышление» и «чувственное» соединены в единое целое и являются путанными представлениями [5, с. 46–47]. По мнению автора, женщина не стремится к объективной истине. Это и является причиной ее несерьезности и «равнодушного» отношения к мыслям. Понять истину ради самой истины женщина не может. Поэтому менее всего возможно, чтобы женщина была философом, так как у нее отсутствует выдержка, ясность и упорство мышления. Следовательно, если женщина создала в науке нечто более или менее значительное (к примеру, Софи Жермен или Мэри Сомервилль и др.), то можно быть

уверенным, что за всем этим скрывается мужчина, на которого она старалась походить.

Немецкий философ Г. Зиммель, исследуя природу женщины, считает, что она существует на предуалистской ступени (вне субъектно-объектного дуализма), и так называемый дефицит логики или разума в женщинах не есть их недостаток. Скорее всего, это показатель их комфортного существования в жизни, которого мужской пол отчаянно пытается достичь. По Г. Зиммелю, женская сущность выражается в таких отрицательных понятиях, как недифференцированность, недостаток объективности, лишь потому, что язык и образование понятий направлены главным образом на выражение мужской субъективности [6. с. 238].

По мнению Э. Фромма, мужчина отдален от природы более, чем женщина, в силу того, что он от природы не способен производить детей и не наделяется функцией по их воспитанию и заботе. Так как он меньше укоренен в природе, то вынужден развивать свой разум и строить сотворенный мужчиной мир идей, теорий и принципов (мир культуры) [7, с. 470].

Таким образом, несмотря на различия в оценке женской природы (для Вейнингера женщина – это низший тип, для Г. Зиммеля – высший, а для Э. Фромма – не низший и не высший, но другой), все авторы основываются на одном фундаментальном убеждении, которое гласит, что дихотомия «мужчина – культура, женщина – природа» лежит в самом основании жизни пола. Однако эти авторы, отрицая способность женщины к культурному творчеству, признают ее роль как главной вдохновительницы становления мировой культуры.

Следует отметить, что источником специфики соотношения рационального, эмоционального и интуитивного в природе женщины – может являться опыт матери и опыт семейной жизни. Причиной формирования специфических особенностей женского мышления стала семья, которая была на протяжении всей истории основной сферой жизнедеятельности женщины. И соответственно, ценностные ориентиры женщины на семью в ее воспитании. Познавательные способности мужчин оценивались всегда выше женских, так как в культуре мужчина всегда ассоциировался с умом и разумом, а женщина – с чувством и интуицией [8. с. 176].

Исходя из вышеизложенного, общим для всех традиционных философских теорий пола является постоянное отождествление телесного, земного, природного, чувственного с женским началом. Отсюда, эксплицитное обесценение этих понятий и ассоциирующихся с ним аспектов бытия и способов познания. Следовательно, в западной интеллектуальной традиции женское / феминное конституируется через статус низшего, неполноценного и вторичного по отношению к маскулинному. Что в свою очередь влияет на конструирование женской идентичности, на категоризацию женщины как представительницы определенной социальной группы и на воспроизведение гендерно обусловленных ролей, диспо-

зиций и самопрезентаций.

Стоит отметить, что образ женщины в общественном сознании достаточно противоречив. До сих пор на него в некоторой степени оказывают влияние традиционные патриархально-буржуазные стереотипы о природе и предназначении женщин. Представленные выше воззрения оказали влияние на формирование стереотипного убеждения в том, что женщины менее компетентны и не способны заниматься наукой, а это, в частности, породило представление о науке как мужской сфере деятельности и превалирование мужчин в руководстве наукой.

Литература и источники

1. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / В. Брайсон. – М., 2001.
2. Миловидова, Э. Женский вопрос и женское движение / Э. Миловидова. – М.; Л., 1929.
3. Кант, И. О различии возвышенного и прекрасного у мужчин и женщин / И. Кант // Сочинения в шести томах. – Т. 2. – М., 1964. – С. 151–168.
4. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании / Ж.-Ж. Руссо. – СПб., 1913.
5. Вейнинггер, О. Пол и характер / О. Вейнинггер. – М., 1991.
6. Зиммель, Г. Избранное: в 2 т. / Г. Зиммель. – Т.2. – М., 1996.
7. Фромм, Э. Ситуация человека – ключ к гуманистическому анализу / Э. Фромм // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 443–482.
8. Брандт, Г. А. Природа женщины как проблема (концепции феминизма) / Г. А. Брандт // Общественные науки и современность. – 1998. – №2. – С. 167–180.

Раздел 3 ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

3.1 Цивилизационное измерение социальных процессов

XXI FACING CENTURY AND BEYOND: THE PARADOX OF LIQUID POSTMODERNITY

Marius Povilas Šaulauskas

What are the conceptual limits of state-of-the-art academic discourse in terms of the nearly boring modern-postmodern contradistinction? Where dwells the innermost core perpetuating the ongoing discussions in terms of the crisis of the uniquely modern and thereby just Western quest for certainty which inevitably leads to the postmodern and also just Western destitution of reliable human knowledge and basic moral principles? The answer to such sweeping questions hinges on how we understand the very concept of post-modernity, be it "solid" or "liquid" and, even more importantly, just ours or anyone's.

Postmodernism, following a noted Lithuanian émigré sociologist Vytautas Kavolis advocating the «polylogue of civilizations» [1], could be broadly conceived as the ever encapsulated bridge over the universally efficacious gap between pro-change, modernistic and contra-change, antimodernistic drives of human condition: «I conceive of the "postmodern" not as anti-modernist, but as the building of bridges between the "modernist" and the "antimodernist"» [2, p. 161]. Thus conceived, «every modernism has its own postmodernism. Confucianism cherishes Daoism, Sufism emerges in Islam, nihilism rises in the West» [3, p. 35]. The postmodern condition thereby is not posited as a unique period in Western civilization. On the contrary, it sits as a humankind commonplace, it is as ours as anyone's both in the remote pasts and distant futures.

Nowadays, fiercely surrounded by the ubiquitous settings of Baumanian «liquid modernity» [4] which points to the disorderly fragmentation and fragile mosaic texture of human existence we face multifaceted challenges disrupting the orderly brave old world of Enlightenment, the world of trustworthy «solid modernity» deeply imbued with once for all scientifically discovered eternal laws of nature and impeccable basket of universal human values. If so, to what extent contemporary postmodernity of ours uniquely differs from Kavolian civilizational perspective of the transhistorical humdrum of the post-modern?

As an uninhibited critical reflection and everyday praxis of mainly nega-

tive criticality of Western modernity the nowadays postmodern of ours in fact pairs the modern sophistication it so acutely attacks. It regularly continues to reduce «epistemology» as the theory of knowledge to the «agneology» as the theory of ignorance or, to put it more softly, continues to explore the fundamental limits of human knowing as it is paradigmatically exemplified in Cartesian and Kantian endeavours. Both these terms were coined by James Frederick Ferrier [5] in the middle of XIX century, the time the Western postmodernity slowly took its incipience, perhaps such timing not per chance.

At the same time, in contrast to modernity, the contemporary postmodern overturns axiological dimension of the theory of knowledge presumed as foundational epistemology or agneology: if the modern relies on the crucial overarching importance and indispensable value of assured human knowledge, the postmodern always puts it to methodological doubt. All the other «postmodern» discourses in the course of civilizational human history suspiciously targeted the modernizing vistas of the recent past while preserving the underlying set of ever lasting values, the dictum which is also famously exemplified by Umberto Eco's aesthetic understanding of the universal postmodern of the human nature: «The postmodern reply to the modern consists of recognizing that the past, since it cannot really be destroyed, because its destruction leads to silence, must be revisited: but with irony, not innocently» [6, 67 p.].

As a result, the relativistic stance of contemporary postmodern springs from two sources. First, the postmodern of ours is grounded on the antifoundational and antiaxiological agneology; it does not believe in eternal transcendentality of the basics of human understanding which would stipulate efficacious knowledge in both the physical and moral universe. Second, it confides in ontological indeterminism of quantum stochastics taken as the liquid methodological kernel of the prevalent scientific worldview; it takes the emergent lawlike properties of all-embracing chaos covering all knowable reality for granted. The paradoxical nature of the Western postmodern emerges as a tense conundrum synthesizing the plethora of choices following from these two principal sources.

On the one hand, the postmodern of ours, to the sharp difference to the modern, is outspokenly antifoundationalistic. On the other hand, in par with the modern, it is silently foundationalistic due to its tight adherence to the quasi-transcendental agneology of scientism, which as a matter of fact embraces the modern obsession with the most reliable knowledge of the maximum available certainty for all the possible varieties of epistemic human endeavours. That is to say, it clings to the rather solid posture which is inevitably aware of liquid deterministic concurrences which always happen only per liquid stochastic chance but with solidly unswerved nearly Newtonian determinacy always again. By that the postmodern of ours truly and solidly believes in the utmost certainty of uncertain liquidity itself, and that could serve as a brief formula of the solid paradox of the liquid postmodernity of ours. And the most recent version of the latter is labeled «metamodernism», which is «character-

ized by the oscillation between a typically modern commitment and a markedly postmodern detachment» [7, p. 2] thereby articulating the liquid paradox of the Western postmodern in outspokenly explicit terms.

Therefore, in a vocabulary of Umberto Eco, today we are heavily overloaded with innocence and fall short of irony. And in Kavolian terms, we do lack bridges to give us palpable sense of meaning. All in all, the paradox of liquid postmodernity serves as a «hinge epistemology», a Wittgenstein's term for propositions that actuate the scope of interpretation of other propositions in an open context, which, given that «the disagreement simply cannot be resolved through the use of argument» [8, p. 1], eventually means just putting both epistemological and axiological attitudes in a state of radical limbo. So the constitutive liquidity of the paradoxical nature of the XXI century postmodernity is unfailingly forced to seek for consistently agneological and strictly antifoundational understanding of human knowledge and, by the same token, to ground valuelessness as an ultimate foundational value. That is why the all embracing apodictical tolerance of our greatly eulogized "politically correct" is always failing to discover the so much desired hinge where the moral and the epistemological meet in all brands of contemporary professional and public discourses.

All in all, by bringing together Vytautas Kavolis and Umberto Eco in the face of impending civilizational challenges nowadays as in days of yore, it seems we humans always start afresh to consider whether to continue building liquid bridges or to practice solid ironizing, – and more often than not, deprived of any track of innocence and overloaded with the traps of guilt.

Bibliography

1. Donskis, L. Vytautas Kavolis: Toward a Polylogue of Civilizations / L. Donskis. – Comparative Civilizations Review. – 2004. – Nr. 51.
2. Kavolis, V. Civilization Analysis as a Sociology of Culture / V. Kavolis. – Lewiston, NY: The Edwin Mellen Press, 1995.
3. Mickūnas, A. Filosofija ir civilizacijos // Athena: Filosofijos studijos. – 2011. – Nr. 7. – P. 44–52.
4. Bauman, Z. Liquid Modernity / Z. Bauman. – Cambridge: Polity, 2000.
5. Ferrier, J. F. Institutes of Metaphysics: the theory of knowing the mind / J. F. Ferrier. – Edinburgh, London: W. Blackwood and Sons, 1854.
6. Eco, U. Reflections on The Name of the Rose. - London: Minerva, 1994.
7. Vermeulen, T. Notes on Metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2.
8. Kenyon, T. Commentary on «Levels of Depth in Deep Disagreement». – OSSA Conference Archive, 2016.

ФОРМАЦИОННЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЮ

Ф. С. Приходько

В центре внимания отечественных ученых: социальных философов, историков, социологов, – в течение многих лет была теория общественно-экономических формаций. Введение категории общественно-экономической формации в научный оборот имело большое научное значение. Огромный и разнообразный исторический материал, накопленный за многовековую историю, свидетельствовал о многообразии социумов и этапах их развития, требовал упорядочивания и систематизации. Исторические исследования, которые преимущественно лишь фиксировали факты и события, необходимо было поставить на твердую методологическую базу. Теоретически осмысливая фактический материал, требовалось выделить и зафиксировать в научных понятиях элементы всеобщего, повторяющегося в явлениях мировой истории, применить к анализу исторического процесса общенаучный критерий объективности, закономерности событий.

Сильной стороной формационного подхода является системное рассмотрение общества, видение его как сверхсложной системы, организующейся вокруг определенных принципов. Господствовавший до этого подход к истории выделял из ее потока отдельные направления эволюции: политические, духовно-идеологические, религиозные и тому подобные, – но не рассматривал общество как самоорганизующийся и одновременно развивающийся организм, все структурные элементы которого скоординированы и находятся в диалектическом, т. е. внутренне противоречивом, единстве. Проблематика цивилизаций рассматривалась главным образом в контексте изучения проблем мировой культуры.

Разработка цивилизационного подхода и выдвижение его в центр общественной мысли как на Западе, так и в нашей стране были обусловлены объективными причинами. В середине XX в. происходят серьезные изменения в мире в связи с деколонизацией стран Азии, Африки и Латинской Америки. Появляется и вновь актуализируется в общественном сознании многих стран тема «Запад – Восток». В 50-е годы XX в. западными учеными была создана идеологическая по своей сути концепция догоняющей, т. е. капиталистической модернизации, имеющей европоцентристский характер. Перспективы развития связывались с утверждением в других странах и на других континентах западноевропейских и американских ценностей, моделей экономических отношений и политических институтов.

Так, в 1960-х – 1970-х годах в большинстве освободившихся афроазиатских стран сознательно и целенаправленно стали формироваться политические и социально-экономические системы по западному образ-

цу. Реализовывалась популярная на Западе социально-политическая концепция, изображавшая демократический политический процесс как свободную игру политических сил. Основными субъектами такой политической игры по аналогии с Западом должны были выступать свободно создаваемые политические партии, общественные организации и группы давления. Реальность оказалась намного прозаичней. Многопартийность, западные правила политической игры противоречили экономическим и социокультурным реалиям и историческим традициям освободившихся стран. Поскольку политические партии, другие общественные объединения создавались, как правило, по этническому признаку, резко обострились межэтнические, социально-классовые и иные противоречия, приведшие во многих случаях к кровопролитию и поставившие эти страны буквально на грань катастрофы. Введение в них авторитарных режимов, сопровождавшееся роспуском ряда партий, ограничением деятельности оппозиции, установлением политической цензуры, несколько стабилизировало обстановку, хотя и не решило всех проблем.

Не лучшими были и результаты подражания так называемыми странами социалистической ориентации той модели социально-экономического и политического устройства, которая существовала в СССР и у его союзников.

В 1960-е годы неудачи как теории капиталистической модернизации, так и модели некапиталистического пути развития в странах Азии, Африки, Латинской Америки, предложенной советскими учеными и идеологами исходя из опыта СССР, вызвали оживленные дискуссии среди политиков и в научном сообществе. Учение о формации как этапе однолинейного развития оказалось в ситуации кризиса. Были поставлены под сомнение не просто однолинейность исторического прогресса, но и само формационное учение. Явственно обнаружилось слабые стороны формационного учения. Европоцентристский характер предложенной К. Марксом модели истории не выдержал проверки практикой. Попытки осмысления неевропейской истории только в терминах и на основе формационного подхода потерпели крах. Многие народы не проходили в своем развитии через все и даже через большинство формаций. Еще одной проблемой формационного подхода является взгляд на материальное производство как на единственную детерминанту общественного развития. В действительности же большинство процессов политического, духовного, идейного, культурного порядка не могут быть без искажений и упрощений объяснены с чисто экономических позиций. Последовательное применение формационного подхода игнорирует роль человеческого фактора, человеческую деятельность; недостаточное внимание уделяется своеобразию, уникальности, неповторимости отдельных обществ и народов.

К концу 1970-х годов в центре внимания ученых оказывается собственно цивилизационная проблематика. Сторонники цивилизационного

подхода видят его преимущества в том, что он дает возможность глубоко изучать историю конкретных обществ и народов во всем их многообразии и специфике, ориентирует на изучение тех сторон общественной жизни, которые обычно выпадают из поля зрения сторонников формационного подхода (ценности, национальные особенности, духовная жизнь, психология и др.), ставит в центр исследования человеческую деятельность и человека.

С начала перестройки во взглядах многих сторонников цивилизационного подхода стало обнаруживаться все более негативное отношение к формационной теории. Трактовка цивилизационного подхода как методологии социально-философского и исторического познания очень быстро перешла от признания этого подхода к противопоставлению формационному.

Однако вскоре появилось немало публикаций как у нас, так и за рубежом, в которых выявлялись противоречия и неувязки также и в цивилизационном подходе: при своем последовательном применении ведет к тому, что становится невозможным взгляд на всемирную историю как единый процесс; затрудняет выявление закономерностей исторического развития человеческого общества. Цивилизационный подход сам по себе не может объяснить причины и механизм перехода от одной ступени цивилизации к другой.

В обществоведении начало формироваться представление, имеющее важное методологическое значение, что нельзя дать исчерпывающее теоретическое объяснение действительности в рамках одного научного подхода – будь это формационный или цивилизационный метод изображения социально-исторического процесса и анализа актуальной реальности. Только оба этих подхода в своей совокупности позволяют глубже и всесторонне понять всю сложность исторической динамики социума. Трудно объяснить механизм реализации формационной логики в историческом процессе без обращения к цивилизационным проблемам, как и невозможно обратное, т. е. творческое развитие теорий формаций без обобщения конкретного опыта функционирования локальных цивилизаций.

Использование мир-системного подхода позволяет раскрыть резко усложнившуюся логику исторического процесса XXI в. по сравнению с классической формационной логикой К. Маркса и тем самым найти способ органического соединения этих двух подходов в рамках формационной теории. Многолинейность современного этапа исторического развития человечества не отменяет логическую природу формационного учения К. Маркса, но раскрывает новый, более сложный механизм реализации логики истории, когда многолинейность складывается в главном из линий, путей развития сложившихся государств-цивилизаций. Здесь на этом пути возможно более глубокое постижение резко усложнившейся логики, характерной для современного этапа исторического процесса [1,

с 43–44].

Таким образом, аргументы и контраргументы, выдвигаемые сторонниками формационного и цивилизационного подходов, убедительно доказывают, что достоинства и того, и другого подхода носят взаимодополняющий характер, ибо именно их сочетание будет способствовать более глубокому и всестороннему пониманию социальной динамики общества.

Литература и источники

1. Шевченко, В. П. Цивилизационный подход под огнем критики / В. П. Шевченко // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 33–44.

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Р. А. Нуруллин

С изобретением Интернета в поликультурном поле открытого информационного общества все существующие модернистские идеологические системы национальных культур в масштабах планеты вдруг оказываются в положении провинциальных. В условиях конкуренции различных идеологий и недостаточной развитости наднациональной системы ценностей в социуме влияние частных культур на своих агентов снижается, что создает благоприятные условия для установления в общественном сознании приоритета материальных ценностей над духовными. Идеологическая система цивилизации, используя возможности глобального информационного пространства, пытается традиционные духовные идеалы, которые еще в недавнем прошлом в рамках частной культуры претендовали на вневременность и вечность, заменить настоящими (существующими «здесь и теперь») благами для потребления, что в конечном итоге угрожает существованию жизни на Земле в целом.

Современный человек оказывается не под доминирующим влиянием духовной культуры, а все больше попадает под действие институтов цивилизации. Цивилизация, в отличие от культуры, заинтересована в поддержании спроса и расширении потребительских возможностей своих агентов и относительно легко интегрируется на основе общности получения взаимной выгоды своими субъектами. Объединяющие факторы культуры, в отличие от цивилизации, ограничены национальными рамками. Культура является мощным инструментом интеграции людей, но эффективна только в пределах одного языка, нравов, традиций, поэтому различные культуры плохо и медленно поддаются интеграции между собой. Взаимное отношение различных культур не тяготеет к синтетическому единству и образованию общей мировой духовной системы, а бо-

лее напоминает совокупность автономных образований в духе концепций «цивилизационных типов» Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера [1, с. 78–80]. Конечно в условиях высокой миграционной активности людей – носителей различных культур происходит диффузия народов, которая ничего общего с синтезом ценностей не имеет. Связано это с тем, что развитие культуры подчинено динамике смены поколений людей, которая сегодня явно отстает от динамики смены технологий, определяющих развитие цивилизации.

С середины XX века после Второй Мировой войны динамика развития цивилизации явно стала доминировать над динамикой развития культуры. В этих условиях возникает понимание необходимости становления новой универсальной культуры, которая через новую систему ценностей смогла бы духовно объединить все человечество. Постмодерн претендовать на эту роль глобального интегратора не может, т. к. идеология ценностей цивилизации противоречит традиционному пониманию культуры и более соотносится с контркультурой [2, с. 212–218]. Что же тогда может претендовать на роль глобальной наднациональной системы ценностей для целостного развития человечества?

Нелинейный характер развития цивилизации, обусловленный превращением открытий культуры (прежде всего, достижений науки и искусства) в технологии, требует личности с рациональным, последовательным мышлением, иногда приводящим к креативным находкам в решении прежних задач новыми способами. Но сама цивилизация, построенная на культе денег, воспитать необходимую личность не может. Культура, в отличие от цивилизации, развивается линейно, несмотря на то, что связана с открытием чего-то принципиально нового. Количество открытий, приходящихся на численность людей, живущих в определенное время, есть величина постоянная [3, с. 128–143]. В этом смысле можно говорить о линейном характере развития культуры в целом, но важно, что она для своего воспроизводства требует личности с творческим нелинейным мышлением.

Характер развития культуры и цивилизации различается, но их не следует резко противопоставлять друг другу, а необходимо рассматривать в диалектическом единстве на основе принципа дополнительности. Это требует создания в обществе такой самоорганизующейся среды, в которой изменения культуры и цивилизации составляли бы друг по отношению друг друга петли обратной связи. По нашему мнению, эту обратную связь можно реализовать через систему образования. Дело в том, что феномен организации образования по отношению обществу в целом неоднозначен, что и дает повод склонять образование то к институтам культуры, то к цивилизации.

С одной стороны, систему образования по форме организации можно соотнести со структурой цивилизации, т. к. она подобно поточной линии тиражирует и производит количество, но только не вещей, а опре-

деленного типа потенциально-значимых творческих личностей, которые должны отвечать требованиям современного общества. С другой стороны, система образования по информационному содержанию призвана обеспечивать трансляцию из поколения в поколение людей смыслов и ценностей культуры (идей, знаний, норм, традиций и т. п.). Культура, по сути, призвана осуществлять функцию консервации накопленных за время существования общества духовных ценностей и потому обращена к прошлому опыту, в то время как цивилизация направлена на будущее и изменение настоящего. Культура – консервативна, а цивилизация – мобильна. Система образования оказывается в положении «каната», который тянут в разные стороны. Если культура пытается свести образование к воспитанию личности на основе эталонов, вынесенных из истории своего развития, то цивилизация пытается свести образование к обучению грамотности и перманентному пересобучению на потребу своих целей.

Современное состояние информационной цивилизации обслуживает культура постмодернизма. Она может называться культурой лишь условно. Это мировоззрение переходного периода, который затянулся на несколько поколений людей по той причине, что характеризует переходной процесс не одной Европы, как это имело место в прошлом, а планеты в целом. Но сегодня не следовало бы абсолютизировать этот переходной этап. Земля, какой бы большой не была, представляет собой ограниченную в пространстве и времени систему, которая, рано или поздно, должна выйти к своему аттрактору. Именно в эпоху постмодерна и информационной цивилизации разворачивается борьба культур и экономических систем между собой, в процессе которой должны победить (сохраниться и получить дальнейшее развитие) те общественные силы и отношения, которые работают на выживание человечества в целом.

Литература и источники

1. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – М., 1994.
2. Кадыров, А. М. Культурология. Мировая и отечественная культура / А. М. Кадыров. – Уфа, 2011.
3. Калица, С. П. Демографическая революция в России / С. П. Калица // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 128–143.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ОСНОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ И ФЕНОМЕН КРИЗИСА

И. Я. Колядко

Среди многообразия проблем и вызовов современности, попадающих в поле зрения философской рефлексии, одна является наиболее существенной – проблема самоопределения и предназначения философии в

пространстве культуры. Выделенность, обособленность философии на фоне разнообразных форм духовной деятельности человека не является случайной. Тернистый путь самопознания является «архимедовой точкой опоры мысли, ее устойчивым и неподвижным центром» (Э. Кассирер). Путем «постигающего мышления», он ведет к пониманию значения многочисленных феноменов бытия и культуры [1, с. 444]. Вслушиваясь в голос самосознания, философская рефлексия известное делает понятным, организует и упорядочивает стихийное начало, включает в свой осмысливающий горизонт все большее количество феноменов человеческого бытия.

В философии синтетически представлены рефлексивный и ценностный стороны познания. С одной стороны, философский анализ феномена кризиса представляет собой попытку зафиксировать некоторые аспекты и закономерности эволюции данного феномена в социальной системе, разъяснить объективные механизмы и предпосылки его развития. С другой, философская рефлексия кризиса предполагает его ценностную экспликацию: выявление взаимосвязи объективных явлений действительности с их значением и смыслом для человеческой экзистенции. Если рефлексивная сторона философии акцентирует внимание на познании объективного устройства социума, как он предстает перед нами в intersubъективном человеческом сознании, то ее ценностная сторона сосредоточена на проблеме человеческого «бытия-в-мире», верификации целей человеческой деятельности как истинных или ложных, познании того каким должно быть общество [2, с. 49–59].

Амбивалентность философии экстраполируется и на изучаемые ею феномены. Явление кризиса стало предметом специального философского интереса относительно недавно. Безусловно, внимание философов было направлено на изучение проблемных, резонансных явлений. «Дискурс кризиса», «культурной травмы» (П. Штомпка, А. Дугин), «метаперехода» (Н. Луман), «макросдвигов» (Э. Ласло), «парадигмальных трансформаций» стали ведущими в социально-философском познании преимущественно в конце XX – начале XXI вв. Это обусловлено рядом факторов, среди которых ведущее место занимает дискуссионная проблема «распада» оснований культурно-мировоззренческой парадигмы («мировоззренческого проекта» – П. Козловский) модерна и связанные с этим процессы перманентной трансформации модернизирующихся обществ. По мнению В. С. Стёпина, базовые концептуальные установки «modern society» исчерпали себя и привели, вследствие эскалации парадигмы модерна, далеко за пределы европейского континента, к возникновению т.н. «глобальных проблем современности», грозящих всему человечеству уничтожением. Разрешение и урегулирование кризисных тенденций социокультурной динамики, по мысли В. С. Стёпина, возможно только путем «изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов» [3, с. 99].

Перманентная нестабильность модернизирующихся обществ, которые еще только пытаются стать «современными», обусловлена их ориентацией на преобразование мира и подчинение человеком природы, основанной, в свою очередь, на понимании человека как активного существа, находящегося в деятельностном отношении к миру. В. С. Стёпин, в частности, отмечает, что «техногенная цивилизация в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания» [3, с. 86]. В разрушительно-созидательной природе кризисных явлений, выражающих структурно-функциональную сложность субъект-объектных отношений и взаимодействий, складывающихся на различных уровнях социальной системы, проявляется амбивалентный характер и диалектическая противоречивость кризиса как «социального факта» (Э. Дюркгейм) и феномена культуры.

Феноменологическая экспликация кризиса в качестве патологии, дисбаланса социального и культурного в развитии модернизирующихся обществ является в социальной философии доминирующей. Кроме того, на уровне обыденного практического сознания кризис воспринимается как явление деструктивного характера, оцениваемое однозначно отрицательно. Одной из важных задач философской рефлексии является разработка комплексного, синтетического взгляда на проблему кризиса в динамике социума. Речь идет о необходимости кардинальной переориентации в рассмотрении данного феномена: с его рассмотрения сквозь призму валюативной традиции на рефлексивно-валюативную системную экспликацию. Специфической в этой связи является проблема интерпретации феномена кризиса, поскольку противоречия социальной и культурной подсистем общества, дисбаланс идеальных моделей социального развития и их практических воплощений, а также сложность структурных и внутрисистемных связей влияют на характер динамики и задают соответствующие смыслы социальным явлениям. Анализ сущности и специфики исторического процесса, его всеобщих свойств и состояний является необходимым условием адекватного понимания и корректной социально-философской контекстуальной интерпретации кризисных явлений современных модернизирующихся обществ.

Согласно Ю. Хабермасу, речь о кризисе можно вести в том случае, если развитие социума идет в направлении к социальной дезинтеграции, аномии, так как одной из форм кризиса является дезинтеграция общественных институтов и структур. Феномен кризиса Ю. Хабермас соотносит с проблемой идентичности социальных систем, которая является показателем имманентных и, вызванных кризисными тенденциями, изменений характера ее динамики. Одним из факторов и критериев нарастания критической рефлексии в социальной системе является разрыв в трансляции форм групповой и индивидуальной идентичностей, закрепленных традицией. «Прерывание традиции при котором удостоверяющие идентичность системы толкований теряют свою социально-

интегративную силу... является показателем краха социальной системы» [4, с. 12]. Однако это еще не исчерпывающая характеристика кризисного состояния социума, в связи с чем представляется важным найти такие критерии, которые позволили бы «отличать кризисную идеологию от реального кризисного состояния, если социальные кризисы можно связать исключительно с феноменами сознания» [4, с. 13]. В этом вопросе и заключена вся сложность анализа социальной динамики и процессов трансформации. Исключение феномена общественного сознания из рассмотрения процессов социокультурной динамики представляется неправомерным в силу интегративной специфики общества как «организационной формы воспроизводства социальности, в которой человек обретает и реализует свою родовую сущность, вне и помимо которой человеческие качества онтологически невозможны» [5, с. 166].

Отметим, что кризис в отдельных сферах человеческой деятельности, в конечном счете, является кризисом социальным *par excellence*, результатом неразрешенных противоречий в целостной системе конкретного общества. Полагаем, что только комплексное изучение феномена кризиса, учитывающее закономерности развития как отдельных сфер, так и логику развития общества в его системной целостности, будет способствовать принятию адекватных управленческих решений и превентивных мер в целях предотвращения диссонансов социокультурного развития. В этой связи немецкий историк Кнут Борхардт отмечает, что «кризисы необходимо изучать и извлекать из них знания, которые могут послужить для "корректировки структуральных диссонансов"» [6, с. 80]. Господство идеологии «экономического детерминизма» в общественном сознании если и имеет под собой объективные основания, то ни в коей мере не является определяющим фактором нестабильности и кризисности социума как системной целостности. Вместе с тем и многообразные детерминационные факторы в социокультурном развитии в их совокупности не могут рассматриваться вне личностного контекста, вне проблемы личной ответственности за происходящие в социуме процессы.

В этом отношении представляется важным обращение к субъективному измерению кризисных явлений социума. В свете все нарастающих угроз и рисков экономического, экологического, антропологического, социокультурного характера роль личности в принятии решений о способах «ответов» на «вызовы» современности трудно переоценить. «Если современная фаза развития модерна, – отмечает И. Шубрт, – связана с предпосылкой рефлексивности (рефлексивная модернизация), то недостаточная и неадекватная рефлексия происходящих процессов может стать тем, что своей специфической лептой способствует тому, что кризис может стать предвестником краха, т.е. коллапса» [6, с. 81].

Таким образом, рефлексия оснований культуры является необходимым условием анализа тенденций динамики социокультурного развития современных и модернизирующихся обществ. Углубление рефлексии

внутри модерна позволяет выявить его субстанциальные основания, переосмысленные которых стало следствием порождаемых «современностью» проблем и угроз. В этой связи решение вопроса о понятийном статусе концепта «кризис» в предметном поле философии представляется нам первым необходимым шагом на пути рефлексии оснований культуры модернизирующихся обществ в контексте усложняющихся процессов социальной и цивилизационной динамики.

Литература и источники

1. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке: пер. с нем. Б. Винер, С. О. Кузнецов [и др.]; сост. С. Я. Левит. – М., 1998. – С. 440–468.
2. Момджян, К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М., 1997.
3. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Стёпин. – СПб., 2011.
4. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас; пер. с нем. Л. В. Воробай. – М., 2010.
5. Момджян, К. Х. О проблемном поле социальной философии (Часть 1) / К. Х. Момджян // Личность, культура, общество. – 2006. – №4 (32). – С. 161–179.
6. Шубрт, И. Размышления о понятии «кризис» / И. Шубрт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 70–84.

ИДЕЯ ПРОГРЕССА КАК ЦЕННОСТНЫЙ ПРИОРИТЕТ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

И. Д. Денисенко

Для современного постоянно трансформирующегося и приобретающего новые черты мира необходима определенная перспектива развития. В научном дискурсе эта перспектива связывается сегодня с реализацией таких идей как «модернизация» и «прогресс». Первое направление активно исследуется в работах У. Бек, Р. Дарендорфа, Ш. Айзенштадта, С. Хантингтона, П. Штомпки и др.), второе – З. Баумана, Р. Нисбета и др. Важно, что идея прогресса не только предшествовала идее модернизации в историческом плане, но, по мнению многих исследователей, и превосходит ее в содержательном контексте. «Ни одна идея не была более важна и, возможно, даже равна ей по важности, – утверждает, например, известный американский философ Р. Несбит, – как идея прогресса в западной цивилизации на протяжении почти трех тысяч лет» [4, с. 34].

Прогресс интерпретируется, чаще всего, как результат социального развития, предполагающий повышение научного и технологического знания, экономической производительности и сложности социальной ор-

ганизации» (см., например, [2, с. 86]). Соответственно, идея прогресса понимается как «движение вперед», т. е. к лучшему состоянию общества (как в аспекте накопления знаний, так и наращивания материального богатства). Следует заметить, что ряд известных западных ученых, в первую очередь, З. Бауман, утверждают, что «в его нынешнем виде понятие прогресса утратило былой блеск и привлекательность, а также былую однозначно позитивную оценку. Из выражения, означающего оптимизм, надежду на улучшение, на то, что жизнь станет легче, комфортнее и приятнее, а люди станут человечнее, это понятие превратилось, скорее, в нечто напоминающее дамоклов меч. Он угрожающе нависает над всеми нашими головами. Он грозит упасть на головы тех, кто по причине невежества, безволия, отсутствия гибкости и ужасающей инертности или огромной лени не может бегать так же быстро, как окружающие его люди» [1].

В современном научном сообществе отсутствует общепринятая интерпретация содержания понятия «модернизация», и чаще всего этот концепт определяют, исходя из трех позиций:

– во-первых, как «синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед согласно принятой шкале улучшений»;

– во-вторых, как «достижение современности, «процесс преобразования традиционного, или дотехнологического общества в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»;

– в-третьих, как «движение от периферии к центру современного общества» [5, с. 170–171].

Исходя из вышесказанного, идею модернизации можно интерпретировать как определенное стремление существующих в современном мире обществ двигаться по так называемому «западному пути» развития, т.е. стремиться к «принятой шкале улучшений».

Анализируя и сопоставляя содержание и потенциал двух перечисленных ориентаций, приходим к выводу, что более перспективным в качестве ценностного приоритета для современной цивилизационной динамики выглядит именно идея прогресса.

Преимущества этого выбора состоят в следующем.

Во-первых, преобладание конструктивного аспекта в реализации идеи прогресса над манипулятивным. Прогресс предполагает способность определенным образом конструировать / структурировать социальное пространство. В этом контексте интересны высказывания о содержании теоретических построений, которые объединяются концептом «модернизация», американского исследователя И. Валлерстайна. В выступлении на заседании Американской социологической ассоциации в 1975 году он сравнил теорию модернизации с «тупиком», в котором «в один замечательный миг» оказалась мировая социальная наука [3, с. 21].

В целом И. Валлерстайн утверждает, разработка так называемой «теории модернизации» подразумевает определенное манипулирование общественным мнением, сознанием представителей научного сообщества. Начиная с 1945 года, отмечает И. Валлерстайн, «мир неизбежно менялся. И чтобы овладеть меняющимся миром, западные ученые изобрели "развитие", изобрели третий мир и изобрели модернизацию» [3, с. 22]. Из замечаний И. Валерстайна можно сделать вывод, что в определенные периоды развития общества манипулятивный аспект в реализации этой идеи превосходил конструктивные результаты от ее внедрения.

Во-вторых, отсутствие в содержании идеи прогресса ориентаций как на так называемое «идеальное общество», так и на разработку его образа. Анализ разных вариантов теоретической интерпретации идеи модернизации свидетельствует, что для современных обществ не существует единой, универсальной модели современности, так называемого «образца для подражания» (как возможные варианты наиболее часто рассматриваются США, Япония, Южная Корея). «Мы, – утверждает, например, З. Бауман, можем иметь представление о жизни "лучше, чем сейчас", но не представление об «идеальном обществе», которое не может (и не должно) изменяться к лучшему» [1].

В-третьих, достаточно высокий уровень оптимистичности развития социальных процессов и структур в условиях осуществления идеи прогресса. Сторонники теории модернизации утверждают, что ее нужно интерпретировать как многоуровневый, разновекторный, антисинхронный и нелинейный процесс, который не всегда достигает исключительно желательных результатов. В условиях ориентации на идею прогресса, не отрицая сложную структурность и многоуровневость современных социальных трансформаций, западные ученые апеллируют к постоянной вере в «результативность движения». «Действие без гарантий на успех может оказаться эмоциональной проверкой, – подчеркивает, например, З. Бауман, – но в общественной практике это не обязательно плохо... Действовать в условиях неопределенности и внутренних сомнений, может, и утомительно, но, по крайней мере, это побуждает к осторожности, размышлению и взвешиванию последствий» [1].

Литература и источники

1. Бауман, З. Действовать в условиях неопределенности / З. Бауман // Русский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/dejstvovat-v-usloviyah-neopredelennosti>. – Дата доступа: 03.03.2016.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins): В 2-х т. – Т. 2 (П–Я); [пер. с англ.]. – М., 1999.
3. Валерстайн, I. Модернізація: мир праху її / I. Валерстайн // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 21–25.
4. Нисбет, Р. Прогресс: история идеи / Р. Нисбет. – М., 2007.
5. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1998.

КОНЦЕПЦИЯ «БОРЬБЫ ЗА ПРИЗНАНИЕ» А. ХОННЕТА КАК СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

И. М. Ратникова

В данной работе рассмотрению подлежит модель социально-культурной динамики одного из ведущих представителей современного философского дискурса Акселя Хоннета. Будучи преемником Франкфуртской школы, данный немецкий мыслитель связывает социальную эволюцию с развитием нормативной сферы.

Следует отметить, что само понятие «признания» в статус философского было возведено уже в системе Г. В. Ф. Гегеля, в чем сказалось воздействие теорий Н. Маккиавелли и Т. Гоббса. Тем не менее, долгое время данный концепт не подвергался всесторонней теоретической разработке. Только в последние десятилетия XX века проблема признания вышла на первый план в философской и социальной мысли.

Данное обстоятельство обусловлено современными цивилизационными процессами и событиями: глобалистскими и антиглобалистскими тенденциями, проблемами, связанными с необходимостью обеспечения мирного сосуществования различных культур и др. В этом контексте реконструкция концепции «борьбы за признание» А. Хоннета как актуального варианта анализа механизмов социально-культурной динамики представляется чрезвычайно своевременной и продуктивной.

А. Хоннет разрабатывает свою концепцию с опорой как неклассическую модель социально-культурной эволюции, используя теоретические ресурсы гегелевской трактовки признания и нормативную базу мидовской теории. При этом следует подчеркнуть, что стадии онтогенетической истории развития совпадают с филогенетическими. Другими словами, в хоннетовской концепции признание является не только залогом обретения человеком Я-идентичности, но и условием обретения обществом большей степени общности, что и выступает критерием его развития в историческом континууме. В этом смысле выдвинутую мыслителем типологию моделей борьбы за признание можно рассматривать как попытку объяснения механизмов динамики социальной реальности.

Первая модель признания – любовь. Она базируется на сильном эмоциональном отношении (родители и дети, дружеские и любовные связи). Любовное признание базируется на аффективном одобрении, так как любящие осознают себя и признают друг друга только в качестве нуждающихся и зависящих друг от друга. Благополучные взаимоотношения матери и ребенка в детстве, интерпретированные в коммуникативном ключе, являются необходимым условием успешной коммуникации ребенка с другими членами сообщества во взрослой жизни. В то же время А. Хоннет отмечает, что в данной модели вступают в противобор-

ство две тенденции – биологически заданное чувство нужды в самопожертвовании другому и эгоцентристское отстаивание собственных прав. Поэтому любовь становится базой для следующей модели признания – права.

Второй тип признания – право. В данной модели осуществляется признание себя и другого человека как носителя определенных прав. Человек может получить удовлетворение своих притязаний на значимость в правовой сфере в том случае, если он признает, что имеет устойчивый набор нормативных обязательств по отношению к другому члену сообщества. Основа правовой модели признания – признание свободы, прав и автономии другого. Легальные субъекты признают друг друга в качестве личностей, способных автономно принимать рациональные решения относительно моральных норм, признавать себя и другого человека как морально ответственного.

Третья модель признания – солидарность. Данный тип признания осуществляется на уровне социальной группы. При этом принципиально важным является тот факт, что солидарность имеет место быть тогда и только тогда, когда человек осознает свою принадлежность к той или иной социальной группе, которая признается всеми членами общества. Отношения солидарности между различными социальными группами возникают в том случае, когда каждый член группы знает, что он признан членами другой группы в равной степени. Солидарность есть такой тип признания, в основании которого интерессубъективные интеракции, субъекты которых обоюдно симпатизируют различным способам жизни друг друга, поскольку они ценят друг друга симметрично, одинаково. Солидарность обеспечивает толерантность, признание особенностей человека, самобытность и автономность различных культур и т. д.

А. Хоннет, в отличие от Г. В. Ф. Гегеля и М. Мид, разрабатывает не только типологию моделей признания, но и соответствующие им формы пренебрежения, которые связаны с ситуацией осознания индивидом того обстоятельства, что его притязания на признание отвергнуты.

Первая форма пренебрежения связана с телесными переживаниями. Возникает в том случае, когда индивид попадает в ситуацию полного владения его телом другим человеком (например, акт физического насилия). Этот вид пренебрежения нарушает базовую способность индивида самому распоряжаться своим телом, которая возникла благодаря опыту любви. В результате возникает чувство недоверия к себе и социальному окружению.

Второй тип пренебрежения заключается в ограничении субъекта владеть определенным набором прав. В ситуации отказа кому-либо в реализации его прав предполагается, что тот, кому отказывается, обладает меньшей степенью моральной ответственностью по сравнению с другими членами общества. Опыт пренебрежения правами определяется утрата чувства самоуважения.

Третий вид пренебрежения – социальное унижение: индивиду отказывается в возможности осуществлять тот способ социального существования, который он избрал. Данный вид имеет место в тех культурах, устройство которых предполагает неравноценность интересов и стилей жизни различных социальных групп. Сопровождается утратой человеком сознания собственной ценности.

Именно опыт пренебрежения А. Хоннет кладет в основу социальной борьбы как морально мотивированной борьбы за признание. Структурно последняя может быть представлена в виде таблицы [1, с. 124].

Таблица 1 – Структура морально мотивированной борьбы за признание

Способ признания	Эмоциональная поддержка	Когнитивное уважение	Социальное признание
Личностное измерение	Потребности и эмоции	Моральная ответственность	Особенности и способности
Формы признания	Первичные взаимоотношения (любовь)	Правовые отношения (права)	Общность ценностей (солидарность)
Потенциал развития	–	Генерализация, деформализация	Индивидуализация, равноценность
Практическое отношение к самости	Доверие к себе	Самоуважение	Чувство собственного достоинства и ценности
Формы пренебрежения	Телесное унижение, изнасилование	Лишение прав, исключение	Социальное унижение, клевета и оскорбление
Аспекты личности, находящиеся под угрозой	Физическая цельность	Социальная цельность	Честь и достоинство

Таким образом, А. Хоннет разрабатывает такую модель социально-культурной динамики, в которой основным движущим механизмом является нормативно мотивированная борьба за признание. При этом исторический процесс представлен мыслителем как прогрессивное развитие человечества в морально-практическом плане.

Так, опыт любви был присущ и доmodерным обществам. Однако любовь становится формой признания только в культуре «современности», когда феномены детства и брака по любви приобретают самостоятельное значение и институализируются. Право как вид признания также формируется только в модерной культуре в связи с появлением принципа правового равенства членов общества, независимо от его материального благополучия, места, занимаемого в социальной иерархической структуре и т. д. Солидарность же как высшая признания обусловлена появлением идеи о равноценной продуктивности любого человека независимо от его социальной, культурной и гендерной принадлежности.

Стоит отметить, что хоннетовская концепция имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В ней проанализированы не

только механизмы возникновения социальных, политических и культурных конфликтов, но и предложены способы и основания их решения.

Литература и источники

J. Honneth, A. The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts / A. Honneth. – Cambridge, Massachusetts, 1996.

ЗАПАД И ВОСТОК КАК ГЕОЦИВИЛИЗАЦИИ

В. Л. Петрушак

Запад и Восток – это особые геоцивилизационные регионы, выступающие своего рода социокультурными «полюсами» исторического процесса. Хотя различие между Востоком и Западом – это ценностное различие двух типов культурно-цивилизационных общностей, географические различия территорий их проживания позволяют объяснить специфику их социокультурного бытия. Так, формированию восточного цивилизационного типа (исламская, индо-буддийская и конфуцианско-даосийская цивилизации) в значительной степени способствовали условия жаркого субтропического климата, которые создавали необходимость развития поливного земледелия или освоения степных и пустынных территорий, что предполагало кочевое скотоводство. Эти обстоятельства приводили к формированию жесткого централизованного государства деспотического характера, формированию коллективистского образа жизни и мифичности сознания.

В результате восточные цивилизации формировали устойчивые способы социального бытия в форме культурной традиции, благодаря которой само общество получило название традиционного. Для такого типа обществ характерны следующие черты. Во-первых, традиционализм, т. е. отсутствие исторического динамизма, неизменность социально-экономического уклада. Новаторство здесь играет подчиненную роль, что обеспечивает жизнестойкость социума. Приверженность традиционному типу отношений гарантирует стабильность цивилизации, если только не произойдут серьезные негативные изменения климата и ландшафта, которые могут привести ее к гибели.

Во-вторых, патернализм, т. е. связь человека со своей социальной группой и подчиненность ей. От рождения судьба человека, возможности личного развития и возможность социального восхождения почти всецело определяются принадлежностью к социальной группе (каста, род, клан, сословие, община и т. п.), за которой закрепляется определенный вид трудовой деятельности и профессия.

В-третьих, мировосприятие характеризуется неотделимостью как от окружающего мира, так и от собственной телесной природы. В тради-

ционном обществе отсутствует противопоставление субъекта и объекта, общественное и природное воспринимаются как нечто единое, неразрывное и гармоничное.

В-четвертых, господство донаучных типов мировоззрения (мифология, религия). Основой духовной культуры восточных цивилизаций является в первую очередь миф. Мифологический мир – это магический космос, в котором человек ощущает себя подлинной частью бытия. В результате формируется определенный «восточный» тип мышления, тесно связанный с восточными религиями, которые, за исключением ислама, более склонны к пантеизму, т. е. обожествлению природы.

В-пятых, коллективистский образ жизни восточных народов, что привело актуализации у восточных народов потребности в сильном и централизованном государстве, которая возникла раньше проявлений индивидуальной свободы. Поэтому в основе типичного древневосточного государства лежит идеал абсолютного единства, сильной власти, четкой иерархии. Влияние традиции сделало восточные культуры духовно непроницаемыми к внешним воздействиям и позволило большинству из них сохранить идентичность вплоть до настоящего времени. Эти обстоятельства дают нам основание говорить о Востоке как особой гецивилизации.

Понятие «Запад» нами используется для обозначения цивилизаций Западной Европы, Северной Америки Нового времени, а также Японии, Австралии и Новой Зеландии XX века с высокими темпами развития экономики, науки и техники, демократическим устройством общественной жизни, правовым государством и развитым гражданским обществом, высокой степенью социальной мобильности и личной свободы. Поэтому Запад – это особая, противоположная Востоку, гецивилизация, основанная на приоритете техно-инновационного развития над силой традиционных отношений.

Предпосылки западной цивилизации закладывались еще в античности и средневековье. Из античности она позаимствовала не только демократические формы правления, но и некоторые республиканские институты древнего Рима (сенат) и нормы римского права. «Собственно, уже тогда были выработаны основные принципы жизнеустройства западного типа: отделение экономической сферы от властно-государственной, закрепленное в принципе частной собственности; структуры и функции гражданского общества и республиканско-демократического политического строя; индивидно-авторская форма творчества в духовно-художественной сфере» [1, с. 34]. В результате, «в древнекитайской империи, например, было немало искусных ремесленников, торговцев и богатых горожан, но там, как и во всех иных странах Востока, не существовало европейского типа буржуа по той простой причине, что буржуа – это не просто род занятий. Буржуа – наследники античной традиции» [2, с. 32]. Фактически же техногенная цивилизация сложилось в Западной

Европе в течении XIV–XVII веков, когда произошел синтез романо-германской общности, активно начала развиваться мануфактурная промышленность (Италия, Голландия, Великобритания), формировались основы рыночной экономики и межконтинентальной торговли (вместе с колониальной экспансией) и научное теоретико-экспериментальное мировоззрение.

Для техногенного общества характерно наличие ряда существенных черт социокультурного бытия:

1. Это особое понимание человека как активного существа, находящегося в активно-деятельном отношении к миру. В результате формируется идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими.

2. Природа понимается как закономерно устроенный механизм, познав законы которого, можно использовать их в своих целях для безграничного развития.

3. Власть понимается как отношение не личной, а внешней зависимости, что предполагают владение и присвоение товаров (вещей, человеческих способностей, информации и т. д.).

4. Распространение в сознании широкого круга людей идеи необратимого прогресса и прогрессивно-поступательного развития во всех сферах жизнедеятельности людей вместо представления о его цикличности.

5. Научная рациональность выступает доминантой на все другие его формы.

Эти особенности позволяют нам выделить Запад как особую геоцивилизацию, противоположную Востоку.

Для налаживания межцивилизационного взаимодействия Запада и Востока необходимо не только реальное соблюдение норм международного права и использование инструмента диалога между различными культурами и цивилизациями, но и формирование цивилизационных центров развития и силы, как альтернативы глобализму и основы формирования многополярного мира.

Литература и источники

1. Панарин, А. С. Россия в циклах мировой истории / А. С. Папарин. – М., 1999.
2. Васильев, Л. С. Человек и власть в истории (Авторитаризм или свобода?) / Л. С. Васильев // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 23–37.

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ЕВРОПЕЙСКОЙ И МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУР

Д. М. Зайцев

Наподобие теории общественного договора, которая, согласно Т. Гоббсу, предполагала прекращение бесконечной «войны всех против всех», диалог разных цивилизаций ставит своей целью прекращение жесткого противостояния между ними. Сегодня непросто перейти от столкновения к диалогу культур. Это связано также и с тем, что в ряде стран на протяжении долгого времени под видом сохранения собственной культуры очень часто развязывались войны и проводились репрессии.

Одна из основных современных проблем состоит в том, что культура, где разнообразие считается силой и основой для развития человека и общества, не может ужиться с культурой, воспринимающей разнообразие как угрозу. Террористические акты, проведенные в последние годы в Европе исламскими радикалами, свидетельствуют о нарастающем конфликте культур: либерально-правовой европейской и многовековой традиционной мусульманской [1, с. 132]. И, к сожалению, несмотря на все заверения официальных религиозных лиц исламских государств о миролюбии, не все мусульмане осуждают террор. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на кадры видеохроники, показывающие, что события 11 сентября 2001 года в США некоторые жители Ближнего Востока горячо приветствовали. Существование незаконных вооруженных формирований исламских фундаменталистов вряд ли было возможным без поддержки со стороны определенной части населения.

То, что очевидно для европейского мышления: а именно, принципы, провозглашенные Всеобщей декларацией прав человека, многие социальные и политические свободы, – с трудом воспринимаются рядом представителей мусульманского мира. Укоренившиеся в сознании мусульманских народов, тысячелетие передававшиеся из поколения в поколение свои истины становятся барьером для принятия и реализации культурных инноваций.

В Исламской декларации прав человека воплощены почти все нормы международных правовых документов по правам человека: свобода совести, слова, равенство, справедливость, достоинство. Однако в статьях 24 и 25 этого документа отмечается следующее: «Все права и свободы, закрепленные в настоящем документе, ограничены нормами исламского шариата... Исламский шариат является единственным источником толкования и разъяснения любой из статей настоящей Декларации». В Исламской декларации делается упор «на вероучение об абсолютном единобожии, которое является фундаментом здания ислама, подтверждается цивилизационно-историческая роль исламской общины, сотворен-

ной Аллахом, как наилучшей из общин, которая оставила в наследство человечеству всемирную сбалансированную культуру, связало мирское существование с потусторонним, соединила знание и веру, а также то, что должна сделать эта община сегодня, чтобы указать правильный путь человечеству, блуждающему между конкурирующими концепциями и заблуждениями и предложить решение хронических проблем материалистической цивилизации» [2, с. 63]. Как видим, здесь права человека подвергаются интерпретации в соответствии с религиозной культурой мусульманского мира. Стабильность и неизменность собственной традиции в какой-то мере являет собой главное условие самосохранения мусульман.

Передовые слои европейского общества понимают, что правосознание народа невозможно в кратчайший срок переориентировать, искоренить вековые традиции, внедрить в него новые принципы. Поэтому необходимо время или, как отмечают некоторые политологи, свой Ренессанс, чтобы мусульманам, эмигрировавшим в Европу, принять свободу отдельного человека как высшую ценность. Но что делать с радикалами сегодня, каким образом предотвратить будущие трагедии? Гуманное европейское законодательство не позволяет выносить смертный приговор даже террористам. Внятного ответа со стороны властей пока нет. Интеллектуалы реагируют сдержанно, боясь пробуждения неонацистских настроений.

Народ Республики Беларусь всегда отличался невероятной терпимостью и толерантностью по отношению к представителям других культур. Здесь люди разных национальностей и конфессиональной принадлежности живут в гармонии друг с другом. Но в условиях нарастающей глобализации, увеличения миграционных потоков сохранять такое положение дел будет нелегко. Очевидно, что необходимо заранее позаботиться и предупредить возможные негативные явления на нашей земле. Именно сейчас то время, чтобы детально изучить историю конфликта и ни в коем случае не допустить ошибок западного истеблишмента.

Литература и источники

1. Бертольд, В. В. Ислам и культура мусульманства / В. В. Бертольд. – М., 1992.
2. Лукашева, Е. А. Конфликт культур: универсализм прав человека и традиционные ценности / Е. А. Лукашева // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты. – М., 2015. – С. 60–73.

ЭТНИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Г. К. Гузатова

Двумя важнейшими характеристиками сферы национальных отношений в современном глобальном мире, вероятно, можно назвать их единство, определяемое объективным единством самого человеческого рода, его исторических судеб, межхозяйственных связей, с одной стороны, и плюрализм, определяемый стремлением каждой нации к сохранению своих культурных корней, с другой. Эти две стержневые составляющие межкультурного взаимодействия образуют своеобразное пространство, в рамках которого протекают сложные, зачастую противоречивые процессы, нередко порождающие крупные очаги межнационального напряжения. Все более неубедительными выглядят прогнозы некоторых теоретиков глобализации, согласно которым нации являются лишь определенным переходным образованием на пути к политической, экономической, социальной и культурной интеграции всемирного масштаба.

На наш взгляд, неотъемлемой составляющей анализа современных межнациональных отношений является тезис о том, что и национальная культура, и национальная идентичность всегда являлись сферами проявления самых различных интересов, которые зачастую существуют в символической форме, являясь частью реализации политических проектов.

В современной западной литературе распространена идея, согласно которой все виды социальной практики существуют посредством идеологии и в рамках идеологии. Как отмечает один из ведущих британских философов-неомарксистов Т. Иглтон, «дискурсы, знаковые системы, все виды означающих практик, начиная с фильмов и телевидения до художественной литературы и языков естественных наук, вызывают последствия, создают формы сознательного и бессознательного, которые тесно связаны с поддержанием или трансформацией существующих систем власти» [1].

Анализ сферы межнациональных отношений, действительно, требует учета роли идеологических факторов. Речь может идти как о взаимовлиянии, так и о противоречиях между самими различными проявлениями идеологии, начиная с национальных идеологий как компонентов национальной культуры и заканчивая национализмом. Именно в рамках идеологии формируются такие важнейшие национально-этнические маркеры и ориентиры, как отношение к прошлому, к будущему, отношение к Другому; вокруг них конструируется широкое символическое пространство, включающее в себя ценности, мифы, значения, представления о корнях, историческую память, традиции и др. Роль национальной традиции следует акцентировать особо, поскольку, как подчеркивал М. Хайдеггер, традиция строится на знании прошлого и, как таковая, не

может не иметь важнейшего исторического значения для настоящего и будущего.

Неоднозначность глобализации подчеркивает и известный американский теоретик Ф. Джеймисон. Он определяет глобализацию как «нетотализруемую тотальность», которая интенсифицирует бинарные отношения между ее частями, преимущественно нациями, но также регионами и группами, которые все же продолжают артикулировать себя скорее на основе моделей национальной идентичности, чем на основе социально-классовых различий. По его мнению, каждый элемент данной «нетотализруемой тотальности» стремится определить себя в бинарной оппозиции по отношению к другому, создавая сферу напряжения, зачастую антагонизма, при этом данная сфера взаимоотношений определенно имеет символический характер, проявляющийся в широком диапазоне коллективных представлений [2, р. 12].

Признавая, что основные программные цели национального развития формулируются идеологическими элитами, следует отметить, что сфера символического, насыщающая пространство межнационального, в огромной степени формируется и посредством пласта, лежащего в основании явления национального; этот пласт – этническое. И хотя в трактовке этнического на сегодняшний день не существует единства (так, одни исследователи подчеркивают, что этничность является характеристикой менее развитых, «дополитических» обществ либо маргинальных групп; другие – что основой этничности является антитеза «Мы – Они»; третьи в качестве центральной проблемы этничности выделяют проблему происхождения и т. д.), на наш взгляд, этническое, представляя собой синтез биологического и социального, является основой поддержания и, нередко, трансформации социальной памяти, конструирования национальных мифов, стереотипов и т. д. Именно в этническом содержатся источники выработки психологических механизмов, направленных на поддержание идентичности, создаются ориентиры, нацеливающие либо на сплочение, либо на конфронтацию этнических групп. М. О. Мнацаканян, размышляя о природе первоосновы национальной жизни, ее внутренней субстанции, особых связях – проводниках символического взаимодействия, выделяет этничность в качестве пласта, где формируются эти первоосновы, образующие важное преемственное звено субстанции нации [3, с. 84].

Можно констатировать возрастание стремления к этнической самоидентификации в современном мире, причем эту тенденцию можно рассматривать в качестве ответа на вызовы, образованные углубляющейся неустойчивостью как сферы социальной жизни в целом, так и национальной жизни, углубляющимся диссонансом политических и национально-культурных реалий современного мира. Стремление к преодолению неопределенности национальной жизни, в пространстве которой возникает сфера напряженности, обуславливает то, что основной вектор развития этномобилизационных движений направлен на сохранение

адаптационных возможностей этноса, позволяющих поддерживать прежние этнические границы.

Культурные и политические реалии этничности преломляются через сферу символического, культурно-историческую память, воображение, придавая особые смыслы идентичности с целью зафиксировать пространство современных этно-специфических процессов. Это невозможно без обращенности к национальным корням, историческим образам, мифологическим сюжетам, всему богатству духовного наследия национальной общности. Тем самым происходит формирование нарратива, являющегося символическим выражением национально-культурной идентичности, необходимой для поддержания этнических границ. Именно нарративы, как подчеркивал П. Рикёр, одновременно и оформляют идентичность и являются средством, через которое выражается самость. Нарративы являются неотъемлемым элементом осмысления народом своей истории, важнейшим когнитивным инструментом, при этом, если история является содержанием, то нарратив предстает в качестве формы, в которой репрезентируется это содержание. В этом смысле, как подчеркивают многие исследователи, исторический нарратив как повествование о прошлом в значительной степени является воображаемым: нарратив не «показывает», а «создает».

Другой важнейшей особенностью нарратива является его способность к производству смыслов, что вовлекает в круг его функционирования такие познавательные процедуры, как интерпретация, объяснение, понимание и др. Вследствие этого несомненный научный интерес представляет не только проблема метафизики национально-этнического нарратива, но, поскольку последний является способом производства значения, то и необходимость исследования последствий его создания и функционирования, которые могут быть далеко не однозначны. С. Бенхабиб отмечает: «Поскольку культурные нарративы (охватывающие лингвистические, этнические, религиозные, а также территориальные и региональные оценки) принципиально важны для нарративного выстраивания... самоидентификации, подобные процессы интерактивного универсализма имеют ключевое значение в мультикультурных обществах» [4, с. 17].

Обращение к анализу сущности этнического, способов его функционирования в пространстве национальных отношений, на наш взгляд, обладает широкими эвристическими возможностями при исследовании противоречивых реалий современной национальной жизни.

Литература и источники

1. Hutcheon, L. Discourse, Power, Ideology: Humanism and Postmodernism / L. Hutcheon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/4354/4/discourse,%20power,%20ideology.pdf>. – Дата доступа: 10.02.2016.

2. Jameson, F. The Cultures of Globalization / F. Jameson. – Durham and London, 2003.
3. Мнацакян, М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни / М. О. Мнацакян. – М., 2004.
4. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М., 2003.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ – ГОМОГЕНИЗАЦИЯ ИЛИ СТАНОВЛЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЯ

Е. В. Радевич

Один из главных вопросов в контексте обсуждения социокультурных последствий глобализации – это вопрос о том, становятся ли люди, являющиеся представителями разных культур, все более единообразными в своих жизненных репрезентациях, либо налицо обратная тенденция.

Это вопрос наиболее часто поднимается в дискуссиях о глобализации культуры и разделяет современных исследователей на два лагеря. С одной стороны, можно выделить группу пессимистически настроенных мыслителей, которые придерживаются первой точки зрения, говоря о том, что мировое сообщество развивается в направлении единообразия. «Мы наблюдаем расцвет гомогенизированной поп-культуры, производимой, западной индустрией в Нью-Йорке, Голливуде, Милане и Лондоне. В качестве доказательства такой точки зрения указывают на амазонских индейцев, которые носят кроссовки Найк, жителей Южной Сахары, которые приобретают американские бейсболки, и палестинских подростков, с гордостью демонстрирующих свои свитера Чикаго Буллз в центре Рамаллы» [1, р. 94]. Ссылаясь на диффузию англо-американских ценностей и товаров по всему миру, адепты тезиса о культурной гомогенизации утверждают, что западные нормы и образы жизни подавляют более уязвимые культуры.

Однако тенденции к единообразию можно наблюдать и внутри самих стран-гегемонов. Американский социолог Дж. Ритцер ввел понятие «макдональдизация» [2] для описания широкого круга социокультурных процессов, благодаря которым принципы ресторана быстрого питания начинают все больше доминировать во всех сферах не только американского общества, но и всего мира. При поверхностном рассмотрении эти принципы кажутся вполне рационально обоснованными и предлагают, казалось бы, эффективные способы быстрого обслуживания людей. Однако за фасадом красивых рекламных лозунгов скрываются достаточно серьезные проблемы: во-первых, негативное влияние на здоровье; во-вторых, безличные, рутинные операции и однообразные алгоритмы работы, которые фактически приводят к дегуманизации человеческих отношений и стандартизации об-

раза жизни, нивелируют творческую активность человека, превращая его труд в автоматическое осуществление операций, выполнение инструкций.

Такой же пессимистической точки зрения придерживается и американский политолог Б. Барбер, который в своей книге «Потребленный: как рынки развращают детей, инфантилизируют взрослых и поглощают всех граждан» выступает против «этоса инфантильности», который поддерживается глобальным капитализмом, превращая взрослых в детей, благодаря рекламе и товарам массового потребления, а детей – в потребителей [3].

В свою очередь, те исследователи глобализационных изменений в сфере культуры, которые более оптимистичны в своих взглядах, также соглашаются с тем, что глобализация ведет к культурному единообразию, но видят в этом позитивную сторону. Например, Ф. Фукуяма с энтузиазмом артикулирует распространение англо-американских ценностей и образа жизни по всему миру, приравнивая этот процесс к расширению демократии и свободного рынка [4]. Исследователи, которые придерживаются подобных взглядов, выражают не просто позицию американского шовинизма, который традиционно навязывает свой образ жизни всему миру. Скорее, высказывается идея космополитизма, в основе которой акцентация новых информационно-компьютерных технологий, в частности Интернета, как основных предвестников новой гомогенизированной технокультуры.

Тезис о гомогенизации и стандартизации еще не означает утверждение, что культурному разнообразию на планете суждено исчезнуть навсегда. Многие авторитетные мыслители высказывают мнение о том, что глобализация вызывает к жизни новые формы культурного самовыражения, а также актуализирует самобытные национальные черты. В частности, Р. Робертсон утверждает, что глобализация часто реанимирует местные культурные особенности [5]. Следовательно, вместо того, чтобы быть полностью поглощенными западной масс-культурой, локальные черты и национальные особенности по-прежнему играют важную роль в создании уникальных культурных образований. Для этого Р. Робертсон использует понятие «глокализация», которое обозначает единство глобального и локального, а также предполагает культурное взаимообогащение.

Вышеназванные аргументы скептиков и оптимистов не обязательно являются несовместимыми. Современный опыт жизнедеятельности поверх культурных границ, означает, с одной стороны, потерю традиционных символических форм, но и создание новых культурных смыслов, с другой.

Литература и источники

1. Steger, M. B. *Globalization: a very short introduction* / M. B. Steger. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
2. Ritzer, G. *The McDonaldization of Society* / G. Ritzer. – Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1993.

3. Barber, B. Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole / B. Barber. – New York: W.W. Norton, 2007.
4. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. – New York: Free press; London: Penguin books, 1992.
5. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London: Sage, 1992.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРОГНОЗА

А. С. Писарчик

Увеличивающаяся взаимозависимость мирового сообщества в условиях процессов экономической, социальной и информационно-коммуникационной интеграции ставят на мировую повестку вопрос о глобальных вызовах и угрозах современности. Глобализация является многосторонним, нелинейным процессом. «Глобальная социальность» как результат данного процесса становится предметом конкуренции различных проектов мирового развития (на основе неолиберальной, социал-демократической идеологий, панисламистских и евразийских идей и др.). Источником риска становится увеличивающееся давление социальных систем на внешнюю среду и друг на друга в процессе взаимодействия. Появление на мировой арене новых субъектов и их идентичностей приводит к усложнению структуры мировой повестки дня (как реальной, так и мнимой), обострению проблем безопасности и социальной устойчивости.

Изучение современных глобальных процессов сопряжено с методологическими сложностями, связанными: 1) с непосредственным определением вызовов и угроз; 2) с потребностью в их адекватном изучении и прогнозировании. Сложность определения глобализационных вызовов и угроз обусловлена тем, что понимание современных процессов всегда обусловлено групповыми ментальными схемами. Как отмечал Т. Кун, отдельные понятия природного либо социального мира являются достоянием культур, и усвоение понятия не означает единообразие в восприятии свойств объектов или ситуаций, к которым оно применяется [1, с. 302–303]. В условиях социокультурного многообразия независимое от группового «концептуального словаря» определение и оценка социальных феноменов является трудной задачей. Различия в понимании современных процессов зависят от множества факторов: положения субъектов в мировом политическом и экономическом пространстве, локальной, национальной или региональной идентичности, индивидуальных представлений. Определение вызовов и угроз осложняется связью глобальных процессов с политическими и идеологическими дискурсами установления универсалистской картины мира.

Вызовом можно считать любое воздействие на социальную общность, которое противоречит ее идентичности и коллективному социально-культурному опыту. Так, для западного мира, стремящегося к формированию транснациональной рыночной экономики, важнейшие вызовы связаны с попытками оспаривания его доминирующего положения в мировом пространстве. Для «незападного» мира вызовы определяются его отношением к западной цивилизации. Страны и регионы, примыкающие к западному миру цивилизационно либо идеологически, признают те же вызовы, не исключая возможность перераспределения власти в региональном масштабе. Сообщества, чья идентичность существенно отличается, либо которые в большей мере испытывают издержки мирового развития, определяют западную гегемонию в качестве важнейшей угрозы для себя.

Как следствие, определение глобализационных вызовов и угроз предстает одной из форм борьбы за перераспределение ресурсов и мобилизацию политической поддержки на национальном и глобальном уровнях. В то же время, определение действительных угроз мирового развития возможно с точки зрения социально-антропологической эволюции. В мировой практике данные угрозы определяются как глобальные проблемы человечества.

Вторая методологическая сложность связана с возможностями изучения и прогноза развития мировых процессов. Традиционная оценка основывается на том, как то или иное воздействие влияет на способность социальных систем воспроизводить себя в новых условиях, но при трансформации самих систем она оказывается неэффективной.

Передовые методы изучения социума как самоорганизующейся системы связаны с нелинейным математическим моделированием. Динамика сложных систем является многоуровневым процессом, и их изучение начинается с отдельных элементов и их параметров на микроуровне и заканчивается их распределением во времени и пространстве на более высоких уровнях организации. Что касается социальной динамики, то, как отмечает К. Майнцер, «для социальных систем нет уравнений движения на микроуровне», т. к. в данном случае возникает необходимость измерения когнитивной и эмоциональной динамики отдельных индивидов [2]. Исследователем было предложено в качестве переменных использовать индивидуальные состояния и установки. Но изучение социальности всегда сопряжено с проблемой социального управления: построение моделей общественного развития представляет собой форму социальной инженерии, претендующей на управление массовым сознанием и социальной структурой. Границу между наблюдением и зондированием общества особенно трудно установить в условиях глобального информационно-коммуникационного пространства, способствующего распространению различных представлений о социальной реальности и манипулированию общественным мнением на их основе.

В связи с этим встает вопрос о необходимости введения принципа неопределенности при прогнозировании развития социальных процессов, подобно аналогичному принципу, который имеет место в квантовой механике. Данный принцип устанавливает невозможность одновременного измерения значений всех определяющих параметров элементарных частиц, и, соответственно, предсказания будущего (исходя из невозможности установления начальных данных). Обобщая, можно прийти к выводу, что наблюдение за некоторыми объектами либо явлениями приводит к изменению их свойств, что более чем применимо к социальной реальности. Предвосхищение последствий социальных изменений может способствовать возникновению альтернативных ветвей развития. Исходя из этого освоение вероятностного характера современных процессов возможно с помощью эвристических методов, таких как сценарный метод, который представляет собой «вероятностное описание возможного и/или желательного варианта развития рассматриваемых явлений и процессов» [3, с. 68]. Преимущество сценарного метода заключается в способности формирования нестандартных концепций развития систем, их всесторонней оценки, изучении возможных последствий.

Подводя итог, отметим, что глобализационный вызов – это воздействие, оказываемое в процессе развертывания глобализационных процессов, имеющее неопределенные последствия для развития и воспроизводства традиционных систем социальных отношений. Традиционность в данном случае определяет характерную для конкретной общности идентичность, а не социально-экономический уклад. Сложность определения и оценки подобных воздействий заключается в невозможности установления их последствий с точки зрения существующего социально-культурного знания. В связи с этим неопределенный характер современных мировых процессов определяет необходимость применения эвристических методов, способных преодолевать недостаточность исходной информации и невозможность построения детерминистских моделей мирового развития.

Литература и источники

1. Кун, Т. После «Структуры научных революций» / Т. Кун; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М., 2014.
2. Майнцер, К. Вызовы сложности в XXI веке // Вопросы философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=217&Itemid=52. – Дата доступа: 14.03.2016
3. Феофанов, К. А. О сценарном подходе к прогнозированию / К. А. Феофанов // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 67–74.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

О. А. Шершова

Наступление эпохи глобализации ознаменовало качественно новый этап развития человечества, связанный не только и не столько с формированием единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий, сколько со становлением особого типа мышления – глобального, наиболее адекватно отражающего суть реальности.

Вызов времени как никогда ошутим: век исторической трансгрессии и постмодерна с высокой степенью конфликтности и социальной разобщенности являются тому подтверждением. Глобализация сопровождается новыми угрозами для безопасности человека, ввиду чего она все более становится далекой от христианского универсализма, идеи братского единения народов, мирового гражданства, но все больше напоминает большую игру за жизненное пространство, сопровождающуюся неравновесными турбулентными процессами, ввергающими общество в состояние хаоса. Еще И. Валлерстайн считал, что «дифференциация неизбежно приводит к социальному неравенству и к постоянно растущей экономической, социальной и демографической поляризации» [1, с. 138].

Поскольку «современные процессы глобализации и связанные с ними кризисные явления обнаруживают туиковый характер существующей парадигмы мирового развития» [4, с. 16], под воздействием всеохватывающих технологических изменений, экологических катастроф происходит формирование «глобального общества рисков» [3, с. 67]. Глобализация в ее нынешней форме оказывается своеобразным катализатором социально-политической напряженности и конфликтов, но, тем не менее, будучи многогранным противоречивым процессом, предполагает возможность политического выбора, альтернативных сценариев и стратегий. Феномен глобализации в социокультурном, политико-экономическом, социально-психологическом, экологическом, демографическом и геополитическом аспектах ознаменовал необходимость нового устройства мира с человеческим лицом, который соответствовал бы характеру и масштабу современных проблем.

Установка на новую качественную всеобщность человеческого бытия, которое больше не укладывается в рамки национально-государственных образований, но предполагает единство мира через диалог культур, стало возможной посредством глобального конфликта, ознаменовавшего одновременно и кризисность современной эпохи и способ борьбы с ней. Что же такое глобальный конфликт?

Вообще конфликт, как бы его не понимали, будь то взаимодействие противоположных тенденций, противоборство или столкновение проти-

воположных интересов, целей, установок, жизненных позиций, является непременным условием самодвижения социальной системы. Уже давно развеялось ошибочное мнение Т. Парсонса относительно конфликта как аномалии или болезни общества, дисфункции общественной системы, которая ведет к деградации социальности. Еще Л. Козер говорил о конфликте как инструменте интеграции, гарантии развития общества путем вскрытия противоположных интересов и переоценки прежних ценностей.

Особое внимание сегодня привлекает понятие «глобального конфликта». В отличие от локальных конфликтов (скажем, внутригосударственных) глобальный конфликт является цивилизационным, поскольку, охватывая огромные географические и социальные пространства, несет угрозу существованию самих основ жизнедеятельности человечества. Глобальный конфликт – это конфликт, обусловленный глобальными проблемами современности, включая истощение энергетических ресурсов, обострение духовных проблем, нарушение экологического баланса, усугубление социально-политической и социально-экономической ситуации. Таким образом, можно констатировать, что глобальный конфликт представляет собой суммарный результат накопившихся в мировом сообществе противоречий, границы которых проходят по линии «человек–природа», «человек–техника», «общество–человек».

Природа глобального конфликта носит характер вызова человечеству. Перед его лицом человек выглядит ничтожной единицей, беспомощным и одновременно беспощадным тираном, готовым перекроить карту мира, вот только за сам мир уже никто не отвечает. Нет сомнений, что современный мир уже не стоит на пороге серьезных испытаний, но переживает их как свершившийся факт, требующий анализа и критического осмысления. Идеи о едином государственном объединении всего человечества, как сказал бы В. И. Вернадский, «становятся реальностью только в наше время и то, очевидно, становятся пока только реальным идеалом, в возможности которого нельзя сомневаться» [2, с. 82].

Несмотря на то, что вера в «создание на наших глазах глобального сообщества, которое изменяет мир радикальнее и быстрее, чем все открытия и научные прорывы прежних веков» [5, с. 5] остается очень сильна, мир без границ не является «лучшим миром», поскольку в результате стирания межнациональных барьеров возникает новая форма иерархии. Глобальный конфликт – это скорее результат такой формы единого мирового сообщества, чем его предпосылка, когда возможность культурного разнообразия при формировании цивилизационного единства с иерархической структурой оказывается мифом.

На сегодняшний день противоречия между тенденциями к дифференциации и интеграции решаются в пользу отстаивания политической и этнокультурной самобытности. Отсюда можно заключить, что глобальный конфликт – это реакция на интеграцию с тенденцией к самоизоляции, демократичность без гражданского общества, единое социокультур-

ное пространство без духовных ориентиров. Положительно то, что глобальный конфликт все же означает и выход из затяжного кризисного состояния, осознание необходимости глобальных перемен, – это уже своего рода революция в сознании. Говорить, насколько глобальный конфликт способен кардинально поменять ситуацию, уже излишне, а вот насколько готово к этому человечество – спорный вопрос. И все же повышенная конфликтность современной жизни, перерастающая в глобальный конфликт – это не приговор, а новый путь развития человечества, который хотя бы является осознанным.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Амбивалентный статусе глобализационных процессов, затрагивающий сами основы бытия человечества, говорит не только о дестабилизации социальной реальности, но и о возможности сбалансированного развития посредством реализации накопившегося конфликтного потенциала этих процессов.

2. На глобальный конфликт сегодня следует смотреть как на наиболее репрезентативный механизм выхода из мирового кризиса, поскольку это оптимальный способ установить мир гарантированных границ и интегративного сотрудничества.

3. Глобальный конфликт – это не миф, но реальность сегодняшнего дня, которую следует рассматривать как условие формирования единого мирового сообщества на началах солидаризма, культурного диалога, сохранения идентичности и самобытности отдельных государств.

Литература и источники

1. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: социология XXI века / И. Валлерстайн. – М., 2003.
2. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. – М., 1988.
3. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004.
4. Иванов, Н. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 2. – С. 15–19.
5. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М., 2001.

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

А. И. Курицын

Проблема отношения к глобализации и тем к более глобализму получила свое развитие в русскоязычной философской мысли еще в XIX веке, где она представлена знаменитым спором «западников» и

«славянофилов». В дальнейшем оценка влияния «западной» культуры была с новой силой поставлена именно евразийцами.

В работах признанных лидеров евразийского движения 20–30-х годов XX века Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого был поставлен вопрос о необходимости «вестернизации», принятия европейских культурных ценностей в качестве общечеловеческих, и если брать шире – о возможности принятия неевропейскими народами культурных традиций Западной Европы («романогерманцов», по терминологии Н. С. Трубецкого). На этот вопрос представители движения отвечали исключительно отрицательно, особо подчеркивая, что принятие чуждой культуры, чуждых культурных ценностей, ведет к нарастанию противоречий в обществе, уменьшению творческих способностей народа. Так, в своей работе «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой особенно подчеркивает губительный характер европеизации для России, она представляется автору «безусловным злом для всякого неромано-германского народа» [1]. В статье П. П. Сувчинского «Сила слабых» [2], была продолжена критика европеизации и русской интеллигенции, как ее проводника.

В настоящее время в связи с нарастанием и усилением процессов глобализации как объективной реальности, с одной стороны, и распространением идей глобализма, с другой, вновь становятся актуальными ряд вопросов, впервые поставленных евразийцами. И если проблематика, связанная с вопросами идейно-культурных истоков происхождения России перешла в иную плоскость, то отношение к глобализации («вестернизации» по терминологии Н. С. Трубецкого), а также круг проблем, связанных с взаимодействием народов и регионов на евразийском пространстве приобрел совершенно важное и современное звучание.

Сегодня можно наблюдать, как на основе евразийской парадигмы формируются оригинальные концепции социально-философского характера. В современном евразийстве выделяют несколько течений, среди которых отдельно хотелось бы отметить неоевразийство А. Г. Дугина [3] [4] [5] [6]; «академическую школу», представленную в первую очередь А. С. Панариным [7] [8] [9]; «левое течение» представленное такими мыслителями как Т. А. Айзатулин [10], Р. Р. Вахитов [11], С. С. Карамурза и др. Особое место в современном евразийском движении занимают последователи Л. Н. Гумилёва [12] [13], а также т. н. «правоконсервативное течение», в котором, прежде всего, необходимо отметить В. В. Кожина [14].

Как уже отмечалось, для современных евразийцев отношение к глобализму и глобализации является важнейшим вопросом. По мнению одного из наиболее известных представителей современного евразийства («неоевразийства») А. Г. Дугина, глобализм есть «процесс построения "нового мирового порядка", в центре которого стоят политико-финансовые олигархические группировки Запада». В жертву глобализации приносятся суверенные государства, национальные культуры, рели-

гиозные доктрины, хозяйственные традиции, представления о социальной справедливости, окружающая среда – все духовное, интеллектуальное и материальное многообразие планеты [4]. Большое внимание вопросам глобализации вообще и вестернизации в частности придает А. С. Панарин. Сопоставляя происходящие на постсоветском пространстве процессы, он отмечает, что для успешности евразийского проекта необходима, прежде всего, солидарность «народов как автохтонов Великой Евразии, которых пытаются лишить идентичности, атлантизировать и вестернизировать» [8].

Можно отметить, что понимая важность и неизбежность современных цивилизационных изменений, затрагивающих все человечество, евразийцы отрицают необходимость существования неких «единых стандартов», по которым должны развиваться все страны и народы, и призывают, прежде всего, к цивилизационному разнообразию, сохранению культурного наследия всего человечества.

Особую значимость в рамках евразийского дискурса приобретает вопрос о геополитическом, цивилизационном противостоянии. Так, А. Г. Дугин выделяя «цивилизацию Суши» и «цивилизацию Моря» утверждает, что «тождественность России и континентальной цивилизации Суши в геополитической модели мира делает ее заведомо обреченной на цивилизационное противостояние с геополитическим лагерем морского могущества. Это геополитическое противостояние фрагментарно прослеживается с самых ранних периодов русской истории и достигает своего апогея в романовской России, жесткой соперницы Англии в позиционной борьбе за проливы и Азию, и особенно в "холодной войне" между СССР и США» [5]. Аналогичные формы цивилизационного противостояния рассматриваются и А. С. Панариным в его работе «Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)» [9], где делается важный вывод о том, что для успешного существования России в будущем приемлемым представляется именно евразийский путь развития, в отличие от подражательства и копирования западного образа жизни.

Отмечая, таким образом, важный вклад современных евразийцев в геополитическое обоснование современных путей развития России и стран СНГ, нужно отметить, что в русле евразийской парадигмы особое место уделяется оригинальным формам существования евразийского пространства. Можно сделать вывод и о весьма высоком идейно-политическом потенциале этого социально-философского учения, сформировавшегося почти столетие назад. В евразийской парадигме присутствует определенный набор идей, которые привлекают к нему противников современной глобальной экспансии западной культуры.

Немаловажное значение приобретает и начавшийся процесс евразийской интеграции на постсоветском пространстве, активным участником которого является и Республика Беларусь, что делает про-

цесс изучения и осмысления современной концепции евразийства особенно важным и актуальным.

Евразия является местом, оказавшим большое влияние на формирование истории человечества, став колыбелью рождения мировых культур и великих цивилизаций. И сегодня она продолжает оказывать определяющее воздействие на мировые процессы.

Литература и источники

1. Трубецкой, П. С. Европа и Человечество / П. С. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm>. – Дата доступа: 12.04.2015.
2. Сувчинский, П. П. «Сила слабых» / П. П. Сувчинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-sila.php> – Дата доступа: 12.04.2015.
3. Дугин, А. Г. Автономия как базовый принцип евразийской государственности / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1837>. – Дата доступа: 10.04.2015.
4. Дугин, А. Г. Евразийский взгляд. Основные принципы доктринальной евразийской платформы / А. Г. Дугин. – М., 2001..
5. Дугин, А. Г. Евразийский Путь как Национальная Идея / А. Г. Дугин // Евразийское обозрение. – 2003. – № 9.
6. Дугин, А. Г. Эволюция национальной идеи Руси (России) на разных исторических этапах / А. Г. Дугин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=818>. – Дата доступа: 10.04.2015.
7. Панарин, А. С. Вызов (геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма) / А. С. Панарин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.politology.vuzlib.su/book_o236_page_5.html. – Дата доступа: 10.04.2015.
8. Панарин, А. С. Россия в социокультурном пространстве Евразии / А. С. Панарин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.perspektivy.info/rus/desk/russia_v_sociocult_prostranstve.htm. – Дата доступа: 10.04.2015.
9. Панарин, А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А. С. Панарин. – М., 1994.
10. Айзатулин, Т. А. Теория России. Геоподоснова и моделирование / Т. А. Айзатулин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aizatulin.chat.ru/aizatul1.html>. – Дата доступа: 10.04.2015.
11. Вахитов, Р. Р. Утверждение левых евразийцев / Р. Р. Вахитов // Восток. – 2004. – №3. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_313.htm. – Дата доступа: 10.04.2015.
12. Шишкин, И. С. Русский вопрос и евразийство / И. С. Шишкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evraz-info.narod.ru/48.htm>. – Дата доступа: 10.04.2015.
13. Шишкин, И. С. Учение Л. Н. Гумилева, евразийство и русский вопрос / И. С. Шишкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/GW/gw233.htm>. – Дата доступа: 10.04.2015.

14. Самохин, А. В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения (Ч. 2) / А. В. Самохин // Восток. – 2004. – № 3. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_317.htm. – Дата доступа: 10.04.2015.

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ГЛОБАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ДИСКУРСЕ АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА

Д. А. Антипов

«Можно долго быть в аду и все же рассказывать о рае»

Из письма Сабиньи Штильрейн Ойгену Блейлеру, 17 июля 1905 г.

Конец XX – начало XXI вв. стали периодом торжества глобализации. Распад СССР и окончание Холодной войны позволили приступить к формированию нового типа мирового устройства. Мир был объявлен глобальным. Глобальность проявилась в распространении универсальных моделей организации социально-экономической, политической и отчасти культурной жизни. Идеологически процесс глобализации строился на принципах неолиберальной модели развития, которая предполагает создание условий для функционирования свободного рынка, ограничение государственного вмешательства в экономику, беспрепятственное движение капитала и коммерциализацию общественного сектора экономики.

Неолиберальная глобализация не получила безусловной поддержки населения стран Запада и Востока, что проявилось в возникновении альтерглобалистских движений, которые очень быстро приняли всемирный и массовый характер. Точный масштаб альтерглобализма как социального движения оценить сложно: по различным данным в организациях альтерглобалистов задействовано от 70 до 120 млн человек по всему миру.

Альтерглобализм как массовое социальное движение встал на путь выработки альтернативной неолиберализму концепции глобального развития. Концепция, выработанная на площадке Всемирного социального форума (ВСФ) получила название «глобальная справедливость». Таким образом, оформилась альтернативная идеологическая концепция глобализации, изучение которой позволяет понять основные противоречия процесса неолиберальной глобализации.

В ряде исследований современных социальных движений высказывается положение о том, что альтерглобализм (или антиглобализм) не обладает набором четко сформулированных идей, которые могли бы претендовать на роль общей идеологии этих движений. Такое утверждение вступает в противоречие с программными документами ВСФ, задача которого состоит в выработке единой идейной базы альтерглобализма. Это противоречие выделяет проблематику исследования альтерглоба-

лизма, которая формулируется как изучение идей альтерглобалистов с целью выявления базовой альтернативной концепции глобализации.

Основные составные элементы концепции «глобальная справедливость» – это:

1. *Демократия участия.* Демократия понимается в качестве принципа, который должен лежать в основе всех сфер общества, а не только в политике. В частности, предполагается установление демократического контроля и регулирования финансовых рынков. В этом случае демократия тесно связана с принципами прозрачности и подотчетности. Основные принципы демократии участия и расширения прав и возможностей общественных групп должны быть в центре всех международных структур и процессов принятия решений. Альтерглобалисты требуют прозрачности от избранных представителей и менеджеров государственных структур, настаивают на этическом поведении и социальной ответственности бизнеса, выступают за создание стратегических альянсов для развития демократии и укрепления гражданского общества и планетарного гражданства, связывая глобальное и местное. Все эти фундаментальные шаги необходимы для построения по-настоящему демократического общества.

2. *Равный доступ к ресурсам и возможностям.* Справедливость доступа к экономическим и экологическим ресурсам, справедливое распределение богатств для решения неравенства, вызванного неолиберальной глобализацией и справедливость доступа к возможностям: прекращение дискриминации и маргинализации, признание прав всех людей.

3. *Универсальные права.* Под ними понимаются права трудящихся, права человека, права женщин, права мигрантов и права национальных государств, особенно государств глобального Юга. Правительства Юга должны продвигать альтернативы, которые ставят интересы и права народов и планеты на первое место. Это включает полную и безоговорочную отмену нелегитимных долговых требований против стран Юга, признание суверенных прав и обязанностей правительств принимать односторонние меры для приостановки платежей или отказа от долгов, для обеспечения защиты и развития основных прав человека. Права естественны: это не привилегия, не нечто придуманное. Права являются базовыми, основополагающими и врожденными для всех людей.

4. *Глобальная солидарность.* Солидарность имеет множество толкований, но все они вращаются вокруг понятий сотрудничества, единения, поддержки, совместных действий, объединенных общими целями и устремлениями, – независимо от географических, экономических, политических, культурных, этнических, расовых, гендерных, возрастных различий. Общие цели и устремления включают в себя реализацию прав (в особенности прав трудящихся), искоренение бедности, оппозицию к неолиберализму. Солидарность может быть как фактической, так и символической. Проведение массовых демонстраций и шествий одновременно

по всему миру, выпуск совместных заявлений или проведение перформансов для оказания поддержки (как, например, в случае с кампанией палестинцев против разделительной стены). Солидарность также включает построение отношений между группами угнетенных всего мира.

5. *Социально-экономическая и экологическая устойчивость.* Устойчивость является важнейшей новой концепцией глобальной идеологической дискуссии. В альтерглобализме устойчивость в первую очередь понимается как долгосрочное сохранение и использование природных ресурсов и окружающей среды. Однако альтерглобалисты также подчеркивают важность обеспечения устойчивости занятости, экономики, производства продуктов питания и развития. Специфический акцент сделан на предоставлении ресурсов для нынешнего и будущих поколений. С устойчивостью также связаны демократия, справедливость, равенство и права. В частности, альтерглобалисты подчеркивают, что устойчивость должна основываться на равенстве.

Характер концепции «глобальная справедливость» в дискурсе альтерглобализма позволяет рассматривать альтерглобализм не только как социальное движение, но и как идеологию глобального развития, противостоящую неолиберальной глобализации.

3.2 Феномен идентичности в контексте межкультурного диалога

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ДОМИНАНТ ЛИЧНОСТИ

В. А. Максимович

Человек в силу своей осознанной и целеполагающей деятельности становится субъектом социокультурного действия, носителем особой культуротворческой интенции, придавая традиции особый антропологический статус. Проходя все фазы самоидентификации, самоопределения и самоутверждения, обладая волей, самосознанием, мышлением, личностью, несомненно, выступает в качестве действенного субъекта традиции. В качестве же объекта традиции выступает весь накопленный предшествующими поколениями опыт, который делает человека, воспринимающего и осваивающего социокультурное пространство, личностью укорененной, обладающей историческим самосознанием, а, в конечном счете, и личностью культурной. Лучше всего это проявляется в процессе коммуникации, в которую человек включен с учетом специфики своей деятельности, а также профессиональной, религиозной, культурной, национальной и иной идентификации.

Антропологический характер традиции может проявляться в самых незначительных, почти не заметных и вербально трудно передаваемых моментах общения, языкового самовыражения. Даже обычная пауза, умолчание могут приобретать ситуационно насыщенную смысловую, символическую коннотацию на уровне ментальных структур. Этот момент дает основание говорить о существовании некоего «энергетического поля» традиции, фиксируемого адресатом взаимодействия. Именно информационно-коммуникационный акт помогает сформировать определенный механизм узнавания и самоузнавания, выделить отличительные черты своего, родственного мира как органически приемлемой среды существования, способствующей присвоению, освоению и воспроизводству традиционных форм общежития.

Коммуникативный процесс, воспринимаемый в первую очередь как процесс понимания и утверждения традиции, имеет в качестве своего закономерного следствия экзистенциальное, эмоционально-психологическое сближение личностей посредством приобретения совместного духовного опыта, духовного родства. Живое, непосредственное общение позволяет воспринимающему субъекту испробовать себя во все новых коммуникационных связях и ситуациях, не только приобрести и укрепить навыки межличностного общения, но и сформировать свой устойчивый стереотип мироузнавания и мироосвоения, позволяющий безошибочно ориентироваться в разных культуру- и традициомерных проекциях. Другими словами, личностный модуль, родово-генетическое измерение открывает возможность самообнаружения и самопозиционирования не только в рамках идентификационно близкого сообщества, но и вне его, в иных социальных микросистемах и сетях. Кроме того, следование «культурным программам» как базовым механизмам самосохранения и воспроизводства исторического опыта позволяет определенным образом структурировать сознание, активизировать его созидательную доминанту.

Традиции чуждо декларирование, императивность, ограничивающие свободу выбора и волеизъявления в силу того, что это – по своей глубинной сути – духовный инструмент, позволяющий поддерживать генетическую программу саморазвития, самоусовершенствования. Традиционный духовный тезаурус участвует в формировании личности и социально значимых представлений, образцов, ценностей, помогает освоению онтологического содержания человеческого опыта, способствуя тем самым духовному возвышению, возмужанию. Он служит целям гармонизации, упорядочивания, согласования различных органов единой живой системы: личного и сверхличного, единичного и всеобщего, – выступает в качестве действенного условия для подлинного взаимопонимания личностей, их косубстанциальности. Это незаменимый фактор внутреннего роста, способный вывести человека на иную, более высокую ступень духовного прозрения, открыть путь к познанию глубинной сущности ве-

шей, помогающий ему ощутить подлинную радость от осознания своего живого участия в жизни – радость человеческого общения. Красноречивым подтверждением этому могут служить слова М. Бахтина: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому и глазами другого... Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п.» [1, с. 285, 312]. Исходным для исследователя является убеждение в том, что личностное бытие человека раскрывается лишь в диалогических отношениях – «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и "человек в человеке", как для других, так и для себя самого» [2, с. 294]. Таким образом, «диалог для М. Бахтина является подлинным "событием бытия" и выступает как изначально-фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория» [3].

На уровне идеального сознания традиция как бы латентно, имманентно содержит в себе «просветительскую» целевую программу, содержащую определенный реестр навыков, знаний и представлений, включая социокультурные установки и ментальные архетипы. Все они актуализируются, проявляют себя прежде всего на уровне личностного восприятия, переживания, вчувствования, эмпатии, помогая организовать, обустроить духовное пространство человека, сделать его более комфортным, упорядоченным, уравновешенным, согласованным с окружающей средой. Как правильно замечают исследователи, «ныне необходим переход от жесткого детерминизма к ценности духовным, от инструментального разума к разуму, утверждающему "коммуникативные взаимодействия" (Ю. Хабермас) человека с природой, человека с человеком» [6]. Это позволяет сдерживать, сбавлять спонтанные, трудно контролируемые инстинкты, желания, агрессию, тем самым внутренне дисциплинировать человека, способствуя сохранению душевной целостности и равновесия, взвешенному контролю действия и поступка.

Субъективно-регулятивная составляющая проявляет себя, в том числе, и в избирательном отношении личности к действительности посредством ее сознательного осмысления и выработки продуманной стратегии своего поведения и жизнедеятельности. Субъектность включает в себя высшие характеристики индивидуальности, проявляющиеся в стремлении человека к достижению духовности, подлинности бытия посредством соизмерения своих действий, переживаний, мыслей с социокультурными образцами. А для этого необходимо наличие в обществе определенных культурных «эталонов», «типажей», на которые культура в процессе формирования субъектности ориентируется. Выбор, как правило, зависит от того, в какой последовательности с учетом степени важности, востребованности будут восприниматься критически мыслящим ре-

ципиентом базисные семантические пласты, какой из них станет глубинным (образуя ментальный уровень сознания), а какой окажется на поверхности смысла. В любом случае выстраивание внутренней архитектуры или ценностно-смысловой конфигурации все более приобретает интрасубъективный характер, зависит от социальной и культурной ориентации субъекта. Иными словами, живучесть, востребованность традиционных, исторически сложившихся норм и представлений во многом зависят от происходящих в обществе социальных изменений и реакции на них со стороны рефлексирующего субъекта. Ими же обусловлены и охранительно-консервативные тенденции, по определению связанные с традицией, с устоявшимися нормативами и системами ценностей, с желанием удерживать социальную историю в рамках, освященных культурной традицией. Откровенно валюктаристские, во многом деструктивные проявления по отношению к общепринятому, устоявшемуся также стимулируют усиление консервативно-охранительных интенций.

Достаточно осознанное, рациональное позиционирование себя в качестве полноценного субъекта, способного делать собственный выбор, формулировать свое представление о мире и о себе в этом мире открывает путь к взвешенному подходу в определении собственных мировоззренческих, ценностно-смысловых приоритетов и потребностей, принятых «в качестве мотивационных регуляторов своей жизнедеятельности и определяющих как стратегическую ее направленность, так и направленность действий в любой конкретной ситуации» [4, с. 403]. Не следует забывать, что традиция, сконцентрировав в себе эталонные представления актуальной культуры, выступает не только как исторически сложившаяся система (иерархия) ценностей, но и как избирательное отношение субъекта к конкретным ценностям. Посредством этого отношения, проявляющегося в различных видах и областях человеческой деятельности, субъект адаптируется к духовному наследию и в то же время адаптирует (ранжирует) это наследие к своим реально формирующимся запросам, потребностям и интересам. По существу, «происходит интериоризация и индивидуальное преломление социальных регуляторов, превращение их в регуляторы внутриличностные, становление индивидуально-пристрастного, избирательного отношения личности к действительности, которое находит выражение в неповторимом осмыслении личностью действительности и в построении ею своей деятельности на основе этого осмысления» [5, с. 49]. В любом случае разговор идет прежде всего о личности, опирающейся на целостную картину мира, познанную во всей ее драматической дискретности и противоречивости, несводимую к какой-либо схематике. По большому счету, и в данном случае мы можем наблюдать проявления своеобразного избирательного внутреннего диалога личности и традиции, посредством чего традиция выступает как ценностно-мировоззренческое самоопределение человека, процесс выработки им своей ценностной позиции и принятия полноты ответственно-

сти за свой выбор.

Сказанное еще раз убеждает нас в том, что хорошо налаженная система норм и ценностей, необходимая для регулирования общественных отношений и социально-психологических аспектов поведения индивида, – обязательная предпосылка выживания общества в условиях современных противоречий. Для того чтобы человек не только идентифицировал себя с традицией, но и способствовал сохранению всей культурной матрицы национальной идентичности, ему необходимо быть действительно, а не формально причастным к подлинным проявлениям духовной жизни общества. Феноменология этой причастности включает «живую», естественную интуицию того, что каждая вещь и в мире природы, и в мире культуры находится на своем месте, соответствует своему предназначению. Соответственно, перспективы выживания и отдельного человека, и целого народа только тогда не вызывают какого бы то ни было опасения, когда все в их жизни органически отлажено, сопряжено и исключает возможность активизации разрушительных сил, включая и те, что губительно действуют на глубинные структуры сознания. Только при условии полноценного задействования всех имеющихся механизмов этнокультурного контекста возможно достижение полноты жизни, сопряженной с гармонией обыденно-повседневного и возвышенно-сакрального, частного и общезначимого, национального и универсального. Сопричастность к общепринятым принципам и нормам, убеждениям и идеям, которые составляют основу, базис общественной структуры, позволяет сцементировать, соединить в единое целое различные части социального организма, консолидировать общество, активизировать процесс национальной самоидентификации.

Литература и источники

1. Бахтин, М. Эстетика словесного творчества / М. Бахтин. – М., 1979.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979.
3. Дьякопов, Г. В. Концепция диалога М. М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии Г. В. Дьяконов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x2780.htm>. – Дата доступа 20.03.2016.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 2.
5. Розин, В. М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры / В. М. Розин // Человек как субъект культуры. – М., 2002. – С. 42–92.

ФИЛОСОФИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

С. В. Бутенко

Развитие современного мирового сообщества происходит в услови-

ях постоянного взаимодействия. Проблемы общества зачастую приобретают глобальный характер, а ответы на актуальные вопросы имеют общемировое значение. Все это приводит в последнее время к увеличению количества работ, посвященных вопросам исторической идентичности, которая, как утверждает Ю. Ю. Мазур, «представляет собой процесс самоопределения в конкретном историческом пространстве» [1, с. 45].

Как нам кажется, под исторической идентичностью необходимо понимать также и процесс признания личностью своей истории в свете объективного изложения ее фактов. История не может быть «плохой» или «хорошей», она есть, и это факт, который мы не можем интерпретировать в угоду своим политическим взглядам. Неопределенность современной жизни, утрата отдельными личностями своих национальных корней приводят к попытке «наверстать улущенное», заручившись поддержкой истории. К сожалению, все чаще это приводит к «манипуляции» историческими фактами, которые обретают совершенно иную направленность, будучи вырванными из контекста науки. Как справедливо заметил В. Тишков, «существует разрыв между популярной и «кабинетной» историями, и не просто разрыв, а крайне опасное для общества отчуждение одной от другой» [3, с. 4–16]. Современные исследователи вынуждены тратить достаточно много сил и времени на «охрану» исторических фактов, защиту их от корыстного использования.

Как известно, формирование объективных исторических знаний (а также исторической идентичности) является неотъемлемой частью любой школьной программы и проходит под контролем со стороны государства. Воспитание ответственного гражданина, готового исполнить свой долг – одна из приоритетных задач системы образования любой страны. Однако, «сегодня влияние спорта и телевизионных передач не менее значительно, чем школьной истории, которую часто подвергают жесткой критике те же самые популяризаторы, "питающиеся" не только от профессионального знания, но и от собственного воображения» [3, с. 4–16]. Как справедливо отмечают авторы, для современной исторической науки характерно вовлечение общественных масс в написание истории. Поверхностные знания, отсутствие доступа к первоисточникам, стремление не к открытию прошлого, а к получению финансовой выгоды создают «исторические сюжеты», далекие от реальности. Простота изложения материала и широкая доступность завершают процесс формирования исторической идентичности у современного поколения. К тому же в современном мире написание истории все чаще приобретает политическую окраску, выраженную в попытке «легитимации» новых политических структур, пришедших к власти.

Утрата самобытности отдельными национальными культурами выдвигает на первое место вопрос о дальнейшем развитии современного общества. Как считает Д. В. Полежаев, «важно вернуться к своим истокам, к традициям, которые собственно и сформировали европейскую, в

том числе и русскую культуру» [2]. Возвращение к «истокам и традициям», по мнению автора, возможно через образовательно-воспитательный процесс, ключевой составляющей которого выступает историческая идентичность.

Все чаще мы слышим разговор о появлении «национальной русской идеи», которая зачастую обществом трактуется с националистических позиций. В этой связи современное сообщество ученых-историков России акцентирует внимание на многонациональной и поликонфессиональной основе формирования российского социума. Данные акценты позволяют откорректировать представления подрастающего поколения о национальной исключительности нашего народа, переходящей в националистические настроения и идеи.

Таким образом, историческая идентичность, являющаяся, как нам кажется, важной частью гражданского самосознания общества, играет определяющую роль в процессе формирования менталитета личности. Более того, воспитание молодого поколения – «важная задача российского общества и государства, современного российского образования и каждого гражданина, заинтересованного в судьбе нашего Отечества и принимающего на себя ответственность, которой никто на него не возлагал» [2]. В этом и есть, по мнению Д. В. Полежаева, ментальное измерение национальной идентичности, основанной на исторически обоснованных и объективно оцененных фактах.

Важную роль в воспитании подрастающего поколения выполняет историческое образование. Необходимость исторической преемственности при формировании гражданина России обусловлена стремлением показать причинно-следственные связи развития современного общества, где настоящее не может быть оторвано от прошлого, а личность является неотъемлемой частью состоявшихся событий.

Литература и источники

1. Мазур, Ю. Ю. Идентичность в условиях глобализации и регионализации / Ю. Ю. Мазур // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – Вып. 6. – С. 43–49.
2. Полежаев, Д. В. О ложных векторах мультикультурности, или особенности национально-государственной идентификации человека и общества / Д. В. Полежаев // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: Первая межд. науч.-практ. конф., Москва, 23 окт. 2015 г. – М., 2015.
3. Тишков, В. А. Историческая культура и идентичность / В. А. Тишков // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2. – С. 4–16.

ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ АКСИОСФЕРЫ РОССИИ И ЗАПАДА: РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н. П. Мопина

Одной из основных проблем в современном глобальном мире является все более актуализирующееся противоборство двух культурно-исторических и философских миров – России и Запада. Основы подобного противостояния имеют давнюю историю, фундаментом которой послужила дихотомия Восток-Запад. Ключевой доминантой столь сложных отношений, на наш взгляд, выступает разница мировоззрений и менталитетов народов, относящихся к этим двум локусам, которая ярче всего отражается в аксиосфере – системе базовых ценностей культуры.

Аксиосфера любой культуры и цивилизации формируется под воздействием нескольких факторов: географического, климатического, геополитического и, наконец, религиозного. Основы ценностного ядра национального бытия закладываются, безусловно, природой и географией. Но именно религия окончательно формирует национальные ценности.

Сравним ценностные установки, реализующиеся в западном и русском культурном пространстве. Наиболее показательными в данном контексте нам кажутся два основных аспекта, характеризующие аксиосферу русской и западной цивилизаций: онтологический и гносеологический. Попытаемся проанализировать их с позиций восточного и западного христианства.

Католическая онтология делит бытие на три сферы: сферу горнего (светлое, сверхъестественное), сферу преисподней (тьма, противоестественное) и сферу естественного (человеческий мир). В то время как в православии всего две сферы: мир горний и мир дольний. Отсюда – для человека западной культуры вполне естественное представление о необходимости улучшения мира человеческого, создание комфортной среды для существования, формирование того самого порядка, который есть космос в древнегреческом смысле этого слова. А следовательно, весьма отличное от русского отношение к труду. Для католика проповедь труда ближе, чем проповедь оставленности мира, аскетизма, смиренности, доброты, – всего того, что доминирует в восточном христианстве. В протестантизме же вообще материальные ценности труда превалируют над всеми остальными, ибо именно в труде видится служение во имя славы Господней. «Полезность труда определяется не внутренними побуждениями, не душевнополезностью, а объективной полезностью для общества и степенью доходности» [1, с. 411]. Потому для западного христианского мира именно апология труда и материальных благ составляет ценностное ядро мировоззренческой матрицы. Бытие для представителя западной культуры и цивилизации – фокус приложения человеком своих сил. Западный протестантский человек насаждает чисто инструменталь-

ное отношение ко всему сущему. Постепенно происходит смена духовных ориентиров от Творца к твари, что, безусловно, находит отражение в культуре и искусстве.

Для человека же русской культуры реальный мир не онтологичен, его нельзя улучшить путем постоянной работы, но можно пресуществить в Царство Божие. А потому в отечественной аксиологии ценность комфорта, порядка земного, материального существования абсолютно не важна, гораздо важнее то, что выходит за пределы земного мира, порядка и ценности другого, горнего мира. Русский человек всегда задумывается над проблемами глобальными, запредельными и абсолютно нейтрален к проблемам дольного бытия. В отличие от католичества и протестантизма «восточно-христианская религиозная традиция рассматривала труд как неприятную необходимость, наказание человечеству за первородный грех. Русское православие не давало высших духовных санкций для активной работы в миру. Физический труд, производство потребительских благ, занял в православной культуре подчиненное место по сравнению с трудом духовным, молитвой» [2, с. 48]. В классической русской литературе мы не найдем ни одного примера положительного образа предпринимателя. Писатели считали людей, отдавших свои силы презренной материальной наживе, «мертвыми душами», рядом с которыми даже лентяй Обломов выглядит положительным персонажем. «Ничего похожего на поэтизацию предпринимательства в духе О. Бальзака, Д. Лондона, Т. Драйзера» [3, с. 413]. Базисным принципом русской онтологии выступает и всеединство, понимаемое как единство всего сущего. В сфере религии – это единство Божественного и тварного миров, Бога и человека. Как писал Е. Трубецкой: «Собор всей твари как грядущий мир вселенной, объемлющей и ангелов, и человеков и всякое дыхание земное, – такова основная храмовая идея нашего древнего религиозного искусства, господствовавшая и в древней нашей архитектуре, и в живописи» [3, с. 13].

Гносеология русского и западного миров также различна. Рационализм западной цивилизации проявляется еще со времен античности, а следовательно, находит свое отражение и в западном христианстве. Равно как и изначальное познание сердцем, космистское познание, отражается в православии. Сравним европейскую и русскую философии: именно философия в Средневековье (эпоху максимального влияния религии) и позже выражала гносеологические ценности культуры. Развитие изначального *ratio* Запада подтверждается всей его историей, в том числе и религиозной. Человек, изначально являющийся носителем рациональной ментальности, по-иному относится и понимает религию. Именно поэтому в рамках западной культуры возникает вначале Рене Декарт со своим знаменитым изречением «мыслью, следовательно существую», что как бы произвольно делает Бога излишним для процесса познания, поскольку в основу рациональной философии положен принцип обособленно-

сти и самодостаточности мыслящего субъекта. Гораздо дальше Декарта пошел И. Кант, считавший, что мы познаем лишь собственное представление о мире. Далее И. Фихте провозгласил тезис о том, что человек – познающее, а значит, сущее, все остальное – лишь познаваемое, то есть, мыслимое человеком, творимое человеком и вне сознания человека не существующее. Л. Фейербах вообще заявил, что Бог сам по себе совершенно упряднился. Логическим же итогом развития рационализма являются слова Ф. Ницше, воскликнувшего: «Бог умер!». Полная и явная картина господства знания над верой.

В контексте русской же традиции вплоть до конца XIX – начала XX вв. говорить о светской рациональной философии вообще не приходится. Вся философия по сути своей носит религиозный характер. Преобладающим способом познания мира является художественный, а не рациональный. В русской культуре в силу изначального восприятия мира как единого целого, «возникает стойкая антипатия к абстрактно-понятийному мышлению, в силу чего русская мысль ориентируется не столько на «развоплощающее» смысл аналитическое, философическое отношение к миру, сколько на «смысловоплощающее», софиологическое его восприятие. В рамках последнего нет ни отвлеченной от тела духовности, ни телесности, лишенной духовного содержания и руководства» [4, с. 132]. Именно потому, говоря об отечественной философии, можно сказать, что в равной степени это и «Поучение Владимира Мономаха», и «Шестоднев», и А. С. Пушкин, и Ф. И. Тютчев, и Ф. М. Достоевский, и Л. Н. Толстой, и И. И. Ильин, и П. А. Флоренский, и С. Н. Булгаков и др. Но, безусловно, главная идея – примат веры над знанием, так повелось с древней Руси. Сущность познания еще тогда объяснялась двуединой природой человека, «с плотью которого связано чувствование, а с душой, характеризующейся как разумное начало, – способность к абстрагированию... Таким образом, речь идет о признании первичности чувственного восприятия в процессе познания и одновременно о превосходстве духовного орудия познания (разума) над материальным (чувствами)» [5, с. 13–14].

Резюмируя, можно отметить, что заложенные изначально природой, географией, историей предпосылки формирования тех или иных ценностных установок в отношении образа мира и познания нашли свое отражение и в процессе трансформации, изменения, «подстраивания под себя» религиозных представлений христианства. По сути, западная и русская культуры, являющиеся двумя частями единого христианского мира, демонстрируют нам разные ответы на главные вопросы: что такое мир, бытие и как его следует познавать. Чей ответ ближе к истине, покажет будущее.

Литература и источники

1. Цуриков, В. И. О неоднозначном характере влияния православия на русскую ментальность / В. И. Цуриков // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – Том 2. – №5. – С. 411–425.
2. Нуреев, Р. М. Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиций институциональной экономической истории) / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов // Мир России. – 2011. – №4. – С. 24–59.
3. Трубецкой, Е. Три очерка о русской иконе / Е. Трубецкой. – Новосибирск, 1991.
4. Булычев, Ю. Ю. Христианская философия пации и проблемы русского культурного самосознания / Ю. Ю. Булычев. – СПб, 2006.
5. История русской философии: учебник / Под ред. М. А. Маслина. – изд. 2-е. – М., 2008.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИКИ КУЛЬТУРНОЙ АККОМОДАЦИИ – ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА ЕВРОПЫ И КИТАЯ В XVI– XVII ВВ.

Л. А. Диханова-Внуковская

Развитие межцивилизационного диалога является одним из основных ориентиров современной мировой науки в условиях углубления процесса глобализации. Поэтому высокую актуальность приобретает изучение одного из первых успешных опытов межкультурного общения: евангелизационной деятельности иезуитов в Китае в XVI в. и в первую очередь разработки выдающимся итальянским миссионером Маттео Риччи (1552–1610) христианско-конфуцианского синтеза, заложившего основу для дальнейшего взаимодействия китайской и европейской культур в XVII в. Данный доклад исследует отдельные изменения философского климата Европы в период позднего Средневековья для выявления теоретических основ, позволивших возникнуть идее адаптации христианского учения к условиям «другой», нехристианской культуры.

Иезуиты, прибыв в Азию в 1542 г. с целью пропаганды христианства, столкнулись с развитыми религиозными системами, пользующимися сильной государственной поддержкой. Это заставило орден существенно модифицировать средневековые методы доктринации, построив новую концепцию евангелизации на принципах адаптации к социально-культурным нормам местных культур. Особенно это проявилось на Дальнем Востоке, где миссионеры были лишены прямой поддержки со стороны колониальной системы европейских государств. Уход от средневековой антропологической концепции, исключавшей из числа полноценных людей всех нехристиан, официальное признание равнозначности

культуры европейцев и народов Дальнего Востока было закреплено в новой концепции евангелизации: политике культурной аккомодации. Кульминацией данной миссионерской стратегии явилась разработка М. Риччи в 1603 г. христианско-конфуцианского синтеза, посредством которого миссионер пытался адаптировать западное знание к китайской культурной картине и достичь его признания китайскими учеными-чиновниками [1, с. 34–35].

Интеллектуальной базой для идеи адаптации методов евангелизации к условиям местных культур послужили изменения в европейской философской картине XV – первой половины XVI вв. Великие географические открытия и социально-политические процессы позднего Средневековья, когда Европа столкнулась с «небывалым многообразием», как внутри самого европейского христианского сообщества, так и с абсолютно новыми знаниями о ранее неизвестных мирах, расширили мировоззренческие горизонты европейцев. Так, например, в Италии возобновление интереса к аристотелевской физике привело к реинтерпретации аристотелевской философии. Особенно бурно развивался взгляд на природу как феномен, обладающий своей собственной динамикой [2, с. 65]. Стоит отдельно выделить идеи Николая Кузанского (1401–1464), стоявшего на позициях неоплатонизма. Философ разграничил абсолютный и относительный максимум бытия. В роли последнего выступала сотворенная Вселенная, понятая как целостность, а не просто совокупность вещей, сгруппированных по видам и родам. В отличие от высшего максимума – абсолютного единства – Вселенная была понята как единство во множестве [3, с. 101–103].

Философы и теологи ордена иезуитов подхватили эту новую концепцию. Профессор Римского коллегиума Бенито Перейра (1535–1610) обосновал возможность изучения природы отдельно от метафизики. По его мнению, природа являлась сущностью, обладающей своей собственной активностью [4, р. 228–229]. Иезуит Луис де Молина (1535–1600), не опровергая аристотелевского принципа о том, что человек ищет высшее совершенство в своих встречах с высшей божественной причиной, утверждал, что эта встреча с Богом обусловлена самой природой [4, р. 228]. Следовательно можно различить замысел природный и сверхъестественный, которые в соответствии с томистским взглядом были неразделимы. Тем самым были открыты двери для официального признания несходства и разнообразия. Именно эту концепцию орден взял на вооружение в азиатских миссиях.

Следует отметить, что философской основой для создания синкретической модели конфуцианско-христианского синтеза стал распространявшийся в Европе XVI в. герметизм – учение, приписываемое легендарному египтянину Гермесу Трисмегисту. Вновь открытое для Европы в 1460 г., данное учение было отнесено эпохой Возрождения к наивысшей древности философской мысли, тем самым получив высочайший кредит

доверия и истинности. Значимость герметизма лежит в объединении языческой философии и христианства. Марсилио Фичино (1433–1499), создатель труда «Corpus Hermeticum» (1471), утверждал, что Пифагор и Платон явились продолжателями идей Гермеса Трисмегиста, тем самым подводя к возможному синтезу христианства и неоплатонизма. Тенденция к созданию подобных синтезов, характерная для Ренессанса, базировалась на убежденности, что люди древности жили более гармонично. Мыслители XV–XVI вв. в духе подобных синкретических веяний также утверждали, что религии востока в древности сводились к одной религиозной системе, очень схожей с христианством. Хотя признавалось, что в верованиях древних отсутствовала идея апокалипсиса в трактовке Иоанна Богослова, они предполагали, что люди античности поддерживали особое рода контакт с Господом и потому обладали божественной способностью проникать в суть вещей. За короткий период Гермес Трисмегист стал считаться почти христианином, способным решить труднейшую задачу по соединению языческой философии и христианства. Риччи, в свою очередь, вооруженный подобной системой взглядов, увидел в конфуцианстве «моральную философию», имевшую большое сходство с внутренним светом здравомыслия и христианской истины [5, р. 99, 448].

Для воссоздания полноты картины межкультурного диалога между иезуитами и китайцами в конце XVI в. и условий возникновения китайско-конфуцианского синтеза важно учитывать особенности китайского культурного контекста. В XVI в. неоконфуцианская школа Чэн Чжу окончательно утвердилась в качестве официального ортодоксального учения и представляла собой слияние конфуцианства, буддизма и даосизма в одну систему. В повседневной жизни Китая данная синкретическая модель зачастую находила следующее отображение: ученый-чиновник мог быть безупречным конфуцианцем в своей общественной жизни, практиковать постулаты даосизма в своей личной жизни и похоронить родителей по буддийским обрядам [6, р. 55]. Такой социально-религиозный синкретизм создавал благоприятную атмосферу для проповеди новой религии, накладывая на нее, однако, обязательное условие – интеграцию конфуцианства в систему христианской доктрины, а с другой стороны, делал китайские образованные круги XVI в. восприимчивыми к иноземному знанию.

Таким образом, философские течения Европы позднего Средневековья (реинтерпретация аристотелевской философии, проявления рационалистических тенденций неоплатонизма, герметизм) подготовили интеллектуальную платформу для возможности ухода от идей европоцентризма и средневековой антропологии, позволив миссионерам ордена иезуитов признать равнозначность культур европейцев и народов Дальнего Востока (Японии, Китая и Кореи), закрепив ее в стратегической концепции евангелизации – политике культурной аккомодации. Христи-

анско-конфуцианский синтез Риччи предоставил китайской элите новый взгляд на их философские традиции, предложив им рациональные обоснования монотеистических основ древнего конфуцианства. Через весь XVII век иезуиты, работавшие в Китае, продолжили развивать данную модель, изменяя формы, но сохраняя основные формулировки, разработанные Риччи, т. к. они давали основу для дальнейшего взаимодействия китайской и европейской культур.

Литература и источники

1. Ломанов, А. В. Христианство и китайская культура / А. В. Ломанов. – М., 2002.
2. Соколов, В. В. Европейская философия XV–XVII веков: Учеб. пособие для филос. фак. ун-тов / В. В. Соколов. – М., 1984.
3. Кузанский, Н. Об ученом познании / Н. Кузанский. – СПб., 2001.
4. Wallace, W. A. Natural philosophy. Traditional natural philosophy / W. A. Wallace // The Cambridge history of Renaissance philosophy / ed.: C. B. Scmitt, Q. Skinner. – Cambridge, 1988. – P. 199–235.
5. Ricci, M. China in the sixteenth century: the journals of Matthew Ricci / M. Ricci. – New York, 1953.
6. Mungello, D. E. Curious land: Jesuit accomodation and the origins of sinology / D. E. Mungello. – Honolulu, 1989.

ФИЛОСОФИЯ СЛУЖЕНИЯ В СТРЕМЛЕНИИ ХРИСТИАН К ЕДИНСТВУ

П. Ф. Дик

Философию служения понимаем и интерпретируем посредством нашей концепции «терапевология». Терапевология есть теория и практика творческого служения свободной личности единому человечеству. Служение исходит из высших идеалов личности и человека. К числу высших идеалов относим основу действий христианских вероисповеданий, устремленных к действительному единению религиозно-культурных сообществ христиан, последователей иных конфессий, людей всех культур в деяниях во благо человечества.

В указанном аспекте особое значение имеет уникальная встреча лидеров католической и Русской Православной церкви. Они решили увидеться, чтобы «обсудить взаимоотношения между Церквами, насущные проблемы нашей паствы и перспективы развития человеческой цивилизации» [1]. Лидеры отмечают, что человеческая цивилизация переживает опасное время, эпоху значительных перемен. Поэтому христианские пастыри должны принять участие в совместном ответе вызовам современности. Для обеспечения прочного мира необходимо вернуться к общехристианским ценностям. Важно интегрироваться для преодоления

терроризма, а также попыток оправдания преступления религиозными ценностями. Нужен межрелигиозный диалог для людей разных конфессий, чтобы обрести жизнь в мире и согласии и сохранить свою религиозную идентичность. «Будучи открыты к вкладу иных религий в нашу цивилизацию, мы убеждены, что Европа нуждается в верности своим христианским корням» [1]. Христианство призвано отстаивать справедливость, институт семьи, уважение к народным традициям.

Поиски объединяющих начал привели христианские конфессии к новому витку экуменического движения. Клир христианства осознает объективный характер событий, приведших к догматическому и социальному разделению христианских объединений. Многие утраты религии, культуры и цивилизации христианства, человечества в целом объясняются следствием духовно-религиозной разобщенности. Анализ и способы решения проблем, предложенные конфессиям, народам и человечеству II Ватиканским собором, сохраняют свою актуальность. К сожалению, ситуация в мире за последние полвека во многом обострилась. Отсюда новизна оценок реальности и методов взаимодействия позитивных сил человечества. Проекты документов Всеправославного собора говорят о серьезных изменениях в активности поместных церквей. Исходя из общехристианского принципа об онтологическом единстве церкви, православие видит себя среди инициаторов восстановления исторического единства верующих.

Самым сложным остается поиск общей основы христианской веры; именно в этом вопросе католицизм, православие и протестантизм сохраняют свои традиционные позиции. Дело не в различии мнений о конфессиональном равенстве или межконфессиональном компромиссе. Речь о существовании основы христианства как культа. Православие полагает себя хранителем единства веры. Католики отождествляют полностью и искренне католическое деяние с верной истиной и верой, которую всегда исповедовала католическая церковь. Теологи протестантизма критикуют понятие церкви, веры, единства, духовности и святости в католической и православной церквях и предлагают свои версии подлинного христианства. Повод для надежды дают лучшие образцы поиска общих начал христианства. Так, православные клирики осознают как факт: адекватный ответ на условия современного мира требует, в том числе, новых форм восстановления единства христиан. В материалах II Ватиканского собора есть указание на устремляющуюся к полноте веру католической церкви. П. Тиллих, крупнейший протестантский теолог, утверждает: церкви едины вследствие сущностного единства основания, в котором есть смешение разъединенности и единства. Отсюда неизбежность их разделения и реальность единства в каждой. Протестантизм стал инициатором экуменического движения XX века.

Сотрудничество в служении личности, человеку и человечеству может базироваться на всеобщем признании особой ценности челове-

ской личности, предлагают клирики православия. Богословы убеждены: «Мы можем развивать на местном, национальном и международном уровнях совместное служение на благо человечества со всеми людьми доброй воли, стремящимися к богоугодному миру» [2]. Мир и справедливость в центре жизни народов, провозглашает Православная церковь. Свобода как вседозволенность, свобода без ответственности и любви приводит к утрате мира личности.

Христианская церковь видит войну следствием греха в мире. Так как грех квалифицируется богословами в качестве духовной болезни человечества, православие стремится устранить саму болезнь и одобряет все, что подлинно служит миру. Прилагая усилия для восстановления порушенного мира, церковь заботится об «участующих в боевых действиях ради защиты своей жизни и свободы» [2]. Православие последовательно осуждает фанатизм, явленный как оправдание религией войны, в том числе на Ближнем Востоке.

Критикуя современную экономику, православие видит жизнеспособной лишь такую экономическую систему, которая объединила бы эффективность хозяйствования со справедливостью, умеренностью в потреблении и использовании природных ресурсов. Потребительство и секулярная глобализация как идеология и образ жизни рассматриваются клириками православия в качестве препятствия к исполнению ее подлинной миссии служения всему человечеству, так как «приводят к утрате народами своих духовных корней, к историческому беспамятству и забвению традиций» [2]. Православная церковь, опираясь на опыт веры и спасительную миссию, открывает для себя широкое поле деятельности, поскольку «являет раздробленному миру евхаристическое общение и единство» [2].

В документах II Ватиканского собора теологи указывают две категории разрывов христианской церкви: на Востоке и Западе. Пристальное внимание оказывается сохранившимся связям. Выказывается особое уважение сферам культовой деятельности Восточных церквей. Отделившиеся от Рима вследствие Реформации по национальному или вероисповедному признаку, западные церкви и общины соединены с католической церковью «особой родственной близостью и связью вследствие того, что в предшествующие века христианский народ продолжительно жил в церковном общении» [3, с. 187].

Собор заявляет о необходимости служения человеку, тревожащемуся о состоянии современности и вопрошающему о конечной цели мира и человека. Средством служения призван стать диалог, цель которого состоит в выявлении: связи между христианским народом и человеческой семьей, уважения и любви к ней, спасительных сил. «Ибо необходимо спасти человеческую личность и обновить человеческое общество» [3, с. 448]. Будущее человечества в руках тех, кто может передать грядущим поколениям основания жизни и надежды. Поэтому земное служение

церкви людям готовит почву для царства небесного. Такой видится основа отношений и общения между церковью и миром.

Размышляя об экономическом развитии как служении человеку, теологи заявляют: основной целью материального производства является не прибыль или господство, а служение человеку во всей его человеческой полноте. Под полнотой понимается совокупное внимание к потребностям – материальным, интеллектуальным, нравственным, духовным, религиозным – жизни человека.

Церковь полагает достойным уважения труд людей, посвящающих себя благу государства как служению человеку. Подлинно гуманная политическая жизнь требует поощрения справедливости, доброжелательности и служения общему благу. Церковь и политическое сообщество независимы друг от друга, однако их служение людям ради всеобщего блага будет тем успешнее, чем совершеннее будет уместное сотрудничество государства и церкви.

Итак, философия служения в варианте терапеологии, во-первых, способна критически осмыслить вклад христианства в служение человеку как со-творцу Бога и творчески усвоить позитивное в культуре христианства. Во-вторых, пути служения человечеству согласно его высшим идеалам в изложении клириков органично входят в диалогическую практику подлинного философствования.

Литература и источники

1. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Патриарха Кирилла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html>. – Дата доступа: 21.03.2016.
2. Миссия Православной Церкви в современном мире / Проект документа Всеправославного Собора, одобренный Собранием Предстоятелей Поместных Православных Церквей в Шамбези, 21–28 января 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4360988.html>. – Дата доступа: 25.03.2016.
3. Документы II Ватиканского собора. – 3-е изд., нов. форм. – М., 2004.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БУДДИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУР

Е. А. Маслакова

Современный западный буддизм в его транскультурной форме прошел длительный путь развития, важным этапом которого стало начало XX века, ознаменовавшееся проникновением буддийских идей в массовую западную культуру. При анализе этого процесса уместно обратиться к некоторым теоретическим результатам Ю. М. Лотмана в области

взаимодействия культур. Ученый заостряет внимание на том аспекте, согласно которому «импульсом к взаимодействию оказывается не сходство или сближение... а различие, что можно определить, как "поиски чужого"» [1, с. 603]. В ходе этого коммуникационного процесса происходит усложнение кодирующих систем, что ведет к проблемности дешифровки и, в конечном счете, к выработке новых сообщений [1, с. 607]. Таким образом информационном обмене происходит вызревание новых смыслов.

По мнению Ю. М. Лотмана, границы соприкосновения культур (под границей понимается не только географическое разделение) являются областью повышенной активности, где мы имеем дело «со сложным, пульсирующим диалогом, а не с однонаправленной рецепцией» [1, с. 608]. Это полностью относится к проблеме диалога буддийской культуры с Западом. Буддийские концепты в условиях западного общества развивались неоднозначно, а их отражение в культуре как раз и придало новые смыслы и интерпретации.

Интересны замечания Ю. М. Лотмана по поводу культурной памяти, которая как творческий механизм не только панхронна, но и противостоит времени. Память культуры, сохраняя историческое культурное наследие, производит существеннейшие преобразования и порождает новые культурные смыслы и интерпретации. По большей части в памяти человечества оставляют след те явления и знания, которые имеют моральное, этическое значение для общества, то есть то, что включается в определенную философскую или религиозную систему. В связи с этим можно говорить о ложной, или неистинной, рецепции (в том числе и буддизма), когда понятие, исторически сформировавшееся в одном виде, передается затем в искаженном, но освященном традицией виде. Так, например, в массовом обыденном сознании сложился ложный, но довольно яркий стереотип образа Будды как символа ухода и отрешенности от жизни и погружения в нирвану, которая в свою очередь также неверно понимается как состояние блаженства и наслаждения.

Рассуждая о девиационных процессах в культуре, ведущих к возникновению нового, Ю. М. Лотман ссылается на основные принципы теории И. И. Пригожина, согласно которой изначальное изменение на микроуровне способно привести к возникновению бифуркации, обуславливающей со временем на макроуровне значительные и необратимые отклонения от изначального состояния, что способствует эволюции. Можно считать, что данная модель вполне соответствует общей картине процесса постепенного включения в западную культуру знаний о буддизме.

Здесь уместно провести также параллели с некоторыми идеями отца П. А. Флоренского, который отмечает, что в процессе «философского мышления о мире возникают сначала вскипания, вращения, вихри, водовороты – им не свойственна рациональная распланировка, и было бы фальшью гримировать их под систему... но не будучи упорядоченно-распределенными, исчислимо-сложными, эти вскипания мысли...

настоятельно потребны, ибо суть самые истоки жизни» [2, с. 412]. П. А. Флоренский, как и Ю. М. Лотман, подчеркивают решающее значение нескольких факторов в динамике культуры, в том числе и в религии: необходимость появления нового и его конструктивное значение, нелинейность развития человеческого общества и культуры.

Модель соотношения «своего» и «чужого», предложенная Ю. М. Лотманом, представляется плодотворной для вычленения ряда этапов рецепции идей буддизма в западной культуре. Принимая за основу методологию Ю. М. Лотмана, мы попытаемся применить ее к анализу особенностей проникновения идей буддизма и категорий буддийской культуры в массовую западную культуру. Начальный этап связан с обеспечением общественной практической потребности в первичном диалоге между миром буддизма и западным миром. Эта практическая задача относилась к области политических интересов Запада, стремившегося распространить свое влияние на Востоке. Данный процесс начался задолго до XX в. и обеспечил первичное ознакомление Запада с буддийскими образами и представлениями о буддийской религии. Опорным пунктом в этих представлениях является, прежде всего, название чужой религии, имя Будды, названия стран распространения буддизма. На этом этапе в «своей» культуре возникают новые понятия, прежде всего это новые термины, имена и категории «чужой» культуры.

Но продвижение «своего» в «чужую» культуру диктовало необходимость дальнейшего изучения этой культуры и религии, овладения ее языком, понимания ее ценностей. Помимо политических, на новом этапе стали все большее значение приобретать интересы религиозные, предполагавшие развитие миссионерской деятельности, результатом которой стали новые сведения этнографического характера о жизни населения восточных стран, а также об особенностях буддийского мировоззрения. В целом такой подход к описанию буддийского мира можно обозначить как *«миссионерский»*. Его особенностью является специфический европоцентристский западный взгляд на «чужой» буддийский мир.

Однако потребности общественной практики настоятельно требуют дальнейшего освоения культурного массива «чужого», так как в самом обществе формируется значительный интерес к чужой культуре и в связи с этим ощущается нехватка дополнительной, более адекватной информации. Такой подход характеризует переход к следующему этапу освоения «чужого», который предполагает его научное изучение и проникновение результатов этого изучения в сферу массовой культуры. На этапе научного освоения «чужого» осуществляются переводы текстов, составляются комментарии и объяснения к этим текстам (все еще исходя из позиций «своего»), однако при этом уже делаются попытки достаточно отстраненного и объективного анализа чужой культуры и религии. Отношение к осваиваемому «чужому» меняется: так, например, к началу XX в. в массовом общественном сознании Запада все больше утверждается пред-

ставление о буддизме как о великой религии.

На любом этапе рецепции идей существует общественная потребность в обновлении «своего», уточнении представлений о «чужом» и, следовательно, получении новой, дополнительной информации. При этом, количественное накопление информации о буддизме приводит к качественному изменению восприятия, а именно: многое из осваиваемого чужого начинает казаться приемлемым, нужным и полезным для собственной культуры и для осмысления повседневного опыта. Таким образом, происходит переход к следующему уровню освоения чужого явления (буддизма) в массовом общественном сознании. Этот уровень характеризуется *появлением западных последователей буддизма*, которые разделяли буддийские идеи и взгляды, считая их своими.

В контексте западной культуры конца XIX – начала XX вв. примером этого уровня является просветительская и будоражившая общественное мнение деятельность таких известных авторов, как Е. Блаватская, Николай и Елена Рерихи, А. Кроули, их многочисленных приверженцев и других энтузиастов, которые использовали буддийские идеи, совершали путешествия в страны буддийской религии и в эффективной форме преподносили эти идеи западному обществу, выступая в качестве «миссионеров» «чужого» для «своих».

Итак, динамический анализ освоения буддизма западной культурой позволяет качественно и количественно проследить этапы освоения «чужого» (буддийского) мировоззрения в западной культуре со времени первого знакомства Запада с идеями буддизма до возникновения и развития «своего», западного буддизма.

Литература и источники

1. Лотман, Ю. М. Семносфера / Ю. М. Лотман. – СПб., 2000.
2. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М., 1990.

INTERCULTURAL AND INTERFAITH RELATIONS IN GLOBALIZED WORLD: PHILOSOPHICAL ASPECTS

D. Saari, D. Akhan, M. Mukhamedzhan

In the second and third millennia, it is becoming clear that humanity develops to enhance the relationship and interdependence among countries, people and cultures. This process covers various spheres of public life in all countries of the world. Today it is impossible to find the ethnic communities that have not experienced the impact of both on the part of other cultures and the broader social environment that exists in some regions, and in the world. This was reflected in the rapid growth of cultural exchanges and direct contacts between governmental institutions, social groups, social movements and individ-

uals in different countries and cultures. Expansion of interaction between cultures and nations makes it particularly urgent question of cultural identity and cultural differences.

The cultural diversity of contemporary humanity is increasing, and its constituent nations are finding more funds to preserve and develop their cultural integrity and appearance. This tendency is to preserve the cultural identity confirms the general pattern, consisting in the fact that humanity is becoming increasingly interconnected. In the context of these trends of social development becomes increasingly important to be able to determine the cultural characteristics of the nations to understand each other and achieve mutual relationship.

The process of interaction between cultures, leading to their unification, some people desire for cultural self-affirmation and the desire to preserve their own cultural values [1]. A number of states and cultures demonstrate its categorical rejection of the cultural changes taking place. The process of opening the cultural boundaries they oppose the tightness of their own and an exaggerated sense of pride in their national identity. Various public react to external influences differently. Resistance range of cultures merger process is quite wide: from passive rejection of the values of other cultures to their active opposition to the dissemination and adoption. Therefore, we are witnessing contemporaries and numerous ethnic and religious conflicts, the growth of nationalism, regional fundamentalist movements.

Marked processes have found their expression in Russia. Society reforms have led to significant changes in the cultural form of the country. Over the past few years there appeared completely new social groups: entrepreneurs, bankers, political leaders of different movements, local employees of foreign companies, etc. There is the emergence of an entirely new type of business culture, formed a new understanding of the social responsibility of the business world to the customer and society, changing society generally. The process of developing an extremely difficult and painful, because faced with a lot of obstacles and restrictions from the state, with distrust of the authorities, incompetence and voluntarism.

One way to overcome the present difficulties is to establish an effective system of communication between different social groups and the authorities. This system should be based on the principles of equal access to the necessary information, communicate directly with each other, collective decision-making and effective employee. To this we must add that the multifaceted international contacts and business leaders at all levels have shown that the success of any kind of international activity largely depends on the degree of preparation of Russian representatives in the field of intercultural communication. And finally, the end of the «cold war» between East and West has significantly expanded trade and economic relations between them, in each country every year growing number of people who have economic contacts outside their own culture.

Currently, there are more than 37,000 transnational corporations with thousands of 207 branches, which employ tens of millions of people. For their effective operation, they must take into account the particular culture of their partners and host countries. Convincing evidence of the relationship of the world economy began to crisis situations in Russia (1998), Mexico and Brazil (1999), which violated existing economic order and led to a new balance of forces on the world stage. The result of the new economic relations was the wide availability of direct contacts with the cultures that had previously seemed mysterious and strange. In direct contact with crops such differences are realized not only at the level of kitchen utensils, clothing, diet, but in a different treatment of women, children and the elderly, in the ways and means of doing things [2].

By becoming members of any kind of cross-cultural contacts, people interact with other cultures, often significantly different from each other. Differences in language, national cuisine, clothing, social norms, and attitudes towards their work often make these contacts difficult and even impossible. But this is only a partial problem of cross-cultural contacts. The main causes of failure are beyond obvious differences. They differ in attitude that is a different relation to the world and to other people. The main obstacle to the successful solution of this problem lies in the fact that we perceive other cultures through the philosophy of their culture, so our observations and conclusions are limited to its scope. With great difficulty, we understand the meaning of the words, deeds, actions that are not typical for us. Our ethnocentrism not only prevents cross-cultural communication, but it is also difficult to recognize, as it is an unconscious process. Hence the conclusion that the effective cross-cultural communication cannot occur on its own, it needs to learn to purposefully.

In the modern world, religious accessory, along with ethnic, turns into a significant factor of public life. Therefore, the interfaith relations gain paramount value. Character and the maintenance of the interfaith relations in many respects define stability of multiethnic and multi-religious societies. In the absence of consent arises a confrontation between religions, and as a result – the dominance of one denomination over many, which is accompanied by a protectionist state of this particular denomination and a marked retreat of the state policy on the principles of a secular state. In the conditions of globalization borders between Catholic and orthodox (Western and East) Europe, between the Christian, Islamic and Buddhist cultural worlds are distinctly traced. Religious cultures as historically developed macro-communities continue to prove actively in the contradictions which forming into «civilization breaks». Dialogue of cultures and faiths is not always express in an open shape. Despite differentiations, migratory processes are resulted by territorial interpenetration of religious cultures to each other, at the same time they do not mix up, and continue to exist as original. Many states, regions and cities, still quite recently presented in mono-confessional demographic advantage because of migratory

processes, became substantially multi-confessional. Strengthening of mobilization capacity of faiths is especially noticeable in societies of the industrialized countries that underwent laicization, modernization and cultural transformation. It is necessary to focus attention on the fact that the interfaith consent can be understood in two ways: first, as actual consent between faiths in their inner confessional meaning and, secondly, as consent of the big social groups carrying themselves to believers of this or that faith. In the first case, the interfaith consent is the coordinated coexistence of various faiths, and in – the second – a social, public projection of these relations, passed through philosophy public perceptions in which they peacefully function.

For example, to exist and do the main part – to rescue souls for eternal life. The Christianity does not need Islam, because it is self-sufficient. As well Islam, after the emergence does not need Christianity anymore. The Koran and Khadises guide Muslims; Mahomed's ways are capable to follow. In other words, from the point of view of dogmatic and norms of belief Islam and Christianity are autonomous, independent even if they interact. Quite another matter the interfaith consent designated by us in its second value: public content, public status of this consent. In this meaning, the interfaith consent is extremely important for stability of any multi-religious society. Extremely important role in the interfaith relations are played philosophical disputes, valuable and global outlook systems. In the conditions of polyconfessional society with historically developed traditions, they can prove as sources of the authoritative spiritual power, autonomous from the state. This power as a form of religious control can extend to a wide range of social communications and public practices, going beyond especially religious life. There are risks that confessional regulations can correct laws and powers of authority of civil society. Colliding of religious treasured systems can have a consequence of social destruction.

World has religious uncertainty, which is related to the fact that some religious environment without real faith can easily change their attitude to their own denominations, and – even better – to a stranger. The probability of a change of relationships increases in times of crisis, in the era of social upheaval, when just needed a strong belief that these people do not possess. New tendencies in the life of religious organizations, necessitating a rethinking of traditional concepts. In the books of L. Vorontsova, Yu. Zuev, A. Malashenko, L. Mitrokhin, M. Mchedlova, G. Pankov, M. Pismanika, F. Rudinsky, B. Forsovoy, D. Furman investigated and summarized the new historical and sociological data, the analysis of the problems of tolerance, the prospects for dialogue among religions in policonfessional society. In these studies clearly visible criticism of violations of citizens' rights to freedom of conscience and religion, enshrined in the Constitution of the former the Soviet Union, which took place in the practice of the Soviet authorities [3].

Nevertheless, here there is a conflict, which consists in the fact that the profession of faith made by man although personally, but in the society in the state. Therefore, in the United States in legislative consolidation of equality of

religions, Christianity is a real priority, which, however, can be explained by the large number of Christian believers. Similarly is the case in Western Europe. That is the sense in which we can speak about the historical and geopolitical "habitat" propagation of any religion. According to experts, today Kazakhstan has become a home to representatives of 140 nationalities and 17 confessions. Analysis of the state of inter-ethnic and inter-confessional relations in the country shows a high level of strength. National elite and spiritual hierarchy most denominations consolidated around the current government, and show interest in its preservation. In the social review, the number of indigenous ethnic group in the country is 63,1% of the population, and it would be foolish to assume that the remaining 36.9 percent of Kazakhstan, representatives of non-titular ethnic groups can make to rally around the regime by force [4].

According to the opinion poll in Belarus, the vast majority of the population – 91% – believes that in the coming years, conflicts on religious grounds in Belarus are excluded or unlikely. 94,5% of respondents assessed the relations between representatives of various religious denominations as the quiet. It is significant that both young people and the older generation, the villagers and townspeople share such a view: 68,5% – calm; 26% – more quiet; 1% – more intense; 0,5% – tense; 4% – difficult to answer. According to a national opinion poll of the adult population of the Republic of Belarus (18 and over). The survey was conducted in the IV quarter of 2015, the volume of the sample – 1688 respondents [5].

Stability and sustainability of interfaith relations conceptually follow from the coexistence of relatively autonomous denominations. In that case, when the number of confessions operating in the country is large. In Kazakhstan, there are about 50 confessions and denominations, and there are 26 denominations recognized the autonomy of each of them becomes a condition of inter-confessional stability in Belarus, especially consent. In this situation, the power structure and the leaders of religions must abide by a number of conditions in order to maintain stability. Religion in its ideal benevolent administration, politics, unfortunately, quite the contrary. In today's world, many forces are interested in the politicization of religion, many organizations seeking to cover up religious arguments politically selfish goals. Religion is often embroiled in inter-state and inter-ethnic conflicts.

References

1. Bogolyubov, N. Intercultural communication and international cultural exchange: a tutorial / N. Bogolyubov, Y. V. Nikolaev. – St. Petersburg, 2009.
2. Vasilenko, I. Fundamentals of Intercultural Communication. Workshop / I. Vasilenko, S. Vorobiev, L. Vikulova. – Moscow, 2008.
3. Religious tradition and the limits of tolerance // Man: the image and essence. Tolerance and architectonic emotions. – Moscow, 1996.

4. Sapargaliev, S. On the status and development of state-confessional relations at the present stage in the Republic of Kazakhstan / S. Sapargaliev: Institute of State and Law of Kazakh State University. – Almaty, 2007.
5. Beznyuk, D. Church-state relations in the Republic of Belarus (the sociological analysis) / D. Beznyuk. – Minsk, 2015.

ОСМЫСЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Н. Ф. Гребень

На сегодняшний день актуальность проблемы изучения национальной идентичности обусловлена нарастанием во всем мире глобализационных и интеграционных процессов, популяризацией теории мультикультурализма. Для белорусской нации проблема национальной идентичности вот уже на протяжении столетия является животрепещущей, а с момента обретения страной независимости стала особо значимой. Общепринятым является положение, декларирующее, что сформировавшаяся позитивная национальная идентичность обеспечивает консолидацию народа, его сохранность, стабильность, формирование общегражданской общности и патриотизма, и в целом способствует строительству сильного государства.

Первые работы по проблеме национальной идентичности белорусов появляются в XIX в., когда само понятие «идентичность» не было в обиходе. Однако белорусские историки, философы, литераторы напрямую задаются вопросами факторов формирования национальной идентичности, осмыслением ее особенностей, оперируя при этом термином «самосознание». Надо отметить, что конец XIX – начало XX вв. – это был период подъема интеллектуальной активности относительно данной тематики. Более того, труды И. Абдираловича, В. Самойлы, А. Луцкевича, В. Ластовского, К. Коганца, Ф. Богушевича, М. Богдановича, Я. Купалы и др. не только не устарели, но и требуют своего переосмысления в контексте дня сегодняшнего.

Пожалуй, наиболее широко проблема национальной идентичности белорусов представлена в рамках социологического подхода, где упор сделан на конкретные эмпирические исследования. Имеется целый ряд социологических исследований идентичности населения Беларуси в работах таких авторов, как Л. Г. Титаренко, В. Л. Абушенко, Н. Н. Беспамятных, Т. В. Водолажская, И. Д. Расолько и др. Предметом социологических исследований чаще выступает содержание национальной белорусской идентичности, ее гендерная и региональная специфика, прогнозирование путей и разработка моделей ее развития, а также факторов ее формирования (Л. Г. Титаренко) [4]. Как отдельную проблема-

тику в рамках социологического подхода можно выделить изучение национальной идентичности белорусов, проживающих в зоне пограничья (Н. Н. Беспаятных, И. Д. Расолько) [1] [3].

В целом, социологический подход дает нам определенное понимание актуального состояния национальной идентичности белорусов, динамики ее развития, факторов идентификации. Однако результаты социологических исследований чаще выстроены на использовании опросного метода, такой его разновидности как стандартизированное интервью. С одной стороны, возможности этого метода ограничены его же особенностями, т. к. социологи чаще прибегают к форме закрытых вопросов, а с другой – субъективностью исследователя. Кроме того, для большинства населения вопрос национальной идентичности не является чем-то особо значимым, над чем человек размышляет в своей повседневной жизни. Поэтому ответы такого респондента далеко не всегда осознанны, а часто и вовсе случайны.

На стыке психологии и социологии проводила свои исследования Л. И. Науменко, которая изучала структуру и содержание белорусской идентичности, динамику ее развития, ее социально-демографическую и региональную специфику, а также механизмы идентификации и категоризации [2]. Но надо отметить, что автор незначительно задействовала в своих исследованиях последние наработки психологической науки по проблеме национальной идентичности. В рамках психологического подхода проводила свои исследования М. С. Фабрикант [5], претендующая на системное эмпирическое исследование проблемы в разных возрастных группах. Однако субъективность избранных методов исследования и определенная авторская позиция вызывает достаточно критическую оценку представленной М. С. Фабрикант социально-психологической структуры национальной идентичности граждан Беларуси.

Достаточно широко проблема национальной идентичности представлена и в трудах белорусских философов. Их в большей степени интересуют вопросы оснований или факторов, на которых следует выстраивать национальную идентичность белорусов. Философы дают оценку актуальному состоянию национальной идентичности белорусского народа, называя ее недосформированной (В. Мацкевич), «транскультурной» (И. Бобков), общехристианской (О. Пролесковский, Л. Криштапович) или вводят специфическую формулу ее существования – «код адсутнасці» (В. Акудович). Философы также пытаются прогнозировать развитие национальной идентичности в современных социокультурных условиях.

В русле культурологического, этнографического подходов работали многие белорусские ученые – В. К. Бондарчик, В. М. Конон Т. М. Микулич, Л. М. Лыч, А. Казакевич и др., предметом исследования которых являлись в большей степени особенности самосознания белорусов и предпосылки его возникновения и укрепления у современных жи

телей страны.

Обобщая проведенный анализ, хотелось бы отметить следующее:

1) обзор междисциплинарных исследований национальной идентичности белорусов не дает нам целостной картины изучаемого феномена;

2) при организации исследований ученые исходят из различных методологических оснований, что не способствует объективному пониманию сути проблемы;

3) на сегодняшний день, можно сказать, отсутствуют комплексные коллективные исследования национальной идентичности белорусов, что не позволяет ученым выработать более адекватный взгляд на проблему исследования;

4) имеется явный дефицит собственно психологических исследований национальной идентичности белорусов, в то время как изучаемый конструкт имеет психологическую природу;

5) проведенные исследования национальной идентичности белорусов недостаточно ориентированы на практику;

6) процесс формирования национальной идентичности белорусов носит скорее стихийный характер, т. к. в стране не выработана единая концепция ее формирования, утвержденная на государственном уровне.

Литература и источники

1. Беспамятных, Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспамятных. – Минск, 2007.

2. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. – Минск, 2012.

3. Расолько, И. Д. Белорусская идентичность в приграничных регионах Польши и Литвы: автореф. дис... канд. социол. наук: 22.00.01 / И. Д. Расолько; Бел. гос. ун-тет. – Минск, 2015.

4. Титаренко, Л. Г. Закономерности развития Белорусской идентичности в условиях многовекторности глобальных и региональных факторов / Л. Г. Титаренко // Веснік Брэсцк.ун-га. Серыя І. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2010. – № 2. – С. 101–107.

5. Фабрикант, М. С. Социально-психологическая структура национальной идентичности граждан Республики Беларусь: автореф. дис... канд. психол. наук: 19.00.05 / М. С. Фабрикант; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2010.

INTEGRATING CONTEMPORARY CULTURAL PATTERNS IN THE CONTEXT OF STATE CULTURAL POLICY IMPLEMENTATION IN MOLDOVA

Monica Babuc

Culture plays a central role in debates regarding society's development. Currently the field of culture is still not regarded as a relevant economic sector, able to produce an added financial value, considering that its products meet only the needs of recreation and not always the cultural ones. In case would arrive at a net added value by generating profitability, it would contribute to the state wealth by charging taxes and it would create more jobs. In this sense, culture is becoming an instrument for the realization of social and economic objectives of society, such as: employment, strengthening social cohesion, reducing social deviance phenomena, openness to economic and educational opportunities. The role and importance of culture in social development is analyzed, regulated by documents approved at international conventions and forums, such as those developed by UNESCO, among which – Culture: a driver and enabler of Sustainable Development. Thematic Think Piece. As remarked in this act as well «Cultural heritage, creative industries, infrastructure and sustainable cultural tourism are sources of revenue generation, particularly in developing countries given the rich cultural heritage and substantial workforce thereof» [1, p. 3]. Although it joined the policies of UNESCO and other international organizations, Moldova recorded many gaps regarding the exploitation of cultural capital and potential perceived both as cultural values, and staff trained in the process. Moldova's European course should provide for mandatory consolidation of interests, skills and cultural values of society, as an element of national identity and memory. Culture must be understood as heritage, knowledge, creativity and obviously, diversity.

According to the Western trend in Moldova, lately a new perception of culture is looming, not only as a consumer of resources, but also as a factor that can contribute to social – economic development. But as UNESCO remarked «The economic dimension of culture and creative industries were recognized very slowly by SEE government agencies and ministries.» [2, p. 48], including by the Republic of Moldova. In the same order of ideas, the Council of Europe noted that the contribution of broader cultural and creative industries «has not yet been fully recognized, particularly regarding the potential of cultural and artistic creativity to foster innovation in other sectors of the economy, society as a whole and for the welfare of people» [3, p. 13]. The policy document that comes to change this view in the Republic of Moldova is the Strategy of culture development «Culture 2020», the main document governing the field of culture at present. As stipulated in the law, the implementation of the Strategy aims, on one hand, to enhance the culture's impact on the country's human capital, and on the other hand, to increase the weight of the sector

in the economic development of the country. Thus, the overall objective of the Strategy "Increasing economic weight of the cultural sector and creative industries" refers to a series of actions to provide an efficient and functional legal framework and policies for the development of cultural and creative industries in Moldova in conjunction with national policies, development of the country and the Association Agreement between the EU and Moldova.

Moreover Western practices have shown that the economic potential of cultural activities and products can be a segment capitalized as a priority. Globally, the value of European cultural and creative industries sector constitutes 32% of overall revenues, including at the same time 25% of the working population [4, p. 15]. And at European level this sector's share in GDP is around 3%, it is estimated that these industries have directly generated about 1 million jobs and 500 thousand jobs indirectly [5, p. 2].

In Moldova, according to preliminary studies, the contribution of creative industries to the economy of Moldova is about 3.31%. The largest share belongs to software and databases.

Supporting the demarche of economic development through culture and mainly by the contribution of the creative / cultural industries comes through the provisions of the Association Agreement between Moldova and the European Union [6, p. 35], ratified by Law no. 112 of 07.02.2014. Following the signature of the Association Agreement between Moldova and the European Union, comes the development of policies in areas of mutual interest, including the development of cultural industries in the country. However, the Agenda of association and the Plan for its implementation provides:

- capacity building for developing entrepreneurial activities in the cultural and creative industries and cultural heritage;

- promoting the participation of Moldovan cultural actors in cultural cooperation programs, including in Creative Europe. In the same context, on March 27th, 2015 the bill ratifying the Agreement between Moldova and the EU was approved, regarding Moldova's participation in the program «Creative Europe».

- promoting the implementation of the 2005 UNESCO Convention on the protection and promotion of diversity of cultural expressions. These provisions involve direct cooperation and collaboration between EU states and the Eastern Partnership.

Besides the creative industries sector which is and must be built through concrete measures, the focus is more and more lately on promoting cultural tourism and the need to integrate culture and creativity in local and regional development strategies for the long term. Following the recommendations of European policy documents, but also taking into account local capacities and resources, like other countries of the Eastern Partnership, Moldova aligns to efforts to strengthen cultural and tourism development and enhancement of national cultural property. Incidentally, the "Strategy for international cultural relations" adopted by the European Commission, whose aim is to encourage

cultural cooperation between the EU and partner countries, including the states of the Eastern Partnership, includes among its programs the project «Urban Strategies Guided by Community in Historical Cities» in which Moldova is involved as well. The project aims to stimulate local economic and social development through the use of cultural heritage in nine historic cities in Armenia, Belarus, Georgia, Moldova and Ukraine.

The capitalization of the tourist areas comes through local cultural institutions such as museums. Even if museums are facing a number of challenges, such as attracting audiences of all categories or ensuring financial sustainability, today they have substantiated a new role and diversified functions. The functions are related to the accountability of museums in relation to social and economic development of the community, and society in general.

At the same relation to community development, local or regional, library institutions are available. European practice shows that the library can coagulate interests and needs of the people, becoming an important center of community. In recent years, Moldova implemented the Novateca program, supported by the Bill & Melinda Gates Foundation, a program that facilitates the transformation of libraries into vibrant community institutions. With the guidance of trained librarians and support of community partners, citizens have free access to modern technologies and innovative services to their library, that cater to modern information needs. The latest statistical data on implementation of the Program demonstrates the rapid growth of the services provided by the library, according to population needs and requirements of the present time – over 300 new services have been created.

In the same context, in order to continue the actions for change and connecting to the current requirements of the time, and those arising from the documents of European policies to which Moldova is a party, the legal framework is perfected and improved both for the museum and the librarianship.

Everyday practice shows that the culture sector, in order to be competitive and sustainable, must effectively involve all categories of agents and beneficiaries. This includes ensuring consistency between the institutional side, the policies side and the one aimed at the public and the beneficiary / participant of culture. In Moldova, lately, this model is found in most initiatives, either in ones related to policy documents or legal and regulatory framework.

References

1. UN system task team on the post-2015 UN development agenda. Culture: a driver an enabler of sustainable development. Thematic Think Piece // UNESCO – 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Think%20Pieces/2_culture.pdf. – Date of access: 29.06.2016.
2. Measuring the economic contribution of cultural industries. A review and assessment of current methodological approaches // UNESCO – 2009 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.uis.unesco.org/culture/Documents/FCS->

handbook-1-economic-contribution-culture-en-web.pdf. – Date of access: 29.06.2016.

3. Official Journal of the European Union. – 2015. – № 172. – Council conclusions on cultural and creative crossovers to stimulate innovation, economic sustainability and social inclusion. – P. 13–16.

4. Cultural times. The first global map of cultural and creative industries [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldcreative.org/wp-content/uploads/2015/12/EYCulturalTimes2015_Download.pdf. – Date of access: 02.07.2016.

5. The contribution of the high cultural and creative industries to the European economy. Frontier Economics report prepared for ECCIA industries [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.eccia.eu/uploads/media/FINAL_Frontiers_Economics_report_prepared_for_ECCIA_03.pdf. – Date of access: 02.07.2016.

6. Association agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Moldova, of the other part [Electronic resource]. – Mode of access: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(01)). – Date of access: 03.07.2016.

3.3 Духовная культура социума: состояние, перспективы, риски

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Л. И. Лукьянова

Духовные проблемы волнуют в наше время ученых во всех странах мира и, естественно, становятся предметом острых и продолжительных дискуссий специалистов различных областей знания.

Духовная ориентация свойственна человеку с древности. Это нашло отражение в первобытных религиях (анимизм), определявших наличие духа везде и во всем. Мировые религии, вытеснившие пантеизм, развивали понятие духовного опыта, объединяя духовные потребности человека с социальными, предлагали определенное мировоззрение как одну из форм мировоззрения.

Существует множество определений духовности (одухотворенности, духовной культуры человека). «Одухотворенность обнаруживается в обращенности человека к высшим ценностям, к идеалу, в сознательном стремлении усовершенствовать себя» [1, с. 60] – так определяет духовность российский исследователь Р. Г. Апресян. Близка к этому определенно позиция другого ученого – культуролога А. Я. Флиера: духовность, по его словам, многолика, она есть проявление «некоторых идеальных форм существования социальности, то есть воплощенных социальных

конвенций по поводу правил игры коллективного существования людей» [2, с. 153]. Религиозно-философские определения духовности, как правило, исходят из признания вечности религии и видят в ней единственный, непреходящий источник и основу духовности. В данном случае игнорируется изменчивость исторического содержания духовной культуры, в процессе которой религиозные ценности дополняются другими ценностями. Развитие духовной культуры во все времена стимулировалось социально-историческими причинами.

Духовная жизнь общества всегда была безразличной для философской рефлексии. Философское осмысление происходящих в обществе духовных процессов стало особенно актуальным в условиях «техногенного», «информационного», «компьютерного» и т. д. общества.

Современная техника стремительно умножает могущество человека. Этот процесс идет в двух направлениях: созидательном и разрушительном. Реальная работа по предупреждению или преодолению нежелательных последствий научно-технического прогресса и особенно компьютерной революции, изучение возможностей их прогнозирования ведутся повсеместно, озабоченность ими проявляют все современные крупные и малые промышленно-развитые страны. В ряду этих проблем на повестку дня выдвигаются вопросы изменения морали, нравственных норм и ценностных ориентаций. Рассматривая проблемы информационно-компьютерного общества, ученые с грустью отмечают, что «вся литература, посвященная компьютерам... преподносит нам эйфорические сказки о великих победах, число же проанализированных позорных пятен весьма незначительно» [3, с. 72].

При этом модифицируются или даже утрачивают значение традиционные формы трансляции культуры, привычным становится восприятие информации через клип – более активную и вместе с тем более упрощенную форму подачи информации. Если в 1960-е годы СССР занимал, по разным оценкам, второе – третье место в мире по уровню образования населения, то современная Россия отошла в шестой десяток, пропустив вперед даже многие африканские страны. При этом кризис образования – не чисто российское явление, а мировое [4, с. 19].

Естественно, возникает вопрос о причинах кризиса духовности в современном обществе. Главной из них большинство исследователей называет идеологию либерализма. Современное общество, воодушевленное лозунгами либералов, рискует быть «захваченным» людьми, лишенными отчетливых стремлений к высшим ценностям и целям бытия, полностью растворившими себя в перспективах личного комфорта, в попытках замены культурной и духовной составляющей экономической рациональностью. Вооруженная моралью рыночного успеха личность начинает противопоставлять себя личности, руководимой моралью коллективного долга. Результат этого – освобождение личности от всех нужд культурного и морального происхождения.

Сегодня все больше исследователей и все чаще задаются вопросом: рынок – панацея от всех бед или ловушка? Насколько рынок может быть нравственным? Нравственность американская – протестантская, и она в корне отличается от православной. Ее основа – «разнузданный гедонизм». Нравственность всегда была связана с духовностью, а духовность – с религиозностью, однако, не сводима к ней. Ведь обращенность к высшему идеалу не вытекает лишь из воспитания, характера или благоприятных обстоятельств. Это результат настойчивых усилий человека по изменению, самосовершенствованию и возвышению себя. Духовное совершенство как практическая задача личности опосредовано различными моментами духовного опыта, и чем стремительнее человек продвигается по этому пути, тем тяжелее этот путь ему дается, тем более он осознает собственное несовершенство.

Сейчас мир переживает серию кризисов: политический, экономический, социальный, экологический, духовный, которые угрожают уже самому существованию цивилизации и, возможно, человеку как виду.

Рассматривая идеологические основания кризиса духовности, отметим, что эта проблема, в сущности, не нова. Первые симптомы серьезного духовного кризиса и даже упадка цивилизации появились еще в Древнем Риме в I веке н. э. Огромные богатства, которые были накоплены в результате завоеваний и рабского труда, не были использованы в производительных целях, и поэтому их можно было только потреблять. И поздний Рим начинает превращаться в первую историческую форму «общества потребления». Лозунг «хлеба и зрелищ» был выражением устремлений не только безземельного плебса, но и всех слоев общества. В Риме начинают процветать в колоссальных размерах обжорство, пьянство и разврат. Императоры Калигула и Нерон стали символами жестокости и морального разложения. Возможно, стоит напомнить, что понятие «liberalis» римского происхождения и означало «вседозволенность», которая в полной мере была реализована в Древнем Риме. История свидетельствует, что гибель Римской империи в значительной степени была обусловлена кризисом духовности. Сегодня все процессы, которые в зачаточном состоянии наблюдались в Римской империи, отмечаются во многих странах Европы. Особо следует выделить в этом плане Голландию, а затем многие процессы духовного разложения наблюдались во Франции, Германии и других странах. Что сегодня представляет из себя Европа? Очевидно, сбываются пророческие предсказания О. Шпенглера о возможной гибели Европы, сформулированные и обоснованные в его труде «Закат Европы».

Тем не менее, закончить хотелось бы на оптимистической ноте. Многие российские исследователи прошлого и настоящего большое внимание всегда уделяли особенностям славянства, существенно отличающегося от западного мира. В этой связи следует вспомнить суждение Н. Данилевского, который, рассматривая третий закон цивилизации, под-

черкивал, что основы цивилизации одного культурно-исторического типа ни при каких условиях невозможно передать другому. Так, могут быть транслированы достижения науки, техники, внешние формы искусства, но такие дефиниции, как духовное, психологическое сознание, традиции, духовность, переданы быть не могут, ибо они уникальны для каждого культурно-исторического типа и каждый культурно-исторический тип на протяжении длительного времени, развиваясь особенно, вырабатывает их сам для себя [5, с. 72].

Литература и источники

1. Апресян, Р. Г. Одухотворенность / Р. Г. Апресян // Человек. – 1996. – № 4.
2. Флиер, А. Я. Культура как смысл истории / А. Я. Флиер // ОПС. – 1999. – № 6.
3. Страсеман, Б. Л. Информация в век электроники. Проблема управления / Б. Л. Страсеман. – М. – 1987.
4. Скоркин, О. А. Парадигмы компьютерного обучения / О. А. Скоркин, М. О. Скоркин // Человек. – 2002. – № 2.
5. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.

ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННЫХ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С. Г. Масько

В XXI веке темпы глобализации во всех сферах жизни общества резко возросли. Как следствие, стали переосмысливаться традиционные системы ценностей, взятые сами по себе, и устанавливаться связи между ними и возникающими новыми ориентирами. Общественное и индивидуальное сознание приходит в состояние перманентной нестабильности.

Вместе с тем, каждый человек, в силу естественных причин, связанных, прежде всего, с действием фундаментального инстинкта самосохранения, имманентно стремится к состоянию стабильности. Поэтому неизбежно возникает конфликт между объективно существующими ценностными трансформациями и субъективно подсознательным стремлением индивида их избежать. Стремление к стабильности человека как замкнутой на себя сложной высокоорганизованной живой системы предполагает опору в том числе и на неизбежные в социальном времени и пространстве ценности. Базовыми в этом фундаменте являются ценности нравственные, и попытка их переосмыслить с точки зрения новых социокультурных реалий вызывает те потрясения, следствия которых мы наблюдаем в жизни современного общества.

Общепринятыми для всех культур являются те ценности, которые не только не разрушают человека как индивида, личность, но и способствуют созданию условий для раскрытия и развития его внутреннего духовного мира с тем, чтобы он (человек) мог жить в гармонии с собой и окружающими его людьми. Например, известные заповеди: не убей, не укради и т. д. Вследствие того, что они известны нам через отрицание, можно с большой долей уверенности предположить, что данные ценности являются внешними по отношению к социобиологической организации человека как самостоятельной системы. Именно эта их «внешность» позволяет ставить под сомнение их общечеловеческую значимость. Вместе с тем, моральные ценности являются базовыми, из которых и на основе которых формируются все другие ценности, регулирующие отношения в социуме (религиозные, юридические и т. д.).

Изменения, происходящие в межличностных отношениях индивидов западноевропейской цивилизации, можно объяснить предельной логичностью тех юридических норм, которыми они руководствуются в общении. Свобода делать все, что не противоречит закону, привела к противоречию между нормами морали и права. Право, будучи вторичным или производным от норм морали, стало претендовать на главенствующую роль в общей системе социальных норм. Тем самым, следствие (право) стало претендовать на изменения своей причины (мораль).

Переосмысление соотношения традиционных и нетрадиционных моральных норм имеет еще один аспект. Некоторые философы утверждают, что моральное сознание осваивает мир и одновременно конструирует его (а не просто подправляет его). Полностью соглашаясь с данным тезисом, хочется отметить, что в нем выражена попытка совместить, с одной стороны, морально-философское созерцание мира, а с другой, действия по его же стабилизации и преобразованию. Если эти, разные по своей сути, тенденции находятся в равновесном состоянии, то можно, видимо, говорить о гармоничности нравственности социума. Но преобладание второй активно действующей составляющей, конструирующей мир, дает основание для отрицания традиционных моральных ценностей и, как следствие, дестабилизации жизни общества в данной сфере.

Еще одной стороной данной проблемы является возможность манипулирования массовым сознанием. Утверждения, что моральное сознание не только осмысливает настоящий этап бытия социума, но и формирует его, открывают возможность для заинтересованных социальных групп навязывать те или иные нравственные ценности под видом общечеловеческих, а в реальности - для проведения своих интересов. Как следствие, ослабляются и трансформируются связи в системах человеческих отношений. Таким образом, проблема традиционных моральных ценностей в условиях становления информационной глобальной цивилизации пока не воплощается в качестве средства гармонизации социальной стабильности, но перманентно переосмысливается как фактор разви-

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ВЫЗОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Н. И. Мушинский

Вызовы цивилизационного развития, адекватный ответ на которые возможен только согласованными усилиями всего человечества, объединенного на основе универсальных критериев *справедливости*, носят техногенный характер. По способу действия их можно условно разделить на прямые и косвенные. К первому классу относятся непосредственные результаты негативного воздействия современных технологий на окружающую природную среду, что делает ее неблагоприятной для существования человека как биологического вида. К примеру, загрязнение атмосферы в крупных городах и промышленных центрах, использование генно-модифицированных продуктов питания и т. п. порождают рост онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Между тем, корпорации, заинтересованные в наращивании объемов производства как экономической выгоде, стараются всяческими способами обойти запреты, регламентирующие их деятельность. Аналогично выбросы парниковых газов вызывают глобальное потепление, страны «третьего мира» страдают от засухи, ураганов и наводнений. В то же время, промышленно развитые государства (т. н. «золотой миллиард») продолжают повышать уровень жизни своих граждан, совершенствуя «индустрию потребления». Найти консенсус по этому вопросу на основе принципов справедливости не удалось до настоящего времени, хотя попытки предпринимались неоднократно («Киотский протокол», Парижский саммит конца 2015 г. и т. п.).

Второй тип вызовов цивилизационного развития также имеет техногенный характер, хотя и менее очевидный, «непрямого действия». Это рост конфронтации, связанный с совершенствованием средств коммуникации (транспорта и связи). На протяжении XIX–XX вв. ряд изобретений в этой области сделали устойчивыми сообщения самых отдаленных регионов планеты, интенсифицировали обмен информацией. При этом морально-этическая неготовность реализовать универсальные критерии справедливости в отношениях между странами и народами, до этого разьединенными обширными географическими пространствами, порождает рост конфронтации в самых разнообразных формах. Человечество последовательно пережило создание и распад колониальной системы, мировые войны и социальные революции, ракетно-ядерное противостояние в эпоху «холодной войны». В начале третьего тысячелетия обозначились новые вызовы в этой сфере: практика международного терроризма и «миграционный кризис» в Западной Европе. Исламский мир переживает

демографический взрыв, связанный с сохранением традиционного высокого уровня рождаемости на фоне снижения детской смертности и роста продолжительности жизни (результат широкого внедрения современных медицинских технологий). Появляется большое количество «лишних» молодых людей, не способных найти работу у себя на родине, а также эффективно ассимилироваться в «западном обществе», и готовых «принести себя в жертву» ради реализации иллюзорных принципов «справедливости» в ее специфическом экстремистском истолковании. Западноевропейские народы прошли эту демографическую стадию в конце XIX – начале XX вв., что в немалой степени послужило причиной роста социальной напряженности, революционных потрясений, появления авторитарных режимов, при этом каждая из сторон трактовала справедливость в свою пользу и в ущерб всем прочим; сейчас на «Западе» ситуация несколько смягчилась за счет демографического планирования, стирания гендерной идентичности и т. п., но при этом обозначились новые вызовы цивилизационного развития: старение населения, снижение количества работающей молодежи, деградация семейных устоев.

Что касается исламского мира, то любой человек может с легкостью через телевидение или Интернет получить информацию об уровне жизни в других странах, после чего отправиться в путешествие «за лучшей долей» (в древности отдаленные регионы оставались изолированными, их связь – результат современного научно-технического прогресса). При этом мигранты не успевают ассимилироваться на новом месте жительства, скорость пространственных перемещений и социокультурных изменений катастрофически не совпадают. Проблема усугубляется за счет обострения геополитических противоречий.

Очевидно, что для решения подобных проблем необходимо новое понимание критериев *справедливости* в ее общечеловеческом измерении, более адекватном *вызовам технократического цивилизационного развития*. Этико-философская мысль на всем протяжении новейшего исторического периода пытается решить эту задачу.

Неорелигиозная философия предлагает для экспликации инновационного универсального содержания понятия справедливости использовать разные виды традиционных вероучений. Русская религиозная философия конца XIX – начала XX вв. видит выход в установлении «разумной теократии», в переходе от «природных религий» и стадии «богочеловека» – к эпохе «богочеловечества» на основе принципов «всеединства» и «соборности» (В. Соловьёв); в обретении «общего дела», «супраморализма, или всеобщего синтеза» с направлением материально-технических ресурсов человечества на достижение физического бессмертия (Н. Фёдоров); в условиях мировых войн и социальных революций – в реализации «непротивления злу насилием», «справедливости без насилия» (Л. Толстой). Философия неотомизма отвечает на вызовы технократического развития проектом восстановления административной роли Римской католической церкви как носи-

тельницы высшей духовной справедливости. Неопротестантизм для достижения справедливости активизирует «голос совести учёного» как выражение индивидуальной религиозной веры, значительно ослабевшей у современного меркантильно ориентированного человека.

Научно-рационалистическая философия (позитивистско-сциентистская) считает, что принцип справедливости необходимо переосмыслить и практически реализовать силами самих учёных. Для этого они должны объединяться, активно заниматься общественно-политической деятельностью; в интеллектуальной области – провести четкую «демаркацию» научного дискурса, используя методы «верифицируемости» и «фальсифицируемости». Прагматизм подчеркивает прикладной характер теории справедливости, как средства решения конкретных задач дальнейшего выживания человечества, превращения «проблематической» ситуации в «решенную». Феноменология стремится через понятие «интенциональности» активизировать субъект-объектную структуру феномена справедливости, вынося «за скобки» как устаревшие теории, так и сиюминутные корыстные импульсы повседневного «опыта».

Некоторые философские направления акцентируют элемент иррационального. Так, фрейдовский психоанализ видит причину современных вызовов цивилизационного развития в обострившемся конфликте структур разума («Я», «Сверх-Я») с «бессознательным» («Оно»), связывает справедливость с поиском способов «сублимации» негативной энергии первичных импульсов в положительные формы деятельности. Экзистенциализм трактует «подлинное существование» в духе осуществления ответственного морального выбора в «пограничных ситуациях» современности. Постмодернизм призывает к установлению «диалога», «полифонии» разных точек зрения, «хаоса дискурсивных практик», «деконструкции логоцентризма».

Можно сделать вывод, что этико-философская теория справедливости активно развивается в современных условиях, разными способами стремится дать адекватный ответ на вызовы технократического цивилизационного развития.

ФИЛОСОФСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ОДИНОЧЕСТВА В МНОГОМЕРНОСТИ БЫТИЯ

С. А. Манякина

Закон вызова и ответа, по мнению британского историка и философа А. Тойнби, определяет развитие цивилизации. Историческая ситуация ставит перед обществом вызов как социокультурную проблему. Дальнейшее развитие общества зависит от выбора варианта ее решения. А. Тойнби считает, что адекватный ответ не только решает проблему, но

и выводит общество на новый уровень развития. Если же нужный ответ не найден, в обществе возникают аномалии, накопление которых приводит к «надлому», а затем к уладку. [1, с. 76]. По мнению многих исследователей, расцвет цивилизации определяется, в первую очередь, развитием внутренних сил личности, процессом самоопределения индивида. Именно самоопределение личности, идущей по своему специфическому пути, а не технический и экономический эффект является основным свидетельством роста цивилизации. [2, с. 43].

По мнению Э. Фромма, самая большая моральная проблема в развитии личности – это безразличие человека к самому себе. Отсутствие связанности с какими-либо ценностями Э. Фромм называет *моральным одиночеством* [3, с. 27]. Он выделяет две кардинально противоположные жизненные позиции – «иметь» и «быть». Первая означает сведение смысла жизни к потреблению: «Я есть то, чем я обладаю». Вторая заключается в самом проживании взаимодействия с миром: «Я есть то, что со мной происходит». Две кардинально разные позиции формируют разнонаправленные векторы самоопределения в жизненном пространстве: в первом случае, это материальное измерение и приобретение, а во втором – вектор жизненного самоопределения устремлен в сферу духовного бытия.

Современная действительность, в которой человек вынужден самоопределяться, многомерна и представляет собой широкое, постоянно изменяющееся поле возможностей, потенциалов развития. Одновременно с этим она лишает человека уверенности, гарантий безопасного существования, духовной укорененности в традициях и обычаях. Эта ситуация стимулирует обращение человека к своему личностному потенциалу, побуждает его к размышлениям об экзистенциальных смыслах и поиску творческого, преобразующего источника жизни, одним словом – к философскому самоопределению. С. Н. Булгаков называл философское самоопределение человека его личной религией: «По моему убеждению, определяющей силой в духовной жизни человека является его религия – не только в узком, но и в широком смысле слова, т. е. те высшие и последние ценности, которые признает человек над собой и выше себя, и то практическое отношение, в которое он ставится по отношению к этим ценностям» [4, с. 240].

В. Франкл утверждал, что самоопределение призвано отвечать на вопрос о смысле нашего бытия: «Человек в конечном счете является самоопределяющимся существом. Человек не просто существует, но решает, каким будет его существование, каким он станет в следующий момент» [5, с. 43]. Развивая данную точку зрения, М. Р. Гинзбург определяет личностное самоопределение как содержательное конструирование человеком своего жизненного поля, включающего в себя как совокупность индивидуальных жизненных смыслов, так и пространство действия (актуального и потенциального).

Потребность в самоопределении представляет собой потребность в формировании определенной смысловой системы обобщенных представлений о мире, о себе и о смысле существования. В философском самоопределении выделяются три грани: онтологическая, гносеологическая и нравственно-ценностная. Онтологическая сторона процесса самоопределения предполагает определение человеком себя в бытии, своих перспектив и границ, проецирование своего места в социальном мире в целом. С гносеологической стороны феномен самоопределения предусматривает самопознание человеком себя как личности, своей индивидуальности, своих отношений с обществом, возможностей преобразования и реализации себя. Нравственно-ценностная грань самоопределения помогает человеку обрести себя в духовном плане. Она направлена на определение человеком себя как субъекта культуры посредством культурной идентификации и выбора тех ценностей, которые принимаются, присваиваются и выступают ценностным основанием проектирования, по выражению А. Н. Леонтьева, «ведущей линии жизни», помогают выработать собственные жизненные ориентиры, обрести личностный смысл в условиях динамичной социальной и культурной ситуации. [6, с. 66].

Сейчас наше общество вступило в посттрадиционную эпоху. Е. В. Кармазина показывает, какие новые черты приобрела проблема самоопределения в посттрадиционном обществе по сравнению с традиционным: «В традиционном (до-модерном) обществе сама проблема персональной идентичности отсутствует в силу непротиворечивости и непротиворечивости социальной системы... Когда социальные обстоятельства перестают жестко детерминировать самосознание и поведение личности, тогда они начинают провоцировать личный выбор и личное решение» [7, с. 200–202]. Современному человеку приходится самоопределяться в мире, утратившем свою одномерность, и перед ним стоит проблема «собрания целостного Я из многообразного и противоречивого внешне-внутреннего субъективного материала» [7, с. 203]. То есть в «эпоху свободы» (Х. Ортега-и-Гассет) созданы небывалые возможности реализации индивидуальных жизненных проектов, однако это обернулось исторически беспрецедентным противостоянием человека и общества, вызванным ослаблением групповых ценностей, аномией, по определению Э. Дюркгейма. Традиционные социальные общности заменились абстрактными мегаструктурами, и в технологизированном, абстрактном мире человек стал воспринимать себя в качестве сложной и уникальной личности, испытывающей огромную потребность в личном участии в значимых социальных явлениях. Возможность такого участия предоставляет ему виртуальный мир.

Виртуализация – одна из граней многомерного бытия, обусловленная созданием единой инфотехносферы и компьютерных сетей, существенно изменяющая условия, в которых современная личность вынуждена самоопределяться, создающая новые возможности и формы для

личностного самоопределения и социальной активности индивида. Виртуальные структуры (Интернет, масс-медиа) могут как стимулировать раскрытие творческого потенциала личности, расширять ее свободу, создавать новые возможности личностного развития, так и обеднять личность, делать ее зависимой, неадаптированной к реальности. Виртуальная общность порождает принципиально новый феномен – виртуальную личность, для которой характерна неустойчивая идентификация, игра с идентификацией или потерей идентификации. Виртуальная общность, на наш взгляд эффективна, если она не иллюзорна, а дополняет общение в реальных, по выражению В. И. Слободчикова, со-бытийных общностях.

По мнению В. И. Слободчикова, различаются формальные и со-бытийные общности [8, с. 392]. Формальная общность характерна для объединения, в котором детерминируют нормативно определенные отношения между людьми; общности такого типа, как правило, имеют целевую детерминацию. Со-бытийная общность – это источник развития субъективной реальности личности, фиксирующий онтологические основания жизни и деятельности человеческих объединений. Со-бытие означает совместное бытие; событийная общность – это живая общность людей в своем бытийном единстве ценностей и различной само-бытности каждого, входящего в эту общность.

Таким образом, в процессе философского самоопределения человек познает себя, свой личностный потенциал, определяет ведущую линию жизни и значимые для себя социальные общности. Обретение человеком себя и со-бытийных общностей можно рассматривать как положительный результат процесса самоопределения личности.

Литература и источники

1. Тойнби // Современная западная философия. Словарь. – М., 1991.
2. Радаев, В. В. Экономическая социология / В. В. Радаев. – М., 1997.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. – М., 1989.
4. Булгаков, С. Н. Два града / С. Н. Булгаков // Исследования о природе общественных идеалов. – СПб., 1997.
5. Франкл, В. Доктор и душа / В. Франкл – СПб., 1997.
6. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – №3. – С. 54–59.
7. Кармазина, Е. В. Философия свободы и проблема идентичности / Е. В. Кармазина. – Новосибирск, 2006.
8. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебное пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М., 2000.

ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА В ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ

С. В. Максименко

Трансформационные процессы, которые массово проходят по всей планете, осуществляются не только в рамках политических изменений. Фундаментальные перемены фиксируются и в личностных ориентациях человека. Можно выделить следующие факторы трансформации его внутреннего мира.

Наличие биологических потребностей. Присутствует объективная необходимость в реализации биологических потребностей индивида, который взаимодействует с окружающей средой, без использования источников энергии. Индивид так или иначе находится в состоянии зависимости: вначале от окружающей природной среды, затем – от общества и социально-экономических отношений, учитывая разделение труда и сложнейшую структуру производства [1].

Мотивация к повышению социального статуса. Прогресс производственных мощностей стимулирует экстенсивный рост человеческих потребностей. Если обратиться к истории, отметим в качестве примера то, как зажиточные люди античных времен тратили деньги на драгоценности и другие предметы роскоши, которые с рационалистических позиций были бесполезны. Генезис массового производства, появление конвейерной ленты сделали товары, которые до этого потреблялись лишь представителями привилегированных сословий, доступными для потребления людьми из более низких слоев. В XX же веке потребление как феномен стал общим достоянием всего цивилизованного мира. Процесс потребления утратил свою базовую функцию – средства для поддержания органистического гомеостаза и обмена веществ [2, с. 28].

Потребность в накоплении собственности. Потребление не является линейным экономическим тождеством в системе «деньги – товар», это не товарный обмен в принципе, но обмен символический, в котором полезность покупки зачастую отодвигается на второй план. Возникает огромное количество потребностей, не являющихся базовыми, но маскирующихся под них. К примеру, электрический фен для волос: неужели волосы без его использования не высохнут? Ответ прост – высохнут, но ряд компаний предлагает нам бонус – обладание инструментом, ускоряющим процесс высыхания. И вот обдув мокрых волос горячим воздухом становится едва ли не нашей базовой потребностью. Так же обстоит дело и с мобильными телефонами, которые по своим функциональным характеристикам практически одинаковы, но их функциональность сама по себе уже никого не интересует. Для категории имиджа и престижа важны такие параметры, как цена, модель, поколение. Таким образом, мы ставим себя в круг вещей, главной пользой которых является то, что мы мо-

жем ими обладать. В рамках желания обладать потребитель стремится реализовать фундаментальное право собственности, право отвечать за то, что является предметом его владения. Правда, до последнего времени этот экономический инстинкт основывался на функциональных преимуществах, а не на расплывчатом статусе обладания чем-либо [3, с. 60].

Формирование массовой культуры и коммерциализация всех сфер жизни общества. Массовая культура сегодня – это понятие, зачастую воспринимаемое как родственное, тождественное понятию «общество потребления». Данное обстоятельство не сложно объяснить, ведь именно массовая культура является катализатором процесса постоянного приобретения и потребления. По сути, сама культура превращается в своеобразный рынок, где есть спрос и предложение на ту или иную форму духовной деятельности. Массовая культура превратилась в индустрию, поставленную на конвейерный поток. Кроме того, масс-культура ставит знак равенства между материальной ценностью и духовной: и то и другое здесь лишь объекты массового потребления. Термин «бестселлер» становится понятием универсального характера.

При восприятии товарно-денежных отношений как фундаментальной ценности произведения культуры занимают позицию *продукта*, писатель или художник при этом, превращается в продавца, бизнесмена, который создает продукт вне зависимости от своего вдохновения, а в соответствии с *модными трендами*. Таким образом, ориентация производства на широкий рынок означает, что предмет искусства становится товаром – независимо от того, имеет ли он уникальное значение или же существует во множестве копий. Само собой разумеется и то, что даже творческий успех художника детерминирован спросом на его продукцию на рынке. Капиталистический рынок становится главным судьей того или иного проявления материального и духовного типов производства [4, с. 48]. Художник, писатель, философ интегрируются в орбиту массового производства и начинают рисовать, писать, анализировать то, на что есть спрос со стороны широких масс потребителей, в противном случае они лишаются ресурсов. Необходимо понимать, что данное правило работает практически без исключений, создавая огромную нишу не произведений искусства, самобытных творений человеческого духа, а «продуктов», художественная ценность которых – это рейтинги телепередач, показатели продаж и т. п.

Развитие маркетинга. Для массовой культуры является характерным появление и развитие специфического профессионального аппарата, ставящего основной задачей производство и продвижение продуктов культуры в массы. Ее аппарат объединяет вокруг себя исследователей в таких различных областях как психология, социология, маркетинг. Так, например, социально-психологические исследования дают производителям информацию об изменениях предпочтений и антипатий у разнообразных категорий потребителей, о действенности различных методик и

приемов воздействия на массовое сознание. Маркетинг является организационно-коммерческим звеном массового общества, используя для достижения эффективности разнообразные средства производства и торговли в индустрии культурных благ. Здесь выявляется влияние оформления упаковки на выбор товара, мотивационных формулировок рекламы на масштабы потребления того или иного продукта.

С помощью маркетинговых инструментов происходит выброс продуктов культурной индустрии на рынок потребления и продвижение товаров массового спроса в «культурной» обертке [5, с. 57]. Специализированное проектирование и дизайн непрерывно создают новые образцы всего, что при помощи слуха или визуально воспринимается массой потребителей: от рисунка на конверте диска до видов праздничного оформления города; от экспозиции музея до продумывания национального праздника. Маркетинг оказывает сильнейшее воздействие на наполнение репертуаров театров, бюджеты кинофильмов, содержание телепрограмм, тираж новых книг и даже на рынок молодежной моды. Маркетинг как часть массовой культуры способен придавать культурным процессам характер соревнования, вовлекая творчество в нескончаемый процесс восхода и падения непрерывно появляющихся «звезд» и «идолов». При ориентации на большие общности потребителей, аппарат массовой культуры производит четкое разделение духовной продукции на соответствующие типам потребителей слои.

Характеризуя само изменение человека в сторону человека-потребителя стоит процитировать Г. Маркузе: «Потребление лишь усиливает отчуждение, которое становится иррациональным. И там где нынешнее общество производит материальные блага, способствующие повышению уровня жизни, отчуждение достигает такой степени, при которой даже осознание этого факта подавлено» [3, с. 67].

Таким образом, выделение пяти факторов трансформации внутреннего мира человека могут способствовать определению сценариев совершенствования и прогресса в социокультурной сфере в рамках процесса усложнения структур «общества потребления».

Литература и источники

1. Овруцкий, А. В. Феноменология общества потребления / А. В. Овруцкий // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2011. – № 1.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М., 2006.
3. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М., 2003.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2003.
5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М., 2009.

МНОГОГРАННОСТЬ СЛАВЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЧУВСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

О. Л. Сташкевич

Слава как сложный многоаспектный феномен, являющийся одним из существенных свойств сознания и поведения личности, редко становится предметом самостоятельного изучения, рассматриваясь, как правило, вскользь, контекстно, неразрывно от изучения других личностных характеристик. В последние годы исследователями изучаются психологические и социологические основы данного феномена (Л. Е. Гринин), публичный капитал личности, ее популярность (Т. В. Иовлева, В. Ю. Ямбушев и др.), разрабатываются представления о славе с позиций гражданских, семейных и личностных суждений о ней (И. А. Калинина, Л. Б. Шнейдер).

В первую очередь, необходимо определиться с понятийным аппаратом. Что такое «слава»? С какими другими феноменами она состоит в «родстве»? Слава – малоизученный феномен, и соответствующее понятие практически не представлено в современных энциклопедических изданиях, хотя его определение можно найти в толковых словарях белорусского и русского языков. В толковом онлайн-словаре «Скарнік», разработанном на основе пятитомного академического словаря 1977–1984 гг., издававшегося под редакцией К. Крапивы, понятие «слава» имеет пять значений: «шырокая, ганаровая вядомасць, усеагульнае прызнанне чых-н. заслуг, гераізму, таленту і пад.», «вядомасць у якасці каго-н., у якіх-н. адносінах», «агульная думка аб кім-н., рэпутацыя», «чуткі, размовы, погаласка» [1]. В толковом словаре Даля понятие «слава» раскрывается более подробно: «слава – как кто слывет, прослыл в людях, молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству; слух, молва вообще, вести, говор; похвальная молва, общее одобрение, признание достоинства, заслуг; самые почести, хвала по ним; хороший, отличный, доброго качества; славить себя, хвалиться, превознося заслуги свои» [2]. Словарь Ушакова дает следующее толкование славы: «1. Почетная, широко распространенная известность как свидетельство всеобщего и безусловного признания чьих-н. высоких качеств, общественных заслуг, дарований и т.п. 2. Слухи, молва, толки. 3. Общепринятое мнение, отзыв, репутация (как в хорошем, так и в дурном смысле). 4. Известность в качестве кого-чего-н.» [3].

Итак, в понятии «слава» можно выделить несколько существенных составляющих, характеризующих его достаточно полно. Характеристика понятия «слава» в каждом из словарей начинается с определения, что это почетная известность, признание чьих-нибудь заслуженных качеств, дарований, талантов, героических поступков, свидетельство всеобщего уважения. Будем считать данный уровень славы высшим.

На второй уровень мы поместим славу в значении известности (в качестве кого-нибудь, в каком-либо отношении: быть лучшим в профессии или лучшим в своих личностных характеристиках, например, «слава добросердечного человека», «прославленный космонавт» и т. п.). Здесь уже проявляется амбивалентность: слава может выступать и как положительная, и как отрицательная характеристика личности. На этом уровне она тесно переплетена с такими психологическими феноменами, как известность, популярность, «звездность», знаменитость.

Названные характеристик определяют славу через внешнее отношение к ней. Однако есть и третье значение данного слова, отражающее личностное самоощущение либо самохарактеристику: «славиться, славить себя, превозносить свои заслуги» («дославился человек до позора», «прославился искусством»). Слава как внутреннее самоощущение также амбивалентна в части отношения общества к обладателю славы (так, у личности, стремящейся снискать славу любыми путями, зачастую снижены нравственные требования к себе самой).

Остановимся подробнее на рассмотрении первого уровня значения понятия «слава» – того, что отражает положительные качества личности. Человек, за которым общество признает данное качество, характеризуется как личность, достойная подражания, пользующаяся авторитетом. Жизненный путь прославленной личности зачастую мифологизирован, наделен качествами, которыми обычный человек не обладает. Здесь следует отметить, что у прославляемых ныне личностей были свои образцы для подражания: «Их жизнь была наполнена значимостью других фигур, которых они пытались перевоплотить в реальности своей жизни» [4, с. 99].

Героическая слава всегда связана с подвигом, честью, доблестью. На примерах героической славы построена современная система гражданско-патриотического воспитания. Здесь интересной проблемой для углубленного изучения выступает проблема формирования гражданских и семейных представлений о славе. Этот аспект славы как сущностной характеристики личности неразрывно связан с проблемой формирования чувства исторической памяти, преемственности поколений и уважении к традициям.

На формирование чувства исторической памяти белорусской нации оказывает непосредственное влияние геополитическое положение нашей страны – на перекрестке западного и восточного цивилизационного вектора. Так, общезначимые цели и ценности мы стремились перенимать с «запада», а образ жизни и мысли преимущественно близок восточным традициям.

Кроме геополитических условий, способных, в конечном счете, привести к притуплению чувства исторической памяти, преемственности поколений, к нивелированию национальных традиций, преданию забвению славного героического прошлого существуют и предпосылки исто-

рические. Многочисленные политические разделы, индустриализация и коллективизация, распад Советского Союза и другие исторические коллизии представляют собой исторические моменты, за которыми всякий раз начинались периоды, имевшие с прежними мало общего. Как следствие, общественное сознание наполнялось деструктивным содержанием, радикализмом, цинизмом, отрицанием заслуг предшествующих поколений. Поэтому неудивительно, что ценности и идеалы современной эпохи плохо «усваиваются» большинством населения. Гражданские и семейные представления о славе также не являются исключением. Слава становится, в первую очередь, индивидуальным, а не гражданским или семейным чувством. Эгоистичное личностное стремление к славе делает этот феномен превращенной формой сознания. Определяющим для личности становится сам факт индивидуального обладания славой, а не путь к ней. Этому весьма способствует современная медиасреда, символом которой можно назвать «короля поп-арта» Э. Уорхола с его любимым высказыванием: «Каждый имеет право на свои пятнадцать минут славы!».

Для формирования гражданских представлений о славе необходима активизация воспитательной работы, направленной на формирование чувства исторической памяти, преемственности поколений, уважения к традициям. Формирование таких чувств у подрастающего поколения можно осуществлять, прежде всего, в системе образовательных учреждений (в первую очередь обширными возможностями в решении данной задачи располагают предметы гуманитарного цикла: история, обществоведение, отечественная и всемирная литература; разнообразные формы внеклассной работы; проведение «уроков мужества»).

Также интересной формой осуществления воспитания чувства исторической памяти является поисковая работа, направленная на нахождение неизвестных героев, павших в боях за Отечество. Такая работа способствует укреплению среди молодежи идеалов гуманизма, милосердия, преданного служения Родине, обогащению духовности подростков и молодежи.

Эффективным воспитательным средством являются и школьные музеи. Сбор документов, материалов, вещественных экспонатов для них, встречи с участниками событий, о которых повествуют музейные фонды, а также работа по оформлению экспозиций музея, проведение экскурсий самими учащимися – все это оказывает определенное воспитательное воздействие на личность. В свое время философ, религиозный мыслитель Л. Ф. Федоров полагал музей тотальной концентрацией памяти: «Собирая все памятники борьбы и мира от книг до простейших орудий, музей, то есть младшее поколение под руководством старшего, воспроизводит по этим памятникам мысленные образы борющихся в былые дни...» [5, с. 143].

На формирование семейных представлений о славе основное влияние оказывает сложившаяся семейная традиция, заложенные в раннем

возрасте основные социальные знания, приобретенные духовно-нравственные ценности. Семья в формировании представлений о славе может выполнять ряд функций, а именно, формировать знания личности об истории рода, его корнях, что представляет собой весьма значимое качество для полноценной духовной и общественной жизни; прививать чувство гордости за героическое прошлое Отечества, в первую очередь, на семейных примерах и др. Формирование чувства исторической памяти, преемственности поколений, уважения к традициям является важным звеном в формировании гражданских и семейных представлений о славе. Подрастающее поколение должно иметь четкие ценностно-мировоззренческие ориентиры, сформированные научные представления об общественном устройстве. Нужно помнить свою историю, свои корни, любить свою Родину, уважать народ.

Литература и источники

1. Слава // Скарнік [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.skarnik.by/tsbm/77887>. – Дата доступа: 22.11.2016.
2. Слава // Толковый словарь живого Великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalya.ru/description/slava/38000>. – Дата доступа: 22.11.2016.
3. Слава // Дмитрий Николаевич Ушаков, Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=70802> – Дата доступа: 22.11.2016.
4. Эпштейн, М. Слава и семиосфера. Фамилическая функция знаков / М. Эпштейн // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17.
5. Фёдоров, Н. Ф. Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» / Н. Ф. Фёдоров // Вопросы философии. – 1993. – № 1. – С. 133–143.

ДИАЛОГ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

М. А. Курилович

Необходимость присутствия и означивания диалога в любом информационном пространстве, требование поликультурной диалогичности самого этого пространства уже стали «общим местом» в любой современной практике. Анализ диалога исключительно актуальна в условиях совершенствования информационных систем, связанных с выявлением коммуникативных потенциалов участников, превращением их в субъектов взаимодействия на основе сотрудничества, сотворчества [4].

Совершенно очевидно, что феномен диалога отнюдь не является культурной новацией. Во-первых, люди всегда всегда разговаривали и договаривались. Во-вторых, нам хорошо известен – и исторически и психоло-

гически – такой феномен, как разговор человека с самим собой. Более того, можно утверждать, что само наше мышление диалогично по своей структуре: ведь мы мыслим дуальными категориями, достаточно диалектически, пытаюсь, как мы это называем, на все посмотреть «и с той и с другой стороны», «выслушать разные точки зрения».

Первоначально феномен диалога получил свое теоретическое обоснование в философской среде, а затем уже нашел свое отражение в социально-психологических, образовательных, культурологических, политических практиках. В этой связи анализ диалога целесообразно проводить в контексте сложившейся к концу XX века парадигмы гуманитарного мышления, представителями которой являются М. Бахтин, М. Бубер, В. Библер и др. По мнению М. Бубера, «настоящий диалог» не обусловленный заранее во всех своих частях, но носит вполне спонтанный характер, поскольку в нем каждый обращается непосредственно к своему партнеру и вызывает его на непредсказуемый ответ [5, с. 26]. Очень важным для осознания в рамках развиваемой темы является анализ В. Библером отношения «субъект теоретизирования – субъект деятельности социально-практической». В. Библер говорит о жесткой детерминированности творчества человека установками «той малой группы», в которой он пребывает и которая диктует ему свои требования в виде необходимости следовать квазиличностному «теоретическому разуму» [3, с. 141]. Творческая личность может нормально творить лишь во внутреннем диалоге, где адекватным образом сосуществуют различные формы теоретизирования [4, с. 23].

Несомненно, что особо значимой в истории философии фигурой, осознавшей истинную роль диалога в развитии современного общества, является М. М. Бахтин. Теория М. М. Бахтина стала «отправной точкой» многих исследований влияния диалога на становление личности, развитие социокультурных явлений и процессов. В диалогизме М. М. Бахтина превращение одноголосия в многоголосие предстает фундаментальным условием человеческого существования. Человек вкладывает всего себя в беседу, и эта беседа вступает в диалогическую ткань человеческой жизни [2, с. 15].

Целью диалога является не обязательно достижение консенсуса, но прежде всего понимание, предстающее как смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, развивает свои представления о нем, но и выражает свое отношение к социальной действительности [4]. Диалог не может проходить без взаимодействия с Другим; общение между «я» и «ты» взаимно обогащает новыми совместно полученными смыслами [1, с. 133]. Л. Н. Толстой писал: «Если хоть не сознаешь, но живо воображаешь другое "Я" как свое, то сознаешь и то, что всякое другое "Я". самое коренное "Я", есть не только такое же как мое, но одно и то же» [4, с. 5].

Именно во множественном, многосубъектном диалоге происходят обретение индивидом качеств личности, группой – коллектива. В диалоге обеспечивается условие для раздельного и взаимного понимания различных интересов и для возможного и начального развития некоторых общих способов видения и деятельности, для формирования коллективных перспектив. Согласование не подразумевает соглашение и согласие по тому, что составляет оценочное качество и значение. Скорее это подразумевает принятие или аккомодацию различия, достижения соглашения с разнообразием [4, с. 152]. Подлинная свобода личности заключается в возможности слышать и понимать многоголосие мира, чужую позицию, осознавать границы иного духовного пространства.

Таким образом, сущность диалога как парадигмы развития современного общества сводится к его конститутивной роли в познании и самопознании: в диалоге происходит не обмен готовыми, ранее сложившимися внутренними смыслами, а вовлечение в процесс совместного созидания нового общего смысла, который преобразует и участников процесса, и их жизненный мир в информационно-коммуникационном пространстве.

Литература и источники

1. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1985.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. 1979.
3. Библер, В. Творческое мышление как предмет логики / В. Библер. – М., 1969.
4. Бирюкова, Г. М. Диалог: социально-философское измерение / Г. М. Бирюкова. – СПб., 2000.
5. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М., 1992. – С. 15–92.

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В. Н. Овчаренко, Н. Я. Мокрецова

Современный человек живет в условиях постоянного воздействия не только своей культуры, но и возрастания влияния других культур. В эпоху глобализации происходит расширение личного пространства, в особенности благодаря технизации жизненного мира и развитию средств коммуникации. Постоянно расширяется семносфера как пространство знаков и смыслов. Этот процесс, в свою очередь, приводит к активному созданию новых мировоззренческих ориентиров. Понимание единства человека и человечества становится идеалом высокой духовности еще с

ранних этапов процесса глобализации. Дж. Донн – английский поэт и проповедник XVII века – написал слова, ставшие известными всем благодаря писателю XX века Э. Хэмингуэю: «Человек не остров, не просто сам по себе; каждый человек часть континента, часть целого; если море смывает даже комок земли, то Европа становится меньше, как если бы был смыт целый мыс или дом твоих друзей, или твой собственный дом. Смерть каждого человека уменьшает меня, ибо я един со всем человечеством. А потому никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» [1].

Однако взаимодействия человека с другими культурами становятся более интенсивными по широте знакомства с ними и менее интенсивными по глубине проникновения в эти культуры. Процесс современной ресоциализации личности теперь не связан с резким разрывом с прошлым прошлым мировоззрением и идеологическими установками. Он связан, скорее, с необходимостью встраивания своих понятий и норм общения в структуру чужой культуры в ходе коммуникации с ее носителями без глубокого понимания иной культурной идентичности.

Призыв Т. Г. Шевченко, высказанный в XIX веке: «Учиться чужому и не забывать своего», – в современном мире – после нового подъема национализма – опять требует переосмысления. Именно отношение к чужому как «равному» объекту изучения было потеряно, и сформировалось отношение к чужому как потенциально враждебному, низшему в сравнении со своим «правильным» или «прогрессивным» культурным окружением. Поэтому каждому из нас необходимо предпринять огромные усилия для искоренения скрытого расизма в собственной душе, а социологам – сделать все необходимое для искоренения стереотипов, которые искажают восприятие действительности, и разработать более содержательные концепции социальной адаптации и ресоциализации.

Действуя в социальном мире, общаясь с представителями другой культуры, человек руководствуется не только реальными потребностями, но и своими представлениями о счастье, ценностных приоритетах и нормах поведения. Эти представления и стереотипы формируются в процессе социализации под влиянием общественного мнения, пропаганды, рекламы. К сожалению, расизм все еще не стал прошлым. Провозглашая антирасизм неестественным, нездоровым и опасным, современные расисты открыто возводят социальное к биологическому. Распространенным становится мнение, что антирасизм активно поддерживает разрушение природы, является антиэволюционным. Ибо в природе для того, чтобы одни организмы выживали и процветали, другие должны умереть или расти и процветать в другом месте. Подчеркивая «естественность» расизма, используют пример выращивания урожая. Если необходимые растения посеяны на соответствующей площади, то вы, конечно, против того, чтобы на этом поле процветало что-то еще за счет вашего урожая. Такие рассуждения, к сожалению, довольно часто встречаются и порожда-

ют расизм в обыденном сознании очень активно, поскольку обращаются к глубинным основам человеческой психики.

Духовное обновление человечества идет не столь быстро, как его техническое переоснащение. Американский нейрофизиолог Х. Дельгадо подтверждает это мнение, утверждая, что в научно-технических достижениях мы цивилизованны, а в психических реакциях мы остаемся варварами. В известных пределах мы не умеем руководить собой. Необходимо развивать новые исследования для того, чтобы организовать наши усилия и направить их на создание общества будущего с высоким уровнем психической цивилизации. Поэтому и исцеление от расовых предрассудков, ксенофобии и нетерпимости следует искать прежде всего в избавлении от ложных представлений, которые на протяжении длительного времени были источником скандальных концепций о превосходстве или, наоборот, более низком потенциале развития различных рас и народов. Формирование уважительного отношения как к чужой, так и к своей культуре, о котором говорил Т. Шевченко, остается актуальной и важной задачей современности.

Стереотипы – неотъемлемый элемент обыденного сознания. Стереотип, аккумулирующий некий стандартизированный коллективный опыт, ставший присущим индивиду в процессе обучения и общения с другими, позволяет ориентироваться в жизни и определенным образом руководит его поведением. Стереотип может оживлять и положительные эмоции, и отрицательные поскольку он выражает отношение данной социальной группы к определенному явлению. Быть носителем культуры означает для человека находиться внутри нее. Поэтому границы между культурами всегда тщательно охраняются. Поскольку культуры задают горизонты, через которые формируется образ действий, поддерживаются отношения и сохраняется идентичность, конфликты на почве культуры связаны с глубоким сопротивлением человеческой души.

Глобализация не только формирует новый образ общества, но и существенно преобразует личность. Этот процесс ведет к глубинным сдвигам, к ломке многих устоявшихся мировоззренческих ориентиров личности, не всегда однозначных по своим последствиям, ввергающих индивида в состояние фрустрации, неуверенности, страха перед неизвестным будущим. Кроме того, не следует забывать, что современный глобализирующийся мир по-прежнему остается миром конфликтов, противодействий и противоречий. Человек в глобализирующемся мире вынужден самостоятельно переосмысливать «свои» мировоззренческие ориентиры и нормы поведения.

3. Бауман определяет индивидуализацию личности как основополагающую черту эпохи модерна, ее смысл «состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли» [2, с. 181]. Он также указывает на возрастание нестабильности и неопределенности, подчеркивает «фрагментацию жиз-

ни» в современном мире. Многие социологи отмечают, что понятие риска (как ключевой характеристики современной социальной жизни) в практическом сознании людей приходит на смену понятию судьбы и становится центральным в обществе, которое открывается проблематичному будущему. Экзистенциальная тревога становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида, незаметно подрывая прежние моральные устои и формируя иную моральную идентичность личности. Эта индивидуализированная личность современного «общества риска» направлена на тотальную конкуренцию, стихийную удачу и риск ради личного успеха.

Интенсификация культурных коммуникаций неизбежно приводит к необходимости ресоциализации человека, она становится не только внешним принуждением, но и внутренней потребностью человека, когда он творчески адаптируется к жизни в новой культурной среде. Таким образом ресоциализация активируется высшей потребностью человека – потребностью в самореализации и творчестве. Ресоциализация в современных условиях требует от человека все более активных усилий, поскольку в XXI столетии каждый способен значительно больше влиять на события как политического, так и экономического характера. Но получить возможность действовать недостаточно: нужно еще чувствовать повышенную моральную ответственность за будущие результаты таких действий.

Ресоциализация способна снять напряжение только при свободном взаимодействии культур, а не при их обособлении и враждебности. Напротив, проповедники изоляционизма или «особого пути» обращаются к чувствам, превозносят прошлое, стараются избегать обсуждения универсальных ценностей и понятий, таких как «солидарность», «толерантность», «свобода», «сотрудничество», «добро» и других философско-этических универсалий. Ведь именно ориентация на универсальные принципы и ценности является условием самоопределения и морального становления личности в условиях динамичных культурных коммуникаций современности.

Литература и источники

1. Донн, Д. По ком звонит колокол: Обращения к Господу в час нужды и бедствий. Схватка Смерти, или Утешение душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела (Медитация XVII) / Д. Донн; пер. с англ. А. В. Нестерова, О. А. Седаковой. – М., 2004.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ.: под ред. В. Л. Илюземцелю. – М., 2002.

ЭТОС НОРМЫ В СОЦИАЛЬНОМ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

Л. М. Газнюк

Норма до середины XIX века рассматривалась в философской традиции как органичный и необходимый элемент жизни человека. Нормативности противопоставлялась аномалия, аморальность, потеря ценностных ориентиров. А. Шопенгауэр впервые осмелился показать противоречивость обязательности и ценности нормативного, тем самым выделив его как особый феномен человеческого бытия. Философ не пытался разрушить мораль, а только хотел найти настоящие основы нравственных принципов. Возникновение морального начала у каждого индивида имеет уникальную историю и содержание. Именно уникальность выводит человека из сферы действия общеобязательных норм и оценок. Со временем Ф. Ницше радикализировал моральные интуиции Шопенгауэра, отбросив не только нормативное в морали, но и саму мораль. Он показал агрессивность нормативного, которое служит пристанищем посредственности духовного убожества. Дальнейшая радикализация негации нормативного происходит в апофеозе беспочвенности Л. Шестова. Сфера нормативного воспринимается им как сфера абсолютной власти необходимости.

С. Кьеркегор несколько не отрицал высших ценностей, но при этом подвергал сомнению тождество общезначимости и истинности. Общепринятые правила поведения ограничивают человека, закрывая для него сферу собственно этического, где с реализацией абсолютного выбора между добром и злом человек творит себя как уникальную и неповторимую личность. Кьеркегор вводит различие настоящего и ненастоящего человеческого бытия, а сам термин «экзистенциал» приобретает у него ценностное измерение. Человек может через «продвижение веры» перейти в область этического. Вера – это риск выбора, который, отрицая мир необходимости, освобождает человека от груза прошлой нормативности. Способность сделать выбор, получая веру, зависит только от критического и напряженного отношения к своему существованию. Переступая границу нормативности, человек получает более высокую цель – веление Абсолюта, превышающее общезначимые и общепринятые ценности и нормы.

В экзистенциальной философии нормативный и экзистенциальный аспекты человеческого бытия приобретают статус противоположностей как ценности и антиценности. Экзистенциальный мир человеческого бытия выступает антагонистом социального бытия, которое исчерпывается нормативностью. При этом абсолютный выбор С. Кьеркегора как различение добра и зла, как переход к настоящей морали трансформируется в выбор между экзистенциализмом и нормативностью. Это выбор между

абсолютной свободой и абсолютной ответственностью, с одной стороны, и совокупностью социальных норм, систем социальных ролей, в которых человек растворяет себя без остатка, где он приравнивается безликому коллективу *man* – с другой. Спасти свою человеческую уникальность как самоценность человек может, получив те условия бытия, в которых возможно постоянное пребывание в состоянии свободы.

Нормативное теряет свою власть в кризисных ситуациях, открывая границы для свободного конструирования человеком своего бытия. В ситуации кризиса взаимодействуют полярно разведенные экзистенциальный и нормативный аспекты человеческого бытия. В нормативной ткани происходит разрыв, через который является бытие истинное, собственно человеческое, тогда как человек словно переходит в другое измерение, где реализуется его основная характеристика – быть свободным и только из себя черпать, по выражению К. Ясперса, формы и нормы своего бытия. Вторая возможность столкновения экзистенциального и нормативного аспектов человеческого бытия – это искусство, где исчезновение нормативного в экзистенциальном предстает как условие и как результат реализации творческих потенций человека. В сфере нормотворчества исчезает абсолютность противостояния нормативных и экзистенциальных аспектов человеческого бытия, они теряют качества атрибутивности, становясь только модусами единого целого жизни человека.

В философии М. Хайдеггера разворачивается проект нормативности человеческого бытия, основанной на культивировании первичного мироотношения, центрированного вокруг философы «земли», – т. е. на «сверхконцентрации» смыслового потенциала, что предусматривает «внутренний» органично засвидетельствованный контакт с бытием. Этот проект не только исторически, но и логически, сущностно выявился глубоко связанным с радикальными аномалиями нынешнего столетия – именно потому, что культ «крови и земли» радикальным образом разрушает сам принцип универсальности любых норм, открывая путь к любым ужасным экспериментам над теми, кто оказался как-то «неправильно» укорененным.

В постмодернизме идея тотальной «плюральности» как отрицание универсальности норм, по существу, является прямой последницей аномалий XX столетия, хотя и в более мягком, «симулятивном» варианте. Декларируемая толерантность практически выражается в безразличии к Другому. Антропологическое основание феномена «постмодернизм» деструктивно, поскольку восстание против принципа иерархии побуждает постмодернистское мышление к отрицанию привилегированного статуса традиционных ценностей, нивелирующих жизненные смыслы и ценностное содержание человеческой субъективности как таковой. Тотальная плюралистичность предстает как новая форма аномальности в соединении с радикальным безразличием как экзистенциальным феноменом, идеологически преподносимом под видом толерантности.

Нормотворчество функционирует через обращение к высшим ценностям, имеющим как секулярный, так и сакральный характер. В современном мире новые моменты в становлении нормотворчества связаны с размыванием субъекта, когда он как будто нивелируется безликой коллективностью, хотя объективно роль отдельного члена группы не претерпевает существенных изменений. Преобладающей формой реализации поведения сегодня становится норма, вытесняющая традиции на второй план. Традиционная автономность субъекта распространяется почти на все сферы человеческой деятельности. При столкновении различных нормативных систем может иметь место конфликт между экзистенциальным и нормативными модусами человеческого бытия. Пространство нормотворчества функционирует в социокультурном взаимодействии различных групп, в которых имеет место контакт различных социумов и культур, а освоение элементов чужой ценностно-нормативной системы входит в противоречие с собственными экзистенциальными ценностями и нормами прежнего социума. При условии усвоения и принятия ценностей и норм нового социума субъектом базис, сформированный в нем автохтонной культурой, запускает механизм встраивания в новую социокультурную среду.

Однако экзистенциальный конфликт ценностно-нормативных систем, как абсолютное противостояние различных ценностных систем, не является единственной возможной ситуацией. Одним из возможных результатов соприкосновения различных социумов является перевод ценностей одной культуры на «язык» другой. Продуктом подобного перевода является культурная инновация, благодаря которой реализуются возможности взаимоосмысления и взаимообобщения. Многие инновации общекультурного характера в результате межкультурных контактов ограничиваются особенностями социальной структуры социума-реципиента. Сами культурные инновации влияют на социальную структуру, на стабильность социума через сложную систему опосредования. Культурная инновация позволяет рельефно увидеть, что рефлексия нормативной системы не приводит к необходимости ее критической переоценки, а только позволяет найти пути сохранения существующей ценностно-нормативной системы.

Многоплановость экзистенциальных смыслов, как необходимый элемент собственно культурной сферы нормотворчества, в определенной мере противостоит жесткой и более строгой определенности, однозначности социальных нормативов, которые обеспечивают упорядоченность и стабильность социума. Общим для большинства понятий ценности, используемых в основном в описательном, а не в объяснительном контексте, является то, что они легко заменяются понятием социальной нормы, и таким образом социальные ценности и ценности инструментальные не воспринимаются как особые образования.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА

М. Н. Солодухо, Н. М. Солодухо

Обращение к ситуационному подходу в XXI веке и его растущая популярность на общенаучном уровне знания обусловлены рядом причин. Главная заключается в том, что социальный мир стал менее программируемым: взрывные реакции регионов на процесс глобализации, нарастающая опасность террористических актов, непредсказуемая перестановка ведущих политических факторов – примеры тому. Повсеместно создаются ситуационные центры, призванные отслеживать динамику разнообразных изменений – и природных и социогуманитарных. Неслучайно методологию системного подхода дополняет и постепенно теснит методология ситуационности [1, с. 172–175].

Ситуационный подход прежде всего известен в качестве специфического средства познания в частных социально-гуманитарных науках. Так, в теории управления ситуационный подход рассматривается как один из основных наряду с процессным и системным подходами. Еще до появления ситуационного подхода отдельные моменты ситуационной методологии можно найти в социологии и общей теории организации. Они содержатся в работах таких ученых и методологов, как М. Фоллет, Р. Стогдилл, Т. Парсонс, Дж. Вудворд, Д. Паг (Пью), Д. Хиксон, представительшей эмпирической школы.

В круг создателей ситуационного подхода входят П. Лоуренс, Дж. Лорш, У. Гомберг, Г. Кунц, Дж. Томпсон, Г. Шерман [2]. Уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. ситуационный подход начинает превращаться во влиятельную теоретическую концепцию, прежде всего, благодаря результатам эмпирических исследований Дж. Вудворд. При этом исходными в разработке ситуационной модели организации считаются следующие положения, выдвинутые Г. Шерманом:

1) «невозможно обеспечить создание таких структур, методов, типов организационного порядка, которые были бы идеально приспособлены для любых времени, целей, ценностей, ситуации и других условий деятельности»;

2) «нет хороших или плохих принципов управления, но необходимо определить условия, в которых те или иные принципы приносят желаемый результат» [3, с. 26].

Вместе с тем, основоположником ситуационного подхода в теории управления, видимо, следует считать Ф. Фидлера («Ситуационная модель Фидлера», 1967), развивавшего теорию ситуационной эффективности. Пик развития ситуационный подход в управленческой теории достигает в 1970-е гг. Метод «*case studies*» (метод кейсов – *метод изучения конкретных ситуаций*) – узловой метод обучения менеджеров Гарвардского

университета в США – вырастает из англо-американской юридической практики, основанной на прецедентном праве, когда принятое решение по конкретному делу, становилось образцом и нормой для решения аналогичных дел.

Рассмотрим ситуационный подход в более общем гносеологическом плане.

Всякий процесс познания включает в себя ситуационный аспект, так как процесс познания всегда есть взаимодействие субъекта познания и объекта познания «здесь» и «теперь». Под субъектом познания понимается субъект познавательной деятельности, порождающий смыслы. Более того, в неклассической гносеологии подразумевается, что человек (субъект) имеет не только ситуационное существование, но и ситуационную сущность, в отличие от классической гносеологии, где признается универсальная сущность человека [4, с. 16–17].

Исходя из того, что ситуативность входит в современную теорию познания в виде феноменологии, В. А. Ашимова делает вывод о том, что «феноменология есть ситуативная гносеология нового философского мышления» [5, с. 17]. Современный российский философ науки И. Т. Касавин считает, что «Сама идея ситуационной методологии в известном смысле близка к "идеографическому методу" баденской школы неокантианства и герменевтики Г. Дильтея, биографическим исследованиям творческого процесса (К. Ломброзо, Ф. Гальтон, Л. Терман). Она содержит убеждение в уникальности культурного объекта, невозможности его объяснения на основе общих законов; понимания и феноменологического описания методов анализа как оптимальных; ситуационной (т. е. изменчивой и локальной) детерминации события» [4, с. 17]. Феноменология, нацеленная на исследование конкретных научных фактов, соединяется с герменевтикой; в социологии научной базой для этого служат, прежде всего, эмпирическая социология и микросоциологические исследования. Герменевтический анализ особенно адекватен социально-гуманитарным наукам, в которых велика роль личностных моментов субъекта познания. Социальная реальность превращается в интерпретируемый субъектом текст. И смысл текста зависит не только от контекста, но и от субъекта.

Ситуация в познании представляет собой диалектическое единство, со-бытие субъекта и объекта. Важнейшим ситуационным моментом процесса познания выступают обстоятельства, при которых проявляется познавательная активность субъекта. Именно в процессе взаимодействия субъекта, объекта действительности и обстоятельств возникают познавательные смыслы. Ситуативными в этом со-бытии являются, по крайней мере, обстоятельства и субъект. Объективные обстоятельства, совокупность факторов, составляющих объект, вызывают к жизни смыслы, порождаемые сознанием субъекта познания, а субъект деятельности на основе выявленных смыслов преобразует действительность – кон-

струирует социальную реальность.

Таким образом, ситуационный подход, междисциплинарное ситуационное движение, философское понимание ситуационности составляют гносеологическую и методологическую базу в разработке перспективных трансдисциплинарных социально-гуманитарных программ.

Литература и источники

1. Солодухо, П. М. Манифест ситуационного движения / П. М. Солодухо // Ситуационные исследования. Выпуск I. Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара. – Казань, 2005.
2. Государственное управление. Словарь-справочник (по материалам "International Encyclopedia of Public Politic and Administration") / перевод М. Соколова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dps.smrtilc.ru /Int_Encycl /Man_contingency.htm. – Дата доступа: 07.05.2014.
3. Попова, Е. П. Социология организаций: некоторые аспекты становления и современная проблематика. Учебное пособие / Е. П. Попова. – Волгоград, 2002.
4. Касавин, И. Т. Ситуационные исследования / И. Т. Касавин // Новая философская энциклопедия В 4-тг. / под ред. В. С. Степина. – М., 2001.
5. Ашимова, В. А. Ситуативное определение человеческого бытия: Классическая и неклассическая парадигмы / В. А. Ашимова // Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2000.

МЕТОД КЕЙС-СТАДИ В ЭТИКЕ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

И. Ю. Ларионов

Кейс-стади (*case-study*, далее КС) в этике остается новацией. В то же время его применение отвечает современной ситуации в рамках философского знания в целом, в адрес которого звучат упреки в (якобы) излишней абстрактности, оторванности от жизни и т.п., а также игнорировании характера бытования нравственных ценностей в современном мультикультурном обществе.

КС естественным образом возник в современной публичной и профессионально-научной коммуникации, когда информация об отдельных случаях становится достоянием многих и активно обсуждается, причем как по сути проблемы, так и в качестве повода для разговора об иных сюжетах. К КС необходимым образом обращаются дисциплины, развитию которых способствуют указанные особенности современной профессиональной коммуникации (социология, медицина и т. п.). Некоторые из этих дисциплин выступают отчасти нормативными, но не могут при этом придать своим нормам всеобщий характер (например, юриспруденция, психология и т. п.). Помимо того, они исследуют явления, для кото-

рых проблематично построение общей теории. КС – одна из естественных и адекватных форм не только постановки проблем, но и проведения исследований и разработки решений в рамках таких наук. КС также выступает популяризаторским и педагогическим приемом, позволяющим профессионально обсуждать актуальные события, известные и интересные публике, соразмерные личному нравственному опыту.

Применение КС в этике обусловлено, с одной стороны, трудностью построения и применения в современных условиях универсального морального учения, с другой – наличием публичного интереса к ряду моральных проблем и артикулированных моральных позиций, бóльшим нежели ранее количеством участников обсуждения, способных занять профессиональную или экспертную позицию, а также действием средств массовой информации как способа опосредования данного обсуждения. Исторически КС вошел в этику через разработку ряда специальных проблем (в области био- и медицинской этики, бизнес-этики и т. п.). В настоящее же время область его использования в этике гораздо шире.

Применение метода кейс-стади в зарубежной науке и педагогической практике уже давно стало классическим. В отечественной литературе существует ряд весомых работ по данной проблеме. Наиболее существенными можно считать исследования и разработки такой группы авторов, как М. В. Киблицкая, И. К. Масалков и М. В. Сёмина. Отдельные интересные статьи опубликованы И. М. Козиной. В Киеве на русском языке издано пособие «Ситуационный анализ или анатомия Кейс-метода» под редакцией Ю. П. Сурмина. Указанные авторы опираются на использование кейс-стади в социальных науках. В статьях Е. Маргвелашвили и Е. Михайловой рассматривается его применение в менеджменте и экономике. Непосредственно кейс-стади как образовательной технологии посвящены исследования О. Г. Смоляниновой. Непосредственно КС в этике посвящены работы Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова, М. Д. Мартыновой и др.

Преимущества КС для этики заключаются в особом отношении к предмету исследования, а также в возможности рефлексии над самими методологическими основами этики.

Особенность КС заключается в том, что он может быть одновременно направлен на:

1. рассуждение об определенной проблеме теоретической (фундаментальной) этики;
2. работу в определенной области прикладной этики;
3. выработку навыков научного исследования морали.

При этом конкретное исследование с применением метода КС, как правило, бывает ориентировано только на одну из этих задач. В то же время, одна и та же ситуация может быть рассмотрена в рамках самых различных исследований.

Важно, что интерес специалиста-этика к ситуации может быть вы-

зван либо тем, что она провоцирует моральную оценку или этический комментарий, либо возможностью видеть в ситуации конфликт, столкновение, противоречие моральных обязанностей или ценностей. Что касается первого, то здесь содержание КС зависит от разнообразия моральных позиций и этических учений. Конфликты же (примем этот термин в качестве наиболее общего), которые лежат в основании ситуации, можно классифицировать следующим образом:

1. Конфликт индивидуального и надындивидуального (т. е. столкновение индивидуальных, личных ценностей, целей, счастья и т. п. с «высшими», универсальными ценностями: верой, долгом, идеалом и т. п.).

2. Межличностный конфликт (т. е. столкновение личных ценностей, целей, счастья с целями, ценностями и счастьем другого).

3. Конфликт моральных и неморальных мотивов, ценностей, целей и т. п. (например, прагматических, политических или религиозных).

КС в этике интересен тем, что, рассматривая уникальный случай, исследователь удерживает сложность предмета (ситуации), противопоставленную относительной содержательной простоте нормы и теории. Результаты КС не лишены характера всеобщности, но это вовсе не значит, что он предполагает дидактику.

Названная выше цель КС требует реализации следующих задач:

1) выявление морального аспекта ситуации;

2) этический анализ ситуации;

3) оценка преимуществ и недостатков использования тех или иных подходов к ситуации, предлагаемых моральными учениями.

Далее исследователь может отойти от КС и обратиться к той или иной содержательной проблеме этики. Однако КС может быть продолжен, и тогда в его рамках могут быть поставлены следующие задачи:

4) исследование возможности введения норм в поведение человека (здесь этика соприкасается с различными общественными науками – социологией, экономикой, психологией, менеджментом и т. п.);

5) исследование и обсуждение проблем, возникающих в связи с конкретными ситуациями вменения норм (например, недостатки существующих кодексов, ошибки в применении санкций, неоднозначные случаи и т. п.).

Работа в последних двух направлениях характерна для тех разделов этики, которые располагают разработанной и обоснованной системой норм для применения в конкретных ситуациях, т. е. для профессиональной и прикладной этики.

В целом, можно сказать, что КС – это обсуждение случая, требующее проблемной теоретической разработки. В КС первоначальным предметом интереса выступает именно ситуация, которая и остается самостоятельным объектом исследования, хотя оно и может привести к постановке и обсуждению общих проблем. КС далек от собственно научной

индукции, а также от доказательства правильности теоретических положений на основании фактов. Далее, КС берет случай во всем его многообразии, не сводя его описание к содержанию того или иного отвлеченного рассуждения. Наконец, обращение к ситуации в КС не ограничено целями исследования (для прикладной этики это верно с некоторыми ограничениями). Например, часто исследователь обращается к конкретным ситуациям для того, чтобы продемонстрировать применимость нормы к случаю, дать оценку положения дел или показать наличие морального конфликта. Для морали характерна также типологизация случаев, применяемая для объяснения, как следует поступать в каждом из них в отдельности. Т. к. обращение к случаю в КС не зависит от указанных целей, можно сказать, что он предусматривает возможность одновременной реализации их всех.

Разумеется, КС не всегда является лучшим методом и лучшей формой исследования. Иногда целесообразнее не только свести КС к анализу типичных ситуаций, но сформулировать моральную проблему и исследовать ее с теоретической точки зрения, прибегая при необходимости к отдельным примерам.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №16-03-00388а.

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В. Стратулат

В современном обществе насилие в семье является злободневной и достаточно распространенной проблемой. Множество исследований и статистических данных доказывают, что насилие в семье бытует в странах с различными социальными, экономическими, культурными и политическими системами. Для его предупреждения предпринимаются различные меры.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) всегда осуждал государства, в которых имеются случаи насилия в семье, при этом обращая внимание на те принципы, которые должны учитываться при идентификации случаев насилия в семье.

Насилие в семье представляет собой проблему, касающуюся сферы общественной жизни, и ее решение не может быть ограничено рамками частного проявления. Решения ЕСПЧ основаны на том, что государство несет ответственность за нарушения прав человека в частной сфере. На этой основе были определены обязанности государства в предотвращении нарушений прав человека в частных отношениях как между двумя личностями, так и в случаях выявления фактов насилия в семье. Такое насилие не может расцениваться как личная проблема из-за раз-

рушающего эффекта в отношении потерпевшего.

Насилие в семье является грубым нарушением прав человека. Этот принцип был основан на докладах специального представителя ООН по вопросам насилия в семье, сделанного в связи со случаями изуверского, бесчеловечного, унижительного отношения к женщинам. В них прямо указывалось, что государство несет ответственность за злодеяния проявленные по отношению к женщинам и детям в семье и обязано принять меры по незамедлительному решению по ситуации семейного насилия.

Насилие в семье равносильно жестокому, бесчеловечному и унижительному отношению к личности. Оно проявляется преимущественно по отношению к женщинам, и в этом значении его следует определять как форму половой дискриминации. Данный принцип отмечается и выделяется практически во всех решениях ЕСПЧ по данному профилю.

В случаях насилия в семье права агрессора не могут быть равны правам потерпевшего на жизнь, на умственную и на физическую целостность. Этот принцип был особо подчеркнут Европейским судом по правам человека. В нем отмечается, что принуждение агрессора к тому, чтобы он временно покинул общее жилье или нахолся вдали от жилища жертвы, правомерны. Право агрессора на собственность может быть ограничено в случае опасности для жизни и здоровья жертвы.

Так как большинство агрессоров свои действия мотивируют тем, что были вынуждены прибегнуть к насилию, поскольку жертва провоцировала конфликтную ситуацию, ЕСПЧ поясняет, что такой нормы как «подстрекательство к насилию» не существует, и само насилие в семье не может быть оправдано. В случаях проявления такого насилия государство обязано начать расследование, тщательно изучать ситуацию, а в случае, когда жертва забирает обратно свое заявление, государство обязано продолжить данное расследование. Отсутствие необходимых мер со стороны властей по защите жертв, неспособность помочь потерпевшим – есть проявление безответственности в отношении критического состояния личной и семейной жизни. Такое бездействие представляет собой нарушение принципа ЕСПЧ, согласно которому государство обязано защищать физическую и психологическую целостность личности, особенно в случае беспомощности жертвы. Государственные структуры, реализуют свои полномочия, обязаны принять необходимые меры для эффективной защиты личности в случаях семейного насилия.

Присутствие несовершеннолетних детей во время совершения насилия в семье представляет собой тяжелое правонарушение, относящееся к соблюдению права на частную жизнь и права детей на жилье. Несовершеннолетние дети, являющиеся свидетелями насильственных актов, сами становятся жертвами насилия в семье. Решения соответствующих государственных инстанций по принятию мер по защите прав детей должны быть выполнены неукоснительно, отказ со стороны жертвы от их инициирования не исключает исполнение.

Европейский суд по правам человека полагает, что истец оказывается особенно уязвимым в случае, когда не защищен в отношении агрессора, поэтому даже риск физического и психологического насилия над жертвой является явным и достаточным основанием для незамедлительного и быстрого реагирования со стороны властей.

ФЕНОМЕН ЭКСТАЗА: ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

М. В. Кизмирук

Этимология слова экстаз восходит к греческому *ekstasis*, что можно перевести как «нахождение во вне», «сдвиг / смещение». Вначале греческое слово *εκ-στασις* означало перемену места, после «быть-вне-себя», также телесные вывихи; как *εκστασις παντικη* (экстатическое) (прорицание), также и «быть помешанным». В латинском языке это переводится как *alienatio*, т.е. отчуждение от внешней действительности [6].

В понимании трансцендентного опыта данный термин преимущественно связывается именно с религиозной сферой жизни человека, и изначальная дефиниция отсылает нас к религиозной мистике как к объекту. Внешне данное состояние может проявляться в частичной или полной потере ориентации в пространстве, обмороках. Индивид, переживающий экстатическое состояние, не реагирует на внешние раздражители, «лицо его преисполнено сияния, как если бы он был перенесен в "райский сад"» [6].

Экстатические состояния могут возникать спонтанно без сознательной воли попадающего в него человека, оставаясь для него и его окружающей среды даже необъяснимыми. Но они могут также вызываться преднамеренно и сознательно. Суфии достигают их посредством танца, мистики посредством созерцания. Следует упомянуть, что, акцентируя внимание на религиозной мистике вообще, без конфессионального контекста, следует учитывать, что основные виды экстаза не всегда могут быть отделены друг от друга, но все же они различны. Таковыми являются шаманский, пророческий и мистический экстазы. Однако в дальнейшем мы отходим от общерелигиозных описаний феномена и переходим к христианской традиции, где экстаз воспринимается как мистический опыт.

Экстатические практики в христианстве начинают оформляться в традиции мистического богословия. Традиционно начало мистики, как целостной, самодостаточной религиозно-философской системы, связывают с периодом распространения идей неоплатонизма и раннего христианства на западе Европы и Ближнем Востоке [1].

Средневековая Европа занимала лидирующее положение среди ми-

стических традиций в силу специфики социально-культурной ситуации того времени. Это объясняется тем, что христианская духовная атмосфера господствовала как в личной, так и в общественной жизни, и, тем самым, определила форму социального протеста как религиозно-мистическую. Именно мистическая форма была наиболее приемлема для выражения идей и программ оппозиционных движений по отношению к существующим государственным структурам и к соответствующей идеологии [1].

Со времени Фомы Аквинского западными теологами экстатические состояния воспринимаются как совокупность религиозных практик соединения, которые определяют мистический опыт (*cognition dei experimentalis*) [3]. Мистика подразумевает совокупность различных учений о конечном преобразовании человека через прямой союз души с Богом путем созерцания и молитвы. Сам Фома Аквинский выделял три степени мистического экстаза: остановка внешних чувств; остановка внешних и внутренних чувств; созерцание божественной сущности, соединение с трансцендентным [5].

Э. Андерхилл в своих исследованиях по мистицизму, где описывает переживания многих христианских мистиков, расширяет модель переживания экстатических состояний до пяти ступеней: пробуждение самости, очищение самости, просветление самости, темная ночь души и объединяющая жизнь. Данная концепция хорошо соотносится с курсом мистических переживаний, описанных в трактате «Внутренний замок» Св. Терезой Авильской. Сам «Внутренний замок» представляет собой постепенное восхождение души индивида в его духовных практиках к высшим сферам бытия, где апофеозом жизни человека является мистический брак его души с Богом. Такой союз христианскими мистиками понимается и транслируется как вершина учения об обожении человека. Поэтапное восхождение и союз души с Божественным однако же не воспринимается как полное растворение в Нем, такая точка зрения осуждается и признается еретической [1].

Экстатические состояния при мистическом опыте установили модель западного сознания и духовного развития как такового. Практики христианского мистицизма задали методы саморефлексии и исследования внутренних областей сознания. На них основываются корни психологии, и еще в большей степени трансперсональной психологии.

Говоря о восточном богословии и его мистических традициях, следует сказать об практики исихазма, от греческого слова *hesychia* – «молчание», «тишина», «покой», «одинокство», «мир». Традиция исихазма отстаивало право полной реализации божественного спасения через личный опыт практикующего христианского аскета. Главной личностью в исихазме является афонский монах Григорий Палама (1296–1359 гг.) [1].

Учение Св. Григория Паламы было в свое время подвергнуто критике и даже считалось еретическим, в любом случае, на Востоке оно об-

суждалось значительно бурно, так же, как и развивалось. В спасении человека Палама предполагает действие Личного Бога. По его учению Бог вечно пребывает в неприступном свете, не покидая его, Он устремляется к человеку и объемлет его Своей Благодатью [1]. Главной целью является индивидуальный опыт, где происходит обновление индивида, его преобразования как внутреннее, так и телесное, физическое. Это всеохватывающее обновление «достигается не высвобождением каких-то природных энергий, присущих тварному бытию человека, но "энергиями" Самого Бога, который через них встречается с человеком, и объемлет его, и приемлет в общение с Собою» [2].

Стоит отметить, что в исихазме определяющим является не столько экстаз как выход в запредельные сферы, сколько постоянное ощущение присутствия в свое сердце Бога. Молитва выступает сердцевиной исихастского мистического опыта и составляет экзистенциальную предпосылку истинного познания, которое подразумевает вхождение в божественное бытие, сопричастие бытию [2].

Традиционно восхождение человека к богу представлено в исихической традиции тремя этапами. Первый этап знаменует отказ человека от всех страстей, его сознательное освобождение от них, от всех привязанностей к предметам и явлениям внешнего мира. Второй – знаменует подготовку человека к «очищению ума», его сосредоточению, освобождение от конкретного содержания (в особенности мысли о себе). На данном этапе необходимо стремиться к прекращению всякого чувственного восприятия, и практиковать введение ума внутрь себя, пытаться удерживать его там. Третий этап является заключительным: на нем человеческий разум, который достиг с Богом высших ступеней, сделав свой ум несмешанным и очищенным от чувственного восприятия, достигает истинного Разума – Бога. Однако достижение высшей точки богообщения является онтологическое преобразование человека, его обожение, а не прямое лицезрение божественного света.

Таким образом, ключевым принципом Богопознания в исихазме является алофатический метод, суть которого состоит в познании и признании непознаваемых основ всего сущего [1].

Как мы можем видеть, при различных экстазах речь идет о феноменах культуры, которые обретают их историческое и общественное значение и интерпретацию лишь посредством религий. Их нельзя редуцировать до биохимических процессов, поэтому и М. Элиаде говорит о техниках экстаза, к помощи которых прибегают шаманы и другие религиозные адепты, так как иначе не могут достичь недостижимое святое. Хотя означаемые экстазом состояния как средства и пути, которые должны ввести в эти состояния, не образует никакого удовлетворительного понятия того, что следует понимать под экстазом [4].

Литература и источники

1. Козлов, В. В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции / В. В. Козлов, В. В. Майков // Российский трансперсональный проект. – М., 2007. – С. 67–71.
2. Сидорова, У. Современная теория познания и мистический опыт исихазма / У. Сидорова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2005. – № 7 (47). – С. 243–245.
3. Пашковский, В. Э. Религиозно-мистические состояния как психиатрическая проблема / В. Э. Пашковский, И. М. Зислин // Социальная и клиническая психиатрия. – 2005. – № 1. – С. 81–88.
4. Элиаде, М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Пер. с англ / М. Элиаде. – Киев, 2000.
5. Aumann, J. Ecstasy (in Christian mysticism) / J. Aumann // New Catholic encyclopedia: 15 vol. – 2nd ed. – Washington, 2002. – Vol. 6. – P. 59–60.
6. Sharma, A. Ecstasy / A. Sharma // Encyclopedia of Religion: 14 vol. – 2nd ed. – USA, 2005. – Vol. 4. – P. 2678–2683.

3.4 Философские измерения художественной практики в национальном и глобальном контексте

ЛІТАРАТУРА ПРА ДУХОЎНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ЦАРКОЎНАГА І МІРСКАГО ЖЫЦЦЯ

Н. Л. Бахановіч

Мастацтва слова XIX ст. адлюстроўвае наяўнасць у беларускай і польскай інтэлектуальнай супольнасці незадаволенасці інстытутам царквы: па меры набліжэння да рубяжа вякоў грамадскія настроі заклапочанасці зніжэннем вагі рэлігіі і духавенства (Я. Баршчэўскі, І. Ходзька) паступова знікаюць, а ў літаратуры з'яўляецца вобраз чалавека на службе рэлігіі (у храме ці манастыры), які пазіцыянуецца як немэтазгодна абмежаваны ў сваім жыцці. У цэнтры ўвагі дадзенага даследавання знаходзяцца лаканічныя і разам з тым ёмістыя аповяданні «Спакуса» (1881), С. Жэрмскага і «Чарнічка» (1917). М. Гарэцкага, прысвечаныя выбару асобай духоўнага шляху – царкоўнага ці мірскага.

У цэнтры аповядання «Спакуса» С. Жэрмскага прадстаўлена адна раніца з жыцця дзевятнаццацігадовага чалавека, які нядаўна вярнуўся з Рыму. Там ён паспяхова скончыў духоўную семінарыю, але з-за маладога ўзросту не паспеў атрымаць сан святара, таму вярнуўся ў вёску да маці. Пакорлівы і набожны хлопец праўляў адданасць малітве з дзяцінства, што і прадвызначыла яго лёс. Зараз паводзіны героя па-ранейшаму вызначаюцца аскетызмам: ён спіць на падлозе ў маленькім вуглавым

пакойчыку, бесперастанку пасціцца, чытае лацінскія кнігі, носячы пад сутанай валасяніцу: «Если садился, то на самый краешек стула, словно боялся зацепиться за него сутаной в случае внезапного вознесения на небо, ходил на цыпочках, как будто на подошвах его сандалий были некие мистические проволочки, оберегающие от земного праха, изъяснялся неслыханно библейским языком, людей сторонился, при виде деревенских девушек шептал молитвы...» [1]. У такой татальнай аскезе відавочная непаўната пражывання чалавекам жыцця – нібы напалову ці ўвогуле на чвэрць.

Вясенняй раніцай па звычцы семінарыст, любуючыся прыгажосцю наваколля, накіроўваецца да нападўгнілой каплічкі ў полі. Паколькі С. Жэромскаму ўласціва ўспрымання свету праз прызму Боскага, рэлігійнае пачуццё аказваецца моцна звязаным з эстэтычным: «Вековые ели на вершине горы выступили из ночи неожиданно высокие и великолепные, точно славянские волхвы. На фоне прозрачной лазури их ветви были как руки, простертые навстречу грядущему солнцу» [1]. Вобраз жрацоў шматзначны: гэта прадстаўнікі старадаўняй рэлігійнай сістэмы нашых продкаў, якія першымі прыйшлі пакланіцца нованароджанаму Хрысту. С. Жэромскі паядноўвае светлагляд, які паўстаў з блізкасці чалавека да прыроды, з больш позняй сістэмай ведаў. Пад уздзеяннем веснавога прабуджэння прыроды герой перажывае штосьці падобнае да рэлігійнага экстазу: «Взор семинариста был обращен к восходу. Сердце источало слова молитвы, как источает смолу сосновая кора с приходом весны» [1]; «Его душа, казалось, унеслась с земли к стопам бога. Еще мгновение – и отверзятся его зеницы, он увидит лик предвечного» [1].

Аднак старанна створаная ў апавяданні ідылія адзінства чалавека і Бога раптоўна разбураецца ў момант, калі семінарыст падае ніц перад вобразам Хрыста ў капліцы. Пачутая песня вымушае спыніць малітву: на голас мужчыны адазвалася дзяўчына, затым, смеючыся і жартуючы, яны заспявалі разам. Ад гэтай дзіўнай музыкі флірту як увасаблення любові да жыцця і радасці існавання задрыжаў увесь лес, а разам з ім прабудзіўся і герой: «Слезы текут из-под опущенных век семинариста, в волнении ломает он руки... Непривычные слова, полные тоски и сердечного томления, слетают с его губ. Он обращает их к видению с заплаканными глазами, с длинными девичьими косами, которое выступает из какого-то грота и манит его взор. В душе поднимается неведомая, неодолимая сила, властная и ужасающе сладостная, и тянет его в широкие дали. Стихийное чувство свободы разметало пути и, как молодой конь, рвется в буйный бег...» [1]. Вобраз грота ва ўрыўку мае сімвалічнае значэнне месца правядзення пасвячэнняў, вяртання да вытокаў, духоўнага адраджэння – так аўтар сцвярджае сілу самога жыцця, вартага глыбокага пражывання.

Апавяданне «Чарнічка» М. Гарэцкага пачынаецца апісаннем

восеньскай нуды і шэрасці, у атмасферы якіх нават конь не хоча есці: «Спусціў ён галаву, звесіў вушы і не есць. Жмуток балотнага сена сіратліва рассыпаецца перад ім па ветру» [2, с. 137]. Жывёла стаіць у двары хаты, дзе спыніліся паабедаць дзве пасланыя збіраць восеньскую каляду манашкі, якія адрозніваюцца і ўзрастам, і характарам. Першая ўвабрала ў сябе набор класічных патрабаванняў: «Старэйшая, васпаватая, курносаая, утупіла вочы ў стол і не ўзімае іх з-пад чорнае наміткі. Слабенькая ружовая краска рэдзенька выступіла ў яе кропкамі і жылкамі на шчоках там, дзе ягадкі. Лыжку па лыжцы нясе яна паціху варыва і падстаўляе кусанік акуратна, каб не было капак на сталі» [2, с. 138]. На працягу твора гэтая адданая служка Бога падкрэслена выконвае царкоўныя прадпісанні і адпаведным чынам стараецца ўплываць на сваю «калегу». «Маладзейшая – смялей. Расчырванелася за ядою, з-пад змятае, злінялае намітачкі выбілася чорная жменька валасоў. Вусны пухлы і чырвоны. Зняцейку яна саромліва ўскіне часам чорныя бліскучыя вочы на маладога хлопца і зноў патупіцца» [2, с. 138]. Рэакцыі на небяспеку выкрадання каня разам з цягалай і калядой у сясцёр розныя: калі маладая выяўляе сваю асцярогу непасрэдна – праз страх пакарання, то старэйшая адказвае, згодна з ускладзенай на сябе функцыяй, – не хоча ўвесці чалавека ў грэх. Абураюць апошняю і разважанні гаспадыні аб прычынах ісці ў манастыр (для яе існуе адна агульнапрынятая падстава – вера), і згадка мужчыны, як «чарнічкі» ў полі спявалі песні, смяяліся і дурэлі (бо за працай ім можна толькі псалмы спяваць). Сястра зжылася з сацыяльнай роляй і адмаўляе ўсе натуральныя праявы жыцця, хоць пры глыбейшым разглядзе яны таксама ёсць нішто іншае як акт служэння Стваральніку.

Галоўным у апавяданні выступае супрацьпастаўленне мірскага і царкоўнага шляхоў духоўнага развіцця чалавека – выбару, з аднаго боку, жыхароў, з іншага – гасцей дома. Сямейная пара пазіцыянуецца як людзі ад самога жыцця: муж спрабуе размаўляць з сёстрамі асцярожна, але жарты ў яго атрымліваюцца лепей; жонка «села карміць дзіця, не саромліва, а з правам маці, разгарнуўшы цымяна-белыя грудзі» [2, с. 138]. Аскетызму манашак супрацьпастаўляецца натуральнасць і шчасце працягу роду звычайнымі людзьмі. Маладая маці добразычліва рэагуе і на мужчынскую цікавасць да маладых, прыгожых «чарнічак»: яна любіць і прымае жыццё ва ўсіх яго праявах.

Манашкам сумна, паколькі Каляды яшчэ вельмі далёка – гэта намёк на аднастайнасць і нецікавасць, панураць іх адасобленага жыцця. Старэйшая прыпадабняецца аўтарам да нежывой фігуры: «Шчупянецца і пачынае варушыць вуснамі, механічна і завучана шпэлчучы словы малітвы» [2, с. 140], або: «Як машынная цапка, з боку на бок ківаецца чарніца на "бядзе", калі то тое, то тое кола па чарце то праваліцца ў салюгу, то выскачыць на грудзі» [2, с. 139]. У «чарніцы» ж яшчэ бурліць сэрца – уласцівыя яе ўзросту думкі і жаданні: «У маладой, пад той

сціпласцю і нуднай лабожнасцю, усё штосьці мітусілася і іграла» [2, с. 139], а таксама: «Часам апошняя бліскавічка радаснай усмешкай прабяжыць па пухлых вуснах і зноў, яшчэ глыбей, захаваецца пад наўмыснай стродкасцю» [2, с. 130]. Меркаванне пісьменніка відавочнае: шлях духоўнага служэння ў манастыры варты павагі, аднак падпарадкаванне гатовай «норме» бязлігасна вынішчае ў чалавеку здольнасць быць шчаслівым у сваёй натуральнасці.

Абодва апавяданні паказваюць разважанні літаратараў на тэму шляхоў, якімі можна наблізіцца да Стваральніка: служэнне як прафесія блакіруе духоўную сутнасць чалавека, таму перавага аддаецца служэнню Богу самім жыццём, у тым ліку ў яго пачуццёвых і матэрыяльных праявах. Пісьменнікі карыстаюцца натуралістычнымі сродкамі: польскі – з мэтай апісання пераломных духоўных зменаў у героі, беларускі – для супрацьпастаўлення мірскага і манастырскага жыцця. Думкі ў аўтараў, відавочна, супадаюць, але лёс сваіх герояў яны вырашаюць па-рознаму: калі С. Жэромскі пакідае магчымай змену шляху, то для М. Гарэцкага такая перспектыва бачыцца даволі сумнеўнай.

Літаратура і крыніцы

1. Жеромский, С. Испытание / С. Жеромский // КнигоГид – портал о книгах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/252815-iskushenie/toread>. – Дата доступа: 24.03.2014.
2. Гарэцкі, М. Збор твораў: у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск, 1984. – Т. 1: Апавяданні.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ПОДХОД Д. АНДРЕЕВА

В. Л. Александров

Русский поэт и мистик Даниил Андреев задолго до появления термина «глобализация» предвидел неизбежность одноименных процессов. Поэтому в своем труде «Роза мира» он большую роль отводит анализу формирования предпосылок толерантности в глобализирующемся обществе. Единое информационное и социальное пространство поставит лицом к лицу людей с принципиально различными, часто несовместимыми ценностями, идеалами, убеждениями. Эта ситуация чревата как ростом межкультурной, межконфессиональной напряженности, конфликтности, так и потенциалом расширения пространства диалога и взаимного обогащения культур. Какая из этих тенденций перевесит – во многом зависит от эпистемологических оснований мировоззрений индивидов и общностей. Изложенный в «Розе мира» гносеологический плюрализм может служить примером глубокого и многоуровневого мировоззренческого

интеза.

Анализ гносеологических воззрений Д. Андреева показывает сочетание различных тезисов корреспондентской концепции истины («истина есть неискаженное отражение какого-либо объекта познания в нашем уме» [1, с. 23]), диалектической концепции (выделение истины абсолютной и относительной) и тезисов некоторых неклассических концепций истины (идеи восточных учений, «философии жизни» и русских религиозных философов о возможном тождестве субъекта и объекта познания при определенных условиях).

Одновременно Д. Андреев выдвигает ряд оригинальных гносеологических гипотез. Во-первых, это сочетание двух классификаций истин: деление их не только на абсолютные и относительные, но и на универсальные и частные, что в сумме дает четыре возможные комбинации видов знания. Абсолютная истина универсальная «есть достояние только всеведущего Субъекта» [1, с. 23], т. е. Бога. Абсолютная истина частная есть совершенное знание о каком-либо объекте при условии полного слияния субъекта с этим объектом (для монады – сотворенной Богом духовной бессмертной сущности – такое знание невозможно, например, пока она находится в таком ограниченном материальностью нашего слоя бытия, как человек или тем более животное). Относительная истина универсальная есть неполное, несовершенное знание о мире в целом. Таковы мифологические, религиозные, философские системы, ибо они претендуют – с разной степенью обоснованности – на предельно широкое, исчерпывающее описание и объяснение всей реальности. Наконец, относительные истины частные есть неполное, несовершенное знание о какой-либо части реальности индивидуальным или коллективным субъектом познания (верующими религиозной конфессии, представителями народа или государства, современниками эпохи или носителями цивилизации, сторонниками философского направления, художественной школы, научной теории и т. д.). По Д. Андрееву, «именно родственность многих объектов между собой обуславливает то, что родственны и их личные варианты той или иной истины» [1, с. 23]. Но, с другой стороны, разница условий и форм бытия прямо пропорционально влияет на невозможность понимания субъектами друг друга. Условно говоря, Аристотель мог знать, что Земля круглая и что она вращается вокруг Солнца, уже через пять минут после смерти (не исключено, что так же быстро эту истину знал даже его неграмотный раб), но характер материальности каждого слоя, в том числе материи как носителя разумного начала, может так сильно отличаться от материальности других слоев (например, нашего), что это знание Аристотель (и кто бы то ни было) не может передать воспринимающим сознаниям в тех образах и понятиях, к которым они привыкли в рамках существующего уровня развития коллективного разума. Поэтому для утверждения знания о шарообразности и вращении Земли человечество как коллективный субъект (вначале – в лице своих великих

ученых и мыслителей, а потом постепенно и остальных) вынуждено было пройти долгий путь в несколько тысячелетий от выдвигания данной гипотезы (в той же античности) до ее победы в научном, а затем массовом сознании. Тем более ни в каких образах и понятиях невозможна была бы передача знания об устройстве Вселенной на уровне астрономии и физики XX века даже величайшим из мыслителей и ученых предыдущего столетия, не говоря уже о давних временах.

Таким образом, согласно Д. Андрееву есть две линии познавательного прогресса: путь личного совершенствования, только ничтожным отрезком которого является обычная человеческая жизнь от рождения до смерти в нашем слое, и путь коллективного роста знания, когда субъектом выступает та или иная группа (от семьи и научного коллектива до человечества), каждая из которых движется в своих поисках истины с разной скоростью и по разным траекториям, пересечение которых задает как точки роста, так и точки конфликтов и противостояний. Именно поэтому у Д. Андреева, как и у Данте, большую роль играет описание посмертного существования сотен людей – правителей и полководцев, злодеев и святых, философов и художников, ибо их жизнь (включая познание и творчество) не просто продолжается, но тысячами нитей связана с жизнью людей «здесь и сейчас»: каждым поколением, народом, цивилизацией, всем человечеством. Это можно назвать вариантом ноосферной концепции Земли, трактуемой, конечно, не с узко материалистической точки зрения, но и не с позиций идеалистического империализма (Брахман веданты, Нирвана буддизма, Мировая воля А. Шопенгауэра, Единое Плотина), ибо в рамках последнего все отдельное, частное, индивидуальное, тем более змное и материальное, несправедливо игнорируется, оказываясь в конечном счете иллюзией.

Такая трактовка истины по Д. Андрееву влечет за собой существенные мировоззренческие выводы. Она позволяет в религиозной, философской, научной, политической, повседневно-бытовой сферах жизни так выстраивать познание и коммуникацию, что любые расхождения, различия во взглядах и убеждениях могут стать не источником противоборства (как это часто бывает), а полем для синергичного творчества во взаимно терпимых дискуссиях, а также импульсом для собственного совершенствования, исходя из понимания принципиальной ограниченности любой, в т. ч. собственной картины мира. Иначе говоря, каждый человек или группа должны чувствовать и понимать, что они в принципе могут быть неправы – в той или иной степени. Они должны быть стихийными «философами» – критически относиться не только к другим, но и к себе (что в истории получалось не всегда даже у самих философов). Но вместе с тем они должны быть по известной заповеди Христа детьми – доверчивыми и любознательными, открытыми миру. Продвижение от частных относительных истин к частным абсолютным, тем более к частным универсальным, может ускориться именно при таком широком подходе.

Сам Д. Андреев приводит несколько примеров развернутых рассуждений, которые потенциально позволяют примирить застарелые, казалось бы, неразрешимые антагонизмы: внутри- и межрелигиозные, философские, культурные. К таковым он относит псевдо-противоречия между единственностью и множественностью воплощений одного и того же существа, между монотеизмом и политеизмом, креационизмом и эволюционной теорией, материализмом и идеализмом, теизмом и пантеизмом. Для снятия подобных противоречий «не требуется ничего, кроме отказа каждой из сторон от претензий на универсальную исключительность своей идеи» [1, с. 25]. В познании общественной жизни (а значит, потенциально, и в ней самой) вполне преодолимы противоречия между глобализмом и патриотизмом, линейными и нелинейными трактовками истории, европоцентризмом и полицентризмом, телеологией и каузальностью, свободой воли и провиденциализмом, научно-техническим прогрессом и экологическим сознанием и поведением, экономическим достатком и жадностью духовного развития. В этом и философски, и социально-политически Д. Андреев выступает прямым наследником В. Соловьёва, для которого всеединство (в любой области) было не унификацией, усреднением и обеднением жизни, а наоборот, означало единство многого, расцвет разнообразия, полноту существования. Такая полнота и гносеологически, и практически может быть только многомерной, многослойной, многоуровневой. И наоборот, любое упрощение, уплощение, примитивизация сознания и жизни – печальный залог конфликтов, неизбежных в мире догматизма и фанатизма. Религиозный, политический и любой другой экстремизм – только следствие этой узости сознания, убогости психического уклада жизни. Концепция Д. Андреева в этом плане предстает как вариант иммунной интеллектуальной «прививки» от догматизации сознания и радикализации деятельности, независимо от форм их проявления.

Литература и источники

1. Андреев, Д. Роза мира / Д. Л. Андреев. – М., 1991.

МУЗЫКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Д. А. Байгина

Стремление к философскому осмыслению социальных значений музыки возникает на заре философии и сохраняется по сию пору. Источником такого внимания к музыке служит то, что на протяжении всей истории человечества музыка была неотъемлемой частью социальной жизни людей.

Будучи связана с эмоционально-волевой сферой личности, музыка участвует в процессе социальной коммуникации, обеспечивая сплочение коллектива и его совместное развитие. Влияя на эмоциональную сторону личности, музыка соотносится с ценностно-ориентационной системой человека, в силу чего музыкальные предпочтения служат выражением ценностных установок, а связи, возникающие на почве музыкальных предпочтений, базируются на общности ценностно-ориентационных систем представителей социальных групп.

Специфика музыки в том, что интервалы, звуковые последовательности и ритмические рисунки, не имея конкретных значений, тем не менее, вызывают у людей определенный спектр ощущений и чувств. По данным исследований этнических музыкальных традиций, в разнообразных культурах обнаруживаются подобию в гармоническом выражении таких чувств как радость, умиротворение, скорбь, страх и др. [1, с. 333–334]. Ритм и темп вызывают схожие ощущения относительно динамики и характера передаваемого музыкой движения у представителей самых различных культур. При обращении к звуковым символам обнаруживается их универсальный характер: к примеру, сирена или колокол-набат, сообщающие об опасности, имеют конкретное значение для жителей различных стран.

Хотя в музыке обнаруживаются универсальные закономерности, в ней находят выражение и специфические черты каждой отдельно взятой социальной общности. Будучи явлением динамичным, музыка отвечает изменениям, происходящим в обществе, и, при этом, являясь непосредственным их участником, опосредует движение социально значимых смыслов, представляя выражение содержательных, ценностных и мировоззренческих установок общества в определенный период времени. Музыка оказывает влияние на становление культурной среды, формируя вокруг себя коммуникативное пространство, в рамках которого осуществляется трансляция и усвоение общественно-значимых переживаний, а также удовлетворение потребностей духовной жизни людей.

На протяжении всей истории философии авторы обращались к анализу музыкальных феноменов. В античной философии разрабатывались вопросы этической значимости музыки, были предприняты первые попытки типологизации слушателей [2]. Общественное значение музыки определялось возможностью ее применения в процессах воспитания, образования и государственного управления, значительной особенностью музыки считалось ее влияние на ценностные ориентации личности [3, т. 4, с. 67]. Философы средневековья осуществили классификацию музыки, исходя из условий ее социального распространения и применения, чем предвосхитили современную жанровую теорию [4]. В трудах исследователей средневековья центральной функцией музыки считается коммуникация с трансцендентным. Однако в народной традиции была широко распространена развлекательная музыка, оказывающая сильнейшее

лияние на эмоциональную жизнь и осуществляющая консолидирующее и компенсаторное воздействие. Авторы Возрождения обратились к социальным аспектам музыки, осуществив описание разнообразных жанров народной и бытовой музыки в соответствии с их социальным использованием [5].

Начало XIX столетия ознаменовано началом становления отдельной области знания – философии музыки. Интерес в нем проявляется как онтологическим основаниям музыки, так и к ее социальным значениям; возникает герменевтика музыки. Уделяется внимание фигуре творца, возникает интерес к народному творчеству, в котором роль творца выполняет социальная общность; музыка понимается как универсальный язык души, посредством чувственно воспринимаемых художественных образов способный передать характер общества [6]. Обосновывается общечеловеческий характер музыки [7], а музыкальная ткань рассматривается как пространство взаимодействия всеобщего и индивидуального [8], акцент ставится на том, что музыка способна к более адекватному символическому выражению универсальных процессов бытия, нежели слово [9].

В XX веке развитие представлений об информационной специфике музыки осуществляется в рамках музыкальной семиотики и философии знания. Возникает теория интонации, центральная идея которой в том, что интонационное выражение эмоционального отношения к предмету предвосхищает знаковое. Интонация рассматривается как важнейшее средство общения и взаимодействия, а музыкальная интонация трактуется как «...осмысление звучания, принадлежащее конкретной социальной среде» (цит. по: [10]). В данной теории, основная задача музыки – организации человеческого общения. Исследуется музыкальная символика, в ходе чего формулируется идея недискурсивного (презентативного) характера музыкальных символов [11]. По сути, символическая система музыкальной коммуникации, не имея устойчивых значений, имеет большую свободу интерпретации, и способна передавать сложные динамические явления психической жизни человека. Осмысление музыкальных символов происходит интуитивно и возможно при соблюдении «психологической дистанции», когда субъективные переживания понимаются как всеобщие, тем объясняется универсальный характер музыкальных символов.

Представления о социальных значениях музыки развиваются с учетом роста информационных технологий и усложнения способов коммуникации. В социальной философии исследуются методы использования музыки в условиях становления массового общества: музыка рассматривается как инструмент пропаганды и манипуляции [12]. Обнаруживается связь в процессах аналитического преобразования принципов музыкального построения и рационализации всех сторон жизни современного западного общества [13].

Современность отмечена двусторонним процессом межнациональ-

ной интеграции и национального самоопределения. Музыка, будучи невербальным искусством, не требующим специального перевода, интернациональна по своей сути, при этом она в символической форме передает духовно-эмоциональный характер народа, что делает ее важным элементом сохранения и трансляции этнических особенностей.

Участвуя в процессе социальной коммуникации, музыка влияет на результаты самоидентификации, в результате которой человек рассматривает себя как часть определенной социальной общности (субкультуры), которая, существуя внутри общества, оказывает влияние на общественное развитие.

В течение многих столетий внимание философов обращено к социальным значениям музыки в попытке рассмотреть глубины ее влияния, возможности применения, в стремлении осмыслить музыку как способ общения, консолидирующую и мотивирующую силу, как звуковое отражение чувств и универсальных процессов природы и человека. Однако, многие вопросы все еще ждут ответа: почему для одних музыка – выражение ценностной ориентации, а для других – звуковое сопровождение; как формируются музыкальные предпочтения, как осуществляется музыкальная коммуникация, возникает ли в ее процессе новое знание; что переживают люди, коллективно погружаясь в транс в порыве музыкального восприятия и творчества; что означает совместное музыкальное творчество; и др.

Проведенный обзор позволяет нам утверждать, что музыка всегда была предметом исследования философских наук, и сегодня эвристический потенциал музыкального искусства как социального феномена огромен, в силу чего феномен музыки нуждается в дальнейшем философском осмыслении.

Литература и источники

1. Орлов, Г. Древо музыки / под ред. Л. Ковнацкой. – Washington; СПб., 2005.
2. Лосев, А. Ф. Комментарии к диалогам Платона / А. Ф. Лосев // Платон. Законы / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М., 1999.
3. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1983.
4. Лебедев, С. Н. Грокейо и Аристотель. Философские предпосылки трактата И. де Грокейо «О музыке» / С. Н. Лебедев // Старинная музыка в контексте современной культуры: проблемы интерпретации и источниковедения. Материалы музыковедческого конгресса. – М., 1989. – С. 253– 262.
5. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и возрождения / под ред. Н. Шахназарова и В. Шестакова. – М, 1966.
6. Одоевский, В. Ф. Музыкально-литературное наследие / В. Ф. Одоевский; под ред. Г. Б. Бернандт. – М., 1956.
7. Вагнер, Р. Избранные работы / Р. Вагнер // История эстетики в памятниках и документах. – М., 1978.

- . Шопенгауэр, А. О сущности музыки / А. Шопенгауэр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://opentextnn.ru/music/interpretation/?id=2431>. – Дата доступа: 18.03.2016.
- . Ницше, Ф. О музыке и слове / Ф. Ницше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/other/music-word/>. – Дата доступа: 8.03.2016.
0. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б. В. Асафьев. – М., 1971.
1. Лангер, С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер; под ред. В. П. Шестакова. – М., 2000.
2. Адорно, Т. Избранное. Социология музыки / Т. Адорно; сост. С. Я. Левит, Ю. Хурумов. – М., 2008.
3. Вебер, М. Избранное. Образ общества. Рациональные и социологические основания музыки / М. Вебер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebobr/06.php. – Дата доступа: 8.03.2016.

МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ А. К. ГЛАЗУНОВА КАК «ФИЛОСОФИЯ ЦЕННОСТЕЙ»

Т. И. Чупихина

Исторический период, о котором пойдет речь, представляется нам важнейшим этапом в развитии русской музыкальной мысли и художественной культуры, где основанием послужили национальная, а также общечеловеческая духовная ценности. Именно в XIX веке русская музыкальная культура формируется как целое, вбирающее в себя единство важнейших жизненно полагающих принципов развития. Как русская мысль, «прорастающая» русской философией представляет собой культурно-историческую целостность, так и русское музыкальное искусство второй половины XIX столетия при всей своей мозаичности и многоцветии выразило целостность самой эпохи, являясь итогом самопознания, отражая важнейшую веху в истории России.

Великим мастером этого искусства был А. К. Глазунов. Его зрелый духовно-предметный опыт превратил жизнь в искусстве в самостроительство, а творческую фантазию в активное созидательное действие. Ибо его музыкальная философия сумела вместить в себя то, что он открыл для себя в духовном и жизненном опыте.

Аксиологическая проблема взаимоотношения добра, истины, красоты считается одной из центральных проблем в музыкальной философии второй половины XIX – начала XX вв. Русские музыканты настаивали на этом тождестве – «аксиологической троице», по В. С. Соловьёву. Она оставалась для них принципиально важной в противовес существовавшим тогда писаревской концепции, жертвовавшей красотой во имя

справедливости, истины, и леонтьевской, приносимой добро и истину в жертву красоте. Искание добра, согласно Н.О. Лосскому, ведет к признанию высокой ценности всякой личности [4, с. 46].

Русская музыка шла за идеалами народности и демократизма; она открыто выступала за высокий гуманизм, содержательность и правдивость. Нравственные искания русских композиторов были неотделимы от религиозных переживаний. По словам Н. П. Ильина, «настоящий философ, мысля последовательно, должен утверждать необходимость такого же самопознания и для своего народа» [1, с. 67]. «Если нет и не может быть русской национальной философии, – продолжает он, – то нет и не может быть русского национального самосознания, ибо философия, в отличие от знания предметов, есть именно самознание целого духа» [1, с. 22–23].

Творчество художника заложило основу для формирования «философии ценностей», где основными идеями были добро, красота, любовь, надежда, истина, гармония, вера. Эти категории являются, в принципе, геномом русской музыкальной культуры, так как они сформировали мировоззренческие универсалии. Искание абсолютного добра, – писал Н. О. Лосский, – свойственно русскому народу, ведет к признанию высокой ценности и значимости всякой личности [3, с. 41]. Музыке Глазунова удалось достучаться до человеческого сердца и превратиться в «язык души». Именно в его музыкальной философии наиболее полно выражается «душа народа», судьба России. Творчество А. К. Глазунова незримо выявляет, быть может, самую существенную черту российского менталитета – наличие софийной духовной «вертикали», которую можно трактовать с помощью двух моментов: любовь к человеку – и есть объединяющее начало, почитание традиций, пришедших к нам от наших пращуров, культ Матери-Земли. София по-глазуновски – это предвечный божественный замысел; соборный дух в его произведениях – это не эмпирическое бытие, а сверхэмпирическая реальность. Соборные начала в его трактовке есть способ взаимодействия двух планов бытия – земного и небесного.

В сочинениях композитора мы ощущаем мучительный поиск истины и смысла жизни, торжество гуманистических устоев. Национальное «зерно» произведений Глазунова включает выразительное мелосное и логосное начало. Он удачно соединил в своем творчестве элементы народного фольклора: былины, сказания, песнопения.

Рассматривая музыку и философию в неразрывном единстве, рассуждая о специфике музыкального искусства, приведем в доказательство откровенные слова А. Ф. Лосева: «Я начинаю понимать философа только тогда, когда знаю, какая музыка ему современна» [2, с. 212]. Следовательно, феномен глазуновской музыки состоит в том, что она с поразительной силой раскрыла базовые компоненты национального менталитета, с величайшей точностью подчеркнула русскую идею, на внушитель-

ую высоту подняла национальное самопознание русского человека, национальный русский характер, с неумолимой силой, верой и правдой воспроизвела и объяснила существующий мир в понятиях как истинная философия в звуках.

Отечественному музыковедению известна шкала ценностей, разработанная советским музыковедом Т. Чередниченко, которая, по сути, применима при оценке абсолютно любой профессиональной музыки. И поскольку музыка А. К. Глазунова обладает эстетической значимостью и известной автономией в мировом музыкальном пространстве, то к ней акже подходит известный квадрат ценностей, который определяется следующим образом: 1) позитивность, 2) крупность, 3) оригинальность, 4) полнота выражения. Если первые два критериальных значения уходят в сторону этики, то два последних ближе эстетической сфере. Проводя рассуждения с точки зрения аксиологической шкалы, мы под позитивностью в музыке художника понимаем добро и благо для человека. Крупность русской музыки, широта тематики, ее человекосохраняющие и человекозидательные ценности, возвышающие простые людские события до уровня высшего смысла бытия, связаны со значимостью и значительностью и ее местом в мировой истории. Оригинальность музыкального творчества А. К. Глазунова связана, прежде всего, с нестандартностью и вежей подачей идей, новизной и эвристическим началом творческого поиска композиторов, которая высвечивает необычность и живость восприятия эпохи Золотого века в русской культуре. Гиперпрессия, или максимальная полнота выражений, его музыки показывает тот предел, предель которого симфония, камерные опусы или балет входят органично нашу человеческую жизнь и становятся ее неотъемлемой частью, формируя в нас все лучшее и светлое, побуждая нас на добрые деяния.

Духовные начала в музыке великого русского композитора есть самое ценное достояние отечественной культуры, «мерило мерил», по которым живет русский народ. И это, на наш взгляд, тоже философия, но только еще более глубокая и сакральная, словом – настоящая. Ведь в ней присутствует та философическая, мировоззренческая, христианская доминанта, благодаря которой мир до сих пор говорит и спорит о загадочной русской душе, которую порой нельзя понять, но через «мелос» и «логос» можно распознать, почувствовать и оценить по достоинству.

Литература и источники

- Ильин, Н. П. Трагедия русской философии / Н. П. Ильин. – М., 2008.
- Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М., 1991.
- Лосский, П. О. Мир как осуществление красоты: Основы эстетики / П. О. Лосский. – М., 1998.
- Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX–XX веков. Сост. О. В. Селин. – М., 2010.

ОБРАЗЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА В СОВРЕМЕННЫХ МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ: В ПОИСКАХ НОВОГО

Е. А. Цымбялюк

Система общего музыкального образования в Беларуси и на просторах СНГ характеризуется, во-первых, мультикультурностью, стремлением соединить музыкальные образцы разных эпох, направлений, стилей и жанров в рамках единого мировоззренческого посыла, во-вторых, широтой прочтения музыкального искусства, раскрывающей все многообразие его функционального назначения, в-третьих, полихудожественностью, единением традиционных форм музыкально-познавательной деятельности с иными видами творчества с целью осмысления созвучности выразительных средств временных, пластических и пространственно-временных способов художественного отражения мира. Обозначенные тенденции находят предметное воплощение в ряде музыкально-образовательных концепций: жанрово-стилевой, развивающей, социокультурной, национально ориентированной, – актуальность и практическая значимость которых подтверждена многолетней практикой и потому заслуживает методологического осмысления.

Преподавание музыки на принципах развивающего обучения в современном понимании предполагает обращение воспитанников к «природе явления» (Л. В. Школяр) в музыке, т. е. к жизненным истокам художественных музыкальных средств и конкретных жанров посредством разнообразных методов: мысленного экспериментирования, исполнительского творчества как конкретизации определенного эмоционального состояния в языке музыки, а также посредством триединства основных видов музыкальной деятельности – композиторской, исполнительской, слушательской. Суть развивающего обучения мыслится как воспроизведение ребенком процесса рождения музыки, возвышающего учебную музыкальную деятельность школьника на уровень философского осмысления искусства [1, с. 105–118].

Социокультурная концепция содержания и методов общего музыкального образования видит своими основными задачами формирование целостного взгляда на мир, в основе которого лежит понимание взаимосвязи истории, человеческого бытия, духовной жизни и искусства. В этой связи темами музыкальных занятий становятся проблемы нравственности, мировоззренческие идеи, категории, характеризующие художественную культуру в целом – композиция, контраст, образ, драматургия и т.п., ведущими методами преподавания – музыкальная и художественная импровизация, театрализация, перевод художественного сообщения с языка одного искусства на язык другого, анализ воспитанником собственного эмоционального состояния и художественных впечатлений [2,

. 7–12] [3, с. 5] [4, с. 10–25] [5, с. 13–20] [6, с. 2–10].

Беларусь вступает в полосу реформирования школьного, в том числе музыкального образования. Анализ теории и практики последнего позволяет заключить, что при адаптации к белорусской школе одной из уже существующих музыкально-образовательных концепций либо при разработке новой системы музыкального образования желательно опираться на следующие принципы:

– принцип мировоззренческого подхода к музыкальному искусству, имеющий в виду трансляцию отношения к музыке как к источнику позитивного и гармоничного отношения к миру и человеку;

– принцип эстетического подхода к музыкальному искусству, предполагающий оценку любого явления музыкальной культуры с позиции красивого, прекрасного и соразмерного;

– принцип адаптивности, т.е. применимости музыкально-образовательной концепции в школах разных регионов страны, отличающихся этнокультурными традициями, понятийными и художественными особенностями языка, нюансами взаимоотношений субъектов образовательного процесса, региональными особенностями развития музыкальной культуры;

– принцип рефлексивной направленности как сознательного стимулирования у педагога и ученика потребности в оценке собственного музыкального творчества и результатов личной познавательной деятельности;

– принцип опоры на специфику музыкального восприятия-мышления [7, с. 217–220], сочетающего аккумулированный в определенной культурной традиции опыт понимания музыки, личную способность школьника проникать в семантическое поле произведения, потенциальную художественную ценность произведения, а также специфические факторы восприятия искусства;

– принцип опоры в оценке музыкального развития учащихся на степень освоения последними художественной картины в музыке как синтеза всечеловеческого духовного потенциала, национального менталитета, творческого почерка отдельного музыканта и художественного тия эпохи.

Литература и источники

. Музыкальное образование в школе: Учеб. пособие для студ. муз. фак. и отд. высш. и сред. ред. учеб. заведений / Л. А. Школяр, В. А. Школяр, Л. Л. Критская [и др.]; под ред. Л.В. Школяр. – М., 2001.

. Букатов, В. М. Театральные технологии в гуманизации процесса обучения школьников. Автореферат дис... д-ра пед. наук / В.М. Букатов. – М., 2001.

. Кабкова, Е. П. Формирование обобщенных художественных представлений младших школьников в процессе восприятия произведений разных видов искусства. Автореферат дис... канд. пед. наук / Е.П. Кабкова. – М., 1991.

4. Терентьева, Н. А. Художественно-творческое развитие младших школьников на уроках музыки в процессе целостного восприятия различных видов искусства / Н. А. Терентьева. – М., 1990.
5. Довгун, Е. В. Интеграция предметов гуманитарно-эстетического цикла в системе развития личности учащихся: Метод. рекомендации / Е. В. Довгун, О. В. Слободчикова. – Минск, 2004.
6. Юдина, Е. И. Мой первый учебник по музыке и творчеству / Е. И. Юдина // Азбука музыкально-творческого саморазвития. – М., 1997.
7. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика: Учеб. пособие для студ. муз. фак. высш. пед. учеб. заведений / Д. К. Кирнарская, Н. И. Киященко, К. В. Тарасова др.]; под ред. Г. М. Цыпина. – М., 2003.

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ
Сборник трудов по материалам
Международной научной конференции «Философское знание
и вызовы цивилизационного развития»,
Республика Беларусь, г. Минск, 21–22 апреля 2016 года

Ответственный за выпуск *С. А. Мякчило*
Технический редактор *В. Г. Гавриленко*

Подписано в печать 28.07.2017 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная
Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 25,8 Уч.изд.л. 26,4
Тираж 90 экз. Заказ № 2418

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2
Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tul.by; pravo642@gmail.com Отпечатано на издательской системе
KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185